

Память сердца

Воспоминания
жителей МО Пискаревка
о Великой Отечественной войне
1941 – 1945 годов

Книга пятая

Санкт-Петербург
2011

**Интернет-проект «Память сердца»
размещен на официальном Интернет-сайте муниципального образования
муниципальный округ Пискаревка по адресу:
www.mo-piskarevka.spb.ru**

**При реализации проекта (издание книги «Память сердца»)
были использованы средства Гранта,
предоставленного фондом «Русский мир»**

Особая благодарность за помощь в издании книги:

Ишутину Алексею Ивановичу,
члену политсовета Санкт-Петербургского отделения, председателю политсовета
Калининского районного отделения политической партии «Единая Россия»;

Марусенко Татьяне Николаевне,
директору государственного образовательного учреждения
дополнительного образования детей Дом детского и юношеского творчества
Калининского района за предоставленные детские рисунки;

Никонову Вячеславу Алексеевичу
президенту фондов «Политика», «Единство во имя России»,
исполнительному директору фонда «Русский мир»;

Шубареву Валерию Антоновичу,
генеральному директору ОАО «Авангард».

Память сердца. Воспоминания жителей МО Пискаревка о Великой Отечественной войне
1941–1945 годов. Книга пятая. — СПб.: НИКА, 2011 — 256 с. с ил.

ISBN 978-5-98220-042-X

© Местная администрация муниципального образования
МО Пискаревка, 2011.

*...Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.*

*Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.*

*Пускай всегда годину ту
На память нам приводит
И первый снег, и рожь в цвету,
Когда под ветром ходит.*

*И каждый дом, и каждый сад
В ряду — большой и малый.
И дня восход и дня закат
Над темным лесом — алый.*

*Пускай во всем, чем жизнь полна,
Во всем, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было.*

*Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколения.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье — не в забвеньи!*

Александр Твардовский

Дорогие друзья!

В этом году издание нашей книги «Память сердца» отмечает первый маленький юбилей — пятилетие. Вышел в свет 5-й том, посвященный 70-летию начала Великой Отечественной войны, продолжающий публикацию воспоминаний ветеранов-блокадников и фронтовиков. Кроме того, эстафету старшего поколения подхватила молодежь — в книге представлены рассказы детей, внуков и даже правнуков. Теперь юным предстоит хранить память о тех, кто защищал и спас нашу Родину, потерял своих близких, кто пережил ужасы войны, блокады, плена, оккупации и тяготы восстановления разрушенной страны в послевоенные годы.

Вызывает чувство радости и гордости факт, что книга «Память сердца» вышла за пределы муниципального округа Пискаревка и разошлась по стране. 5-й том издается на трех языках, так как уже сейчас книга вызывает большой интерес. Ее ждут музеи и библиотеки разных регионов России и различных государств, в частности Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе, военно-исторические музеи Германии, Польши, США и другие.

Сожалеем, что не удалось поместить в книгу все собранные воспоминания и материалы

из-за их большого количества и превышения допустимого объема. Но это означает лишь то, что мы продолжим их публиковать!

Мы благодарим всех, кто помог в сборе материала для создания книги, в его обработке и публикации. И, конечно, мы искренне, признательны ветеранам, которым тяжело было снова погружаться в мир страшных воспоминаний и горьких утрат. Но они это сделали — ради того, чтобы сохранить память.

Книгу «Память сердца», которую вы держите в руках, местами читать непросто — страшно... Но это — реальная жизнь и неприукрашенная история.

Наберитесь мужества: прочитайте! Отдайте дань светлой памяти всех, кто не дожил до сегодняшнего дня. Склоните голову перед неугасаемым духом живущих ныне ветеранов Великой Отечественной войны. И сделайте все, что только можно, каждый на своем месте, чтобы это не случилось снова.

*Вера Владимировна Сергеева,
глава муниципального округа Пискаревка;
ветераны Великой Отечественной войны
муниципального округа Пискаревка*

ЧЕРНЫХ
Андрей Николаевич
 депутат Законодательного Собрания
 Санкт-Петербурга

Уважаемые читатели!

Дорогие ленинградцы и петербуржцы!

Вы держите в руках пятый выпуск книги «Память сердца». Это уникальный сборник, посвященный неопределимому подвигу людей, которые в тяжелейшие дни Великой Отечественной войны, в страшные 900 дней блокады Ленинграда не щадили своих сил и жизней во имя будущего.

Среди ленинградцев, петербуржцев нет такой семьи, которая не потеряла в Великую Отечественную войну дорогих и близких людей. К сожалению, время неумолимо, и с каждым годом все меньше остается среди нас тех, кто способен рассказать о самых печальных и трагических вехах нашей истории. В этой книге собраны глубоко личные воспоминания ленинградцев — участников войны, героев, победителей, чей подвиг и через столетия останется ярким символом неслышимого мужества и стойкости и не померкнет в памяти благодарных поколений.

Несмотря на все тяготы, выпавшие на долю наших соотечественников, они сумели отсто-

ять свободу нашей Родины, сберечь и сохранить для потомков один из самых прекрасных городов — Петербург.

Книга «Память сердца» — это подлинные страницы нашей истории, это боль и память настоящих героев, которые сегодня являются образцом истинного патриотизма и благородства и служат примером для молодого поколения. Потому так важно, чтобы эти воспоминания были сохранены.

Сегодня каждый из нас, живущих в России, в Санкт-Петербурге, находится в неоплатном долгу перед этими людьми. Нет слов, чтобы выразить благодарность за тот подвиг, который был совершен ленинградцами.

Желаю вам крепкого здоровья, бодрости духа и успехов во всех начинаниях!

Память сердца

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич

президент фондов «Политика»,
«Единство во имя России», исполнительный
директор фонда «Русский мир»,
главный редактор журнала «Стратегия
России», декан факультета государственного
управления МГУ

Уважаемые читатели!

Дорогие друзья!

Семьдесят лет назад началась Великая Отечественная война, самая страшная из всех войн, которые пережила наша страна. В жестокой борьбе с фашизмом СССР и его союзники отстояли наше право на жизнь, родину и свободу, подарили нам Великую Победу, которую каждой весной отмечает наш многомиллионный Русский мир.

Мы с благодарностью храним память о войне и низко кланяемся вдохновенному подвигу наших соотечественников, которые вынесли на себе всю тяжесть военных лет! Мы безмерно признательны ветеранам! Мы всегда будем помнить тех, кто ковал эту победу в тылу, кто ждал и верил в нее!

Это наш долг и веление наших сердец.

Нам дорога память о Великой Отечественной войне и Победе, ценны рассказы тех, кто сражался за нашу родину, живые свидетельства героической истории. Но, к сожалению,

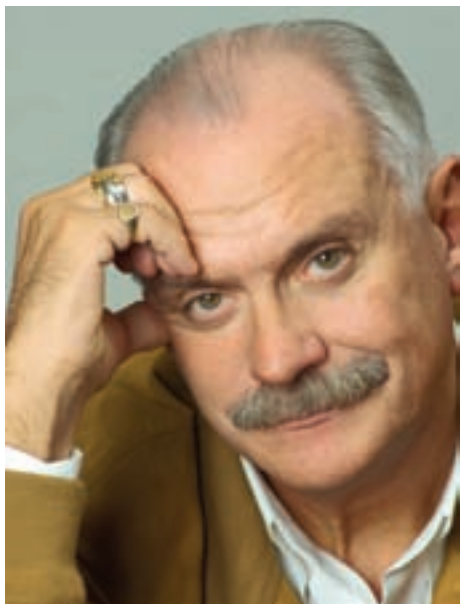
победителей с каждым годом становится все меньше, уходят дорогие ветераны. Поэтому так важно сохранить их воспоминания, донести летопись мужества и беспримерной стойкости до будущих поколений.

Память наших сердец не гаснет: от отцов она передается детям. Теперь уже и они рассказывают нам на страницах пятой книги «Память сердца» о судьбах героев, отмеченных печатью военных лет. Пусть же не прерывается эта связь поколений! Пусть живет наша благодарная память!

Желаю всем ветеранам Великой Отечественной войны мира, здоровья и долголетия, а молодым — гордиться доблестью предков и беречь память об их великом подвиге!

Память сердца

МИХАЛКОВ
Никита Сергеевич
 актер, режиссер,
 общественный деятель,
 президент Российского фонда культуры

Дорогие друзья!

В Великой Отечественной войне был совершен народный подвиг Победы, после которой наша страна, в очередной раз рывком преодолев экономическую разруху, первой освоила космос. Память о героической Победе объединяет наше общество и способствует возникновению радости единства нации.

Россия — это огромная территория, над которой ты можешь лететь на самолете в течение восьми часов, в то время как под крылом твоего самолета говорят на одном и том же языке — на русском. Это — наша родина!

Нам нужно национальное ощущение корневой системы, которое возможно, только если современное поколение будет знать свою историю, полную примеров героизма и силы духа нашего народа. Мы должны поверить в нашу Россию, укрепить дух нации, восстановить позитивный образ страны во всем мире.

Поэтому я от всей души приветствую выпуск книги «Память сердца». Это конкретная, регулярная и уже, можно сказать, многолетняя работа муниципального округа Пискаревка по патриотическому воспитанию россиян. Ведь если мы не будем предпринимать активные действия, то, сколько бы мы не говорили о патри-

отическом воспитании, этого воспитания не будет, не будет ощущения единения нации.

В дни, когда осуществляются активные попытки переписать историю и нивелировать заслуги и роль нашего народа в победе над «коричневой чумой», такие книги честных воспоминаний ветеранов крайне важны.

Книга «Память сердца» пополняет и конкретизирует наши знания о войне и блокаде, она напоминает о важнейшем условии существования государства — народном единстве: были бы разобщены, не победили бы столь организованного и технически оснащенного врага. Надеюсь, это напоминание будет услышано и воспринято. Ведь неужели для того, чтобы объединиться, нам нужна еще одна Великая Отечественная война?! Непристойно оставаться сегодня в долгу у Германии, которую мы победили в страшной войне с невероятными жертвами. А ведь мы живем хуже, чем наши побежденные противники!

Пора осознать себя единым русским народом и, засучив рукава, взяться за работу. И снова одержать победу за свое Отечество и его светлое будущее, как это сделали наши деды и прадеды в 1945-м.

Память сердца

КУЛАКОВ Владимир Федорович

генерал-полковник,
председатель Комиссии Совета Федерации
по контролю за обеспечением деятельности
Совета Федерации, член Комиссии Совета
Федерации по регламенту и организации
парламентской деятельности

Уважаемые читатели!

Искренне рад, что могу обратиться к Вам со страниц замечательного издания «Память сердца». В этом году мы вспоминаем трагическую для нашего народа дату — 70 лет с начала Великой Отечественной войны. Войны, унесшей миллионы жизней, беспощадной и жестокой, коснувшейся каждого человека. И наша Великая Победа в этой войне свидетельствует всему миру о величии советского народа и «русского» солдата, о мужестве ленинградцев, переживших самую страшную в мировой истории блокаду.

Мы знаем, какую огромную роль сыграли петербуржцы в Великой Отечественной войне и низко склоняем головы перед их подвигом. Ныне ветераны-блокадники и фронтовики, оборонявшие рубежи города, живут не только в Санкт-Петербурге, но и по всей стране, вплоть до ее северо-восточной окраины. Наш общий долг — не только помнить павших, но и всемерно заботиться о выживших и ныне здравствующих, а также сохранять живую память о событиях тех лет.

Мою семью тоже коснулась общая беда. Мой отец — фронтовик, прошедший всю войну.

Я сам — потомственный военный, учился в Ленинграде и служил в Ленинградском военном округе на офицерских должностях, в том числе в войсковой части на территории Пискаревки. Мне дорог этот город, пропитанный славой многих поколений, я восхищаюсь красотами архитектуры и Невы, с огромнейшим уважением отношусь к жителям Санкт-Петербурга, отличающимся силой духа и интеллигентностью.

Обращаюсь со словами благодарности к руководству муниципального округа Пискаревка, редакторскому коллективу книги «Память сердца». Вы делаете большую и очень важную работу, и это не только память и отдача долга нашим отцам и дедам, которым мы, безусловно, признательны и благодарны, это еще и забота о завтрашнем дне нашей Родины, и помощь в воспитании подрастающего поколения — от Санкт-Петербурга до Магадана.

Книга «Память сердца» за четыре года издания стала известной не только в Санкт-Петербурге, но и за его пределами. Попала она и к нам в Магадан, как подарок от председателя муниципального совета Пискаревка В. В. Сергеевой курсантам Магаданского военного спортивно-технического клуба «Подвиг».

Несколько слов о самом клубе: он создан в столице Колымы в 1978 году, за 33 года школу «Подвига» прошли свыше семи тысяч подростков. Организация по праву считается одной и старейших и наиболее передовых в России. Особенность и отличие клуба «Подвиг» от других молодежных объединений в его разнопрофильности. Здесь есть почти все, что привлекает внимание будущего мужчины в отрочестве. Курсанты прыгают с парашютом, летают на парапланах, управляют квадроциклами, занимаются спортом, поют, играют на ложках, изучают английский язык, ходят в походы (пешком и на лыжах), путешествуют (побывали не только во всех уголках бывшего СССР, но и на Кубе, ежегодно — в странах, соседствующих с Магаданской областью: Китае, Америке и Южной Корее). Дважды в год по 70 курсантов вылетают самолетами военной авиации на учебные военно-спортивные сборы в Приморский и Хабаровский края, где в течение двух месяцев прыгают с парашютом, управляют танками и БМП, стреляют на армейских полигонах из разных видов оружия, изучают рукопашный бой, приемы обращения с оружием.

Через дорогу от клуба «Подвиг» построен картодром, где проходят занятия картингистов, мотоциклистов, автомобилистов и парапланеристов. На прилегающей территории — Набережной реки Магаданки — силами подвиговцев создан уникальный музей военной техники

и авиации под открытым небом: три самолета, вертолет, несколько танков и бронемашин, зенитные орудия, пушки и корабельные орудия, ракеты «земля-воздух», радиолокационный комплекс и т.д. Здесь же находится усложненная полоса препятствий, спортивные и парашютные тренажеры, рейнские колеса. И главная гордость курсантов — Мемориал погибшим авиаторам, полное название — памятник летчикам Первой ордена Боевого Красного Знамени

перегоночной авиадивизии ГВФ, созданный по итогам поисковой работы курсантов собственными руками. В 1999 году Мемориал получил статус памятника, охраняемого государством.

В клубе бережно собирают документальные материалы о войне (в частности о деятельности авиатрассы «Ал-Сиб») и воспоминания ветеранов. Курсанты дружат и тесно работают с областным Советом ветеранов и местным отделением Всероссийской организации «Боевое братство». Книга «Память сердца» оказалась в магаданском «Подвиге» как нельзя кстати, поскольку стала для курсантов подспорьем в изучении истории Великой Отечественной войны и поисковой работе, по итогам которой здесь были созданы экспозиции и написаны книги, переданные в различные музеи мира.

Книгу «Память сердца», изданную и переданную нам муниципальным советом округа Пискаревка, с большим интересом читали не только подростки, но и магаданские блокадники, для них это стало своего рода культурным событием, позволило приобщиться к рассказам земляков, всколыхнуло их собственные воспоминания. Дело в том, что суровые ветры советской истории разметали ленинградцев-блокадников и участников обороны Ленин-

града по всему свету, живут они и на Колыме. Здесь есть городская общественная организация ленинградцев-блокадников. В дни празднования 65-летия со дня полного снятия блокады Ленинграда их было тридцать два человека, а на сегодняшний день — менее двадцати.

Блокадников — жителей и защитников города на Неве — в Магадане не оставляют без внимания. Им вручаются памятные подарки, для них проводятся торжественные мероприятия, вечера встреч с курсантами и учащимися, в честь годовщин снятия блокады в колымском небе вспыхивают фейерверки, а в дни празднования снятия блокады Ленинграда магаданские ветераны-блокадники ездят в Санкт-Петербург для участия в торжествах — церемониях возложения венков к памятным местам и захоронениям, форуме ветеранов-защитников, труженников и жителей блокадного Ленинграда.

От имени магаданских курсантов и ветеранов-блокадников шлём большой привет жителям Санкт-Петербурга, который соединяет с Магаданом 59-я параллель, а также память и тепло наших сердец!

Надеемся, 5-й том книги «Память сердца» будет не последним, и работа по сбору и сохранению документальных свидетельств

в МО Пискаревка продолжится. Это важно и нужно и для тех, кто пережил тяжелые годы военного лихолетья, и для современной молодежи, которая в XXI веке воспитывается на их героическом примере.

*Владислав Сергеевич Акользин,
начальник Магаданского военно-спортивно-технического клуба «Подвиг»
(www.podvig.magadan.ru),
депутат Магаданской городской Думы V созыва,
Почетный работник сферы
молодежной политики,
Почетный гражданин города Магадана*

Как это началось

На телевизионных каналах и в других средствах массовой информации развертываются жаркие дискуссии о подвиге нашего народа, одержавшего Великую Победу во Второй мировой войне, о цифрах наших потерь, о трагедии наших воинов, оказавшихся в плену, о заградотрядах и штрафбатах, об искусстве полководцев, о роли И. В. Сталина не только в Великой Отечественной войне, но и в предшествующий период. Сколько сегодня делается кино- и видеофильмов, радиопередач, произносится речей, публикуется статей и пишется разного рода книжек, в которых создается ложный образ войны. Чаще всего этим занимаются люди, не пережившие, не прочувствовавшие войну, не знающие фактов или занимающиеся прямой фальсификацией. В результате получается уродливая картина происшедшего. Подавляющее большинство людей имеют неверное представление о войне! К сожалению, и многие из нас, ветеранов, в силу своего возраста и характера памяти, когда рассказывают о войне, нередко создают такой образ, из которого настоящая война испаряется.

Известный писатель Владимир Карпов, выступая перед международным сообществом литераторов, говорил, что «человеческая история делается трижды: на поле боя, на поле времени, когда вторгается конъюнктура, и, наконец, на поле восстановления фактов и пересмысления событий. Путь к этому, третьему полю иногда мучителен и долог». Сегодня, после многолетнего скитания, мы начинаем вы-

Ю. И. Колосов

ходить на последнее, третье поле. Нам сильно мешают, пытаются сбить с пути разного рода недоучившиеся интерпретаторы нашей истории, выползшие к руководству из институтских курилок и лабораторий. Они, подобно крыловской лягушке, пыжятся и делают вид, что могут тянуть воз управления государством и, естественно, переписывать неудобную им историю России последнего столетия. Они пользуются рекомендацией Р. Миллса, утверждающего в своей книге «Властвующая элита», что «...нынешние историки не должны подходить к изучению своего предмета под углом зрения исследования цепи минувших событий... Они должны по-новому истолковывать прошлое... применительно к современным умонастроениям». Этот политический вирус заразил наши средства массовой информации. Еще историк В. О. Ключевский заметил, что «мы для того умаляем свое прошедшее, чтобы понять его, ибо его величие превышает силу нашего разума».

Нас пытаются заставить размышлять не своими мыслями, а пережевыванием чужих. Не следует забывать, что постижение истины — процесс длительный и сложный. Исследователю требуется преодолеть односторонность и субъективизм. Необходимо не только выяснить правдивость исторического факта, но и проанализировать совокупность взаимосвязанных между собой событий, уметь объяснить причины их возникновения и дать им научную оценку. Важно не подменять историзм «политиканством» и «отсеиванием» фактов под углом складывающейся конъюнктуры. История — коллективная память народа, обращенная не только в прошлое, но и в будущее. По Джорджу Оруэллу, «кто владеет прошлым — владеет и будущим». Можно утверждать, что история Великой Отечественной войны еще не изучена. Американцы вообще считают, что это они победили, они

нас спасли. Об этих мифических победах общаются многотомные книги по истории, в которых советским воинам отводится всего несколько строк. Появились высказывания о «виновности СССР в развязывании войны». Пишут и говорят, что война с нашей стороны была бессмысленной и никакой победы не было, а была позорная война, в которой мы потерпели поражение. Есть очень влиятельные круги за рубежом и в нашем Отечестве, которых это очень устраивает. Не случайно около ста депутатов Европарламента подписали обращение ко всем главам государств мира против празднования дня Победы в Москве 9 мая 2005 года, несмотря на то, что Генеральная Ассамблея ООН призвала все страны достойно отметить День Победы во Второй мировой войне как день примирения между народами.

Для недоброжелателей России признание всемирно-исторического значения Победы означает признание и решающей роли нашей страны в ее достижении. А это также требует признания незыблемости итогов войны и соответствующего места России в Европе и мире, что больше всего не нравится тем, кто пытается сегодня решать судьбы мира. Для отечественных экстремистов от истории, разного рода ультралибералов и диссидентов, стремящихся перечеркнуть весь советский период истории, наша победа как кость, застрявшая в горле. По их мнению, победа в Великой Отечественной войне является последним плацдармом, который удерживается «консерваторами-большевиками». Поэтому стоит задача ликвидировать этот плацдарм. Без развенчания нашей победы нельзя оправдать все, что произошло в 1991 году и в последующие годы. Господин М. Швыдкой, будучи министром культуры Российской Федерации, заявил, что если бы не российская история, то Второй мировой войны не было бы. И его не поправил никто из руководителей страны. «Извратив и измазав грязью героическое прошлое страны, на пустом месте никакого добротного буду-

щего построить невозможно», — совершенно справедливо утверждает президент Академии военных наук генерал М. А. Гареев.

Мы хотим, чтобы наши современники и потомки знали правду о том грандиозном событии, изменившем состояние мира. Во Второй мировой войне (1939–1945 гг.) решались судьбы континентов. Это было событие самого глубокого и масштабного геополитического значения, в результате чего умерла колониальная система, более четырех столетий во многом определявшая бытие Азии, Африки и Латинской Америки. Так как Вторая мировая война была грандиозным международным событием, а Советский Союз (Россия) играл в этой войне весьма важную роль, то следует отечественную историю этого периода рассматривать не изолированно, а в самом широком всемирном контексте. Без этого невозможно понять истинную роль Великой Отечественной войны, ее истинный смысл. С самого начала Вторая мировая война имела двойственный характер. Это была война за передел мира внутри самого западного мира и одновременно война всего западного мира против Советского Союза.

Запад всегда испытывал определенный страх перед Россией, таинственной, не похожей на него страной, не обладающей великим преимуществом его цивилизации, но в то же самое время достаточно сильной, чтобы не позволить себя подчинить. В течение столетий страны Запада довольно легко покорили Африку, Америку, Австралию, значительную часть Азии. Что касается России, то кровавые крестовые походы и сражения за Прибалтийские земли в XII–XIV веках, когда шведские феодалы и немецкие рыцари пытались овладеть Невскими берегами, мощные походы Польши и Швеции в начале XVII века, Франции в начале XIX века и т.д. были безуспешны, терпели полный крах.

Великая Отечественная война была частью Мировой войны, которую западный мир начал против Советского Союза. Это была

геополитическая неизбежность. К сожалению, противостояние Запада (включая США) и России неустраимо. Один из крупнейших английских историков Арнольд Тойнби в своей книге «Цивилизация перед судом истории», вышедшей в 1947 году (русский перевод — М., 1996 г.), утверждает, что Запад, начиная с XIV века, всегда выступал в качества агрессора, в то время как Россия двигалась на Запад либо в порядке «контрнаступления», либо в качестве «союзника одной из западных стран». Правда, он ошибся на три с половиной столетия, ибо польский князь Болеслав Великий вторгся в пределы Руси и захватил Киев в 1018 году. В 1240 году в устье реки Ижора дружина новгородского князя Александра Ярославича нанесла поражение шведскому отряду ярла Биргера, а князь получил прозвище Невского. 5 апреля 1242 года в сражении

на льду Чудского озера Александр Невский разгромил немецких рыцарей-крестоносцев. Эти победы остановили дальнейшую агрессию шведских и немецких феодалов в русские земли.

Агрессия западного мира особенно усилилась сразу после 1917 году и шла затем непрерывно, так как в результате Октябрьских событий образовалась мощная страна, ограничившая сферу западной колонизации. Возникла совершенно новая эволюционная (коммунистическая) линия и, как утверждает крупнейший философ и социолог современности Александр Зиновьев, стало складываться коммунистическое «сверх-общество». К этому можно относиться по-разному, но общепризнанным фактом является то, что уже в предвоенные годы Советский Союз обнаружил колоссальный потенциал. Для западных политиков стало совершенно ясно, что если допустить это явление, то для них придет конец. Поэтому Запад боролся против этой враждебной ему линии всеми возможными силами. Делает это и сегодня.

В силу сложившейся ситуации, западные страны, спасая себя, всячески способствовали укреплению Германии и потакали ей, пытаясь с самого начала натравить ее на Советский Союз. Но события развивались не совсем так, как хотелось бы западным державам. Отсюда следует, что широко распространенное (господствующее) понимание Великой Отечественной войны как противоборство Советского Союза и Германии, или схватка большевизма с нацизмом, поверхностно и несостоятельно. Германские племена создали империю Карла Великого (800–814 гг.), объединившую основное пространство Европы. На ее фундаменте в X–XI веках сложилась Священная Римская империя и Священная Римская империя германской нации (XV век). Последняя и создала тысячу лет тому назад «Европу» и «Запад» и начала «Drang nach Osten», то есть геополитический «Натиск на Восток». Это соответствовало интересам Европейского

Запада, в котором сложился определенный миф о русской опасности.

К концу XIX века Германия активно стремилась к первенству в Европе. Это явилось исходной причиной Первой и Второй мировой войн. Начав боевые действия в сентябре 1939 года, Германия невероятно быстро уже к июлю 1940 года «объединила» под своей эгидой практически всю континентальную Европу (Греция и Югославия присоединены в середине 1941 года). Германские войска встречали на своем пути слабое нерешительное сопротивление. Вторжение в Польшу началось 1 сентября 1939 года, 17 сентября польское правительство покинуло страну, 21 сентября Польское государство прекратило свое существование.

Нидерланды продержались 5 суток, Бельгия — 15, Норвегия — 29. Захват Франции начался 5 июня 1940 года, а 14 июня немецкие войска вступили в Париж. Франция пала за 38 суток. Историки называют войну этого периода «странной», «сидячей», «мнимой» или «призрачной» войной. Фашисты захватили материальные и военные ресурсы оккупированных стран, вооружение и запасы 92 французских, 30 чехословацких, 22 бельгийских, 18 голландских и 9 норвежских дивизий. Только во Франции было захвачено 3 тысячи заправленных самолетов и 5 тысяч танков. На Германию стала работать вся военная промышленность Европы. Алан Тейлор в своем труде «Вторая мировая война», изданном в 1975 году (в русском переводе: «Вторая мировая война. Два взгляда». — М., 1995 г.) писал, что в Европе в целом «устанавливалось германское господство с помощью разнообразных средств — от аннексии и прямого правления до формального равного партнерства...». Во Франции «немцы обнаружили в хранилищах достаточные запасы нефти... для первой крупной кампании в России. Взятие с Франции оккупационных расходов обеспечило содержание армии численностью 18 миллионов человек». «Германия получила

железную руду из Швеции, точные приборы из Швейцарии. Без этого она не смогла бы продолжать войну... Европа стала экономическим целым». В Германии «уровень жизни фактически вырос во второй половине 1940 года... Не было необходимости и в экономической мобилизации. Продолжалось строительство автомобильных дорог». К июню 1941 года в немецкой промышленности уже работали 3 миллиона иностранцев.

В этих условиях А. Гитлер 21 июля 1940 года подписал «План Барбаросса», названный так по прозвищу императора Фридриха I (Краснобородого) (1155–1190 гг.). Это было осуществление идеи, заложенной в пункте №3 партийной программы национал-социализма из официальных «39 пунктов»: «Мы требуем земель и почвы для питания наших людей и расселения нашего избыточного населения». А. Гитлер расшифровал этот пункт в своей книге «Моя борьба» (1924 г.): «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия остановилась 600 лет тому назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику до военного времени (*то есть до Первой мировой войны.* — Ю. К.) и переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства». И далее: «Новая империя должна снова пойти по пути стародавних рыцарей ордена». В основе лежал общий замысел генерал-майора Макса Гофмана, члена германского генерального штаба с 1901 по 1918 год, провозглашенный им сразу после Первой мировой войны. Конкретная разработка плана велась в генштабе. Из шести предложенных был выбран вариант группы генерала фон Паулюса.

Он и был воплощен в виде знаменитой «Директивы № 21» от 18 декабря 1940 года.

22 июня 1941 года германские вооруженные силы перешли границу Советского Союза. Следует отметить, что вермахт был самой мощной по тому времени армией. Он уже имел почти двухлетний опыт ведения крупных наступательных операций, чего не было у Красной Армии. Совместно с Германией девять европейских стран: Испания, Италия, Дания, Норвегия, Венгрия, Словакия, Финляндия, Хорватия и Румыния — вступили в войну с Советским Союзом, отправив на Восточный фронт свои вооруженные силы. Остальные так или иначе «работали» на Германию, вер-

*Общий ход военных действий
в зимней кампании 1941–1942 гг.*

нее, новую европейскую империю и отправили на фронт подразделения добровольцев. На советско-германском фронте с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года в германских вооруженных силах погибло 5 742 100 человек, включая умерших в плену, а в вооруженных силах союзников Германии (Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии и Словакии) — 805 916. Но вот данные о военнопленных, взятых в плен Советской Армией в ходе войны: из 3 486 206 военнопленных 2 388 443 немца, 156 681 австриец, 513 766 венгров, 187 367 румын, 48 957 итальянцев, 2 377 финнов, 69 977 чехов и словаков, 23 136 французов, 21 830 югославов, 60 277 поляков, 4 730 голландцев и еще 9 117 представителей других, вроде бы не воевавших с нами, европейских стран (Книга потерь. — М., «Вече», 2009).

30 июня 1941 года начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Франц Гальдер записал слова А. Гитлера: «Европейское единство в результате совместной войны против России». Так оно и было, пока эта многонациональная армия одерживала победы на русском фронте. В боях за Ленинград участвовали добровольческие воинские формирования из Испании, Норвегии, Нидерландов, Бельгии, Дании, Швеции, Франции, Австрии, а также Латвии и Эстонии. В отдельных подразделениях вермахта были поляки и словаки (Ю. М. Лебедев «Уроки Второй мировой войны»).

Против нас были не 70 миллионов немцев, а более 300 миллионов европейцев, объединенных на различных основаниях — от принуждения до желанного содружества. Гитлеру, по существу, служила вся европейская экономика. Опора на Европу позволила мобилизовать 25% всех немцев. У нас было призвано 17%, так как для работы в военной промышленности требовались квалифицированные кадры в возрасте 18–50 лет, преимущественно мужчины (примерно 25% всего населения). И еще очень важно отметить, что Вторая мировая война была «войной моторов». Немецкий

солдат — в основном промышленный рабочий одной из самых образованных наций мира. Наш солдат (красноармеец) — крестьянин, хорошо владеющий косой, вилами и т.п.

В июне 1941 года при любом раскладе мы были обречены на первоначальные неудачи: устоять против всей Европы трудно. А Гитлер рассчитывал на блистательную победу, но не готовился к затяжной войне. По утверждению Клауса Райнхардта, вермахт должен был либо одержать быструю победу, либо не добиться ничего (Klaus Reinhardt «Moscow — the turning point», Oxford & Providence, «Berg Publishers», 1992, pp. 26–28).

Готовился ли Советский Союз к войне? Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде партии по сути дела объективным не являлся, его цель сводилась к развенчанию роли Сталина, который не смог подготовить страну к нападению. В действительности советское руководство с самого начала понимало, что война с Западом неизбежна. Все знали, что война будет, и Советский Союз к ней готовился. Так, производство вооружения с 1938 года по июнь 1941 года увеличилось в четыре раза. Восстановлено единство командования, которого не хватало во время финской кампании. В октябре 1940 года командиры Красной Армии получили все те полномочия, которыми пользовались царские офицеры.

В мае 1940 года наркомом обороны вместо К. Е. Ворошилова был назначен С. К. Тимошенко, что открыло путь к развитию советских механизированных войск. Летом 1940 года началось формирование девяти механизированных корпусов, а в марте 1941 года — еще двадцати. Для них требовалось 32 тысячи танков (КВ и Т-34). К июню 1941 года в наличии было только 1863 танка. В Советском Союзе начато производство новых типов самолетов и реактивной артиллерии. Численность вооруженных сил страны выросла с 1,5 миллионов человек в 1938 года до 5,3 миллиона. 1 сентября 1939 года был принят закон о всеобщей воинской повинности. После ликвидации конфликтов

с Японией на Дальнем Востоке в конце 1940 года 1-я Отдельная Краснознаменная армия была расформирована, а ее части переброшены на Запад. Красноармейцам открыто говорили, что они едут воевать с Гитлером. Перекидывались и другие части. Подготовка к войне была весьма внушительной. Я не помню дня в школе, чтобы нам не говорили, что будет война с Германией, и мы готовились.

И еще одно очень важное обстоятельство, о котором не принято говорить. Хочу обратить внимание на доклад И. В. Сталина 10 марта 1939 года. В нем осторожно, но твердо утверждалось, что в стране происходит восстановление государства в его прежнем, дореволюционном виде и смысле. И действительно, в предвоенное время идет постепенное оттеснение партии, являвшейся в 1930-е годы средоточием власти, восстановление государственности. Власть перемещается из Политбюро в Совнарком. Окончательно это было закреплено в мае 1941 года, после назначения Сталина председателем Совета народных комиссаров. Одновременно шло преодоление «революционного» отрицания многовековой истории России и поворот к патриотической идеологии. Все вместе взятое не могло не вызывать сопротивления «старобольшевизма». В этом подспудный смысл репрессий 1937–1938 годов, «чистка» руководителей на всех уровнях и во всех сферах, направленная прежде всего и главным образом против партии.

Это коснулось и военных руководителей. Замена военачальников накануне войны не могла не привести к тяжелым последствиям.

Однако следует иметь в виду, что почти все военачальники Красной Армии выдвинулись в результате гражданской войны 1918–1922 годов. Они привыкли командовать подразделениями с винтовкой в руках. Это была совершенно другая война. Для победы в ней требовались люди принципиально иного склада. Это хорошо подметил прошедший войну офицером Василь Быков. Из своего опыта он утверждает: «Существует распространенный миф о том, что неудачи первого периода войны вызваны, кроме прочего, репрессиями среди высшего состава Красной Армии... Но ведь репрессировали не всех... И первые же месяцы войны показали полную неспособность прежнего командования... Очень скоро на полководческие должности по праву выдвинулись другие командиры... В армию пришло огромное количество людей с высшим образованием, что сыграло колоссальную роль. Произошло обновление. Может быть, впервые в советской действительности идеологические установки были отодвинуты в сторону...» («Родина», 1995, № 5).

Любопытно, что «в конце войны Гитлер много раз повторял: «Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников». (Д. Мельников, Л. Черная. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. — М., 1991). Тем не менее следует отметить, что репрессии снизили уровень подготовки командного состава и штабов, хотя и несколько омолодили командиров. Несколько предвоенных конфликтов и проведение освободительных походов, а также ряд учений дали небольшую практику для высшего звена. Средний возраст командиров младшего звена в Красной Армии и вермахте в начале войны был одинаков — 24 года. В среднем и высшем звене возраст у нас был ниже на четыре и шесть лет соответственно. Уровень военного образования во всех звеньях командования в вермахте был значи-

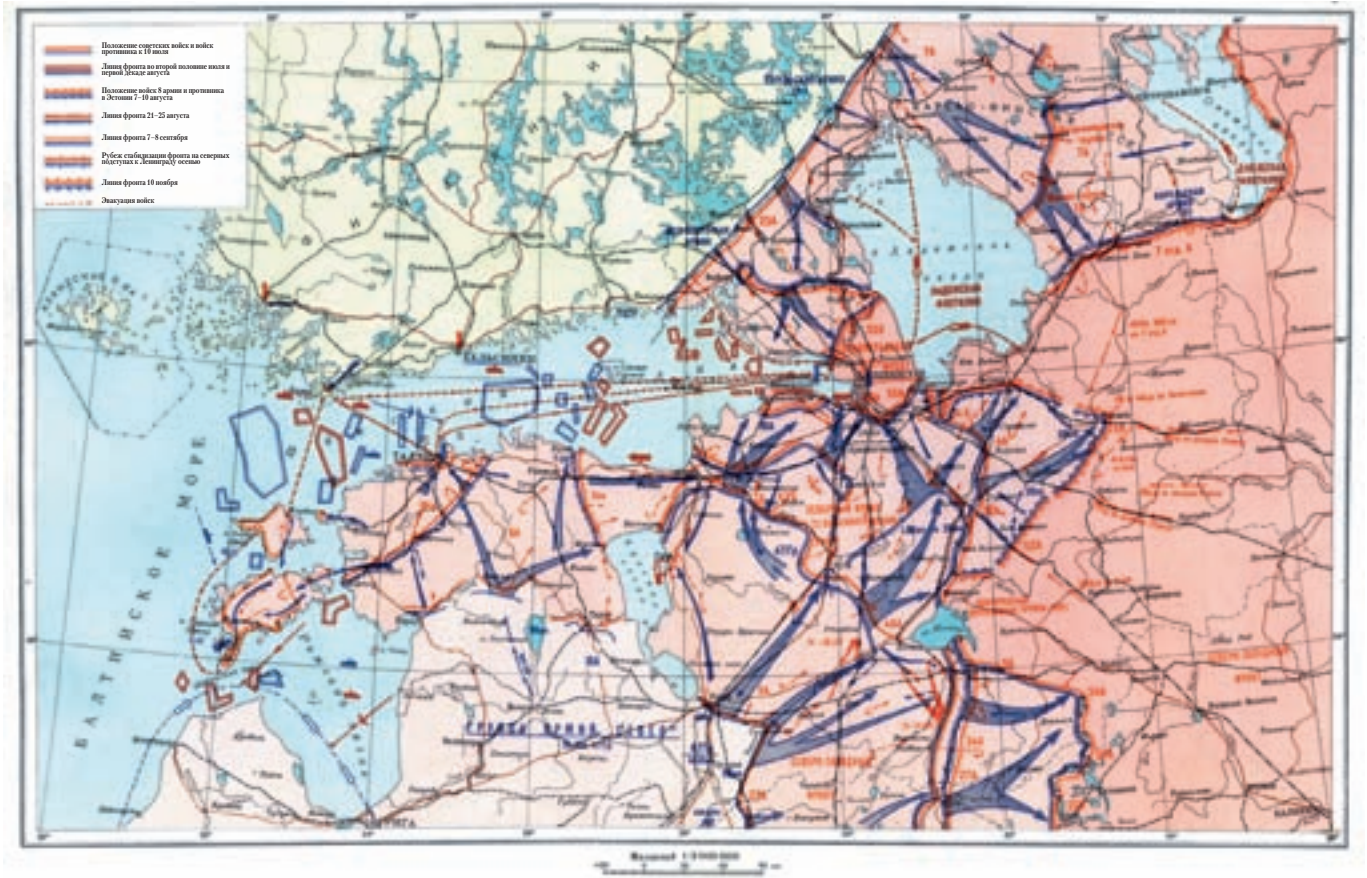
тельно выше: так, в Ленинградском военном округе только 2,7% командиров, 2,3% политработников и 8,1% инженерно-технического состава имели высшее образование. В среднем командном звене мы резко отставали по уровню образования, организации управления войсками и организационно-штатной структуре штабов, опыте планирования и проведения военных операций, оперативно-стратегической и тактической подготовке. Младшее звено командного состава Красной Армии также было подготовлено неудовлетворительно.

Однако более существенный ущерб нашей армии нанесли репрессии не 1937-го, а 1930 года, когда были уничтожены выдающиеся военачальники Первой мировой войны генерал-майор А. А. Свечин, генерал-лейтенант А. Е. Снесарев, генерал-майор В. Н. Егорьев и другие преподаватели Академии Генерального штаба, глубоко и точно предвидевшие характер будущей войны и разработавшие стратегию и тактику Красной Армии. М. Н. Тухачевский не был согласен с ними и обличал их как «антисоветских» и «антиреволюционных» стратегов. В результате был допущен серьезный просчет в плане обороны нашей границы и выбора основных направлений главного удара противника.

План, разработанный в июле 1940 года заместителем начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майором А. М. Василевским, считал главным центр, минско-смоленско-московское направление. И. В. Сталин отверг это предположение и настоял на смещении с северо-западного на юго-западное направление (нефть и уголь). В итоге потребовалось пересмотреть мобилизационные планы. Киевский особый военный округ Г. К. Жукова стал получать в первую очередь новейшее вооружение.

Прогнозы Генерального штаба и Сталина не оправдались. В первый период войны главным было северо-западное, ленинградское направление. Это предвидел в 1926 года выдающийся военный теоретик генерал А. А. Свечин,

Боевые действия советских войск на подступах к Ленинграду. 10 июля — 10 ноября 1941 г.

который в своей работе «Стратегия» (М., Воениздат, 1926) назвал Ленинград «Севастополем будущей войны». «Невыгоды стратегического положения Ленинграда, — по мнению А. А. Свечина, — еще углубляются удалением его от источников топлива, хлеба и сырья». Об этом писал и Эрнст Генри в 1936 года в своей книге «Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями». Книга переиздана в Москве в 2004 году. Из немецких документов известно, что А. Гитлер неоднократно подчеркивал необходимость первоочередного взятия Ленинграда и только затем — поворота на Москву (Blockade Leningrad 1941–1944. Reinbeck, 1992; Die Blockade Leningrad. Mainz, 1999 и др.)

Следует учесть, что в Великой Отечественной войне главную, если не решающую роль играли не командармы и комдивы, а штабы, их

секретные отделы, а также разведотделы. В результате репрессий в них пришли выпускники ВУЗов, студенты, десятиклассники... Если подходить с научной точки зрения, то можно утверждать, что репрессии в армии стали одним из факторов Победы. Если бы не было обновления, то в 1941 году, через два-три месяца война закончилась бы для Советского Союза полным поражением. И. В. Сталин это предвидел. Недаром крупнейшие западные политики говорили и писали в мемуарах, что нашей стране повезло, что во главе стоял такой человек.

Политическое и военное руководство Советского Союза допустило серьезные просчеты в определении перспектив и времени нападения Германии, планировании и стратегическом развертывании Вооруженных Сил. Военное командование неправильно оценило характер

начального периода войны. Считалось, что приграничные сражения будут вестись только частью сил, а вермахт бросил в бой сразу 83% сухопутных сил, 86% танковых и 100% моторизованных дивизий, четыре из пяти воздушных флотов. Войска приграничных округов не ожидали удара такой силы и понесли большие потери. Неготовность приграничных округов к оборонительным действиям, особенно при нанесении противником мощных внезапных ударов, запаздывание сосредоточения войск и приведения их в боевую готовность, непродуманный выбор стратегических действий войск прикрытия, предусматривающий молниеносный разгром вторгшегося противника без учета возможностей своих войск, оборону по линии государственной границы без создания инженерного оборудования в глубине, привели к тому, что уже к середине июля 1941 года из 170 наших дивизий вышли полностью из строя 28, а 70 потеряли 50% своего состава в людях и технике. За три недели войны мы потеряли 3 500 самолетов, 6 000 танков, более 20 000 орудий и минометов.

Идеологически, психологически мы были подготовлены к войне блестяще. Это и стало одним из факторов Победы. Но технической, физической возможности подготовиться по-настоящему не было. Не хватило времени. Западные стратеги и Гитлер не были дураками. Они выбрали для начала тот момент, который, по

их расчетам, был наиболее удобным. В те годы на Западе бытовала уверенность, что Советский Союз в течение нескольких недель будет разгромлен Гитлером.

Серьезная подготовка к боевым действиям была необходима, и Сталин предпринимал все возможные меры, чтобы оттянуть начало войны. Он все-таки надеялся, что немцы не решатся на авантюру. «Это был человек, который сосредоточил в себе ответственность даже не за страну, а за саму историю» (А. Зиновьев). Он боялся провокаций, стремился их избежать. В этом свете стоит рассматривать всю его политику и отношение к поступающей информации. Сообщения разведки всегда в определенной мере противоречивы. Из сборника документов «Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март-июнь 1941 года» (М., 1995) следует, что Сталин получал весьма различные сообщения, в том числе и дезинформирующие. Во многих утверждалось, что Германия, прежде чем нападет на Россию, должна захватить Великобританию. Один из руководителей советской разведки генерал П. А. Судоплатов отмечает: «Особое внимание заслуживала информация трех надежных источников из Германии: руководство вермахта решительно возражало против войны на два фронта». Недоверие вызывала также разногласия разведки с датами германского нападения: «14 и 15 мая, 20 и 21 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня... Как только не подтвердились первые майские сроки вторжения, Сталин... окончательно уверовал в то, что Германия не нападет в 1941 году на СССР...». (В. А. Анфилов. Дорога к трагедии сорок первого года. — М., 1997).

Главное в наших неудачах 1941-го заключается в том, что противник был подготовлен лучше нас и готов к молниеносной войне, благодаря грандиозной концентрации сил для блицкрига. К 7 ноября должны были пасть Ленинград и Москва. В этот день вермахт

планировал свой парад на Красной площади. Повторяю, что германская армия была в таком состоянии, что как бы мы ни подготовились к войне, какие бы талантливые полководцы у нас ни были, какой бы техникой мы ни обладали, все равно вермахт в первые дни войны должен был совершить такой прорыв. Пусть бы наша армия была в десять раз сильнее вооружена, все равно произошла бы катастрофа. В первые месяцы войны количество советских солдат «пропавших без вести», то есть оказавшихся в плену или за линией фронта, составило 2 335 000 человек или 52,2% (Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. — М., «Вече», 2009.). В это же время погибло в результате боевых действий 567 000 или 12,7%. Соотношение погибших и попавших в плен равно 1:4. Совершенно иная картина в 1943 году, когда это соотношение становится 5:1 (1 869 000 и 368 000).

Огромное количество пленных в 1941 году свидетельствует о мощнейшем превосходстве врага. Однако именно в первых боях следует искать истоки нашей Победы. На одной из конференций генерал Варенников совершенно правильно отметил, что мы проигрывали битвы, в плен сдавались, но кампанию 1941 года не проиграли: остановили врага под Ленинградом и отстояли Москву. Казалось, что эти города обречены, уже готовились по «Плану Д» к взрыву крупнейшие предприятия.

Споткнувшись под Ленинградом, германское руководство было уверено в захвате Москвы. 30 ноября колонна фашистских мотоциклистов прорвалась на мост через канал Москва-Волга (вблизи нынешней станции метро «Речной вокзал»). В ночь на 1 декабря были осуществлены дерзкие высадки немецких десантов на Воробьевых горах и в Нескучном саду (4 км от Кремля). Перед авиадесантом стояла задача выкрасть Сталина (Дорога на Смоленск. Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа. 1941–1945. — М., 1985). За два дня до этого,

29 ноября 1941 года, Гитлер объявил, что «война в целом уже выиграна». В этом были убеждены многие из находившихся на подмосковных рубежах. Во 2-ю танковую дивизию вермахта было завезено парадное обмундирование для прохода по Красной площади Москвы.

«Казалось, стоит только протянуть руку... Но руки были коротки. Не хватало сил», — так написал в 1963 году в своей книге «Предприятие Барбаросса» бывший начальник отдела печати Германского министерства иностранных дел Пауль Шмидт, под псевдонимом Пауль Карель (Пауль Карель. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. — М., 2003). Далее П. Шмидт вынужден признать, что «...в 1941 году Гитлер не достиг поставленных целей ни на Севере, ни на Центральном фронте: Ленинград и Москва остались непокоренными».

После произошедшего в 1941 году, стало ясно, что, проиграв блицкриг, фашисты проиграли войну. К такому выводу пришли и некоторые германские генералы. На секретном совещании 12 ноября 1941 года в ставке Верховного Главнокомандующего фельдмаршал фон Рундштедт и фельдмаршал фон Лееб внесли предложение отвести войска вермахта из-под Ленинграда, Москвы и Ростова

Битва под Москвой. 1941 г.

10 июля 1941 г. Началось Смоленское сражение

на польскую границу, с Россией заключить мир, наложив на нее огромную контрибуцию, с тем, чтобы сохранить и спасти Германию. Но Гитлер и его ближайшее окружение на это не пошли. В конце 1941 года были отстранены от должности командующие группами армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб, «Центр» — генерал-фельдмаршал фон Бок, «Юг» — генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич и начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-фельдмаршал фон Гальдер (Материалы международной конференции. — СПб., 2000). 19 декабря Гитлер объявил себя главнокомандующим сухопутными войсками. А. Зиновьев в интервью А. Бондаренко («Красная Звезда», 25 апреля 2005 г.) отмечает, что «именно такой ход войны принес нам колоссальный опыт. После этого в кратчайшие сроки произошли значительные перемены в самой армии; произошли перемены и во всей социальной организации страны, включая экономику. Об этом, кстати, никто не пишет, хотя многое произошло буквально на уровне чуда. Вот немцы с каким оружием начали войну, с таким же примерно и закончили. У Запада тоже осталось примерно то же оружие, что было в начале Второй мировой. А мы, начав с трехлинейками, фанерными самолетами и карбюраторами, закончили ее с лучшим

оружием в мире. Все это удалось благодаря тому социальному перевороту, который произошел во всей организации жизнедеятельности страны. Это тот фактор, который никто не измерял».

Как уже отмечалось ранее, Ленинград являлся важнейшим объектом на направлении главного стратегического удара немецко-фашистской армии. От устойчивости обороны нашего города в значительной мере зависели весь ход войны и возможность нашей победы над врагом. Об этом я подробно писал в третьей книге «Память сердца» («Важно не то, что ленинградцы выстояли, а то, как они выстояли». — СПб, 2008, с. 10–15). Вермахт стремился достичь наибольшего превосходства в силах и средствах и сосредоточил в группе армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Риттера Вильгельма фон Лееба 18-ю и 16-ю полевые армии во главе с генерал-полковниками Георгом фон Кюхлером и Эрнстом Бушем, а также 4-ю танковую группу талантливого генерал-полковника Эриха Гепнера. Авиационную поддержку осуществлял 1-й воздушный флот. В составе этих войск, первоначально действующих в Прибалтике, имелось 42 дивизии, включая 7 танковых и 6 моторизованных, общей численностью 725 000 солдат и офицеров, более 13 000 орудий и минометов и не менее 1 700 танков. Многие авторы забывают отметить, что по левому флангу нашего Северо-западного фронта, защищавшего Ленинград, удар наносила не группа армий «Север», а 3-я танковая группа и 9-я полевая армия из группы «Центр». В плане «Барбаросса» это четко определено: «Севернее Припятских болот наступает группа армий «Центр»... Вводя в бой мощные танковые соединения, она осуществляет прорыв из района Варшавы и Суволок в направлении Смоленска; поворачивает затем танковые войска на север и уничтожает совместно с группой армий «Север», наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, советские войска, находящиеся в Прибалтике».

Этот совместный таран на узком участке фронта был самым мощным в сравнении с центральным и юго-восточным направлениями. На северных подступах к Ленинграду были сосредоточены финские войска под командованием фельдмаршала К. Г. Маннергейма. Бросив на Ленинград огромные силы, А. Гитлер рассчитывал в кратчайший срок овладеть городом и заявил, что «через три недели мы будем в Петербурге». Финны даже подготовили речь президента по радио, в которой говорилось: «Пала впервые в своей истории некогда столь великолепная российская столица, находящаяся вблизи от наших границ. Это известие, как и ожидалось, подняло дух каждого финна».

Наши войска, проиграв приграничное сражение, отступили от западных границ Советского Союза на расстояние около 500 километров, оставив практически всю Прибалтику. В начале июля 1941 года немецкие войска форсировали реку Великая, 9 июля взяли Псков, вторглись в Ленинградскую область. Потери Псковского и Островского укрепленных районов усилили опасность выхода противника к Луге и дальнейшего наступления на Ленинград. Балтийский флот потерял свои базы в Лиенае и Вентспилсе. 8-я армия была отрезана от основных сил фронта.

10 июля 1941 года началась Ленинградская стратегическая оборонительная операция. 4-я танковая группа и 18-я армия на ее левом фланге рвались к Ленинграду. Боевые действия начались практически одновременно на Лужском, Новгородском, Старорусском, Петрозаводском и Олонецком направлениях. В этот же день перешла в наступление финская Карельская армия на Онежско-Ладожском перешейке. Напряженнейшие бои наши войска вели с 41-м моторизованным корпусом генерала Рейнгарда, две танковые, моторизованная и пехотная дивизии которого наступали на Псковско-Лужском направлении и 56-м моторизованным корпусом генерала Манштейна, который наступал двумя моторизованными

и танковой дивизиями в направлении Порхов-Сольцы-Новгород.

Под давлением превосходящих сил противника наши части, действовавшие на Лужском направлении, к исходу 12 июля отступили к предполью Лужской полосы обороны. Этот рубеж строился трудящимися Ленинграда с 24 июня 1941 года. В работах приняли участие 475 000 ленинградцев, включая женщин, стариков и подростков. За короткое время были созданы оборонительные позиции протяженностью около 300 километров от Финского залива до озера Ильмень. Вырыто 100 километров противотанковых рвов и эскарпов, построены 24 баррикады, оборудованы 300 боевых позиций и закопано 200 танков. Полностью завершить строительство мы не успели.

К началу немецкого наступления на рубеже была развернута Лужская оперативная группа войск генерал-лейтенанта К. П. Пядышева, включавшая четыре стрелковые дивизии, три дивизии народного ополчения, стрелковые бригады ленинградских стрелково-пулеметного и пехотного им. С. М. Кирова училищ, а также учебные артиллерийские части: полк Артиллерийских Краснознаменных курсов усовершенствования командного состава, полк 2-го

Ленинградского артиллерийского училища и дивизион Ленинградского училища инструментальной разведки зенитной артиллерии. Группой артиллерии командовал полковник Г. Ф. Одинцов, он выделил десять батарей для организации противотанковой обороны вдоль шоссе Псков-Луга. На их вооружении были орудия разного калибра — от 45 до 203 миллиметров. Эта группа сыграла большую роль в двухдневных боях по отражению атак 1-й и 6-й немецких танковых дивизий.

В сражении приняли участие передовые части 177-й стрелковой дивизии Лужской оперативной группы и отошедшие отряды 90-й и 11-й стрелковых дивизий. Бои приняли затяжной характер. Встретив организованное стойкое сопротивление, Гепнер повернул 41-й моторизованный корпус на северо-запад, к Кингисеппу, чтобы попытаться прорваться к Ленинграду через леса и Копорское плато. 14 июля ему удалось захватить два небольших плацдарма на правом берегу реки Луга, но здесь корпус встретил упорное сопротивление курсантов Ленинградского пехотного училища и бойцов 2-й дивизии народного ополчения. Немецкие войска остановились.

В это же время 56-й моторизованный корпус Манштейна западнее Шимска, создавая угрозу Новгороду, имел возможность развивать наступление на Ленинград. 14 июля в районе города Сольцы корпус попал под контрудар 11-й армии, которая, усиленная танковой и двумя стрелковыми дивизиями, нанесла удар по флангам и тылу корпуса Манштейна. Наступление наших сухопутных войск поддерживали 235 самолетов Северо-Западного фронта и 1-го корпуса дальнебомбардировочной авиации. Была окружена и разгромлена 8-я танковая дивизия, часть 3-й моторизованной дивизии и тылы корпуса Манштейна. Штаб корпуса оказался отрезанным от войск. После войны в своей книге «Утерянные победы» (М., 2002) Эрих Манштейн писал: «Нельзя было сказать, чтобы положение корпуса в этот момент было весьма завидным... Последующие несколько

дней были критическими, и противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения». На выручку Манштейну был брошен 1-й армейский корпус, которому удалось остановить наши войска. Упорное сопротивление частей 8-й армии, действовавшей в Эстонии, заставило фон Лееба усилить 18-ю армию тремя дивизиями с Ленинградского направления. Упорнейшее сопротивление частей Красной армии и ополченцев на Лужском оборонительном рубеже временно приостановило наступление немецкой армии на Ленинград.

В период этих боев активно действовал Краснознаменный Балтийский флот. Моряки вместе с сухопутными войсками отражали наступление вражеских войск, обороняли военно-морские базы и острова, прикрывая морские подступы к Ленинграду. Важную роль играли защитники Смоленска, сковав главные силы группы армий «Центр», они не позволили немецкому командованию перебросить на Ленинградское направление полностью 3-ю танковую группу. Планы блицкрига по быстрому захвату Ленинграда с ходу были сорваны. Немецкая армия задержалась от 30 до 45 дней, что позволило советскому руководству принять меры по укреплению обороны города. Велась ускоренная подготовка трех секторов Красногвардейского укрепленного узла: Красносельского, Центрального и Слуцко-Колпинского. Работы шли с особым напряжением, на них ежедневно было занято свыше 133 000 человек. В самом городе и пригородах к 20 августа было вырыто 370 000 погонных метров щелей для укрытия 750 000 человек и сооружено 4 600 бомбоубежищ, в которых могли укрыться более 800 000 человек. Огнезащитной замазкой было покрыто более 19 миллионов квадратных метров чердачных перекрытий. В формированиях МПВО насчитывалось около 270 000 человек. Были созданы два аварийно-восстановительных полка и комсомольский полк противопожарной обороны.

С 10 июля шли тяжелые бои на Петрозаводском, Олонецком и Сортавальском направлениях. Красная армия понесла большие потери, но в конце июля приостановила врага. В начале августа немецкие и финские войска одновременно начали наступление по пяти направлениям: красногвардейскому (гатчинскому), лужско-ленинградскому, новгородско-чудовскому, петрозаводско-свирскому и на Карельском перешейке. Сотысячная Карельская армия, пользуясь значительным преимуществом, довольно быстро продвигались вперед. 23-я армия в результате тяжелых боев была вынуждена из-за неудовлетворительного управления неорганизованно отступить, понеся большие потери, в Карельский укрепленный район на государственной границе 1939 года. При этом 50-й стрелковый корпус и часть сил 19-го стрелкового корпуса в количестве 53 000 человек были окружены и прижаты к Ладожскому озеру и Финскому заливу, а затем вывезены в Ленинград водным путем. Вместе с ними были спасены 155 орудий разных калибров, почти 800 автомашин и тракторов, более 5000 лошадей и 1100 повозок. Приграничное сражение на Карельском перешейке было проиграно. КаУР не имел гарнизона: часть его подразделений вместе с оружием была переброшена в июле на южные рубежи обороны Ленинграда. Были места, где на три километра фронта приходилось всего сто красноармейцев.

1 сентября в районе Сестрорецка к границе подошел передовой финский отряд, усиленный бронетехникой. Ему противостоял только небольшой отряд ополченцев рабочих завода им. Воскова. Ополченцы на рубеже ручья Ржавая канавка несколько дней, до подхода подкреплений, сдерживали натиск финнов. Карельский укрепленный район 3 сентября был занят 142-й, 265-й и 198-й стрелковыми дивизиями и одним полком 115-й стрелковой дивизии. Участок от Медного завода до залива заняла 291-я стрелковая дивизия и полк 1-й дивизии народного ополчения. Советско-финский

фронт на Карельском перешейке стабилизировался и замер до лета 1944 года, когда враг был окончательно отброшен от нашего города. На петрозаводском и олонецком направлениях финские войска, имея тройное превосходство над 7-й армией, в результате тяжелых двухмесячных боев вышли к реке Свирь, 5 сентября заняли Олонец, а 2 октября — Петрозаводск. Враг перерезал Кировскую железную дорогу. На реке Свирь также удалось стабилизировать фронт до июня 1944 года.

Действия финской армии в какой-то степени носили отвлекающий характер от намеченного главного удара по Ленинграду с юго-запада.

4 августа А. Гитлер посетил штаб группы армий «Центр» и разъяснял генералам, почему в первую очередь надо разделаться с Петербургом. Он сказал, что «для принятия решений о продолжении операций, определяющей является задача лишить противника жизненно важных районов. Первой достижимой целью является Петербург и русское побережье Балтийского моря в связи с тем, что в этом районе имеется большое число промышленных предприятий, а в самом Петербурге находится единственный завод по производству сверхтяжелых танков, а также в связи с необходимостью устранения русского флота на Балтийском море». А. Гитлер считал, что Ленинград будет взят к 20 августа.

На южных подступах к Ленинграду в августе сложилась наиболее тяжелая обстановка. Службского плацдарма начал наступление 41-й немецкий моторизованный корпус, а через два дня на новгородском направлении начал действовать 56-й моторизованный корпус. 41-й корпус генерала Рейнгардта встретил яростное сопротивление 90-й стрелковой дивизии, 2-й дивизии народного ополчения, курсантов ленинградского училища им. Кирова, сводного батальона моряков, танкового батальона Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования командного состава и 14-й бригады противотанковой обороны, и за це-

лый день продвинулся всего на 5 километров. А. Гитлер приказал корпусу остановиться и перейти к обороне, однако неожиданно 1-я танковая дивизия нашла слабое место в советской обороне. Рейнгардт немедленно направил в прорыв 6-ю танковую и 1-ю пехотные дивизии. Гепнер перебросил туда же 3-ю моторизованную и 8-ю танковую дивизии. 4-я танковая группа вышла на Копорское плато и получила возможность прямого удара на Красногвардейск, с выходом на кратчайший путь к Ленинграду. 12 августа 34-я советская армия с участием 11-й армии из района Старой Руссы нанесли контрудар в тыл новгородской группировки вермахта. Наше наступление с Лужского рубежа было предупреждено немцами, а неумелое руководство 34-й армией привело к ее отходу с большими потерями. К 25 августа армия потеряла 60% личного состава и более 805 единиц военной техники и оружия.

Еще усилив свою группировку на ленинградском направлении, противник 16 августа вступил в Нарву и занял Кингисепп, 19 августа — Новгород, а на следующий день — Чудово, перерезав Октябрьскую железную дорогу. На Лужском рубеже еще сражались 2-я и 3-я гвардейские дивизии народного ополчения, курсанты Военно-политического училища НКВД и курсов младших политруков. Их было очень мало и 23 августа они получили приказ отходить, но было уже поздно. Перерезав Витебскую железную дорогу южнее Вырицы, войска 4-й танковой группы 28 августа соединились с войсками 16-й армии, наступавшими на Ленинград с юго-востока. Большая часть оборонявшихся не смогла соединиться с основными силами фронта и около 15 000 человек оказались в плену.

21 августа было опубликовано обращение К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова и П. С. Попкова «Ко всем трудящимся города Ленинграда», призывающее горожан встать «как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы». Обращение получило горячий отклик у воинов и жителей города.

Для ведения уличных боев начали создаваться 150 отрядов нового народного ополчения, каждый до 600 человек. Было перестроено руководство боевыми действиями. Специальная комиссия, направленная И. В. Сталиным в Ленинград с мандатом на месте рассматривать и решать от имени Государственного Комитета обороны все вопросы обороны города и эвакуации предприятий и населения, к 28 августа разработала десятидневный план эвакуации важнейших предприятий. Намечалось вывезти с 30 августа по 8 сентября 250 000 женщин и детей из города и 66 000 человек — из прифронтовой полосы. Принято решение о создании в городе полуторамесячного запаса продовольствия.

В прошедших кровопролитных боях группа армий «Север» понесла большие потери. Об этом свидетельствует запись в военном

дневнике фон Лееба, сделанная 24 августа 1941 года: «Заметно, что дивизии потеряли свои лучшие силы...». Было убито 21 076 солдат и офицеров, пропало без вести 3 118 и ранено 70 491. Тем не менее, группировка еще сохраняла преимущество в силе над защитниками Ленинграда. 25 августа 1-й и 28-й корпуса и 39-й моторизованный корпус при поддержке авиации начали новое наступление из района Чудово на Ленинград. Оборонявшаяся 48-я армия, в составе которой было всего 10 000 человек, не смогла сдержать врага и отступила к Киришам и Пушкину.

28 августа немецкие войска заняли Тосно всего в 50 километрах от Ленинграда. Сдача Тосно вызвала беспокойство и раздражение И. В. Сталина. 29 августа немецкие части вышли к Колпино, но были остановлены вооруженными рабочими Ижорского завода, а затем присоединившимися к ним частями 55-й армии. 30 августа была занята Мга и противник перерезал последнюю железную дорогу, соединявшую Ленинград со страной. 8 сентября немцы вошли в Шлиссельбург, полностью блокировав наш город с суши. Только остров с самой крепостью Орешек оставался в руках советских войск и оборонялся небольшим гарнизоном пятьсот дней.

9 сентября враг попытался форсировать Неву и соединиться с финскими войсками для полной блокады города. Эта попытка была отбита войсками, развернувшимися на правом берегу Невы и эсминцами Балтийского флота, стоявшими у Ивановских порогов. И. В. Сталин отозвал К. Е. Ворошилова.

12 сентября в командование фронтом вступил Г. К. Жуков. Он принял ряд важных мер по укреплению управления войсками и сконцентрировал все усилия фронта на наиболее опасных направлениях. Он снял часть зенитных орудий ПВО города и поставил их на танкоопасных направлениях и усилил инженерное оборудование позиций в районе Пулковских высот. Командующим 42-й армией, обороняющей этот опасный рубеж, был назначен гене-

Новейшие немецкие тяжелые танки «Тигр» доставлены на боевые испытания на железнодорожную станцию «Мга». 1942 г.

рал И. И. Федюнинский, прилетевший вместе с Г. К. Жуковым. Его армия была усилена воинскими частями, перекинутыми с Карельского перешейка и стрелковыми бригадами из моряков флота и курсантов военных училищ. На этот участок сосредотачивался огонь всей корабельной артиллерии Балтийского флота. Не было только авиации: в подчинении командующего фронтом имелось лишь 163 исправных самолета, в том числе всего 6 машин ПЕ-2, 2 самолета ИЛ-2 и 11 самолетов СБ.

Немецкие войска рвались к городу изо всех сил. 13 сентября 42-я армия отошла на пулковский оборонительный рубеж, имевший только земляные противотанковые препятствия, отдельные огневые точки и небольшие минные поля. 14 сентября Жуков ввел в бой свой последний резерв — 10-ю стрелковую дивизию. 16 сентября противник прорвался к Финскому заливу между Стрельной и Урицком и отрезал 8-ю армию. Возник Приморский (Ораниенбаумский) плацдарм. 17 сентября пал Слуцк (Павловск) и немецкие войска вошли в Пушкин. Они медленно, но упорно пробивались к Ленинграду. Тяжелейшая обстановка была 17 сентября. Этой ночью рабочие отряды заняли все линии внутренней обороны города и были готовы защищать свои предприятия. Оценив ситуа-

цию как исключительно опасную, Военный совет Ленинградского фронта отдал предельно жесткий, но необходимый приказ № 0064. Его суть сводилась к тому, что за оставление без письменного приказа рубежа Лигово–Верхнее Койрово–Пулковские высоты–Шушары–Колпино все командиры, политработники и бойцы подлежали немедленному расстрелу. Подобный приказ был издан И. В. Сталиным в период Сталинградской битвы и стал известен как приказ «Ни шагу назад!». Приказ Г. К. Жукова в Ленинграде был первым. Принятые меры способствовали преодолению растерянности и неустойчивости отдельных воинских подразделений и частей. Войска 42-й армии отбили все атаки противника. Все попытки прорваться в город через Урицк и Пулковские высоты окончательно провалились. Захват Пушкина 17 сентября был последним успехом противника в продвижении в северном направлении. В этот день генерал Гепнер получил приказ о выводе 4-й танковой группы из боев под Ленинградом и переброске ее на московское направление. Все войска под Ленинградом переходили в подчинение командования 8-й армии.

23 сентября генерал Гальдер записал в своем дневнике: «В районе Ладожского озера наши войска продвинулись незначительно и, по-видимому, понесли большие потери. Для обороны сил тут вполне достаточно, но для решительного разгрома противника их, вероятно, не хватит. Но у нас нет большего». 25 сентября Гальдер записывает: «День 24 сентября был в высшей степени критическим днем в верховном главкомандовании вооруженных сил. Причиной этого был факт, что наступление 16-й армии в районе Ладожского озера натолкнулось на сильное контр-наступление, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый ею участок на восточном берегу реки Невы».

Гитлер серьезно озабочен, что может разорваться кольцо окружения Ленинграда, а вместе с ним рухнут надежды овладеть горо-

дом. Гитлер приказал немедленно доставить на самолетах группе армий «Север» 20 000 мин и направить ей в помощь два полка парашютистов из состава группы армий «Центр», запасные батальоны охранных соединений и из Витебска перебросить по железной дороге испанскую дивизию, предназначенную для отправки на московское направление. 25 сентября 1941 года, на 96-й день войны, командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал фон Лееб доложил главному командованию германских сухопутных войск, что он не может продолжать наступление имеющимися силами. Немецкие и финские войска по всему фронту вокруг Ленинграда перешли к обороне.

Сражения под Ростовом-на-Дону, Ленинградом, Тихвином и Москвой в октябре 1941-го – январе 1942 годов явились переломными в ходе войны, но, увы, еще не кардинальными, а временными. Враг, вбиравший в себя человеческие и материальные ресурсы почти всей Европы, был еще силен. Вермахт быстро не только восстановил, но и значительно увеличил свою численность и вооруженность: июнь 1941 года – 5,5 миллионов человек, 4 200 танков, 43 000 артиллерийских орудий; лето 1942 года – 6,2 миллиона человек, более 5 000 танков, 52 000 орудий. (В. В. Похлебкин. Великая война и несостоявшийся мир. Военный и внешнеполитический справочник. – М., 1997).

Враг прорвался к Волге и Северному Кавказу. Захват Северного Кавказа отрезал бы страну от основных источников нефти, прорыв за Волгу привел бы к атаке с тыла на центральные области страны и Москву. Наши поражения 1942 года не уступали поражениям 1941 года, а в отдельных отношениях даже превосходили их. Ко времени появления знаменитого приказа Сталина «Ни шагу назад!» страна находилась в наиболее тяжелом положении за всю историю войны. Только в сражениях под Ленинградом и Москвой, в противостоянии под Ржевом и битве за Сталинград

устанавливается определенное равновесие сил и затем — наше превосходство, приведшее к Победе. Об этом периоде сказано очень много, но, к сожалению, это в основном конкретные факты, всякого рода цифры, имена... Это хорошо, интересно, но нужно другое, нужно понять происшедшее, понять, почему мы победили, что стало главными факторами Победы. Нужны другие критерии, другие признаки. А. Зиновьев в цитируемом выше интервью утверждает, что «для правильной оценки войны нужна... научная социальная теория: теория и советского общества, как оно складывалось, и западного, какой вид оно имело в то время, и общества того типа, которое складывалось при Гитлере. Без теории феномен войны ясен не будет. Только она позволит рассматривать явление в другой системе понятий, с другими критериями, выделять иные признаки, а не гоняться за фактами, которые подтверждают заданную концепцию».

Мы победили благодаря целому комплексу факторов, который не поняли западные политики. Прежде всего, это новая социальная (коммунистическая) система, позволившая мобилизовать всю страну. Все члены советского общества действовали как единый организм. «Это была система мобилизации населения — подобной мобилизации всех ресурсов никакая другая страна себе позволить не могла, — продолжает свой анализ Зиновьев. — Организацию системы следует считать вторым фактором. Все население нашей страны было организовано в эту систему под руководством Коммунистической партии, и без такой партии ничего бы не было. Причем это была не просто Компартия, а та партия, которую возглавляло именно сталинское руководство — сталинисты, я бы даже так сказал, и лично Сталин. Будь на его месте кто-то другой, Победу мы бы не одержали». Он особо подчеркнул: «И это говорю я, бывший антисталинист!». Сравните с оценкой У. Черчилля, который в своем выступлении в парламенте по поводу смерти И. В. Сталина сказал:

«...Сталин был выдающейся личностью, которой я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить. В нем ощущалась исполинская сила. Она была настолько велика, что, казалось, Сталин неповторим среди руководителей всех времен и народов. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И, странное дело, держали руки по швам. Сталин обладал глубокой логической и мыслительной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в нужную минуту выход из, казалось бы, безвыходного положения. Это был человек, который заставлял нас, которых называл империалистами, воевать против империалистов. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием...».

Важным фактором был «дух населения». Известный германский историк и публицист Себастьян Хоффнер вполне обоснованно писал: «С того момента, когда русскому народу стали ясны намерения Гитлера, немецкой силе была противопоставлена сила русского народа. С этого момента был ясен также исход: русские были сильнее... прежде всего потому, что для них решался вопрос жизни и смерти» (С. Хоффнер. Самоубийство Германской империи. — М., 1972). Для нашего народа, по крайней мере, самой активной его части, определилось такое состояние и настрой, сломить которые было невозможно. Мы называем это патриотизмом.

Во имя любви к своей семье, дому, Родине тысячи воинов, выполняя свой долг, самоотверженно сражались, зачастую расставаясь с жизнью, но спасая других. Это — высшее проявление патриотизма. Не будь этих людей, вряд ли бы мы праздновали Победу.

Наша Победа досталась дорогой ценой. В Ленинградской оборонительной операции, которая продолжалась с 10 июля по 30 сентября 1941 года, соединения и части Северного, Северо-Западного фронтов и Краснознаменного Балтийского флота потеряли почти 350 000 человек, из них более 214 000 убитыми, пропавшими без вести, пленными и почти 131 000 ранеными. Возникает естественный вопрос: Почему же части Красной Армии остановили противника только у самого порога нашего города? При умело организованной обороне соотношение сил сторон вполне позволяло остановить группу армий «Север» далеко от Ленинграда. Вопреки мнению некоторых, Ставка Верховного Главнокомандующего оказывала защитникам города помощь. С 10 июля до конца сентября 1941 года сюда было дополнительно направлено 17 стрелковых и 9 кавалерийских дивизий, в городе были оставлены все производимые на его заводах танки и т.д. Главной причиной является поражение Северо-Западного фронта в самом начале войны. Ни командование, ни войска так и не оправались от него. Неопытность командного состава от фронта до низовых частей, низкая дисциплина и деморализация отдельных частей оборонявшихся войск, вызванная почти непрерывным отступлением и попаданием в окружение.

Одной из причин отступления войск, призванных защищать наш город, было неумелое руководство со стороны К. Е. Ворошилова, главнокомандующего Северо-Западным направлением, а затем и непосредственно Ленинградским фронтом. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1942 года, официально рассматривавшего деятельность К. Е. Ворошилова, записано, что он не справил-

ся с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. Сталин справедливо критиковал командование Ленинградским фронтом и руководство города, но и сам допускал ошибки. Одна из них — неуверенность в возможности отстоять город, что не могло не сказаться на настроении командования фронтом и флотом.

*Юрий Иванович Колосов,
академик Академии Военно-исторических наук,
президент Ассоциации историков блокады
и битвы за Ленинград в годы Второй мировой
войны, председатель Правления Региональной
общественной организации «Юные участники
обороны Ленинграда», участник Великой
Отечественной войны, блокадник*

Собаки на службе Красной Армии

Как и многие фронтовики, прошедшие Великую Отечественную войну, майор медицинской службы 42-й армии Анастасия Семеновна Самохвалова вспоминала однополчан и раненых бойцов. С не меньшим уважением и душевным теплом она отзывалась о специалистах других родов войск, которые обеспечивали медикам и их пациентам безопасность, в том числе — о кинологах и их служебных собаках.

Госпиталь, в котором служила Анастасия Семеновна, входил в состав действующей Армии, и вместе с нею двигался к западным границам нашей страны, в связи с чем он довольно часто менял место своего расположения. Прежде, чем сотрудники госпиталя могли заняться обустройством на новом месте, приходили саперы для проведения работ по разминированию местности.

Очень часто поиском мин они занимались не одни, а вместе со служебными собаками, среди которых были не только представители элитных пород, но и обыкновенные дворняжки.

«Всюду ходит, нюхает... Вдруг встанет — и стоит неподвижно, ждет проводника. Он подходит и находит в этом месте мину, затем обезвреживает ее. Если благополучно, то оба живы, если нет, то вместе делят одну судьбу на двоих».

Только после тщательной проверки и полного разминирования госпиталя давалось разрешение на развертывание госпиталя и прием раненых. А раненых было не мало! К сожалению, во время сражений санитары не всегда имели возможность оперативно вынести всех пострадавших в безопасное место и доставить их в санитарную часть. Многие бойцы, находящиеся в госпитале, рассказывали, что из-под огня их вынесли собаки-санитары.

С большой сердечностью вспоминали раненые, как запряженная в волокушу (фанерный лист с помочами) собака в разгар боя, под пулями и осколками снарядов, подползала к беспомощному раненому бойцу и ждала, когда он, переваливаясь с бока на бок, уляжется на волокуше. При этом животное стояло таким образом, чтобы раненый мог дотянуться до санитарной сумки, прикрепленной у нее на спине, и достать все необходимое для оказания самому себе первой медицинской помощи.

Сотрудники госпиталя вспоминали, как их пациенты-фронтовики говорили о собаках-подрывниках. Мужественные люди, закаленные в боях войны, в полной мере познавшие трагедию и жестокость войны, плакали, не стыдясь своих слез, когда рассказывали, как собаки, обвешанные бутылками с коктейлем Молотова, взрывали вражеские танки. Собака чуяла свою гибель. Она ползла к огром-

ной, грозной машине и выла смертным боем, но верная, присущему всему их роду чувству долга, двигалась вперед и погибала вместе с врагом.

До войны у наших соседей были две собаки: Гарик — немецкая овчарка и Качко — северная лайка. В начале войны вышел приказ, согласно которому всех домашних собак служебных пород надлежало передать в воинские части. Гарик и Качко, как и другие их собратья, были отправлены в действующую Армию.

Мы не знаем, как сложилась их военная судьба. Знаем только, что после окончания Великой Отечественной войны они не вернулись в свой дом, так же как и не вернулись с фронта их хозяева...

*Алла Александровна Самохвалова,
председатель Совета ветеранов войны, труда
и правоохранительных органов МО Пискаревка*

Память сердца

Посвящается скромным бойцам кинологических полков, батальонов и отрядов различных служб служебного собаководства

Великая Отечественная война. Это страшное явление, которое захлестнуло в свой водоворот все живое. Ужас, стоны, голод, смерть, хаос... Никто не хотел умирать...

В мирные предвоенные годы в школах военного собаководства проводились серьезные исследования и эксперименты по использованию собак в минно-розыскной, противотанковой и диверсионной службах. Эта работа была продолжена уже на полях сражений в годы Великой Отечественной войны.

Накануне войны командование Красной Армии рассматривало собак как важное вспомогательное средство в решении различных боевых задач. Набор профессий четвероногих бойцов был довольно широк: служба связи и подноса боеприпасов, санитарная, ездово-санитарная, караульная и другие службы. Новые условия современного боя требовали использования других уникальных способностей собаки. Ее преимущества перед возможностями человека и военной техники того времени были бесспорны. Обнаружить взрывчатые вещества в неметаллической оболочке не мог ни один миноискатель. Или быстро доставить тротильный заряд под танки противника, что ставило собаку в разряд самых эффективных противотанковых средств. Использовались собаки и в тылу противника.

В 1941–1943 годах было сформировано 168 отдельных отрядов, батальонов и полков различных служб по собаководству, среди них — 69 отдельных взводов нартовых отрядов, действовавших на различных фронтах Великой Отечественной. Отряды ездово-нартовых упряжек были неотъемлемой частью санитарного транспорта и зимой, и летом. Они вывозили с поля боя тяжелораненых бойцов и офицеров, и доставляли на огневые позиции боеприпасы. На Карельском фронте, в условиях снежных заносов, бездорожья и распути-

цы нартовые упряжки были основным видом транспорта для доставки питания на передовые линии фронта и подвоза боеприпасов.

В своих донесениях начальник 53-й Санитарной армии писал о ездово-санитарных упряжках: «За время нахождения при 53-й Армии отряд собак нартовых упряжек участвовал в наступательных операциях по эвакуации тяжелораненых бойцов и командиров с поля боя, по взятии укрепленного противником Демянского района и, несмотря на трудные условия эвакуации, лесисто-болотистую местность, плохие, труднопроходимые дороги, где не было возможности вывозить раненых конным транспортом, успешно работал по эвакуации тяжелораненых бойцов и командиров и подвозу боеприпасов наступающим частям. За указанный период отрядом вывезено 7551 человек и подвезено 63 тонны боеприпасов».

Начальник санитарной службы 855-го стрелкового полка отмечал: «Санитарные упряжки имеют большую возможность маскироваться. Каждая упряжка заменяет минимум 3–4 санитаров. Эвакуация при помощи санупряжек осуществляется быстро и безболезненно для раненых».

29 августа 1944 года начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии сообщал в приветственном письме по случаю двадцатилетия Центральной школы: «За истекший период Великой Отечественной войны на собаках было вывезено 500 тысяч тяжелораненых офицеров и бойцов, и теперь этот вид транспорта получил общее признание».

Благодаря сообразительности и выучке, собачьи команды могли действовать поразительно слаженно, инициативно и эффективно.

За всю войну с помощью ездово-нартовых отрядов было спасено свыше 600 тысяч человеческих жизней.

Первую и единственную в России Центральную школу военного собаководства «Красная звезда» создал ученый, генерал-майор Григорий Медведев. Уже к началу 1941 года эта школа готовила собак по 11 видам служб.

Немцы с завистью констатировали, что «нигде военные собаки не применялись столь эффективно, как в России».

Центральной школе военного собаководства была оказана высокая честь — она участвовала с монорозыскными собаками в историческом Параде Победы в 1945-м году на Красной площади в Москве.

*Мargarита Олеговна Орлинская,
депутат МО Пискаревка,
председатель правления Общественной
организации «Санкт-Петербургский
Кинологический центр», президент
Общественной организации «Спортивная
федерация кинологического спорта»,
член Общественного Совета при Правительстве
Санкт-Петербурга по вопросам отношения
к домашним животным*

Полвека сохраняя память

Вторая мировая война стала суровым испытанием для многих народов нашей Земли. 65 лет прошло со дня ее окончания, но боль от утрат и событий тех лет не покидает нас. Очень страшно думать о той войне, читать воспоминания участников сражений, жертв нацистского режима, но еще страшнее — забыть. Нельзя забыть и о гитлеровской блокаде города на Неве. Это особая страница хроники Второй мировой войны. Ни один город мира за всю историю человечества не отдал за Победу столько жизней.

Из-за высокой смертности в городе проводились массовые захоронения. В январе 1942 года кладбища были переполнены. Было принято решение начать захоронения на северной окраине Ленинграда. С 10 февраля 1942 года все захоронения производились в основном на Пискаревском кладбище. После войны место массовых захоронений ленинградцев решено было превратить в мемориальный комплекс.

Пискаревский мемориал призван сохранять память и покой не переживших блокадные дни горожан и защитников Ленинграда. Почти в каждой петербургской семье есть или был кто-то, кто испытал на себе ужасы блокады. Многие, не сумевшие выжить в тех нечеловеческих условиях, покоятся в братских могилах на различных кладбищах Петербурга, но основным местом захоронения жителей города, умерших от голода, погибших от бомбежек и обстрелов, стало именно Пискаревское кладбище. Торжественное открытие мемориала состоялось 9 мая 1960 года. В 2010 году Пискаревский мемориальный комплекс отмечал 50-летие со дня своего открытия.

Эта дата была отмечена рядом событий: 7 мая с 9.00 до 18.00 на Пискаревском мемориальном кладбище состоялась акция «Вахта Памяти». Представители молодежных организаций, школ, ветераны подготовили свои выступления — музыкальные и поэтические композиции. Звучали стихи, посвященные событиям Великой Отечественной войны и Победе,

*Вахта Памяти
на Пискаревском мемориале 7 мая 2010 г.*

патриотические песни. Весь день у монумента «Родина-мать» стояли солдаты роты Почетного караула Ленинградского военного округа.

В этот же день в администрации Калининского района состоялась Международная конференция, посвященная 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 50-летию Пискаревского мемориального комплекса. К участию были приглашены представитель мемориала Лидице в Чехии Владимир Ковачик, представители музея Второй мировой войны в Гданьске профессор Павел Махцевич, доктор наук Петр Майевский, кандидат Януш Маршалец, генеральный консул Германии Петер Шаллер, а также ученые, историки, сотрудники музеев и школ нашего города.

Были подготовлены выступления по четырем тематическим направлениям:

- сохранение памяти о погибших;
- военные и политические события Великой Отечественной войны;
- роль науки, искусства в годы блокады;
- современная молодежь и патриотическое воспитание.

Всего на конференции присутствовало более ста участников: ветераны, представители общественных и молодежных организаций, консульств, музеев.

Главной целью конференции можно считать сохранение памяти Великого подвига народов, победивших фашизм.

По итогам конференции состоялось принятие декларации. Материалы конференции были помещены в сборник «Международная конференция, посвященная 65-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и 50-летию открытия Пискаревского мемориального комплекса».

В 2010 году началось активное сотрудничество с музеем Второй мировой войны в Гданьске. После обращения директора музея, профессора истории Павла Махцевича с просьбой оказать содействие в создании экспозиции, отражающей героический подвиг Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, был организован сбор экспонатов.

Общественные организации «Жители блокадного Ленинграда», «Международная ассоциация общественных организаций блокадников города-героя Ленинграда», «Воспитанники детских домов блокадного Ленинграда» оказали значительную помощь в сборе материалов. Музею Второй мировой войны были переданы 35 томов «Книга Памяти. Блокада. 1941–1944», где собрано 628 тысяч имен ленинградцев, погибших в блокаду; от нескольких издательств нашего города книги, посвященные темам войны и блокады. От Санкт-Петербургского

Международная конференция 7 мая 2010 г.

музея хлеба — хлеб, испеченный по блокадным рецептам. Горожане Петербурга принесли фотографии, книги, предметы быта периода блокады. Среди таких вещей: коптилка, которую использовали для освещения в блокаду, книга «Город-воин. Фотоочерк», изданная в Ленинграде в 1943 году, удостоверение личности военного железнодорожника, пропуск на въезд в Ленинград.

Торжественная передача экспонатов сотрудникам музея Второй мировой войны состоялась в Гданьском университете, после открытия выставки «Блокадный дневник», привезенной в Польшу в рамках Дней Санкт-Петербурга в Гданьске.

Открыть музей Второй мировой войны планируют в 2014 году. Экспозиция, посвященная блокаде, должна стать одной из самых значимых и отражать вклад жителей нашего города в победу над фашистской Германией.

Важным событием для Пискаревского мемориала стало обновление музейного пространства. После реэкспозиции, продолжавшейся с октября 2009 по январь 2010 года, музейный павильон был вновь открыт. В музее можно ознакомиться с фото и кинохроникой блокадного времени — в течение дня осуществляется показ документального фильма «Воспоминание о блокаде» и фотоснимков военных лет. Кроме того, в музейном павильоне установлен информационный киоск, при

Музейный павильон

помощи которого посетители могут осуществлять поиск по электронному каталогу «Книг памяти. Блокада. 1941–1944. Ленинград» (имена жителей Ленинграда, погибших в блокаду), «Ленинград 1941–1945» (имена воинов, призванных в Ленинграде, погибших на различных фронтах Великой Отечественной войны), «Они пережили блокаду» (имена жителей Ленинграда, переживших блокаду).

Сотрудники музейно-экскурсионного сектора проводят консультации по работе с информационным киоском, помогают в поиске. Осуществляется и экскурсионная работа с посетителями. Осенью и весной на Пискаревское кладбище часто приезжают школьники Санкт-Петербурга и Ленинградской области, в летнее время много туристических групп. В 2010 году Пискаревский мемориал посетило 14 делегаций из регионов России и зарубежных стран. Все значимые события, проходящие на территории комплекса, отмечаются на сайте Пискаревского кладбища www.pmemorial.ru в разделе «Новости». К таким событиям относятся торжественно-траурные церемонии возложения венков и цветов к монументу «Родина-мать», которые проводятся в памятные даты: 8 мая — в канун Дня Победы, 22 июня — в День начала Великой Отечественной войны, 8 сентября — в День начала блокады, 27 января — в День полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. 22 июня и 8 сентября

2010 года над печально-торжественным полем некрополя звучала оратория Н. П. Червинского. В ней сочетаются голоса чтеца, солиста, хора и оркестра. Ленинградский композитор написал ее в 1967 году и посвятил памяти погибших в блокаду, погребенных на Пискаревском кладбище.

Блокада Ленинграда нанесла глубокую рану нашему городу, стала трагедией для многих миллионов людей. При подготовке Всеобщей декларации прав человека (осень 1948 года) советская делегация внесла предложение запретить использование голода в качестве метода ведения войны. «Каждый человек имеет право на жизнь. Государство должно обеспечить каждому человеку защиту от преступных на него посягательств, а также обеспечить условия, предотвращающие угрозу смерти от голода и истощения».

*Евгения Сергеевна Мякишева,
методист Санкт-Петербургского
государственного учреждения
«Пискаревское мемориальное кладбище»*

Первая задача истории — воздерживаться от лжи, вторая — не утаивать правды, третья — не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности.

Цицерон

Каждый раз не перестаешь удивляться, когда вновь и вновь встречаешься с неверным, непроверенным описанием тех или иных событий. Ведь есть исторические документы, хранящиеся в архивах, музейных фондах, в конце концов — люди, располагающие точной информацией. Так нет же (зачем утруждать себя лишней работой?), услышав где-то от кого-то, а порой и ради «красного словца», так преподнесут свой материал, что искренне сам поверишь и другим будешь рассказывать в надежде на подлинность фактов.

Из года в год к очередной дате, отражающей определенный этап Великой Отечественной войны, в периодической печати появляются публикации о Тани Савичевой, ее трагической судьбе. И каждый раз газетные статьи (самая доступная форма печати для массового читателя) повторяют одни и те же ошибки, а порой преподносят совершенно неверные факты. В результате, именно это упорство журналистов в повторении недостоверного материала и закреплении его в сознании читателей вызвало возмущение настолько, что стало ясно: необходимо положить этому конец, «расставить все по своим местам».

О ленинградской школьнице Тани Савичевой, ставшей известной всему миру, благодаря ее блокадному дневнику, отразившему участь тысяч семей, погибших в осажденном гитлеровцами городе, написано невероятно много. Тани посвящены памятники, многочисленные стихи, ее именем названа одна из малых планет Солнечной системы — астероид № 2127, открытый советским астрономом Людмилой Ивановной Черных 29 мая 1971 года.

Композитор Е. Д. Дога написал песню на слова В. Б. Гина «Баллада о Тани Савичевой», которую впервые исполнила Эдита Пьеха на

Тани Савичевой 11 лет. Фотография 1941 года, из семейного архива Савичевых

концерте в Шатках, где похоронена девочка. Эту песню Э. С. Пьеха на протяжении уже многих лет не исключает из своего репертуара, и каждое ее исполнение сжимает болью сердце.

А маленькая записная книжка Тани — обтянутый шелком блокнотик, ставший блокадным дневником, — это крик души о помощи, о том, что на свете нет ничего страшнее войны. По силе эмоционального воздействия этот документ не оставляет равнодушным никого.

Его копии (художественные либо фотографические) экспонируются во многих музеях (городских и сельских — государственных, общественных, ведомственных, школьных). О нем знают в разных странах: он помещен в многочисленные отечественные и зарубежные книжные издания, был представлен в экспозициях на выставках в Японии и Великобритании, Швеции и США, Италии и Германии, Китае и многих других государствах.

В 1968 году он был увековечен в камне на третьем километре Дороги Жизни, является составной частью мемориального комплекса «Цветок Жизни», созданного по проекту А. Д. Левенкова и П. И. Мельникова, и посвящен всем детям, погибшим в блокадном кольце.

Сложным был путь исторической блокадной реликвии — **дневника Тани Савичевой** — до архивных фондов Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Там он хранится и по сей день, а не на Пискаревском кладбище, как пишут некоторые несведущие журналисты.

Этот небольшой блокнотик, подаренный братом Леонидом (Лекой) сестре Нине, служил рабочим справочником чертежника-конструктора. Половину его страниц Нина заполнила данными котловой арматуры: задвижек, клапанов, вентилях, а другая половина этого самодельного справочника, с алфавитом, оставалась чистой. Этой незаполненной алфавитной части записной книжки и суждено было стать скорбным дневником, в котором синим карандашом сестры Таня делала ставшие бесмертными записи.

В тот год, когда гитлеровские войска вторглись в пределы нашей страны и началась Великая Отечественная война, самому младшему ребенку в семье Савичевых — **Тане** — было **одиннадцать лет, а если точнее — одиннадцать с половиной**. Она родилась 23 января 1930 года (это уточнение привожу потому, что, к сожалению, в некоторых публикациях встречаются разноречивые сведения о возрасте Тани). В конце мая 1941 года она окончи-

ла третий класс школы № 35 на Съездовской (ныне — Кадетской) линии Васильевского острова и должна была в сентябре пойти в четвертый.

На протяжении многих лет учащиеся и учителя этой школы создавали музей. И сегодня на одной из дверей третьего этажа закреплена табличка: «В этом классе училась Таня Савичева».

Жене — самой старшей сестре — 32 года (родилась в 1909 году). После замужества она переселилась с Васильевского острова (**Савичевы жили на 2-й линии в доме № 13/6, кв. 1**) на Моховую улицу (дом 20, кв. 11) и, несмотря на развод с мужем, продолжала жить там. Она работала вместе с сестрой Ниной на Невском машиностроительном заводе имени Ленина (Женя — в архиве, а Нина — в конструкторском бюро), сдавала кровь для спасения раненых на фронте бойцов.

Зима в 1941-м началась рано. Она стала суровым испытанием для жителей блокадного Ленинграда: в домах не было электричества, замерз водопровод, не работало центральное отопление, бездействовал городской транспорт. По заваленным снегом улицам прекратили движение трамваи и троллейбусы, а до завода — почти семь километров. Идти приходилось пешком. Каждый день. Правда, иног-

Евгения Николаевна Савичева (1909–1941).
Фотография из семейного архива

да Женя оставалась на заводе, чтобы сохранить силы, отработать две смены. Но здоровья уже не хватало.

В конце декабря Женя на завод не пришла. Обеспокоенная ее отсутствием, Нина помчалась на Моховую навестить сестру, но помочь ей уже ничем не смогла.

И в маленьком блокноте, ставшим впоследствии блокадным дневником, в алфавитном порядке на букву «Ж» появилась первая трагическая запись, сделанная рукой Тани: **«Женя умерла 28 дек в 12.30 час утра 1941 г.»**.

На саночках родные отвезли ее на Смоленское кладбище и похоронили на участке, расположенном на острове Декабристов.

Еще в 1916 году на этом старейшем в городе кладбище, недалеко от часовни Ксении Блаженной, были похоронены умершие от скарлатины малолетние братик с двумя сестричками. А в 1936 году рядом с ними похоронили и отца — Николая Родионовича Савичева (он умер в возрасте 52 лет).

Бабушке — Евдокии Григорьевне Федоровой (в девичестве — Арсеньевой) в 1941 году 22 июня, в день начала войны, исполнилось 74 года. Блокадная голодная смерть одолела ее в самые студеные, морозные январские дни.

Третья степень алиментарной дистрофии — это медленное умирание или срочная

госпитализация. Но бабушка от больницы отказалась, и смерть не заставила себя долго ждать. В блокнотике на странице с буквой «Б» Таня пишет:

«Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.», хотя в свидетельстве о смерти, выданном Марии Игнатьевне — Таниной маме, стоит другое число — 1 февраля. Так было нужно, ведь бабушкину карточку можно было использовать до конца месяца. Так делали многие, и это, может, на какое-то время поддерживало еще оставшихся в живых, продлеvalo им жизнь.

Свидетельство о смерти выдавали только в том случае, когда вместе с другими документами умерших сдавали их продовольственные карточки. Чтобы исключить незаконное пользование этими карточками, впоследствии была введена перерегистрация, осуществлявшаяся в середине каждого месяца.

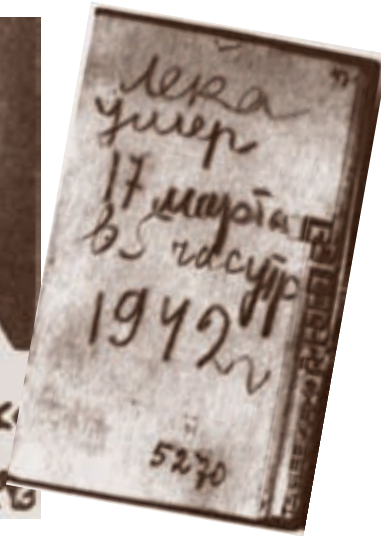
Брату **Леониду (Леке)** было 24 года (родился в 1917 году). Он работал строгальщиком на Судомеханическом (Адмиралтейском) заводе. В первые же дни войны с друзьями помчался в военкомат, но в армию не взяли из-за зрения — был очень близорук. Его оставили на заводе — нужно выполнять срочные военные заказы, необходимы специалисты. Неделями жил там, работая днем и ночью. Родных навещать доводилось редко, хотя завод недалеко от дома — на противоположном берегу Невы, за мостом Лейтенанта Шмидта. Здесь же, в заводском стационаре, он и умер от дистрофии.

Как страшно, как не хочется делать скорбные записи, но приходится вновь доставать блокнот и продолжать блокадную хронику. На букву «Л» Таня записывает: **«Лека умер 17 марта в 5 часутр 1942 г.»**, соединив два слова в одно, и прячет блокнот в украшенную палехской росписью шкатулку, в которой хранятся семейные реликвии — мамина фата и венчальные свечи. Вместе с ними лежат свидетельства о смерти папы, Жени, бабушки, а теперь и Леки.

Евдокия Григорьевна Арсеньева (1867–1942)

Леонид Николаевич (1917-1942)

Казалось, наступила весна, станет легче. Ее ждали с надеждой и тревогой. С декабря несколько раз уже прибавлялась норма выдачи хлеба, город очищен от грязи и накопившегося зимой мусора, заработали бани, по улицам загрохотали трамваи, разрешено создавать огороды и выращивать овощи.

Но голод продолжает свое подлое дело: алиментарная дистрофия, цинга, кишечные заболевания, туберкулез уносят жизни тысяч ленинградцев.

И к Савичевым вновь врывается горе. В записной книжке на букву «В» появляются сбив-

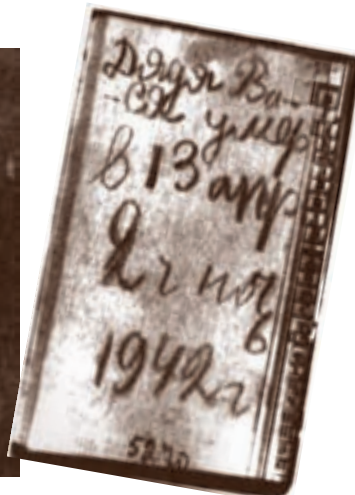
чивые строчки: «Дядя Вася умер в 13 апр 2 ч ночь 1942 г.».

А почти через месяц: «Дядя Леша 10 мая в 4 ч дня 1942 г.». На букву «Л» страничка в блокноте уже занята, и приходится писать слева на развороте.

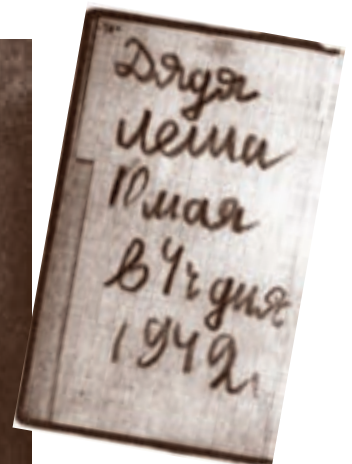
Но то ли сил не хватило, то ли горе переполнило душу пострадавшего ребенка — на этой странице слово «умер» Таня пропустила.

Оба дяди: **Василий Родионович и Алексей Родионович Савичевы** — родные братья Таниного отца. У Николая Родионовича — пять братьев и сестра (она умерла задолго до войны). Два его брата, Гавриил и Григорий, жили в Гдовском районе Псковской области, а Дмитрий с женой Марией Михайловной и холостяки — Василий с Алексеем — в том же доме № 13/6 на 2-й линии Васильевского острова, но только этажом выше.

В этом доме размещалась, принадлежавшая им «Трудовая артель братьев Савичевых» с пекарней и булочной-кондитерской при ней. Но после ликвидации артели Танины дяди сменили профессию: дядя Вася, человек разносторонне образованный, стал директором магазина «Букинист» на Петроградской стороне, а дядя Леша до пенсии работал заводским снабженцем. Только отец до конца своей жизни оставался непревзойденным мастером хлебопечения. За свою коммерческую деятель-

Василий Родионович Савичев (1885-1942). Фотография 1915 г.

Алексей Родионович Савичев (1870-1942). Фотография 1915 г.

ность, а он владел еще кинотеатром «Совет» на Суворовском проспекте, попал в ту пору в категорию «лишенцев» и был выслан с семьей из города. Правда, вскоре решение о высылке семьи было пересмотрено, и они смогли вернуться в Ленинград, в свою квартиру, но без отца. В 1936 году Николай Родионович приехал сюда на лечение уже безнадежно больным, будто предчувствовал свой печальный конец. 5 марта его не стало.

Дядя Митя (Дмитрий Родионович Савичев) умер еще до войны, а его жена Мария Михайловна Савичева скончалась в лютые морозы февраля 1942 года в возрасте 46 лет (похоронена на Пискаревском кладбище).

В июне 1941 года дяде **Васе** — 56 лет. Имея боевой опыт и медаль за Первую мировую войну, он попытался записаться добровольцем в отряд народного ополчения, но получил отказ. **Дядю Лешу** на фронт не взяли по возрасту — ему уже 71 год. Так и остались в блокадном Ленинграде.

Они были очень дружны. С Марией Игнатьевной устраивали совместные обеды, обожали всеобщую любимицу — «маленькую», так называли в семье Таню. И теперь решили жить одной семьей — все Савичевы. Так легче выжить, легче пережить блокадное лихолетье. Они строили баррикады, рыли траншеи, дежурили на крышах и чердаках, тушили «зажигалки».

Ну, разве можно было представить, что через три дня после смерти дяди Леша Таня останется совсем одна? В это трудно поверить.

Мама — веселый, добрый и гостеприимный человек. Сильный и выносливый. Все всегда у нее ладится, все получается. И вот теперь ее нет. Как трудно, как страшно писать слово «умерла»: **«Мама в 13 мая в 7.30 час утра 1942 г.»**.

Когда мама была рядом, казалось, что все можно преодолеть, даже голод. С мамой верилось в победу, в скорое возвращение сестры Нины и брата Миши. Но мамы не стало, и все рухнуло. Горе сковало тело, не хотелось шевелиться, двигаться. **«Савичевы умерли», «Умерли все», «Осталась одна Таня»**. Карандаш царапает — уже весь исписан. Пальцы не слушаются, будто деревянные, но четко подводят итог. Каждую запись Таня словно чеканит на отдельных листочках с соответствующей буквой: «М», «С», «У», «О»...

Маме, **Марии Игнатьевне Савичевой** (в девичестве — Федоровой), в 1941 году исполнилось 52 года (родилась в 1889 году). Все хозяйство, большая семья (пятеро детей) — на ее плечах. Она работала мастером-надомником в швейной артели им. 1 Мая, была одной из лучших вышивальщиц, обладала прекрасным голосом и музыкальным слухом. Для своих детей и их друзей часто устраивала домашние концерты, струнные и фортепианные. У Савиче-

Мария Игнатьевна Савичева (1889–1942)

Последние записи в дневнике Тани Савичевой

вых были пианино, гитара, банджо, мандолина и многие из домочадцев играли на этих инструментах. А теперь Мария Игнатьевна шьет для «окопников» рукавицы, обмундирование для фронтовиков. Выходит на дежурство вместе с добровольцами местной противовоздушной обороны. Об эвакуации же и думать не хочется — нужно быть всем вместе. Так легче и спокойнее, хотя неизвестно, куда подевалась Нина? Она эвакуировалась с заводчанами, но уже давно нет от нее никаких вестей. И что с Мишей, где он?

Накануне войны **Михаилу Савичеву** было уже 20 лет (родился в 1921 году). Он получил на заводе отпуск и уехал в деревню Дворищи, раскинувшуюся у Бельского озера вблизи древнего города Гдова.

Когда-то там жили бабушка с дедушкой, остался их дом, а неподалеку — построенный отцом в конце 1920-х годов новый дом (в нем и родилась Таня).

В Дворищах живут дяди: Гриша (Григорий Родионович) и Гаврюша (Гавриил Родионович) — братья отца, и тетя Капа (Капитолина Игнатьевна) — мамина сестра. Там всегда радостно и весело. А через две недели туда должны были приехать на все лето мама с Таней, а потом и все остальные. Но война нарушила эти планы. Дворищи очень быстро оказались на оккупированной гитлеровцами территории.

Миша ушел к партизанам, в лес. В январе 1944 года в одном из боев был тяжело ранен и отправлен на лечение в Ленинград, освобожденный уже от гитлеровской блокады. А через полгода он вышел из госпиталя инвалидом, на костылях. Уехал в Дворищи к тете Капе, но в сентябре 1944 года навсегда перебрался в шахтерский город Сланцы Кингисеппского района, работал там на почте. Михаил Николаевич Савичев умер в 1988 году. Похоронен в городе Сланцы.

Нине Савичевой летом 1941 года — двадцать два с половиной. Родилась она 23 ноября 1918 года, но считает своим днем рождения 6 декабря (по новому стилю). Вместе с завод-

скими сослуживцами Нина рыла окопы в Рыбацком, Колпино, Шушарах; дежурила на вышке поста воздушного наблюдения, в штабе заводского МПВО. В начале марта 1942 года по льду Ладожского озера с заводом ее эвакуировали на Большую землю. И только в 1945 году она смогла вернуться в Ленинград. Насовсем.

Нина Николаевна Савичева (в замужестве Павлова) и сейчас живет в своем родном городе. Еще тогда, в 1945 году, поступила на работу в Институт «Теплоэлектропроект» (ныне «Атомэнергопроект») и, будучи инженером-проектировщиком, более 30 лет проектировала для Ленинграда и области, Прибалтики и других бывших республик СССР теплоэлектростанции. Она давно уже на пенсии. Стали взрослыми внуки Нины Николаевны и Михаила Николаевича, подрастают правнуки. Но, как и прежде, все Савичевы необычайно дружны, заботливо относятся друг к другу.

Ну, а как же Таня? Что случилось с ней и ее блокадным дневником?

Вот эти-то вопросы и заставили меня собрать, насколько это возможно, **наиболее достоверный материал** о Савичевых, конкретизировать его и упорядочить. Пришлось вновь побеспокоить Нину Николаевну. Я и раньше, работая в музее Пискаревского мемориала в течение 23 лет, неоднократно встречалась с ней.

Фото 2007 г.

Фото 1941 г.

*Нина Николаевна Савичева (род. 1918),
в замужестве — Павлова*

Она приходила к нам на встречи с сотрудниками музея, со школьниками и журналистами, на презентацию книги И. Л. Миксона «Жила, была». Эту книгу — самое достоверное повествование о Тане и ее близких — подарила нам вдова писателя Лидия Николаевна Кононова-Миксон.

Составляя списки погибших в блокадную пору горожан для «Книги Памяти Санкт-Петербурга», мы мучительно разгадывали непонятный ребус: где же похоронены Савичевы? Нина Николаевна знала только, что **Женя** — **на Смоленском кладбище**, ведь хоронили сами, всей семьей. **Леку** вместе с заводчанами, умершими в стационаре, хоронили сотрудники завода — отвезли **на Пискаревское кладбище**. А остальные?

Практически это кладбище уже с самого начала войны стало местом массовых захоронений. Еще в 1939-1940 годах здесь, за северной окраиной города, напротив железнодорожной станции «Пискаревка» на землях совхоза «Ручьи» был выделен участок для захоронений бойцов, погибших в советско-финляндской войне, и образовано небольшое кладбище.

Рядом с воинскими могилами жители окрестных деревень стали хоронить своих умерших родных. Впоследствии эти участки гражданских сельских захоронений, а их четыре, будут объединены общей территорией Пискаревского кладбища, ставшего мемориальным в 1960 году. Да и Ленинград значительно отодвинет свои границы, потеснив совхоз «Ручьи», который был создан в 1931 году. Присоединенные к нему тогда же совхозы «Пискаревка», «Красный выборжец» и колхоз «Искра» в довоенную пору преобразуют совхоз «Ручьи» в крупное, богатое хозяйство Ленинградской области.

Уже осенью 1941 года на Пискаревском кладбище состоялись первые массовые блокадные захоронения. Хоронили на этом кладбище из пяти районов города: Выборгского, Дзержинского, Калининского, Октябрьского, Смольнинского. А с января 1942 года по

решению Исполкома Ленгорсовета сюда потянулись машины с телами умерших со всех районов Ленинграда, даже самых отдаленных. Везли из моргов больниц и госпиталей, с других кладбищ: Серафимовского и Смоленского, Волковского и Александро-Невской Лавры, Красненького, Преображенского и других. Везли из так называемых «приемных пунктов», образованных прямо на улицах, во дворах, в подвалах домов.

В архиве Пискаревского мемориала, кроме поименных, хранятся и такие списки, которые фиксируют количество ежедневных захоронений в этот трагический период блокады и дают сведения, откуда поступили умершие: улица, район, завод, морг, кладбище, больница, отделение милиции и т.д.

На кладбище, ставшем впоследствии самым большим в мире по количеству захоронений в годы Второй мировой войны, учет привозимых умерших для погребения **с конца декабря 1941 года по май 1942 года** велся только по их количеству. А цифры ужасающие: за этот короткий период блокады (по архивным книгам Мемориала — с 29 декабря 1941 года по 12 мая 1942 года) здесь похоронено более 366 тысяч горожан (всего же на Пискаревском кладбище — 420 тысяч жителей и 70 тысяч воинов).

Так что есть все основания полагать: местом упокоения бабушки, дяди Васи, дяди Леши и мамы является именно Пискаревское кладбище. Ведь на ближайшем к дому кладбище — Смоленском, уже негде было хоронить, да и подходы к нему завалены трупами, и санитарные нормы не соблюдаются. Тела умерших горожан складывали в огромном сарае (ангаре), а затем везли на Пискаревское кладбище в братские могилы, о чем свидетельствуют архивные документы мемориала — блокадные списки. Их можно посмотреть и удостовериться в этом.

Но вернемся к Тане. Оставшись одна, еле передвигая ноги, она отправилась к бабушкиной племяннице — тете Дусе. Путь предстоял совсем неблизкий, в Смольнинский район.

Евдокия Петровна Арсеньева жила в коммунальной квартире на Лафонской улице (дом № 1а, комната 3), которая называлась так по фамилии одной из начальниц Смольного института (в 1924 году она была переименована в улицу Пролетарской диктатуры, но горожане по-прежнему продолжали называть ее Лафонской).

Тетя Дуся родилась в Петрограде. В раннем возрасте с сестрой остались сиротами, были разлучены, и она воспитывалась у чужих людей в деревне. Может, поэтому была очень неприветливой. Еще задолго до войны, приехав в Ленинград, нашла работу на слюдяной фабрике. Она пережила гитлеровскую блокаду города (умерла в 1976 году в возрасте 65 лет).

С Васильевского острова тетя Дуся перевезла в свою комнату на хранение многие вещи Савичевых и взяла опеку над Таней. Уходя на работу, отправляла ее на воздух, на солнце, а комнату запирала на ключ. Нередко случалось, по возвращении заставала Таню, спящую прямо на лестнице.

Дистрофия прогрессировала, необходимо было срочно помещать Таню в стационар. И в начале июля 1942 года тетя Дуся, сложив с себя опеку, определила ее в детский дом № 48 Смольнинского района, который готовился тогда к эвакуации в Горьковскую область.

Оставшиеся в живых брат и сестра Тани наводили справки, пытаясь отыскать ее след. В 1944 году, наконец, на свой запрос Миша получил ответ с указанием адреса: Понетаевский детский дом инвалидов Шатковского района Горьковской области. Но было уже поздно. **1 июля 1944 года Таня Савичева скончалась** в Шатковской районной больнице.

Эшелон, в котором находились ленинградские дети, неоднократно попадал под бомбежки и только в августе 1942 года прибыл, наконец, в село **Красный бор**, расположенное в 25 километрах от Понетаевки. Детей разместили в одном из зданий средней школы, где они должны были пройти двухнедельный карантин. 140 истощенных, больных и раненых, измученных тяжелой дорогой ребятишек выхаживало все село.

Но Таня была настолько слаба, что ее пришлось направить в Понетаевский дом инвалидов, хотя и там ей не стало лучше. По состоянию здоровья она была самым тяжелым больным. Таню перевели в Шатковскую районную больницу, но прогрессирующие дистрофия, цинга, нервное потрясение, да еще костный туберкулез, которым она переболела в раннем детстве, сделали свое дело. Из всех детей, эвакуированных из Ленинграда в Горьковскую область, не удалось спасти только Таню Савичеву.

Она умерла в возрасте 14 с половиной лет с диагнозом «туберкулез кишок».

Много лет спустя, в 1970-е годы, больничный архив, «Книгу учета детей-инвалидов» и «Личное дело № 293 обеспечиваемого инвалида Савичевой Татьяны Николаевны» разыскали пионеры — «красные следопыты» Краноборской и Шатковской школ. Нашли и Анну Михайловну Журкину, которая в ту пору работала в больнице санитаркой. Она-то и показала могилу Тани (запомнила это место, поскольку хоронила ее сама вместе с конюхом, работавшим тогда при больнице).

19 мая 1972 года в **Шатках** на могиле Тани была поставлена небольшая памятная плита,

Памятник на могиле Тани Савичевой. 1982 г., Горьковская область, Понетаевский район, деревня Шатки

а рядом по предложению местных школьников сооружен памятник, запечатлевший в металле страницы блокадного дневника на красной кирпичной стене, символически изображающей разрушенное бомбами здание. Этот проект предложил ученик девятого класса Дима Курташкин. И только через девять лет (31 мая 1981 года) на самой могиле был сооружен гранитный памятник с бронзовым барельефом — портретом Тани (скульптор Т. Г. Холуева, архитекторы Б. Ф. Холуев, Гаврилов). Позже рядом с кладбищем оформили площадь, на которой поставили памятник «Родина-мать», ставший композиционным центром мемориального комплекса. А неподалеку одну из улиц назвали именем Тани Савичевой.

Но что же случилось с блокадным дневником девочки? Справедливости ради надо отметить, что дневник Тани — не единственный документ подобного рода. В разных музеях Санкт-Петербурга хранятся блокадные летописи ленинградских ребятишек: школьные тетрадки, записные книжки, блокноты. Только именно этому дневнику суждено было стать всемирно известным.

Летом 1944 года Нине удалось попасть в Ленинград. Ее командировали в родной город из освобожденного уже Гдовского района, где она работала в одном из колхозов. Сразу же помчалась на Васильевский остров, но в их квартире — чужие люди. Поехала к тете Дусе и от нее узнала, что Таня эвакуирована с детским домом, а куда — она не знает. Совершенно случайно Нина увидела у тети Дуси знакомую палехскую шкатулку. Обнаружив в ней свою записную книжку, забрала ее, не подозревая, что в этом блокноте — скорбная летопись, блокадная хроника смерти самых близких, самых дорогих ей людей. Но нужно было где-то переночевать.

У тети Дуси оставаться не хотелось, и Нина разыскала Беллу Велину — вторую жену Юрия (бывшего мужа сестры Жени), которая, со слов И. Л. Миксона, «работала переводчицей в штабе и жила, как многие другие военные и воль-

нонаемные, на Литейном проспекте, в Доме Красной Армии». Она-то и познакомила Нину с майором Л. Л. Раковым.

Лев Львович Раков (1904–1970) — человек незаурядный. Ученый секретарь Эрмитажа, кандидат исторических наук, он добровольцем отряда народного ополчения ушел на фронт, участвовал в боевых операциях. Майор-фронтовик, затем политработник, Л. Л. Раков читал лекции в Доме Красной Армии (ныне Дом офицеров).

Увидев скорбные, душераздирающие записи, сделанные детской рукой в маленьком блокнотике, Лев Львович сразу оценил значимость этого документа для истории, понял, что место ему только в музее, а не в семейном архиве. Он предложил Нине поместить блокадный дневник в экспозиции выставки «Героическая оборона Ленинграда», в формировании которой он с конца 1943 года по поручению Политуправления Ленинградского фронта принимал активнейшее участие.

Этой выставке практически изначально предшествовали другие: созданная еще в августе 1941 года так называемая «выставка немецких трофейных орудий, техники и вооружения» (на Петроградской стороне и в Кировском районе) и последующая выставка — «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма» (на 1-й Красноармейской улице).

В декабре 1943 года Военным Советом Ленинградского фронта было принято Постановление № 1823 о реорганизации и последующем размещении этих выставок в Соляном городке в помещениях бывшего сельскохозяйственного музея, но уже с новым названием — «Героическая оборона Ленинграда». А через два года выставка, ставшая очень значимой и популярной, была преобразована в Музей обороны Ленинграда, официальное открытие которого состоялось 27 января 1946 года.

Но судьба музея оказалась трагичной: в 1953 году первый в стране музей по истории Великой Отечественной войны был полно-

стью ликвидирован, точнее — уничтожен. По-страдали и сотрудники музея, в том числе и его первый директор — Лев Львович Раков. Основанием для расформирования явилось Постановление № 3216–1523 Совета Министров СССР от 31 августа 1951 года о передаче всех помещений Музея обороны Ленинграда Министерству Военно-морского флота. Тогда же была создана ликвидационная комиссия, которая более полутора лет передавала в разные музеи города и даже воинские части библиотеку, архивы, имущество музея, фонды — тысячи экспонатов, ценнейшие документы.

А через 35 лет началось возрождение музея. Вновь формировались фонды, библиотека, архив, создавались экспозиции. 8 сентября 1989 года состоялось торжественное открытие Государственного музея обороны Ленинграда.

Нас же интересует судьба блокадного дневника.

На основании Распоряжения № 239-р Совета министров РСФСР от 21 января 1953 года Исполком Ленгорсовета 18 февраля выносит Решение за номером 15-7-б: «**Передать Государственному музею истории города Ленинграда фонды, научно-вспомогательные материалы, научный архив и хозяйственное имущество ликвидированного Государственного музея обороны Ленинграда...**».

Таким образом, **дневник Тани Савичевой** вместе с многочисленными документами, в том числе и «Книгами учета захоронений на Пискаревском кладбище» — списками, которые составлялись в годы блокады и хранились в архиве Музея обороны Ленинграда, оказались в **Музее истории города**.

Впоследствии, когда в 1961 году создавалась музейная часть Пискаревского мемориального кладбища, в его архив Музеем истории города были переданы драгоценные реликвии — подлинные документы о захоронениях. Копия одной из страниц «Книги учета захоронений» — среди экспонатов ме-

мориала. Здесь же экспонируются и **квалифицированно выполненные художественные копии** — странички дневника Тани Савичевой. А рядом с ними — фотоснимок, с которого на нас смотрит 6-летний ребенок. Именно эту фотографию 1936 года, на которой Нина запечатлена с младшей сестрой (другой в ту пору у нее не было) она отдала Льву Львовичу Ракову для Музея обороны Ленинграда вместе с записной книжкой — трагической блокадной летописью большой, дружной семьи Савичевых.

Но вынуждена еще раз напомнить: **подлинный документ** — блокадный дневник — до сегодняшнего дня **хранится в Государственном музее истории Санкт-Петербурга**. И надеюсь, что больше не будет публикаций, называющих «местом хранения» дневника Тани Савичевой Пискаревский мемориал, поскольку это не соответствует действительности.

Удивляет только богатое воображение некоторых журналистов, создающих легенды, игнорируя достоверные источники информации, и их упорное нежелание обращаться в архивы, библиотеки, к подлинным документам.

Необыкновенно живучим оказался миф, который с конца 1950-х — начала 1960-х годов повторяется на страницах разных изданий из года в год. Это миф о том, что дневник Тани Савичевой в качестве обвинительного документа был представлен на Нюрнбергском процессе. Глубочайшее заблуждение, основанием которого является элементарное незнание того, что в материалах Нюрнбергского процесса имеется **подробный перечень** представленных на суд документов. Международный военный трибунал проходил во Дворце юстиции города Нюрнберга с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года. Внимательно просмотрев сборники материалов многотомных изданий «Нюрнбергский процесс» — огромные фолианты издательства «Юридическая литература», можно познакомиться со всеми документами, доказывающими преступления

нацистов, с допросами свидетелей и их показаниями, с материалами обвинения и убедиться, что **дневника Тани Савичевой на процессе не было.**

Как бы нам этого ни хотелось, но это так. Иначе этот блокнотик остался бы в городе Нюрнберге, в документах трибунала, а не экспонировался в Музее обороны Ленинграда с 1944 года до его передачи в Музей истории города в 1953 году. Хотя это несколько не умаляет его значения. Строчки, выведенные обессиленной рукой ребенка в тягостные блокадные дни, действительно стали документом потрясающей силы, каждая страничка которого — обвинение фашизма в бесчеловечных преступлениях.

По газетным публикациям, казалось бы, все уже сказано о Тани Савичевой, все известно, пусть даже с какими-то неточностями, о ее дневнике и ее родных, о том, куда эвакуирована и где похоронена. Оказывается, ничего подобного.

Из статьи небольшой газетки вдруг узнаю о том, что Таня, оказывается, не умерла, а живет в Колпино, очень бедствует и никому нет до нее никакого дела. Что за нелепость! Откуда такая информация, а главное — **зачем?** Ведь живет в нашем городе и здравствует родная сестра Тани Савичевой со своей семьей, которая бережно хранит все семейные реликвии и память о Тани.

Вот и получается: услышал где-то краем уха — и уже готова статья. А кто-то, прочитав эту ложь, поверит и будет сам ее распространять так же, как и ничем не обоснованный вымысел, отправивший дневник Тани на судебный процесс в Нюрнберг. Звоню в редакцию этой газеты, прошу номер телефона автора статьи и узнаю, что автором ее является сам редактор. И что же? На свои упреки в абсурдности статьи слышу: «Подавайте на меня в суд!». Почему такое невежество, такое пренебрежительное отношение к истории? А ведь Таня Савичева — это уже наша история, неотъемлемая страничка блокадной летописи. Великий испанский

писатель Мигель Сервантес однажды метко произнес: «Живых историков следовало бы казнить, как фальшивомонетчиков». Поэтому, чтобы не допускать неверных фактов, искажения истории нам необходимо всегда помнить простую истину: даже самая незначительная история — это маленькая крупинка нашей общей, большой истории, и к ней мы должны относиться бережно. **Не должно быть неточностей, догадок, вымысла и тем более придуманных мифов**

История должна быть реальной, достоверной, а не выдуманной.

*Лилия Никитична Маркова,
лауреат золотой медали «Личность
Петербурга», Почетный житель
Калининского района г. Санкт-Петербурга,
заместитель директора Пискаревского
мемориала (1980–2003 гг.)*

*Использованы фото
из семейного архива и Л. Н. Марковой*

*Мемориальная доска
на доме, в котором
жили Савичевы*

*Васильевский остров, 2-я линия, дом № 13/6.
В квартире № 1 жили Савичевы. Фото 2007 г.*

Память сердца

Взгляд в блокадное прошлое

*София Геннадьевна Колосова,
заведующая Музеем-библиотекой
«Книги блокадного города»*

Послевоенным поколениям трудно представить себе, что такое блокада Ленинграда. Им, к счастью, не пришлось ощутить голод, холод, непрерывные бомбардировки и артобстрелы, видеть трупы на улицах... Ленинградцы выстояли и спасли город, в который за все время его существования ни разу не ступала нога иностранного захватчика. Нравственно и духовно ленинградцы оказались выше своих противников. Вряд ли найдется в мировой истории подобный пример массового героизма и самоотверженности, проявленной жителями нашего города.

«Когда гремит оружие, музы молчат» — это древнеримское изречение ни в коей мере не относится к Великой Отечественной войне. Даже самый скептический историк неизбежно придет к выводу, что в 1941–1945 годы жизнь страны насквозь пронизывало искусство: литература, музыка, живопись.

Самое удивительное, что в заблокированном городе издавались книги и продолжали работать массовые библиотеки. Николай Тихонов в своей книге «Ленинград принимает бой», изданной в Ленинграде 1943 году, отмечал, что «ленинградцы и на фронте, и в тылу любят книгу, старую и новую, и даже блокадная жизнь не заставила их забыть про эту свою страсть».

Смерть уносила тысячи жизней, а люди шли в библиотеку. В истощенном, разрушенном городе книга согревала души ленинградцев, спасала от страха смерти. Н. К. Чуковский писал: «В осажденном Ленинграде удивительно много читали, читали классиков и поэтов, читали в землянках и дотах, читали на батареях и на вмёрзших в лед кораблях: охотками брали книги у умирающих библиотекарей и в бесчисленных промерзших квартирах, лежа при свете коптилок, читали, читали...».

Так что же читали? Что издавали? Имена каких писателей, журналистов, корреспондентов встречаем мы на страницах книг и периодических изданий тех лет? Где брали книги? Какие библиотеки работали? И еще множество вопросов.

Ответы можно найти в Музее-библиотеке «Книги блокадного города», которая с 1996 года занимается изучением жизни библиотек в период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда.

На 1 июня 1941 года в Ленинграде, кроме Центральной городской библиотеки (наб. р. Фонтанки, 44) действовала пятьдесят одна районная библиотека с общим фондом 1 315 000 книг и штатом 349 библиотечных работников.

К осени 1941 года в городе осталось всего 22 библиотеки, по 3–4 работника в каждой:

Василеостровский район

библиотека им. Л. Н. Толстого;

Володарский район

библиотеки им. Н. К. Крупской
и на Шемиловке;

Выборгский район

библиотеки им. А. С. Серафимовича
и на Удельной;

Дзержинский район

библиотека им. М. Ю. Лермонтова;

Кировский район

библиотека им. И. И. Лепсе;

Красногвардейский район

библиотеки им. В. Г. Белинского,
на Малой Охте и Пороховская;

Память сердца

Куйбышевский район

передвижной фонд на наб. р. Мойки;

Ленинский район

библиотеки им. И. И. Скворцова-Степанова
и им. К. А. Тимирязева;

Московский район

библиотеки им. А. М. Горького
и им. 10-летия Октября;

Октябрьский район

библиотека им. А. С. Пушкина;

Петроградский район

библиотеки им. В. И. Ленина
и им. А. С. Пушкина;

Приморский район

библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина;

Свердловский район

библиотека им. Коминтерна;

Смольнинский район

библиотека им. Н. А. Некрасова;

Фрунзенский район

библиотека на Детскосельском пр.

Горожане уходили на фронт и строительство оборонительных сооружений, гибли от голода и холода, бомбардировок и обстрелов, поэтому посещали библиотеки почти в 4–5 раз меньше, чем в мирное время.

Смерть хозяйничала в городе, уносила тысячи жизней. Не обошла она и библиотекарей. Погибли девять из одиннадцати работников библиотеки им. А. С. Пушкина, в библиотеке им. В. Г. Белинского из тринадцати человек осталось двое... Так было везде.

Как все жители города-фронта, библиотекари работали в невероятно тяжелых условиях. Кроме обслуживания читателей и сохранения книжных фондов, строили оборонительные рубежи и разбирали на дрова деревянные дома. По специальному графику дежурили в отрядах самозащиты и МПВО (местной противовоздушной обороны). В госпиталях читали вслух газеты и художественную литературу, писали письма родным и близким раненых, ремонтировали крыши, чистили город, старались сохранить порядок и уют в поврежден-

ных помещениях библиотек, поднимали дух ленинградцам, помогали им бороться с врагом и выживать в экстремальных условиях. Только в первую блокадную зиму районные библиотеки города выдали читателям 82 000 книг.

Что же читали горожане? Привлекала, в основном, художественная литература. Классическая отечественная и зарубежная литература, приключения и фантастика пользовались спросом у взрослых и детей. Интересно, что сказки в военные годы любили читать и слушать не только дети, но и взрослые, особенно раненые. Томик А. С. Пушкина, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Приключения Тома Сойера» М. Твена, произведения Ж. Верна, В. Скотта — вот краткий перечень читаемых книг. В формулярах читателей блокадной поры можно встретить В. Шекспира и А. Данте, И. С. Тургенева и М. Ю. Лермонтова, К. Симонова и И. Эренбурга. Читали много и серьезно. Стихи и проза А. Ахматовой, Н. Тихонова, В. Инбер, О. Берггольц, М. Дудина и многих других писателей и поэтов, как сказал Вс. Вишневский, были «частью самой обороны Ленинграда», а по образному выражению Н. В. Сигал (Жизневской) — блокадницы, награжденной

*Государственная Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
в годы Великой Отечественной войны.
Читальный зал. Зима 1942-1943 гг.*

*Эвакуация фондов Государственной
Публичной библиотеки
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина*

медалью «За оборону Ленинграда», книга была «хлебом».

В Музее-библиотеке «Книги блокадного города» хранятся документы, письма, воспоминания читателей военной поры. Так, в книге отзывов библиотеки им. 10-летия Октябрьской революции сохранилась запись читательницы: «Я пришла в библиотеку в самое тяжелое время зимой 1941 года. Мне нужна была книга, она помогала мне легче переносить тяжесть блокады, и получила то, что мне было нужно. Библиотекари были на месте, библиотека работала».

Весной стало пригревать солнышко, улицы освободились от нечистот и снега, ленинградцы оживились. Словно сама природа помогала светом и теплом истощенным, обессиленным, но стойким духом людям.

К июню 1942 года уже двадцать четыре библиотеки встречали читателей.

18 января 1943 года была прорвана блокада. Начался новый этап борьбы с врагом. Город по-прежнему бомбили и еще ожесточеннее обстреливали, но все же сложившаяся ситуация позволила заняться восстановлением предприятий промышленности и учреждений культуры.

В мае 1944 года прошла конференция, подводившая итог работы библиотек за годы блокады Ленинграда. Отмечалось, что коллективы

библиотек им. А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, Н. К. Крупской, Коминтерна, Охтинская, Октябрьского и других районов, сумели в экстремальных условиях достойно обслуживать читателей.

Кто же они эти скромные труженицы? Назовем некоторых из них поименно. Это Ростикова, Свекольников и Данилова (из Василеостровского района); Иванова, Кондратьева, Левикова и Халимуся (из Володарского); Жаченко, Куничева и Петькова (из Выборгского); Лившиц (из Дзержинского); Митгарц и Ольбек (из Красногвардейского); Носикова и Эпштейн (из Куйбышевского); Гремиллова, Зайчик, Ионова, Полозова, Смирнова, Титова и Тупицына (из Ленинского); Баславская, Дмитриева, Заборовская, Ильинская, Носова, Ольховская, Туртыгина и Чистова (из Московского); Боброва, Когансон, Левтова и Порозова (из Петроградского); Беркович, Ковалева и Острикова (из Приморского), Ванеева, Гуральник, Литвин, Маноева, Меньшикова, Пахолкина и Юланова (из Фрунзенского). Лучшие награждены медалью «За оборону Ленинграда», это Е. И. Миронова, директор библиотеки им. Белинского, А. И. Ростикова, директор библиотеки им. Толстого, М. А. Туртыгина, директор библиотеки им. 10-летия Октября, Р. И. Дмитриева, работник этой же библиотеки, Д. И. Редько, директор библиотеки им. Некрасова, З. Ф. Филиппова, директор библиотеки Октябрьского района, и другие.

Низкий поклон библиотекарям блокадного Ленинграда!

*София Геннадьевна Колосова,
заведующая Музеем-библиотекой
«Книги блокадного города»
Санкт-Петербургского государственного
учреждения «Централизованная
библиотечная система Московского района»,
член-корреспондент
Академии Военно-исторических наук*

Военная история моей семьи: опыт родословного поиска

Как-то, года два назад, мне стало любопытно: а кто жил до меня? Какими были мои предки? Чем занимались? Что за медали и ордена хранятся в семье? Интересно, если я и мои братики Саша и Алеша — верхушка нашего рода, то кто внизу, у корней? И наша семья занялась изучением своей истории и составлением генеалогического древа. Родословной во все времена на разных континентах придавалось большое значение. Основную поисковую работу мы провели с мамой, но активно привлекали к работе близких родственников (в перспективе расширим их круг и задействуем также дальних).

Я знаю, что интерес к теме составления родового древа огромный, но многие не знают, как подступиться, где брать информацию, как рисовать схему родственных связей, им это кажется очень сложным. Хочу поделиться нашим опытом — как искать и с чего начинать. Ведь это наверняка будет многим интересно и полезно узнать. И это точно изменит вашу жизнь!

Для начала мы начали собирать информацию о генеалогии и построении фамильного древа, читать специальную литературу, посещать практическую мастерскую «Мое родословие» (руководитель — Н. В. Дорунова) и расспрашивать родственников. Из шкафа были извлечены старые блокноты с записями адресов и дней рождений — мама когда-то уже пыталась чертить древо, но трудно было уместить все ветви на листе бумаги. К счастью, оказывается, сейчас уже не нужно мучиться с авторучкой и линейкой — уже созданы компьютер, Интернет и ряд программ, которые позволяют без труда осуществить всю работу — и поиск, и хранение, и классификацию. Есть немало специальных компьютерных программ, но после сравнения всех функций и возможностей мы решили, что наиболее удобная — новосибирская программа «Древо жизни». Она не только

содержит основные данные человека: фамилию, имя, отчество, дату жизни, место проживания, степень родства и профессию, — но и приложения: фотографии, документы, рассказ о человеке. Файл с генеалогической информацией без проблем открывается и в других известных программах, его можно переслать по электронной почте.

Собирать историю своей семьи оказалось фантастически интересным занятием! Порой мы чувствовали себя следопытами, чуть ли не шпионами-разведчиками — так нелегко было распутывать некоторые хитросплетения истории семейства, догадываться, додумывать, расшифровывать трудночитаемые документы. Открылись некоторые подробности семейной истории, достойные сюжетов бразильских сериалов. По вечерам мы взахлеб создавали на нашем семейном древе все новые и новые веточки. Сейчас их 187, в восьми поколениях предков. И это еще далеко не предел! В программе генеалогическое древо составляется за считанные секунды на любого из членов рода — стоит только нажать кнопку «Построить древо». Можно мгновенно узнать, сколько в роду было мужчин и женщин, сколько в среднем детей в семьях рода, какова средняя продолжительность жизни, частота употребления имен, профессий, мест проживания и т.д.

Еще мы стали использовать в поисках родственников и информации о них возможности Интернета. Оказалось, что во «всемирной паутине» есть столько данных на наших близких, но мы об этом не знаем! К примеру, больше шестидесяти лет в семье считалось, что мой двоюродный прадед Сергей Георгиевич Степанов, 1918 года рождения, уроженец города Задонска Липецкой области, пропал без вести в годы Великой Отечественной войны. Но стоило нам зайти на специальный сайт Министерства обороны РФ, как мы за пару минут нашли

информацию о том, где служил командир отделения сержант Степанов и где похоронен — на окраине Воронежа, в братской могиле № 1, указан даже почтовый адрес, а погиб 17 сентября 1942 года! Обязательно туда съездим...

Затем мы нашли на сайте данные и о других родственниках, погибших на фронтах Великой Отечественной, к примеру, о двоюродном дедушке Трубе Григории Ивановиче, 1902 года рождения, рядовом стрелке 11-го Воздушно-десантного гвардейского стрелкового полка, погибшем 23 ноября 1943 года в боях за хутор Шумейки Кировоградской области.

Несколько слов об этом сайте. Это официальный поисковый ресурс Министерства обороны Российской Федерации «Обобщенный банк данных «Мемориал» («ОБД «Мемориал»»), он находится в Интернете по адресу: www.obd-memorial.ru. Это электронный архив, не имеющий аналогов в мировой практике. Он содержит информационную базу о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период: учетные данные и документы, определение места захоронения. База взята из официальных архивных документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны РФ и Военно-мемориальном центре Вооруженных Сил РФ. Основной массив документов — донесения боевых частей о безвозвратных потерях, другие архивные документы, уточняющие потери (похоронки, документы госпиталей и медсанбатов, трофейные карточки советских военнопленных и т.д.), а также паспорта захоронений советских солдат и офицеров.

Есть и другие интересные сайты, к примеру, victory.mil.ru — приложение к официальному сайту Министерства обороны России, который содержит полную информацию о ходе Великой Отечественной войны: сражениях, операциях, боевому составу, а также карты и схемы, хронологии, сводки Совинформбюро.

Есть сайт «Герои страны» по адресу в Интернете: www.warheroes.ru. Там содержатся

данные о Героях Советского Союза, кавалерах ордена Славы, Героях России (интересно, что этот интернет-проект создан группой энтузиастов на собственные средства).

В павильонах у входа на Пискаревское мемориальное кладбище (Пискаревский пр., 72, на втором этаже), где разместилась экспозиция «900 дней героической обороны Ленинграда», есть компьютерная база данных о погибших в годы блокады и Великой Отечественной войны.

Можно лично обратиться в Центральный архив Министерства обороны в городе Подольске Московской области, другие архивы — их адреса и телефоны есть в Интернете. Но сам Интернет со своими богатейшими ресурсами и моментальным результатом нам понравился больше всего. И еще мы бы посоветовали различные генеалогические сайты, где описана методология поисков и даны полезные адреса.

Итак, в результате поисков информации о военной истории нашей семьи нам удалось узнать и собрать такие данные. Один из моих прадедушек — Аким Федорович Береза — родился в 1912 году в селе Богущкова Слободка (ныне — село Чапая Черкасской области), прожил 72 года. Он был ученым агрономом, работал преподавателем в Золотоношском сельскохозяйственном училище, по праву считался хорошим рассказчиком. Когда я была совсем маленькая, чтобы было проще выговаривать и чтобы я не путалась, меня научили, что дедушка с бабушкой — это дедуля и бабуля, а прадедушка и прабабушка — дедуся и бабуся. Так я их и называю... Когда началась Великая Отечественная война, дедуся с бабусей Ниной Георгиевной Степановой были студентами Полиграфического ин-

ститута в Харькове, у них была маленькая дочь. Дедусю призывали в Красную Армию стрелком 266-го стрелкового полка 93-й стрелковой Миргородской дивизии 52-й армии Степного фронта. Он воевал на Украине, освобождал Полтавскую и Черкасскую области, форсировал Днепр. Был эпизод, когда нужно было перейти речку, стали переходить, но когда кто-то из бойцов попадал на глубину — тут же тонул (одежда намокала и в сапоги набиралась вода), а остальные давали деру назад. Решили взяться за руки, чтоб вытаскивать тонущих, но как только кто-то начинал тонуть, его руку инстинктивно бросали и спасались сами. Тогда дедуся предложил взять друг друга за ремни, и если от тонущего попробуют избавиться, то сам тонущий не выпустит из рук ремень рядом стоящего. И так они смогли перебраться на другой берег и сохранить бойцов.

18 ноября 1943 года Аким Федорович был тяжело ранен в правую руку. Когда фашисты подступали к госпиталю, где дедуся лечился после ранения, всех, кто мог ходить, спешно распустили. Он несколько дней добирался десятки километров к себе домой в г. Золотоноша, а когда пришел, то рана сильногноилась, и сам он был весь вшивый. Бабуся еле отмыла его и начала лечить. А оккупировавшие город немцы его чуть не расстреляли, потому что посчитали похожим на еврея. Но удалось доказать, что он украинец, и его не тронули. Хотя евреев безжалостно расстреливали семьями прямо в конце огородов на их улице. С июля 1944 года дедусю признали негодным к строевой службе и направили на трудовой фронт в Таганрог. Дедуся никогда не смотрел фильмов о войне — не мог. И не говорил, за что получил медаль «За отвагу» — видимо, это было

жутко и очень тяжело вспоминать. В 1985 году его наградили орденом Отечественной войны 1-й степени.

Бабуся вспоминала, как страшно было, когда бомбили. Тогда они, жившие в частном доме, пряталась в погребке во дворе. А привязанная к колышку коза в ужасе металась вокруг... Не лучше было в оккупации. Фашисты вели себя, как хозяева, посмеивались, что у девушек не было хороших чулок, считали местных жителей замарашками, людьми второго сорта, поэтому совершенно не стеснялись их в каких-то бытовых проявлениях. Бабуся была в молодости красавицей, но старалась выглядеть похуже, даже сажеей пачкала лицо, чтобы на нее не обращали внимание фрицы. А еще она очень боялась, чтобы не угнали в рабство в Германию. Удивительный факт: моя бабуля родилась только благодаря фашистской оккупации, ведь ее родители не планировали второго ребенка — в голодные предвоенные годы трудно было вырастить и одного. Но по-

скольку в Германию не забирали беременных женщин и мам с грудными детьми, бабуся с дедусей решили родить еще одного ребенка — так в 1944 году и появилась их младшая дочь Людмила, через много лет ставшая моей бабулей.

Она, конечно, не помнит войну, только бедное послевоенное детство, когда она мечтала оказаться дочкой Сталина — тогда бы у нее было много конфет и красивых кукол и не пришлось бы их мастерить самой из тряпочек.

Бабуся рассказывала, что в войну попадались разные люди — и хорошие, и плохие. Немцы были не все жестокие, они показывали фотокарточки своих детей, меняли вещи на продукты («Млеко, яйки!»), и в семье до сих

пор сохранились немецкие одеяло и губная гармоника.

А как-то вечером домой к бабуся зашли проситься на ночлег два советских солдата, она была дома с дочкой, и объяснила, что спальное место есть только для одного человека. Поэтому один пошел к соседям, а второй остался. За ужином он все пытался за бабусей ухаживать, хотя она сразу сказала, что у нее есть муж, он воюет на фронте. Но тот все говорил, как ему одиноко, рассказал, что у него была семья — жена и ребенок, а когда он приехал в отпуск с фронта, то увидел вместо дома развалины от бомбежки, а на развалинах — знакомый детский башмачок... Но бабуся, несмотря на жалостливый рассказ, постелила постыльцу в дальней комнате, и едва рассвело, тот поторопился уйти... Когда утром бабуся с дочкой завтракали, в дверь постучал первый военный. Ему сказали, что друг уже ушел, но предложили присоединиться к трапезе. Он остался. За завтраком пожаловался на одиночество и стал рассказывать: мол, была у него семья — жена и ребенок, но когда он приехал в отпуск с фронта, то увидел вместо дома развалины от бомбежки, а на развалинах... Тут бабуся со смехом прервала его: «Ну, да, знаю — знакомый детский башмачок!» — тот вскочил, отшвырнув стул, со злостью глянул на бабушку — и убежал из дома... Бабуся после этого все казнилась: может, история не была придуманной, чтобы «кадрить» одиноких солдаток, может, это была его настоящая история, а она зря обидела человека? Но этого она так и не узнала.

Мой второй прадедушка — Илья Лукьянович Слышов — родился в 1913 году, прожил 83 года. По рассказам родственников, он был мастеровитым и трудолюбивым (этим славятся все мужчи-

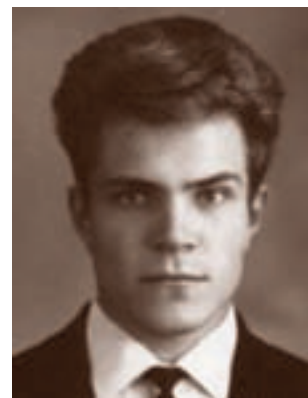

ны в нашем роду). В годы Великой Отечественной войны прадедушка в минометном полку командовал разведывательным взводом. Демобилизовался только в 1946 году, жил в Кемеровской области. На войне получил орден Красной Звезды, а после — ордена Отечественной войны 2-й степени и Трудового Красного Знамени.

Вторая прабабушка — Анна Анисимовна Ладыгина (Амбросенко), 1922 года рождения, провела войну в Сибири — она в то время жила в городе Мариинске Новосибирской области и учила детей в школе. Осенью 1941 года родился ее старший сын — мой дедуля Володя.

На его долю достались все тяготы военного детства, не намного легче жилось и после войны, когда он рос на Смоленщине в г. Демидове, в семье дедушки Анисима Малофеевича. Бедовали, порой приходилось с друзьями совершать набеги на чужие сады, чтобы не голодать.

Он вспоминал, как в окрестных лесах, играя, они с мальчишками наткнулись на замаскированный брошенный аэродром с заправленными самолетами и пытались их завести, как находили в болотах множество останков советских и немецких солдат, оружие, смертные медальоны. В поисках приключений мальчишки попадали на минные поля, оставшиеся с войны, и были случаи, когда его друзья погибали от взрывов или оставались калеками.

Двоюродная прабабушка Евдокия Анисимовна Чернышова (Амбросенко), родившаяся в 1916 году, прожила 88 лет похоронена, как и многие другие ветераны-блокадники, на Никольском кладбище в Александро-Невской Лавре. Еще до войны в 1935 году, спасаясь от голода, она переехала из Смоленской области в Ленинград, где уже жил ее брат Никифор Анисимович с семьей и двумя детьми (в 1941 году ушел на войну рядовым и в ноябре 1942 года пропал без вести при сражениях с фашистами в Синявинских болотах). Прабабушка жила в общежитии, работала на стройке. Всю войну она провела в блокадном Ленинграде — трудилась на Петрозаводе, где ремонтировали военные корабли и строили самоходные баржи для Дороги Жизни. Ходила пешком на Большую Охту с Малой, где жила, а нередко оставалась ночевать прямо в цеху. Маленькой и худенькой, ей не хватало роста, чтобы дотягиваться до своего станка, поэтому она подставляла ящик. А чтобы не падать от голода и усталости, привязывала себя к станку. Была рационализатором, подавала предложения по усовершенствованию станка, выполняла план на 200%! Ее фотография много лет висела на общезаводской Доске почета. Мне рассказывали о прабабушкиных воспоминаниях: как люди падали и умирали от голода прямо на ходу, идя по улице. Чтобы не съесть сразу свою пайку хлебушка, она бросала его между рамами окна и потом понемногу доставала. Весной и летом объедали всю лебеду в городе. Как-то, идя по улице, она увидела, что воробьи что-то клюют на земле — она прогнала их, сама собрала и съела все просыпанные кем-то крошки. А в другой раз в речку с завода «Техножир» случайно был выброс жира, так все туда бегали, собирали его, потом топили и макали

в него хлеб... Когда умирали близкие, то люди обычно оставались равнодушными — сил не было на эмоции. А вот когда прорвали блокаду, то плакали все сильно — очень жалко было своих родных и друзей, кто не дожил до этого дня.

Еще в Интернете мы нашли рассказ о Григории Пантелеймоновиче Березе — гвардии старшине, воздушном стрелке 74-го гвардейского штурмового авиационного полка, погибшем 7 апреля 1945 года в воздушном бою в районе Кенигсберга. Он полный Кавалер ордена Славы 3-х степеней, награжден орденом Красной Звезды. Г. П. Береза — однофамилец и земляк нашего дедуся, скорее всего — тоже наша родня, степень родства с ним мы сейчас выясняем.

История нашей семьи таит еще немало загадок и белых пятен. Разгадывать их очень увлекательно и интересно! Мы гордимся своими предками, среди которых было столько мужественных и героических людей. Нам есть чему у них поучиться. И мы обязательно продолжим работу и сделаем все для сохранения истории нашего рода. Надеемся, что своим рассказом поможем кому-то сделать первый шаг в поиске. Желаем успехов!

*Виктория Слышова, ученица 4 класса
ГООУ «Гимназия № 24 им. И. А. Крылова»,
Татьяна Владимировна Слышова, журналист*

Завод «Арсенал» (завод №7) — одно из старейших и крупнейших предприятий Калининского района, где трудится немало пискаревичей. В этом году «Арсенал» отмечает триста лет со дня основания. Наш рассказ — о военном периоде истории завода и его работников в грозные 1941–1945 годы.

В связи с начавшейся Второй мировой войной завод закрывает производство текстильного машиностроения и форсирует разработку и выпуск минометов, горных пушек. Арсенальские минометы получили боевое крещение в войне с Финляндией 1939–1940 годов. Часть работников завода была направлена на финский фронт. Героем Советского Союза (посмертно) стал Владимир Мягков — бывший слесарь завода. Медаль «За отвагу» получил токарь цеха №20 Олег Носов (он пройдет и войну 1941–1945 годов).

К моменту начала войны «Арсенал» под руководством Александра Дмитриевича Каллистратова стал одним из передовых в районе. В первом полугодии 1940 года завод выходит победителем в соревновании предприятий Наркомата, и вновь тридцать работников удостоиваются высоких наград. В их числе: Мефодий Степанович Клавсуть — главный инженер (впоследствии — директор завода), Владимир Николаевич Шамарин — старший конструктор (его штампованную плиту к миномету 120-миллиметрового калибра американцы признают лучшей в Европе), Дмитрий Кузьмич Евдокимов — начальник цеха №2 (в 1942 году он заменит А. Д. Каллистратова на посту директора), Николай Иванович Арабей — мастер цеха №2 (в 1941–1945 году — один из лучших начальников цехов, девиз которого был: «Меньше слов — больше дела»).

Всего за один год два таких награждения — это был успех и директора, и самих работников. Что эти награды получили лучшие из лучших, вскоре покажет начавшаяся война. Многие из награжденных будут проситься на фронт, но их не отпустят, ведь они были специалистами,

Разрушенный цех

без которых невозможен выпуск столь нужных фронту орудий.

С июня 1940 года многое меняется в жизненном укладе советских трудящихся: вводится восьмичасовой рабочий день (вместо семичасового), и семидневка — это означало один выходной — воскресенье. При этом никакого увеличения тарифов и окладов, а наоборот — повышение норм и снижение расценок. Кроме этого, вводилась уголовная ответственность за прогулы и опоздания.

А на «Арсенале» еще и свои дополнительные строгости: учитывая оборонную специфику завода, каждый работник давал подписку о запрете на разговоры о продукции, выпускаемой заводом. Также каждый работник должен был научиться обращаться со стрелковым оружием — на заводе были созданы стрелковая и пулеметная секции:

На заводе работала школа допризывников, многие ребята и девушки занимались в аэроклубах, некоторые из них были зачислены в школу высшего пилотажа.

Стало обязательным участие в военных походах: после работы, в противогазах, иногда под дождем, марш-бросок на три-пять километров — так выполнялось требование Сталина: «Нужно весь народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох».

И хотя все готовились к обороне, война не представлялась ближайшей реальностью. Арсенальцы строили свой первый заводской каменный жилой дом на Малой Охте (куда накануне войны переехали 115 семей), планировали строительство культкомбината на площади Ленина, где кроме различных кружков разместились бы библиотека, спортзал, огромный зал для собраний, лекционный зал, комната отдыха, бильярдная и кафе (но, видимо, к лучшему, что не построили — ведь в блокаду площадь Ленина будет самой простреливаемой территорией и ленинградцы назовут ее «долиной смерти»).

Успели арсенальцы перед войной открыть свой Дом отдыха. По окончании войны с Финляндией на Карельском перешейке, вновь отошедшем к России, было разрешено брать в аренду постройки и землю под Дома отдыха. «Арсенал» взял в аренду на пять лет строения, требующие капитального ремонта, и своими силами открыл 3 декабря 1940 года собственный Дом отдыха в Ривьере, около поселка Териоки (Зеленогорск). Почти сто человек ста-

А. Д. Каллистратов

ли первыми отдыхающими. На открытии был и директор завода А. Д. Каллистратов. Известно даже меню первого обеда: мясная солянка, бифштекс по-гамбургски (немцы пока считались друзьями) и компот. Летом 1941 года предполагалось разместить отдыхающих в три раза больше.

Тогда же недалеко от Териок заводу был выделен участок для подсобного хозяйства — 200 гектаров пахотной земли, два озера, речка. Дети арсенальцев на лето выезжали в пионерский лагерь в п. Толмачево (Лужский район).

Из-за войны завод потерял все эти социальные приобретения, после Победы и пионерский лагерь, и база отдыха будут построены в другом месте, в значительном удалении от живописных мест Северной Ривьеры.

В декабре 1940 года по всей стране открываются ремесленные училища — для выполнения производственных программ нужны были рабочие кадры. Восемьсот мальчишек 14–15 лет стали учащимися ремесленного училища № 20 при заводе (в зданиях 2 и 9).

Будущих слесарей, фрезеровщиков, токарей, кузнецов и электромонтеров набирали в деревнях Белоруссии: желающих было так много, что приходилось устанавливать норму — два человека с деревни.

Тепло встретил завод свои будущие кадры: сам А. Д. Каллистратов расспрашивал, как их

Литейный цех

На земляных работах

проводили, как доехали — ведь все они впервые попали в большой город. Завод добился, чтобы для учащихся город освободил здание по улице Комсомола, 13 — там было организовано общежитие. Мальчишек не оставляли без внимания: устраивали для них концерты, экскурсии, знакомили с городом (имена 54 из них впоследствии окажутся в скорбном списке погибших во время блокады).

На заводе оказывалась дополнительная забота о работниках: в некоторых цеховых столовых (ремонтного, литейного цехов), стали отпускать дешевые горячие завтраки, а в центральной столовой можно было заказать обед на дом.

Не забыта была и пища духовная: любители театров с 1940 года могли покупать билеты в кредит в заводской театральной кассе. Арсенальцы ходили на встречи с писателями Юрием Германом и Валентином Кавериним, в цирке смотрели выступление иллюзиониста Кио, в клубе завода «Прогресс» участвовали в вечере, посвященном П. И. Чайковскому, и заранее покупали билеты на Новогодний бал в Выборгский Дворец культуры — приближался Новый, 1941 год.

Местные поэты и прозаики издали свое первое детище — сборник «Дружба». В истории «Арсенала» аналогичных сборников впо-

следствии так и не появилось, хотя таланты есть.

Завод, превратившийся в 1940 года из отстающего в передовой, был удостоен еще одной награды — присвоения имени М. В. Фрунзе. В то время это было большой честью, и коллектив достойно ответил — выполнил план года досрочно!

Директор А. Д. Каллистратов, подводя итоги 1940 года, назвал лучших работников: фрезеровщик Н. И. Ракитин (норму выполнял на 1300%, за что был удостоен ордена Ленина), токарь В. М. Бирюков (неоднократно премировался Наркоматом за передачу опыта), начальник диспетчерско-производственного отдела Р. А. Турков, руководители цехов №№ 2, 3, 4, 15, 20.

«Арсенал», так стремительно поднявшийся, ждало прекрасное продолжение, если бы не война! Каллистратовская гвардия приняла ее тяжесть на себя.

В секретной записке Гимmlера, касающейся обороны Берлина в 1945 года, предлагалось взять, как пример, оборону Ленинграда и, прежде всего, эвакуацию важнейших предприятий.

Война стала неожиданностью для основного населения страны. И хотя Гитлер уже шагал по Западной Европе, народ Советского Союза был убаюкан пактом о ненападении, бодрыми репортажами СМИ о непобедимости и несокрушимости нашей армии, дружеским визитом В. Молотова в Германию в конце 1940 года.

22 июня 1941 года... Жаркое лето, воскресенье. Теперь пишут, что ленинградцы не спешили эвакуироваться: верили в свою армию и не верили, что враг так быстро окажется под Ленинградом. Немцы быстро продвигались в Лужском направлении, а там — дети в пионерском лагере...

«Арсенал» успел эвакуировать заводской детский сад-интернат (дети благополучно прибыли в Горьковскую область). Эвакуация работников завода и членов их семей проходила

в несколько этапов: до начала блокады, по Ладоге в 1941 и в 1942 году.

Согласно постановлению ЦК и Совнаркома от 11 июля 1941 года, завод вошел в число эвакуируемых предприятий.

Часть оборудования и работников завода должны были эвакуироваться в Омск. Г. Жуков сравнивал эвакуацию с величайшими битвами. Во-первых, нужно было так подготовить оборудование, чтобы и в чистом поле сразу начать выпуск изделий (если понадобится), да и на заводе оставить что-то: фронт требовал оружия. Во-вторых, люди отрывались от дома и семьи неизвестно на какой срок.

Из воспоминаний начальника литейного цеха А. Н. Никольского:

«У нас в цеху были демонтированы три пары формовочных станков, трехтонная электродуговая печь и все электротехническое оборудование к ней, сняты два токарных и три обдирочных станка.

Оборудование было погружено на железнодорожные платформы, которые стояли на путях, проходивших между цехами 14, 7 и 20. Мы прощались с трехтонной печью со слезами на глазах, ибо в этом агрегате мы видели возможности развития артиллерийского производства на заводе. А тут и плавильной печи нет, и многие литейщики эвакуировались из Ленинграда (трехтонная печь была установлена в цехе накануне войны в 1940 года. Она давала заводу возможность своими силами выпускать все стальное литье и освобождала от кооперации).

25 августа 1941 года вагоны с трудящимися завода, подлежащими эвакуации, платформы, нагруженные нашим оборудованием, поехали к месту назначения. Последний состав должен был отбыть 29 августа 1941 года, но из Ленинграда он не ушел: кольцо немецко-фашистских войск охватило железно-дорожные станции, через которые должен был пройти состав, и люди вернулись на завод».

В первый этап эвакуации «Арсенал» отправил в тыл 439 единиц оборудования (а всего за

Представители 884-го истребительного полка на «Арсенале», 1943 г.

время войны — 1346). Погрузкой оборудования и отправкой занимался 23-й цех.

Эвакуировались многие семьи работников завода, и решать вопрос с эвакуацией нужно было срочно, но некоторые не могли на нее решиться. Например, в молодой семье Троицких в августе 1941 года должен был родиться первенец. Глава семьи метался, не зная, что делать: он боялся отправлять жену в таком состоянии, а мать была уже слаба физически, к тому же стали поступать сведения о бомбежках немцами эшелонов с эвакуируемыми. Так Троицкие остались в городе.

Успевшие проскочить станцию Мга до захвата ее немцами прибыли в Омск. Арсенальцам было предоставлено пустое помещение для производства. Только арсенальцы начали располагаться на новом месте — монтировать оборудование, распределяться по квартирам, — поступило новое распоряжение: вновь все собирать, грузить на платформы и ехать в Красноярск.

В Красноярск прибыли в сентябре 1941 года. Что представлял собой этот город в то время? Как он встретил эвакуированных? Перед войной там был построен крупный завод — Красмаш. Он располагался на правом берегу Енисея, там же — рабочие поселки. Они состояли из землянок и бараков, где не было ни канализации, ни центрального отопления, ни элект-

ричества. Не было и водопровода: воду брали из самодельно вырытых колодцев, в результате чего появилось много желудочно-кишечных инфекций. Возможность помыться один раз в неделю считалась счастьем, хотя санитарные врачи докладывали, что каждый житель обеспечен девятнадцатью помывками в год.

На правом берегу курсировало всего пять городских автобусов: они не могли перевезти всех желающих. На левый берег Енисея попасть было еще труднее: две пригородные электрички, паром и два катера всегда были перегружены. Из 11 тысяч домов, в основном, одноэтажных, 8 тысяч принадлежало частникам. В среднем на каждого жителя приходилось 3,2 квадратных метра жилья. Город совершенно не был готов к приему почти ста тысяч эвакуированных.

Данных о количестве эвакуированных в Сибирь мы не имеем. По сведениям Красноярска, завод №7 прибыл в количестве 15 000 человек (сюда вошли и члены семейств).

На основе Красмаша был создан завод, куда вошли заводы из Коломны и Сталинграда, части заводов из Калуги и «Арсенала». Этот завод стал самым крупным в городе. Благодаря прибывшим предприятиям, за годы войны индустриальная мощь Красноярска увеличилась в семь раз, он стал главным промышленным центром Восточной Сибири.

В марте 1942 года еще одна группа арсенальцев (90 человек) эвакуировалась через Ладожское озеро и прибыла в Красноярск. Среди них — заместитель главного механика Степан Сергеевич Лебедев. За время работы в Красноярске он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», «За оборону Ленинграда». Главным инженером в Красноярске в 1942–1946 годах был арсеналец Роман Анисимович Турков, удостоенный ордена Ленина за свой труд. Таким же орденом был награжден и завод в 1946 году.

На заводе всю блокаду работал отдел по найму: он фиксировал все передвижения арсенальцев. В архиве отдела кадров сохранились журналы тех лет, где можно узнать, когда человек выехал из Ленинграда. В основном это было в 1942 году, после самой тяжелой блокадной зимы.

А. Д. Каллистратов руководил «Арсеналом» всего три года, в дальнейшем его перевели на другую работу, связанную с космической промышленностью. Но не зря говорят: по делам судите о человеке. Вспомним еще раз его главные достижения:

- в 1939–1940 годах вывел завод из отстающих в передовые;
- впервые, после 1916, в 1939 году арсенальцы были награждены орденами и медалями;
- в 1940 году вновь группа арсенальцев была удостоена правительственных наград;
- завод получает почетное название — завод имени М. В. Фрунзе;
- первый стационар в городе в 1941 году появился на «Арсенале»;
- в 1942 году «Арсенал» был награжден орденом Трудового Красного Знамени;
- в 1942 году арсенальцы стали одними из первых блокадных орденоносцев;
- «Арсенал» принял участие в выпуске «катюш».

А. Д. Каллистратов, по словам его дочери, с которой мы связывались, собирая материал об истории завода, очень хотел после войны вернуться на «Арсенал», но его непустили. Но не только он помнил о нашем заводе, но и сам остался в нашей памяти. Кроме того, мы уверены, что Александр Дмитриевич, несомненно, был причастен к получению «Арсеналом» космических заказов.

*Галина Федоровна Романенко,
заведующая музеем истории «Арсенала»*

КАПИТОНОВ Михаил Александрович

Как сохранить память о блокаде? Торжественные городские мероприятия, теле- и радиопередачи, общественные акции, приуроченные к историческим датам... Это и многое другое, безусловно, должно сопровождать нашу жизнь в новом тысячелетии, однако течение лет с неумолимой настойчивостью уносит с собой подробности тех дней, которые скрыты в частных историях очевидцев блокады. Предлагаем Вашему вниманию одну из них. Знакомьтесь — М. А. Капитонов.

— Михаил Александрович, как Вы оказались на «Арсенале»?

— Когда началась блокада, мне было 15 лет. Наша семья (я, отец и мать) жила здесь неподалеку, на улице Жукова. Там и оставались до зимы 1942 года. Она стала для нас самой тяжелой. Спасало то, что рядом с нашим домом были сараи. Когда началась война, их велели сломать, а все, что в них было, сложили в одну кучу. Остальные жильцы эвакуировались, и мы остались одни. С дровами было немного теплей. На буржуйке можно и чайник вскипятить. Пили кипяток, соль добавим, чтобы вода вкуснее была. Нажаришь свою пайку, 125 грамм хлеба... С этим три дня однажды прожили. Булочные не работали, даже эти 125 грамм было не получить, вообще ничего не давали. Это было в декабре 1941 года.

В январе 1942 года отец пропал без вести. В марте 1942 года мама попала в стационар для дистрофиков, там и умерла в мае. Как-то соседка (к тому времени наш дом снесли и я жил на улице Рубинштейна) рассказала, что на заводе №7 принимают на работу (а где-то с февраля

рабочим прибавили пайку). Я пришел сюда, в отдел по найму. Начальник спросил: «Куда?» — Я ответил: «Куда-нибудь». — «По крышам лазишь?» — «Да». — «Тогда будешь кровельщиком». Так меня определили в отдел ЖКО. Это было 10 апреля. Сначала месяц проработал с женщинами на уборке в общежитии на Арсенальной. А после этого мой начальник, чтобы я чему-то научился, направил меня в теплоцех — котельная, компрессорная, водопровод...

Поначалу было трудно ориентироваться на местности, потому что корпуса «Арсенала» были разбросаны на большой территории. Сети были ненадежные, вечные течи, в том числе и от обстрелов. Бывало — авария, приходят взрослые специалисты, начинают делать все, что нужно, а вода все равно течет. Но в процессе работы приобрел определенную квалификацию.

— Вы пришли на завод 15-летним мальчиком. В военные годы взрослеют рано, но такой возраст — все равно почти детский. Как к Вам относились взрослые?

— Когда я пришел на «Арсенал», меня начал опекать один мастер, Дмитрий Павлович Голубков. Он был моим непосредственным начальником — давал работу, принимал работу, советовал. Этот человек добровольно взял на себя такие обязанности. Почему? Наверное, просто понимал мою ситуацию, что я круглый сирота, беспокоился, как бы чего не случилось, чтобы я не попал в дурную компанию. После работы он приглашал меня к себе домой, я был для них как член семьи. Мы остались друзьями на всю жизнь.

Надо сказать, что и другие взрослые помогали. На «Арсенале» работали специалисты очень высокой квалификации. И когда я обращался с вопросом не по своему профилю (по механике, разметке и т.д.), нигде никто не отказывал в помощи.

После прихода на «Арсенал», жить мне, конечно, стало немного легче. Не хватало только еды, хотя и получали по 350 грамм. Утром эту пайку возьмешь, кофе на сахарине — вот и все. В 1943 году началось движение по Ладоге. Появились допталоны, на которые мы получали кашу. В столовой по талонам можно было получить дрожжевой суп, шроты (из опилок), дальше — больше, добавили кусок масла или шпика.

От моего дома до «Арсенала» было далеко, и мой дядя договорился с одним управдомом, в результате я переехал на Арсенальную. Правда, зимой чаще ночевал на заводе. Комнату не топил, потому что дров не было. А при цехе в конторе была буржуйка. Свою смену отработаешь, 12 часов, — и на стол, где придется.

На случай обстрелов при цехе была выкопана щель. Когда начинался обстрел, заходили в эту щель. Под обстрел я попадал три раза. Один раз в городе, в 1943 году, один — здесь, рядом с цехом. Как-то раз зашел с улицы в здание, а в это время начался обстрел. Один снаряд упал и ранил охранников. А другой попал в стену, не долетел полметра, чтобы влететь ко мне в комнату. Выбило двери, окна, а мороз стоял трескучий. Недалеко работал старичок, он поднялся ко мне: «Михаил, ты жив?» Занавесили одеялами, плита была у него. Сели на плиту и дожидались утра. А утром пошел в цех.

— Как Вы встретили день снятия блокады?

— И снятие блокады, и Победу я встретил на «Арсенале». Помню, когда пришло это известие, я работал на Невской стороне. Во время обеда пошел домой. Возвращаюсь и вижу: по улице Комсомола ведут пленных немцев, большая колонна, человек пятьдесят. Завернутые в одеяла, на ногах — соломенные бахилы. И знаете, не было ненависти, злости, мне стало

смешно: вон какие вояки! Стало понятно, что скоро войне конец.

— Шла война, но даже в таких условиях люди не ставили «крест» на обычных человеческих радостях. Что было в жизни арсенальцев помимо производства?

— Все развлечения проходили в садике у центральной проходной. В этой аллее по вечерам, если не было обстрелов и тревоги, устраивались танцы под аккордеон, баян. Проходили танцы и на территории завода, у общежитий. Вправо от центральной проходной, на первом этаже, располагался отдел кадров, а на втором и третьем этажах — мужское общежитие. Слева — женское. Было общежитие и в здании №108. Рядом на площадке устраивались танцы. Привозили на «Арсенал» и кино.

— Что было в Вашей жизни после войны?

— В 1941 году я окончил 6-й класс. Потом, когда пришел на завод, начал ходить в школу рабочей молодежи (такая была при «Арсенале»). Получил, как было тогда положено, семилетнее образование. Потом, когда окончил школу мастеров, стал сменным мастером. Занимался всем, что связано с теплотехникой, отоплением, нестандартным оборудованием. Был мастером подготовки, предлагали стать начальником цеха, но я отказался, так долгое время и оставался заместителем начальника теплотехнического цеха.

Очень увлекался спортом. Стал мастером спорта по игре «в городки». Наша арсенальская команда была многократным чемпионом Ленинграда, имелись и индивидуальные чемпионы, входили в сборную города, ездили на Первенство СССР.

В начале 1990-х я вышел на пенсию. Сейчас живем с женой, с которой, кстати, познакомился на «Арсенале», недавно отметили «бриллиантовую» свадьбу, воспитываем внуков.

*Ксения Владимировна Черенцова,
пресс-служба ОАО «МЗ «Арсенал»,
ФГУП «КБ «Арсенал»*

Sehen und erleben: lebendige Geschichte der Blockade

KAPITONOW Michail Alexandrowitsch

Wie ist das Gedenken an die Blockade zu bewahren? Städtische Feierlichkeiten, Fernseh- und Radiosendungen, öffentliche Maßnahmen anlässlich dieses oder jenes Datums... Das und viel anderes soll unser Leben im neuen Jahrtausend begleiten, aber die Zeit lässt mit unbarmherziger Hartnäckigkeit die Details jener Tage verschwinden, die in den privaten Geschichten der Augenzeugen der Blockade versteckt sind. Wir bieten Ihnen eine davon an. Machen Sie sich bekannt: Michail Alexandrowitsch Kapitonow.

— Michail Alexandrowitsch, wie kamen Sie auf «Arsenal»?

— Als die Blockade begann, war ich 15 Jahre alt. Unsere Familie (ich, Vater und Mutter) wohnten unweit von hier auf der Shukow-Straße. So blieb es bis Winter 1942. Er war für uns am schwierigsten. Uns retteten Schuppen, die neben unserem Haus gestanden hatten. Als der Krieg ausbrach, befahl man sie niederzureißen, alles, was darin sich befand, legte man in einen Haufen zusammen. Andere Einwohner wurden evakuiert, und wir blieben allein. Mit dem Holz war es viel wärmer. Auf dem Herd konnte man Wasser kochen. Man trank heißes Wasser und fügte etwas Salz hinzu, damit es leckerer war. Man briet seine 125 grams Brot... Davon haben wir einmal drei Tage gelebt. Bäckereien funktionierten nicht, sogar diese 125 grams konnte man nicht bekommen, es gab gar nichts. Das geschah im Dezember 1941.

Im Januar 1942 wurde mein Vater vermisst. Im März 1942 kam Mutter in die Krankenstation für diejenigen, die an Dystrophie litten, dort starb sie im Mai. Einmal erzählte mir eine Nachbarin (unser Haus war schon niedergerissen und ich wohnte auf der Rubinstein-Straße), dass auf dem Werk Nr 7 Arbeitskräfte eingestellt werden (seit Februar bekamen die Arbeiter mehr Brot). Ich kam in die Personalabteilung. Der Personalleiter fragte: «Wohin?» — Ich antwortete: «Irgendwohin». — «Kletterst du auf die Dächer?» — «Ja». — «Dann wirst du Dachdecker». So kam ich in die Kommunalabteilung. Das war am 10. April. Den ersten Monat arbeitete ich mit den Frauen, wir räumten das Wohnheim auf dem Arsenalnaja Kai auf. Danach schickte mich mein Chef, damit ich etwas erlernte, in die Wärmeabteilung — Kesselraum, Kompressorraum, Wasserleitung ...

Zuerst fiel es schwer, sich auf der Gegend zu orientieren, weil die Gebäude von «Arsenal» auf einem großen Territorium zerstreut sind. Netze waren unsicher, ständig entstanden neue Lecke, unter anderem wegen des Bombardierens. Es kam vor, dass bei den Havarien erwachsene Fachleute kamen und alles Nötige machten, aber Lecke blieben. Mit der Zeit erwarb ich nötige Erfahrungen.

— Sie kamen auf das Werk als ein 15-jähriger Junge. Im Krieg wird man früh erwachsen, aber in diesem Alter ist man noch Kind. Wie verhielten sich Erwachsene zu Ihnen?

— Als ich auf das «Arsenal» kam, betreute mich der Meister Dmitrij Pawlowitsch Golubkow. Er war mein unmittelbarer Chef, erteilte Arbeit, nahm sie an, gab Ratschläge. Dieser Mensch machte das ganz freiwillig. Warum? Er verstand wohl meine Situation, verstand, dass ich Waise war, machte sich Sorgen, dass ich in Sumpf gerate. Nach der Arbeit lud er mich oft zu sich nach Hause ein, für ihn war ich wie ein Familienmitglied. Dann, als ich selbständig wurde, befreundeten wir uns für das ganze Leben.

Zu sagen ist, dass andere Erwachsene auch halfen. Auf «Arsenal» arbeiteten Fachleute von sehr hoher Qualifikation. Und wenn ich mich an sie mit den Fragen nicht meines Profils wandte (in Bezug auf Mechanik, Markierung usw.), zog niemand die Brücke auf.

Als ich aufs «Arsenal» kam, wurde das Leben viel leichter. Es fehlte nur an Essen. Obwohl wir 350 g Brot bekamen. Morgens nimmst du dieses Brot plus Kaffee mit Saccharin — und das wäre alles. Im Jahre 1943 verkehrten die LKWs auf dem Ladogasee. Wir bekamen zusätzliche Lebensmittelkarten, auf die man uns Brei gab. Im Speiseraum konnte man Hefesuppe oder Schrots (aus Spänen) bekommen, je weiter, desto mehr: ein Stück Butter oder Speck wurden hinzugefügt.

Der Weg von meinem Haus zum «Arsenal» nahm viel Zeit in Anspruch, und mein Onkel sprach mit einem Hausmeister, so zog ich auf die Arsenalnaja Straße um. Im Winter übernachtete ich gewöhnlich auf dem Werk. Das Zimmer heizte ich nicht, weil ich kein Holz hatte. Aber im Büro der Abteilung gab es einen Herd. Als die Schicht — 12 Stunden — vorbei war, schlief ich auf dem Tisch oder wo es auch sei.

Neben der Abteilung wurde ein Deckungsgraben gemacht. Wenn Bombardieren begann, kam man dorthin. Unters Bombardieren geriet ich dreimal. Einmal in der Stadt im Jahre 1943, einmal hier, neben unserer Abteilung. Eines Tages kam ich rein, und da begann das Bombardieren. Ein Geschosskörper fiel und verwundete die Wachhabenden. Und der zweite traf die Wand. Noch ein halber Meter und er wäre in meinem Zimmer. Türe und Fenster wurden ausgeschlagen, und das bei klirrendem Frost. Unweit arbeitete ein Alter, er kam zu mir: «Michail, bist du am Leben?» An die Fenster hängten wir Decken, der Alte hatte einen Herd. Auf diesem Herd saßen wir bis Morgen. Am Morgen ging ich in unsere Abteilung.

— Und wie begingen Sie die Aufhebung der Blockade?

— Sowohl die Aufhebung der Blockade als auch den Tag des Sieges beging ich auf «Arsenal». Ich weiß noch ganz genau: als diese Nachricht kam, arbeitete ich auf der Newaer Seite. In der Mittagspause ging ich nach Hause. Auf dem Weg zurück sah ich, dass man durch die Komsomol-Straße gefangengenommene Deutsche führte, eine große Kolonne,

etwa fünfzig Mann. In Decken eingewickelt, an den Füßen Strohhüberzieher. Wissen Sie, es gab keinen Hass, keine Bosheit, ich fand sie komisch, solche Krieger! Es wurde klar, dass der Krieg bald zu Ende sei.

— *Es war Krieg, aber sogar unter solchen Bedingungen schlug man kein Kreuz über normale menschliche Freuden. Was gab es im Leben der Arsenalarbeiter außer Produktion?*

— Alle Unterhaltungen fanden im Garten neben dem Zentraleingang statt. Abends, wenn es keinen Alarm und kein Bombardieren gab, tanzte man bei Akkordeon oder Handharmonika. Es gab Tanzen auch auf dem Territorium des Werkes, neben den Wohnheimen. Rechts vom Zentraleingang im Erdgeschoss befand sich die Personalabteilung, und im ersten und zweiten Stock lag das Wohnheim für Männer. Links lag das Wohnheim für Frauen. Ein Wohnheim gab es auch im Gebäude Nr 108. Daneben veranstaltete man Tanzen. Filme zeigte man auf «Arsenal» auch ziemlich oft.

— *Und was war in Ihrem Leben nach dem Krieg?*

— Im Jahre 1941 absolvierte ich die 6. Klasse. Dann, auf dem Werk, besuchte ich die Schule der arbeitenden Jugendli-

chen (so eine gab es bei «Arsenal»). Wie es damals auferlegt war, absolvierte ich sieben Klassen. Dann, nach der Meisterschule, wurde ich Schichtmeister. Beschäftigte mich mit allem, was mit Wärmetechnik, Heizung, Sonderausrüstungen verbunden ist. War Vorbereitungsmeister, man schlug mir vor, Abteilungsleiter zu werden, aber ich verzichtete darauf und blieb lange Zeit Stellvertreter des Leiters der wärmetechnischen Abteilung.

Ich war für Sport begeistert, wurde Sportmeister, spielte Knüttelspiel.

Unsere Mannschaft von «Arsenal» wurde mehrmals Meister von Leningrad, es gab auch persönliche Meister, Mitglieder der Stadtauswahl, wir nahmen an der Meisterschaft der Sowjetunion teil.

Seit Anfang der 90-er Jahre bin ich pensioniert. Ich lebe mit meiner Ehefrau, die ich auf «Arsenal» kennenlernte und mit der ich vor kurzem unsere Brillanthochzeit feierte, wir erziehen unsere Enkelkinder.

Xenija Tscharentzowa

To See and to Survive: Live Story of the Siege

KAPITONOV Mihail Alexandrovich

How to save the memory about the siege? Solemn city events, TV and radio programs, public actions and many other things should definitely be in our life in the new millennium. However, the details of those days are carried away in time every day. These details are hidden in the stories of the witnesses of the siege. We offer you one of them. Please, get acquainted M.A. Kapitonov.

— *Michail Alexandrovich, how did you turn out to be at Arsenal?*

When the siege began I was 15 years old. Our family lived not far from «Arsenal», at Zhukova street. There we lived till winter of 1942. It was the hardest time for us. There were many barns near our house, this saved us. When the war started, it was ordered to destroy them, everything that was in them was put in one big heap. All our neighbors were evacuated, we stayed there just by ourselves. We had wood to heat. We could boil water and drank it. We added salt to water for it to be tastier. We fried our bread rations of 125 grams. Once we had to live 3 days on this ration. Bakeries were closed, we could not get even these 125 grams, they did not give anything. It was in December of 1941.

In January of 1942 our father disappeared. In March of 1942 my mother was put in hospital with dystrophy, there she died in May. Once our neighbor (by that time our house

was destroyed and I lived at Rubinsteina street) said that they accept workers at the plant No 7 (in February the bread ration for workers was increased). I came there to HR department. The head of the department asked: «Where?» — I answered: «Anywhere». — «Can you climb the roofs?» — «Yes». — «Then you will be roofer». So I was accepted. It was on April 10th. First I worked with women, we cleaned a hostel at Arsenalnaya street. After that my chief sent me to the boiler-room to learn something.

First it was hard to orientate myself at the plant, because the buildings of Arsenal were scattered on vast territory. Networks were bad, they always leaked. If a breakdown happened, senior specialists came and did everything they could, but water still leaked. But I got a special qualification during my work.

— *You came to the plant when you were 15 years old. During the war children grow up quickly, but you were almost a child at that time. How did the grown ups treat you?*

— When I came to Arsenal, a master Dmitry Pavlovich Golobkov started to patronize me.

He was my direct chief, he gave me work, accepted work, gave me pieces of advice. This man did so at his own will. Why? Perhaps, he simply understood my situation, he understood that I had no parents and worried about me. After

work he invited me to visit his family. I was like a member of their family. Later, when I had grown up, we became friends for the rest of our lives.

I must say that other grown ups also helped me. Qualified specialists worked at «Arsenal». And when I had questions not in my field (about mechanics, formatting and so on) nobody refused to help me.

When I started working at «Arsenal», it became a little easier for me to live. But I did not have enough food, though we got 350 grams of bread a day. I took this ration in the morning, had coffee with sugar — and this is it. In 1943 the movement over the Ladoga lake started. There additional cards appeared, for which we could get porridge. You could also get an yeast soup and cakes (from sawdust), later you could also get a piece of butter or fat.

It was quite far from my house to «Arsenal». My uncle talked to one superintendent, and I moved to Arsenalnaya street, I lived there. In winter I slept at the plant. I did not heat my room, because I had no wood. But there was a potbelly stove in the shop. I finished my norm, 12 hours, and slept on the table.

There was a ditch at the plant in case of bombardments. When a bombardment began, we went to that ditch. I was under bombardments three times: once in the city in 1943, once here, near the shop. Once I just entered the building when the bombardment began. One shell fell down and wounded the guards. The other shell hit the wall and stopped half a meter from my room. Doors and windows were smashed, and it was very cold. An old man worked not far from me, he went to my room: «Michail, are you alive?» We hang blankets over windows, he had a stove, so we sat on the stove and waited for the morning to come. In the morning I went to the shop.

— *How did you meet the day of lifting of the siege?*

— I met both the day of lifting of the siege and the Victory day at «Arsenal». I remember that I was working at Nevskaya side when this message came. During the lunch time I went home. I saw that a big file of, about 50 people of captive Germans were followed along the Komsomola street. They were wrapped in blankets, they had straw boots on their feet. I did not have any hatred or anger, I smiled: brave fighters! I understood that the end of war was near.

It was war, but even at that time people did not stop having fun. What did the workers of «Arsenal» do except work?

All the entertainment was in the garden near the central entry. In the evening accordion was playing there and people danced. There were dances at the territory of the plant too, near the hostels. HR department was located left from the central entry, on the ground floor, a male hostel was on the 1st and 2nd floors. To the left was a female hostel. They also brought cinema to «Arsenal».

— *What happened in your life after the war?*

— In 1941 I finished 6th form. Later, when I came to the plant, I started going to school of the working youth (there was such a school at «Arsenal»). I finished secondary school and became a foreman. I did everything what was connected with thermotechnics, heating, non-standard equipment. They offered me to become the head of the shop, but I refused, I was the deputy head of the thermotechnics shop for a long time.

I was keen on sports. I became a master of sports in gorodki. Our team from Arsenal was a champion of Leningrad many times, there were individual champions, they entered the select team of the city and went to the USSR competitions.

At the beginning of 1990s I retired. Now I live with my wife, whom I got acquainted with at Arsenal, recently we celebrated our «diamond» wedding, we bring up our grandchildren.

Ksenia Cherentsova

Ирина Щербакова, ГОУ № 490, 10 класс

Военные раны

ЛАКИЗО Василий Егорович

О войне, о подвигах, о героях рассказано немало. Неоднократно писали и об арсенальце Василии Егоровиче Лакизо. Он был призван в Красную Армию в 1941 году сразу же после окончания 10 класса. А войну закончил 9 мая 1945 года под городом Данциг в Польше.

— Я должен был участвовать в Параде Победы в колонне 3-го Белорусского фронта. Меня отправили на Парад Победы в Кенигсберг (там был штаб этого фронта). Пришлось туда и как начали тренировать: «Выше ноги, выше ноги!» И тут у меня открылась рана...

А ранило меня под Харьковом в 1942 году. Осколком, в бедро. Привезли меня в Воронеж, в госпиталь медицинского института. На второй день везут в хирургическое отделение. Положили на стол, привязали. Слышу, говорят: «А этому молодому человеку будем ампутировать ногу». А я тогда не знал, что такое «ампутировать». Лежу спокойно. Потом смотрю — идет хирург с пилой! «Кому здесь будем удалять ногу?» На меня показывают: «А вот этому». Только тут до меня дошло, что мне собираются отрезать ногу! Я как закричу: «Не дам ногу резать!» Тогда хирург спрашивает: «А он на рентгене был?» — «Да у него такое ранение, — отвечают, — все равно нужно ногу отрезать». — «Нет, сделайте рентген!» Сделали

мне рентген, а потом — опять в хирургическое отделение. «Что, — спрашиваю, — все-таки будете отрезать?» — «Нет, — отвечает хирург, — но у тебя там три крупных и много мелких осколков. Я тебе удалю крупные осколки, а мелкие сами будут выходить».

Потом, когда уже воевал, иду, чувствую — потекло. Осколок выходит. Я его вынимаю, выбрасываю, тройным одеколоном дезинфицирую и иду дальше.

Так вот, перед Парадом Победы у меня рана открылась, меня вычеркнули и отправили обратно в полк. Вместо меня отправили одного казаха. А приказ не изменили. И вот потом, когда я уже в Академии преподавал, на 30-летие Победы собирали всех участников того Парада. Меня вызывают в горвоенкомат: «Ты — участник Парада, поедешь на Парад Победы в Москву». — «Я не был на Параде». — «Как так?! А почему же документы такие?» — Объяснил. — «А ты не признавайся». Я отказался и написал в «Казахстанскую правду» — рассказал об этом казахе. Его разыскали, и он участвовал в Параде Победы, потом ко мне в гости приезжал, мы долго с ним переписывались...

*Михаил Александрович Синицин,
пресс-служба ОАО «МЗ «Арсенал»,
ФГУП «КБ «Арсенал»*

Wunden vom Krieg

LAKISO Wassilij Egorowitsch

Über den Krieg, über die Heldentaten und Helden wurde vieles erzählt. Nicht einmal schrieb man auch über den Mitarbeiter vom «Arsenal» Lakiso Wassilij Egorowitsch. Einberufen in die Rote Armee wurde er im Jahre 1941 sofort nach der Absolvierung der 10. Klasse. Den Krieg beendete er am 9. Mai 1945 in Polen bei Danzig.

— Ich sollte an der Parade des Sieges in der Kolonne der 3. Weißrussischen Front teilnehmen. Man schickte mich zur Parade nach Königsberg, wo der Stab dieser Front sich befand. Man schickte mich dorthin und Training begann: «Beine höher, Beine höher!» Und da öffnete sich meine Wunde ...

Verwundet war ich bei Charkow im Jahre 1942. Durch einen Splitter in den Schenkel. Man brachte mich nach Woronesch, ins Hospital des medizinischen Instituts. Am zweiten Tag wurde ich in die chirurgische Abteilung gebracht. Auf den Tisch gelegt, angebunden. Ich höre, man sagt: «Diesem jungen Mann werden wir das Bein amputieren». Damals wusste ich nicht, was «amputieren» bedeutet. Und lag ganz ruhig. Da bemerkte ich den Chirurgen mit einer Säge! «Wem werden wir das Bein amputieren?» — «Diesem», man zeigt auf mich. Da fiel mir ein, dass sie vorhaben, mir das Bein zu amputieren! Ich schrie: «Ich lasse euch nicht zu, mein Bein zu schneiden!» Da fragte der Chirurg: «Hat man sein Bein röntgen lassen?» — «Bei seiner Wunde soll

das Bein sowieso amputiert werden». — «Nein, röntgen lassen!» Man hat das gemacht und mich wieder in die chirurgische Abteilung gebracht. «Werdet ihr schneiden?» fragte ich. — «Nein, — antwortete der Chirurg, — aber du hast dort drei große Splitter und mehrere kleine. Große werde ich herausoperieren, kleinere werden von selbst herausgehen».

Später, als ich schon an der Front war, fühlte ich einmal beim Gehen, dass etwas floß. Der Splitter war da. Ich nahm ihn heraus, warf weg, entgiftete die Wunde mit Kölnischwasser und ging weiter.

Also, vor der Parade des Sieges öffnete sich meine Wunde, man hat mich in mein Regiment zurück geschickt. Und zur Parade schickte man einen Kasachen. Aber in der Liste der Teilnehmer wurden keine Vermerkungen gemacht. Anlässlich des 30-jährigen Jubiläums des Sieges, als ich an der Akademie unterrichtete, versammelte man alle Teilnehmer jener Parade. Man ließ mich ins Militärkomitee kommen: «Du als Teilnehmer der Parade des Sieges fährst nach Moskau». — «Ich nahm daran nicht teil». — «Wieso? Du bist doch auf der Liste?» — Ich erklärte. — «Erzähl niemandem darüber». Aber ich verzichtete darauf und schrieb an die Zeitung «Kasachskaja Prawda» über diesen Kasachen. Man hat ihn gefunden und er nahm an der Parade teil, dann besuchte mich, wir standen lange im Briefwechsel...

War Wounds

LAKIZO Vasilij Egorovich

A lot has been said about the war and its heroes. A lot has been written about the worker of «Arsenal» Vasilij Egorovich Lakizo too. He was called to the Red Army in 1941 right after finishing his 10th form. He finished the war on May 9th 1945 near the town of Danzig in Poland.

I had to participate in the Victory Parade in the file of the 3rd Belorussia front. I was sent to the Victory Parade to Königsberg (the headquarters of that front was there). They started to train me there: «Legs up, legs up!» After that my wound began bleeding.

My hip was wounded near Kharkov by a fragment. I was brought to Voroneg, to the hospital of the medical institute. On the second day they took me to the surgery. They put me on the table and tied up. I could hear «Shell we amputate the leg of this young man?» I did not know at that time what «amputate» meant. I was lying calmly. Then I saw a surgeon with a saw! «Who shall we amputate the leg?» They pointed at me. Only at that moment I understood that they were going to cut my leg! Then I cried: «I won't allow you to cut my leg!» The surgeon asked: «Has he been at x-ray examination?» — «He has such a wound, — they answered, — we'll have to amputate his leg anyway». «No, do

the x-ray examination!» They did x-ray examination and then brought me to the surgery again. «Are you still going to cut my leg?» «No», — answered the surgeon, but you have there three big and many little splinters. I'll remove the three big ones, and the little ones will leave the leg by themselves».

Later several times I felt that the splinters went out of my leg. I threw them away and disinfected the wound with triple cologne.

That is why before the Victory Parade my wound started bleeding. I was crossed out of the participants and was sent to my regiment. One Kazakh was sent instead of me. But they did not change the order. Later, when I already taught at the Academy, they gathered all the participants of the Parade for the 30 years anniversary of the Victory Parade. They called me to the military enlistment office and told me to participate in the military parade in Moscow. I said that I had not participated in that parade and explained everything. «Don't tell anybody about that», they advised me. But I refused to go and wrote a letter to «Kazakhstan Pravda». They found him and he participated in the Victory Parade, then he visited me and after that we were in correspondence with each other for a long time...

**Молодому поколению —
о подвигах предков**

Память сердца

**ВНОВЬ НАШУ ПАМЯТЬ
ЖГУТ ВОСПОМИНАНИЯ**

*Вновь память нашу жгут воспоминания,
И сердце замирает в тишине.
Мы видим через годы, расстояния,
Как город наш родной горел в огне.*

*Клубился серый дым над Ленинградом,
Враги хотели город покорить.
Но взрослые и дети встали рядом,
Смогли любимый город сохранить.*

*И, сохраняя память для потомков,
Огонь, как символ мужества, горит.
Над братскими могилами негромко
Пусть музыка печальная звучит.*

*Когда цветы возложим к обелискам,
Лишь ветер ледяной утрет слезу.
Мы поименно вспомним наших близких,
Погибших в ту жестокую войну.*

*С. А. Палехова,
Н. Я. Соломыкина,
М. А. Киселева*

БАТЯЙКИНА Вера Александровна

Верочка Андрианова родилась в Ленинграде 28 сентября 1920 года. Страна освобождалась от последствий гражданской войны, возрождалось промышленное производство, оживало сельское хозяйство. У молодых людей появились радужные перспективы. В эти годы Верочка успешно училась в школе и с детства мечтала стать актрисой. Для этого у нее были все предпосылки: хорошие знания, интересная и привлекательная внешность, веселый, игривый характер. И вот школа позади и она вместе с подругой, тоже Верой, идет поступать на «Ленфильм».

Подруге не повезло. Она не прошла второй тур конкурса. А наша героиня вышла победительницей, прочитав монолог «Липочки» из пьесы А. Островского. Приемная комиссия (в которой были известные деятели культуры: С. А. Герасимов, А. Г. Захри, И. В. Хейфиц, Л. З. Трауберг, Г. М. Козинцев, артистка Чайка, Ф. И. Каменский, Дарьян Жуковский, поэт Сергей Михайлов и многие другие) хорошо оценила способности молодой абитуриентки. Но внезапная болезнь помешала ей начать учебу.

А вскоре грянула война. В первый месяц Вера принимала участие в службе МПВО (тушение бомб-зажигалок, охрана объектов). По радио объявили о приеме на трехмесячные курсы шоферов. Она поступила и окончила их. Однажды Вера попала под бомбежку у Большого Охтинского моста, едва успела выскочить из машины, как в машину попала бомба. А вскоре в городе кончился бензин, и машины встали.

Вера по направлению райкома идет работать на кирпичную фабрику «Возрождение».

Зима наступила очень холодная, и на работу пришлось ходить через Неву по льду. В эти суровые дни зародилась молодая семья. Вера вышла замуж за Дмитрия Павловича Грачева, помощника командира танковой роты, стоявшей на Конюшенной площади. Счастье, если это можно так назвать, длилось недолго. 12 февраля 1942 года Вера была эвакуирована по «Дороге жизни».

Но на станции Буй ее сняли с поезда с тяжелой формой сыпного тифа. Длительное лечение, и снова в путь. Привезли под

Новосибирск, в город Бердск. Там в это время находился эвакуированный театр им. Пушкина. Вера решила сходить на выступление и в столовой театра встретила старых знакомых. За столиком сидели Жуковский, Черкасов, Луковская и другие артисты. Они с трудом узнали в худой остриженной наголо Верочке бывшую воспитанницу — «Липочку».

Но Вера приехала не на спектакли. И вот новая работа, явно не женская — водитель грузовика в батальоне аэродромного обслуживания (БАО). К тому времени Вера немного окрепла и стала проситься на фронт. Пришло известие о гибели мужа в Ленинграде, и это прибавило ей решимости. Долго не отпускали, но она добилась своего.

Март 1943 года. Прощай, Новосибирск и аэродром Толмачево. Поезд мчит в направлении Москвы. Калининский фронт — начало боевого пути. Вера — младший сержант, помощник адъютанта 1-й эскадрильи при штабе полка. Она принимает и передает боевые донесения,

*Штаб 8-й гвардейской Краснознаменной истребительной Киевской ордена Богдана Хмельницкого дивизии.
В первом ряду справа Борис и Вера Батяйкины*

сводки о сбитых и потерянных самолетах, поддерживает связь с боевыми подразделениями. В сентябре она уже старший сержант на офицерской должности, служит авиадиспетчером в штабе дивизии. Пришлось побывать и под бомбежками, и под обстрелом вражеских зениток. В бою ранило близкого друга, летчика по фамилии Горизонт. В свободное от дежурства время Вера решила навестить его в госпитале и вдруг у его постели встретила свою лучшую подругу юности — военного врача Веру. Сколько воспоминаний, потерь и утрат! У обеих погибли мужья, а они еще так молоды.

Штаб дивизии часто не задерживался на одном месте больше недели: Старый Оскол, Обоянь, Долгие Буды, Ахтырка, Курская дуга. Потери были большие, а пополнение слишком молодо.

Октябрь и ноябрь 1943 года. Жесткие бои за Киев. Над переправой через Днепр, по-

сле двух сбитых вражеских самолетов, погиб командир 91-го полка, Герой Советского Союза летчик Романенко. Это случилось 5 ноября, ему было 30 лет. Сейчас на этом месте стоит памятник герою, а вокруг растут 30 деревьев.

За один месяц летчик Андрей Анацкин сбил девять самолетов противника и был награжден Орденом Боевого Красного Знамени — посмертно. Особенно горько было хоронить новобранцев. Некоторым из них не было и двадцати лет. Вспомните кинофильм «В бой идут одни старики». Это о них. За Киевом последовали новые боевые операции: Корсунь-Шевченковская, Проскуровско-Черновицкая, Львовско-Сандомирская. Шел уже 1944 год. Напряжение нарастало. Летчикам дивизии иногда приходилось по три раза в сутки поднимать в небо боевые машины.

И вот фронт перешагнул границы СССР. Сражаемся над Польшей: Жешув, Краков,

Бреслау, Ченстохова, Легница. А под крылом уже немецкая земля: Дрезден, Бад-Фрейенвальде. Здесь, на подступах к Берлину, погиб командир 88-й армии.

Славный боевой путь от Ельца до Берлина и Праги прошла 2-я Воздушная армия под командованием С. А. Красовского, в состав которой входила 8-я Гвардейская Краснознаменная Киевская ордена Богдана Хмельницкого дивизия, в которой служила Вера Александровна Батяйкина. О ее славном боевом пути рассказывают ее награды.

Из-под Берлина дивизия была переброшена в Прагу, а затем в Австрию. В прекрасном городе Вена задержались на неделю. Здесь в со-

ветском консульстве 13 февраля 1946 года был зарегистрирован брак Веры Александровны и Бориса Ильича Батяйкина, капитана из штаба дивизии. Свою службу они закончили в Венгрии — Будапешт, Дьер.

Демобилизация! Молодая семья едет в Азербайджан. Баку — родной город мужа. Начиналась мирная жизнь. Вера Александровна окончила университет, факультет русского языка и литературы. Затем школа — литературный кружок, школьный театр и Бакинский драмтеатр.

*Евгений Батяйкин,
воспитанник ГДОУ «Детский сад № 44».
Информация взята из книги В. А. Батяйкиной*

Erinnerung an die Frontjugend

BATJAJKINA Wera Alexandrowna

Werotschka Andrianowa wurde in Leningrad am 28. September 1920 geboren. Das Land befreite sich von den Folgen des Bürgerkrieges, die Industrie wurde aufgebaut, die Landwirtschaft belebte sich. Junge Leute bekamen heitere Perspektive. In dieser Zeit lernte Werotschka erfolgreich in der Schule, von Kindheit an träumte sie davon, Schauspielerin zu werden. Dafür hatte sie alle Voraussetzungen: gute Kenntnisse; interessante, angenehme Erscheinung; fröhlicher heiterer Charakter. Endlich ist die Schule vorbei, Werotschka geht mit der Freundin (sie heißt auch Wera) auf «Lenfilm», um aufgenommen zu werden. Die Freundin hatte Pech und bestand den zweiten Teil der Aufnahmeprüfungen nicht. Aber unsere Heldin siegte, indem sie den Monolog von Lipa aus dem Theaterstück von A. Ostrowskij rezitierte. Die Aufnahmeprüfer (unter denen bekannte Künstler S. A. Gerassimow, A. G. Sachri, I. W. Heifiz, L. S. Trauberg, G. M. Kosintzew, Schauspielerin Tschaika, F. I. Kamenskij, Darjan Shukowskij, Dichter Sergej Michailow und viele andere waren) bewertete hoch die Begabung der jungen Abiturientin. Aber unerwartete Krankheit ließ nicht zu, das Studium zu beginnen.

Und dann brach der Krieg aus. Im ersten Monat nahm Wera an der Luftabwehr teil (man löschte Flammenbomben, bewachte Gebäude). Im Radio wurde mitgeteilt, dass man auf einen Lehrgang gehen konnte, um in drei Monaten Fahrer zu werden. Sie machte das und absolvierte diese Kurse. Einmal geriet Wera neben der Bolscheochtinskij Brücke unter Bombardieren, kaum schaffte sie es, aus dem Auto aus-

zuspringen, da traf es die Bombe. Aber bald war in der Stadt Benzin zu Ende und Autos blieben stehen.

Bezirksexekutivkomitee schickte Wera auf die Ziegelfabrik «Wiedergeburt». Der Winter war sehr kalt, auf die Arbeit sollte man über das Newa-Eis gehen. An diesen harten Tagen entstand eine junge Familie. Wera heiratete Gratschjow Dmitrij Pawlowitsch, der Stellvertreter des Kommandeurs einer Panzerkompanie, die zu jener Zeit auf dem Konjuschennaja Platz sich befand. Das Glück, wenn man so sagen kann, dauerte nicht lange. Am 12. Februar 1942 wurde Wera über den «Lebensweg» evakuiert. Aber auf der Station Buj brachte man sie aus dem Zug wegen einer schweren Form Flecktyphus weg. Lange Heilbehandlung, dann wieder auf den Weg. Man brachte sie in die Stadt Berdsk unweit von Nowosibirsk. Dort befand sich damals das evakuierte Puschkin-Theater. Wera kam auf die Vorstellung und im Speiseraum des Theaters begegnete sie ihren alten Bekannten. Am Tisch saßen Shukowskij, Tscherkassow, Lukowskaja und andere Schauspieler. Mit Mühe erkannten sie ihre ehemalige Studentin «Lipotschka», so mager war die kahlgeschorene Wera.

Aber Wera kam nicht wegen Vorstellungen. Sie bekam eine neue Arbeit, gar nicht für Frauen bestimmt — LKW-Fahrerin im Bataillon, das einen Flughafen bediente. Zu jener Zeit hatte sich Wera ein bisschen von ihrer Krankheit erholt und bat, sie an die Front zu schicken. Da kam die Mitteilung über den Tod ihres Mannes in Leningrad, was sie noch entschlossener machte. Man ließ sie lange nicht auf die Front gehen, aber sie bestand darauf.

März 1943. Auf Wiedersehen, Nowosibirsk und Flughafen Tolmatschjowo. Mit dem Zug fährt sie in der Richtung Moskau. Kalininskij Front — Anfang des Kampfweges. Wera ist Untersergeant, Helferin des Adjutanten der 1. Staffel im Regimentstab. Sie nimmt Kampfmeldungen, Abschusslisten und Listen der verlorenen Flugzeuge ab und gibt sie weiter, sie hält Verbindung mit den Kampfseinheiten. Im September ist sie schon Obersergeant in der Offizierdienststellung, Flugdispatcher im Divisionsstab. Mehrmals war die unter Bombardieren und unter Beschuss feindlicher Fliegerabwehrkanonen. Im Kampf wurde ein guter Freund, der Flieger mit dem Familiennamen Gorizont, verwundet. In der freien Zeit besuchte Wera ihn und sah an seinem Bett ihre beste Jugendfreundin Militärärztin Wera. Wie viele Erinnerungen, Verluste und Schaden! Beide haben ihre Männer verloren, obwohl sie noch so jung waren.

Der Divisionsstab blieb nie länger als eine Woche in einem Ort: Staryj Oskol, Obojan, Dolgije Budy, Achtyrka, Kursker Bogen. Verluste waren sehr groß, Nachschub zu jung.

Oktober und November 1943. Harte Kämpfe um Kiew. Über dem Dnepr-Übergang, nachdem er zwei feindliche Flugzeuge abgestürzt hatte, kam der Kommandeur des 91. Regimentes, Held der Sowjetunion Flieger Romanenko um. Das war am 5. November und er war 30 Jahre alt. Jetzt steht dort ein Denkmal für den Helden, um das Denkmal wachsen 30 Bäume.

Im Laufe von einem Monat stürzte Flieger Andrej Anatzkin 9 Flugzeuge ab und wurde mit dem Orden des Roten Kampfbanners ausgezeichnet — postum. Besonders schwierig war es, Neuangezogene zu beerdigen. Einige von ihnen waren noch keine 20 Jahre alt. Erinnert euch an den Film «Im Kampf sind nur die Alten». Er ist über solche Menschen. Nach Kiew gab es andere Kampfaktionen: Korsun-

Schewtschenkower, Proskurow-Tschernowitzer, Lwow-Sandomirer. Man schrieb schon das Jahr 1944. Die Spannung nahm zu. Manchmal sollten die Flieger dreimal pro Tag die Motore ihrer Kampfflugzeuge anwerfen.

Und die Front überschritt schon die Grenzen der UdSSR. Man kämpfte über Polen: Rzeszów, Krakow, Breslau, Częstochowa, Legnica. Unter dem Flugzeug ist schon deutsches Territorium: Dresden, Bad-Freienwalde. Hier, unweit von Berlin, kam der Kommandeur der 88. Armee um.

Ruhmreichen Kampfweg von Eletz bis Berlin und Prag hatte hinter sich die 2. Luftarmee unter der Führung S. A. Krassowskij, der die 8. Kiewer mit dem Orden Roten Kampfbanners und mit dem Bogdan-Chmelnizki-Orden ausgezeichnete Gardendivision angehörte, in der Wera Alexandrowna Batjajkina diente. Über ihren ruhmreichen Kampfweg erzählen ihre Kampfauszeichnungen.

Von Berlin wurde die Division nach Prag und dann nach Österreich geschickt. In der wunderschönen Stadt Wien blieb man eine Woche. Hier wurde im sowjetischen Konsulat am 13. Februar 1946 die Ehe von Wera Alexandrowna und Boris Iljitsch Batjajkin, Kapitän aus dem Divisionsstab, standesamtlich geschlossen. Ihr Dienst beendeten sie in Ungarn: Budapest, Dör.

Demobilisierung! Junge Familie fährt nach Aserbaidschan. Baku ist die Heimatstadt des Ehemannes. Das friedliche Leben begann. Wera Alexandrowna absolvierte die Universität, Fakultät für Russische Sprache und Literatur. Dann begann die Schule: Literaturarbeitsgemeinschaft, Schultheater und dramatisches Theater in Baku.

*Ewgenij Batjajkin,
Kindergarten Nr44 Information ist dem Buch
von W. A. Batjajkina entnommen*

Memories about Front Youth

BATYAIKINA Vera Alexandrovna

Verochka Andrianova was born in Leningrad September 28th, 1920. At that time the country was regenerating after the Civil War, there was a rise of industry and agriculture. Young people had rosy perspectives. Verochka went to school and dreamed of becoming an actress. She had good background for that. She was smart, interesting and attractive. She finished school and applied to «Lenfilm» together with her friend. Her friend was not lucky, she did not pass examinations. But Verochka was accepted after she had read a monologue of Lipochka from the Ostrovsky's play. The admission board, which included such famous people as S. A. Gerasi-

mov, A. G. Zahri, I. V. Heifits, L. Z. Trauberg, G. M. Koziytsev, actress Chaika, F. I. Kamensky, Darian Zhukovsky, poet Sergey Michalkov and many others, appreciated Verochka's abilities. But a sudden disease prevented her from studying.

Soon the war began. During the first months of the war Vera took part in extinguishing demolition bombs. Later she finished three months driving ofurses. Once Vera was driving her car, when the bombing started, she hardly had time to jump out of the car, when one of the bombs hit the car. Soon after that the city ran out of gas and the traffic almost stopped.

Vera started working at the brick factory «Vozrozhdenie». The winter was very cold, she had to go to work over the ice of the Neva river. During these hard days she got married to Grachev Dmitry Pavlovich, an assistant commander of the tank squadron, which was located at Konushennaya Square. Their happiness was not long. February 12, 1942 Vera was evacuated by the Road of Life. But she fell ill with a spotted fever. She was cured for a long time, after that she was taken to the town of Berdsk, which is near Novosibirsk. At that time the evacuated Theatre of Pushkin was there. Vera decided to watch their performance and met her old acquaintances Zhukovsky, Cherkasov, Lukovskaya and other actors in the theatre canteen. They could hardly recognize her, because she was very thin and her hair was cut off.

But Vera came there to work. This was not a female job. She became a lorry driver at the airdrome services. By that time she had improved in health and wanted to go to the front. She got a message about her husband's death in Leningrad. This message strengthened her decision. For a long time she was not allowed to join the army but she insisted.

In March 1943, she said goodbye to Novosibirsk and went in the direction of Moscow by train. She started her service in the active army at Kalinin frontline. Vera was a junior sergeant, an assistant of the head of the 1st squadron. She accepted and transmitted military orders and reports about lost and defeated planes, provided communication with other military squadrons. In September she was already a senior sergeant, she served as an air traffic control officer in the division headquarters. She had to experience shootings and bombings herself. Her close friend, a pilot, whose surname was Horizon, was wounded during the fight. She visited him in the hospital and there she suddenly met the best friend of her youth, a military doctor Vera. So many memories and losses they had in common! Both lost their husbands, and they were both so young.

The headquarters of the division did not stay for more than a week at one place: Stariy Oskol, Oboyan, Dolgie Budi, Achtirka, Kurskaya Duga. They lost very many soldiers and those who replaced them were too young.

In October and November of 1943 there were severe fights in Kiev. The hero of the Soviet Union pilot Romanenko perished after defeating two enemy planes. This happened on November 5th, he was 30 years old at that time. Now, there is a monument to the hero at this place, 30 trees grow around it.

During one month the pilot Andrey Anatskin defeated 9 enemy planes and was awarded with the Red Banner Order, posthumously. It was terrible to bury re-

cruits. Some of them were hardly 20 years old. Remember the movie «Only old men go to fight», this is about them. Later there were new military operations: Krosun-Shevchenko, Proskurovsk-Chernovitsky, Lvov-Saylovirsky. In 1944 the strain even increased. The pilots of the division sometimes had to rise their machines into the air 3 times a day.

Then the front line moved out of the boundaries of the USSR. They fought over Poland: Zheshuv, Krakov, Breslau, Chenstohova, Legnitsa. Then they moved to Germany: Dresden, Bad-Freienwalde. The head of the 88th Army was killed near Berlin.

The Second Air Army, headed by S. A. Krasovsky, made its glorious way from Elts to Berlin and Prague. Vera Alexandrovna Batyaikina served in the 8th Guard Red Banner Kiev Division of Bogdan Khmel'nitsky Order, which was a part of the Second Air Army.

From Berlin the division was moved to Prague, then to Austria. They stayed in the beautiful city of Vienna for a week. There in Vienna Vera Alexandrovna married to Boris Ilich Batyaikin, the captain of the division headquarters. Their marriage was registered in the Soviet consulate February 13th 1946. They finished their service in Hungary — Budapest, Dyer.

Then the young family went to Azerbaijan, Baku — the native town of the husband. The peaceful life started. Vera Alexandrovna graduated from the university, the department of the Russian language and literature. Then she worked at school, was a part of the literary coterie, acted at the school theatre and Baku drama theatre.

Evgeniy Batyaikin, pupil, Kindergarten No44

Information was taken from the book of V. A. Batyaikina

Мария Царькова, ГОУ № 159, 3 класс

Память сердца

Война глазами моего прадедушки

ВИНОГРАДОВ Николай Иванович

Я никогда не видела моего прадедушку, но благодаря его рукописи, которую он оставил нам, своим потомкам, и в которой описал день за днем свою военную молодость, я знаю о тех событиях, которые происходили с ним в годы Великой Отечественной войны.

Мой прадедушка, Виноградов Николай Иванович (1923–1986) в 1941 году жил в городе Ленинграде и работал слесарем на Кировском заводе. Вот как он описывает первые дни войны в своих воспоминаниях:

«22 июня 1941 года было воскресенье. Погода стояла солнечная, теплая, и я решил съездить в Стрельну отдохнуть. Надел свой лучший костюм и на трамвае отправился к Варшавскому вокзалу. Не доезжая Невы, люди в трамвае заволновались и стали выходить. Кто-то сказал, что в 12 часов будут передавать важное правительственное заявление. Я тоже выскочил из трамвая и подошел к большой группе людей, стоящих у громкоговорителя на столбе. Люди волновались, чувствовалось напряжение. Радио передавало музыку. Горожане не знали, что утром фашистские самолеты пытались прорваться к Ленинграду и разбомбить его, но были отогнаны нашими истребителями.

Ровно в 12 часов по радио выступил министр иностранных дел В. Молотов, который сообщил, что фашистская Германия без объявления войны напала на нашу Родину и что по всей западной границе идут боевые действия. Люди расходились молча, каждый понимал, что это для нас большое испытание. Все чаще на пути стали попадаться трамваи с только что

призванными красноармейцами, видимо, призыв в армию начался еще до выступления Молотова.

Какой тут отдых, я повернулся и пошел домой пешком. В квартире также стоял переполох, правда, в армию еще никого не призвали, но все сидели у радиоприемника и пытались узнать, как развиваются события на фронте. По радио больше передавали музыку и редкие сообщения о стойкости и мужестве красноармейцев по защите границ.

В понедельник, придя на работу, я узнал, что наш завод переведен на 12-часовой рабочий день, и я должен работать в ночную смену. Требования возросли: если раньше за опоздание на работу судили и присуждали вычеты из зарплаты до 20% в течение трех или шести месяцев, то теперь за опоздание можно было получить более строгое наказание.

Повысился контроль за проходом на завод, паспорта у нас были отобраны, а вместо них выданы удостоверения, которые мы сдавали в проходной, получая пропуск только в свой цех. Опоздавших свыше двадцати минут на завод не пускали, поэтому, когда как-то раз я проспал, то от дома до завода бежал что есть духу, обгоняя трамвай.

С непривычки работать по двенадцать часов было трудно. В обеденный перерыв (а такой существовал и в ночную смену) мы выходили во двор, небо было чистое, звездное и ничего не напоминало о войне.

Но вот эхо войны докатилось и до нас. Стало трудно добираться до работы, ибо по пути

загоняли по два-три раза в убежище, так как объявлялась воздушная тревога. На заводе, несмотря на тревоги, мы продолжали работать и только один раз за все время нам предложили пройти в убежище.

Бомбежки Ленинграда стали частые, и первые бомбы попали в зоосад, убив слона и других зверей. В то же время от бомбежки загорелись американские горки, и я наблюдал этот пожар, идя на работу.

После работы мы, молодежь (а в цехе нас набралось человек десять), шли на занятия: учились, как пользоваться противогазами, оказывать первую помощь, делать перевязки, сдавали нормативы на значок ПВХО.

В первые дни войны введены были продуктовые карточки на мясо, масло и другие ценные пищевые продукты. Но в столовой и магазине можно было купить и другие продукты, без карточек. А мы, молодежь, не знали, что надо выкупать по карточкам все продукты, делать запасы, потому что считали: получаемого по карточкам вполне хватает.

Тревоги и бомбежки случались все чаще и чаще, иногда по двадцать раз в день, над городом носился дым от пожаров.

В конце августа 1941 года нас собрали у начальника цеха и объявили, что мы выезжаем рыть окопы. Собрав немудреное хозяйство, всей группой мы выехали в район поселка Горелово.

Там была уже масса людей, организацией этой работы занимались офицеры. Нас распределили по объектам и дали суточное задание, не выполнив которого, никто не мог уйти с работы. Грунт попался очень тяжелый, каменистый, его можно было подцепить только после обработки мотыгой. Ребятам достались мотыги, а женщины за нами выбрасывали землю. Погода была теплая, хотя мы здорово и уставали, но не унывали. Мы получали суп в столовой и пайку хлеба, а притом еще ездили в Ленинград и отоваривали свои продуктовые карточки; покупали селедку, кильку, а картошку копали в колхозном поле, так что питались хорошо.

Спали на полу в специально выделенной хате. Хозяйка попалась хорошая, готовила для нас «допшак» — картошку. Немец нас почти не тревожил.

Ходили всякие слухи, но все они сводились к одному: немцы наступают и приближаются к Ленинграду.

Однажды утром мы впервые близко увидели фашистские самолеты. Было их штук двадцать, они подлетели к аэродрому, который находился недалеко, выстроились и образовали кольцо, начали пикировать на наши самолеты, которые, поднимаясь в воздух на бреющем полете, улетали прочь.

Мы смотрели и возмущались, почему же они не вступают в бой, а удирают. Но уже позже, будучи в армии, я узнал, что это были наши штурмовики, они не могли вступить в бой с бомбардировщиками, а истребителей в это время не оказалось. Поэтому фашисты спокойно отбомбились и полетели обратно, нас не тронули, хотя и видели, как на оборонных работах трудились тысячи людей.

Женщины потом говорили, что находили немецкие листовки, в которых было написано: «Ленинградские дамочки, не копайте ямочки, пройдут наши таночки, заровняют ваши ямочки».

Но наши ямочки пригодились, и взять их немцам не удалось.

С питанием стало хуже, солдаты копали картошку и все поля взяли под охрану. Но нас остановить не могло ничего, мы делали набег на эти поля и, пока нас выгоняли пинками с поля, мы могли подцепить несколько картофеля и спрятать их в холщевки, карман, кто куда смог.

Но вот внезапно нас отозвали на завод, там, оказывается, уже полным ходом шла эвакуация, проводился демонтаж оборудования, все грузилось на машины и вагоны, которые шли в город Уфа.

Первые поезда уже ушли и нас заставили грузить оставшееся оборудование и готовиться к эвакуации.

На заводе было создано народное ополчение, которое неотрывно находилось на работе, там и спали, и работали, и занимались военной подготовкой.

Ряды наших ребят стали редеть, часть уехала вместе с родителями, вскоре должны были выехать и мы. Но вдруг пришло сообщение, что фашисты взяли Мгу, часть эшелонов вернулась, не сумев проскочить.

Нас, группу человек десять, срочно направили на Бадаевские склады разгружать возвращенное оборудование.

На другой день мы прибыли к этим складам и увидели груды развалин, черные горы обгоревшего сахара, реки черной патоки из сахара. Картина была потрясающая, все это дымилось, запах стоял неимоверный.

Теперь нам было не до работы; мы палками разгребали обгоревший сахар и докапывались до хорошего, правда, пожелтевшего и теплого, но вроде съедобного.

Нашли и вагоны с оборудованием и увидели, что вагоны и ящики с очень дорогостоящим измерительным инструментом погорели и пришли в негодность. Желания копаться в сгоревшем мусоре отпало, лучше побродить по складу и найти что-либо вкусное. Напробовались мы всего, вплоть до черного перца, который спутали с горохом.

Но с обеда над нами нависла опасность — охрана увидела, что делом мы не занимаемся и стала нас вылавливать и удалять со склада.

После того, как сгорели Бадаевские склады, резко сократились нормы выдачи продуктов. Хлеба для рабочих стали давать по 150 граммов, да и то наполовину из жмыхов, служащие и иждивенцы получали и того меньше — по 125 граммов. По карточкам полагалось 500 граммов крупы и 150 граммов ирисок, сделанных из сгоревшего сахара, но достать их было очень трудно, карточки отоваривались не полностью, поэтому стояли большие очереди. А мне стоять в очереди было некогда. После 12 часов работы надо было еще протопить комнату, а на большее сил не хватало.

Правда, в столовой за порцию супа вырезали 25 граммов крупы, так что она почти полностью уходила.

Отключили электричество, замерз водопровод, начался голод, остановился общественный транспорт, зато привычными стали бомбежки и артиллерийские обстрелы. Наступили трудные дни.

Кто не успел эвакуироваться с заводом, собрали оставшееся оборудование, станки и налаживали производство.

Нашу группу, а осталось человек восемь, поселили в красном уголке цеха, где были поставлены койки. Днем мы работали, а ночью по тревоге бежали на крышу цеха и дежурили, чтобы при сбрасывании зажигательных бомб сваливать их с крыши, а там женщины их тушили.

Трудное, но романтическое было время, после работы мы всей компанией забирались на крышу через слуховое окно, усаживались рядком и наблюдали за городом. Было все видно: как прожектора ловят вражеские самолеты, как зенитки обстреливают их, и было большой радостью, когда видели, как вражеский самолет, задымившись, падал на землю. Видели зарево пожаров. Возмущались, когда при налете вражеской авиации откуда-то из подворотен то там, то тут вражеские лазутчики начинали стрелять ракетами, указывая оборонные объекты, которые должны бомбить фашисты.

Как-то днем воздух потряс гул, облака заколыхались, как женские платки, а позже мы услышали, что это тяжелая артиллерия Кронштадта стреляла через город, помогая нашим войскам отбить атаки фашистов.

Несмотря на голод, работа в цеху не прекращалась, теперь я точил не матрицу, а снаряды. Особенно тяжело было в ночную смену, усталость и сон валили с ног, в цеху было просторно, почти все оборудование было вывезено, но у батареи сохранился слесарный стол и, воспользовавшись отсутствием мастера Василия Ивановича, я заглядывал за этот стол, ложился и тут же засыпал. Но недремлющее око Васи-

лия Ивановича появлялось вновь и, как провинившегося щенка, схватив за воротник, он вновь тащил меня к станку.

Наша команда распадалась на глазах: то один уехал, то другой не вышел на работу. Осталось нас в сентябре 1941 года только трое: два только что переведенных украинца, прибывшие из ПТУ (фамилий их не помню), которые часто поговаривали о возвращении на родину Украину, утверждая, что стоит перейти линию фронта, а там добраться домой не составит труда. Я их, как мог, отговаривал, мне было гораздо ближе к родным местам и там не было немцев, но я не помышлял бросить производство и самовольно отправиться к родным в деревню.

Но однажды они не вышли на работу, а через два дня их доставили солдаты в цех; они были задержаны на линии фронта. А через неделю они пропали вновь и больше не возвратились, не знаю, удалось ли им перейти линию фронта и добраться до родных мест, или они погибли.

Дежурства наши прекратились, я не знал, после нас дежурил кто или нет, но из группы остался я один. Домой стало ходить все труднее и труднее. Идя с завода, я заходил в булочную, покупал свою пайку — 150 граммов хлеба, клал ее в потайной карман пальто, подпоясывался ремнем и отправлялся домой. Преодолевая соблазн съесть весь хлеб, я отрывал крошку хлеба, клал его в рот, шел и сосал. Через несколько минут ничего во рту не было и вновь возникало непреодолимое желание пососать хлебца. Вновь преодолевая все трудности, я лез под ремень, добирался до кармана, отрывал щепотку хлеба и совал в рот. И так, пока я шел до дома, карман пустел.

В комнате было холодно, надо было раздобыть дров и растопить печь. Кипятил воду и до отвала напивался горячей водой.

В начале зимы в квартире жили почти все жильцы, кроме Анны Ивановны и Дуси, которые с ребятами уехали из Ленинграда еще до войны. Муж Анны, Алексей, приносил с работы овес, который жарили на сковородке, а

затем промывали в кофейнице, и из полученной муки пекли оладьи. Работа была трудная, и тогда приглашали меня. За стакан протертого овса я целый вечер крушил кофемолку, это было тяжело, но я был доволен заработанным овсом. Я парил его в кипятке и наедался почти досыта по тем временам.

Но это длилось недолго. Эвакуировались почти все. Остались мы с Иваном Степановичем, который работал на заводе «Большевик», и месяцами не приходил домой, а ночевал у родственников, где-то поблизости от завода. Володя (младший брат Ивана Степановича, погиб в годы блокады) был в ополчении и также редко появлялся дома. Фактически хозяином всей квартиры оставался я один.

Как-то наш район подвергся сильной бомбежке, три бомбы упали во двор нашего дома, все стекла в квартире были выбиты. Хорошо, в деревянном сарае еще сохранились доски, оба окна я забил досками с двух сторон, а промежутки засыпал гарью, оставив одну форточку. В комнате стало темно, но можно было затопить печь и согреться.

Голод усиливался, уже не вызывало удивления, когда впереди идущий человек падал и не мог подняться. Подходили прохожие, пытаясь поднять его, но чаще всего этого не требовалось, так как он уже был мертв.

На улице чаще стали появляться люди с санками, отвозившие мертвецов на Смоленское кладбище, где их складывали в груды. Затем и это прекратилось, мертвецов стали выносить на лестницу, если было кому, и там оставляли. В других квартирах они оставались в комнатах. Было холодно и трупы не мешали людям жить и дожидаться своей участи, каждый из них не знал: встанет ли он завтра или нет.

Появились отряды девушек сандружиниц, которые обходили квартиры, собирали трупы, складывали их в автомашины и увозили. Захоронение трупов было проведено весной 1942 года в братские могилы, чтобы не допустить эпидемии.

Как-то Иван Степанович принес плитку столярного клея, мы разделили его на три части и наварили холодца — застывшая вода пахла копытами и горелой шерстью, но, поев ее, испытываешь какое-то насыщение. В другой раз его брат Дмитрий принес кусок «сала» — белой массы, я его наелся, потом два дня меня рвало, выворачивая всего наизнанку. Но «сала» было жалко, я подобрал его с пола, ибо другого продукта, кроме «сала» и воды на полу не было, и решил сделать яичницу, ибо у меня нашлась небольшая порция яичного порошка. Растворил я его пожиже в воде, положил туда сало и сунул в печь, но вот беда: не прошло и несколько минут, «сало» мое вспыхнуло на сковородке, я пытался тушить, но ничего не помогло, так и пропала моя яичница. Очень горевал, но что поделаешь, не надо было жадничать. Уж очень не хотелось выбрасывать такое «сало».

На работе тоже стали редеть наши ряды, вот не пришел наш мастер Василий Иванович. Не встал больше с кровати, которая находилась в цехе, наш лучший рабочий Максимов, который делал пять норм в сутки. Но, несмотря на очень тяжелые условия, работа не прекращалась. Боевой дух был высок, никто не ныл, никто не жаловался, разговор шел только о том, что если немцы прорвутся в Ленинград, где взять оружие, чтоб выйти на баррикады, ибо уже на Васильевском острове все улицы, выходящие к взморью, были перегорожены ограждениями на случай отражения высадки десанта.

Что характерно, даже женщины, голодные и немощные, стоя в очереди за очередной порцией крупы, вели разговор, что если немцы войдут в Ленинград, они их будут из окон поливать кипятком. Таким высоким был боевой дух ленинградцев в годы блокады.

Уже после войны шло много разговоров о том, что якобы в дни блокады кто-то ел человеческое мясо, но я не верю в это. В дни блокады я видел много мертвецов, но никаких признаков, что кто-то пытался вырезать часть тела, мне не приходилось наблюдать. Я считаю, что

говорят об этом люди, которые не видели и не работали вместе с блокадниками. Они трудились самоотверженно, из последних сил, а если их не хватало, то умирали тихо и безропотно.

Я очень горжусь тем, что в тяжелые годы блокады был с такими людьми. Их осталось очень мало и очень обидно становится тогда, когда люди, не пережившие все эти ужасы, воспринимают блокаду, как незначительное событие. А ведь это блокадники выстояли и не сдали Ленинград, и только благодаря им мы можем сейчас мирно жить и наслаждаться красотами нашего города. Трудно даже представить, что было бы с Ленинградом, если бы он не устоял. Ведь Гитлер распорядился сравнять город с землей и залить водой, вдумайтесь в это!

Подошел 1942 год. По радио объявили, что повышена норма хлеба до 350 граммов.

Как-то, идя по улице, я прочитал объявление о том, что все граждане призывного возраста должны явиться в райвоенкомат. В том числе значился и мой 1923 год. Я сразу же пошел в Свердловский райвоенкомат и немедленно получил повестку о призыве в Красную Армию.

С веселым настроением отправился на работу, показал повестку начальнику цеха. Тот схватился за голову — последнего токаря забирают (я точил самые тонкие и мелкие детали для взрывателей). Он стал куда-то звонить и заявил, чтоб я приступал к работе: «В армию не пойдешь, отдай повестку, остальное мы сделаем». Но я давно ждал этого часа, стоял на своем, заявляя, что если не отпустят похорошему — убегу сам, добровольно, никто меня не задержит. Я чувствовал, что силы на исходе. Хотя и хлеба добавляли, и начальник цеха обещал организовать дополнительное питание — стакан киселя, но я стоял на своем.

С повесткой меня направили в военнотчетное бюро — там состоялся крутой разговор с начальником бюро: завод военный, выпускает нужную для фронта продукцию, и ему дано право оставлять за собой необходимых спе-

циалистов. Но я, как вспомню, что сейчас надо снова идти в нетопленную квартиру и одиноко коротать в темноте свободное от работы время, — мороз пробегал по коже. И я стоял на своем: иду в Красную Армию, законно или незаконно.

Видимо, моя настойчивость подействовала, начальник наложил резолюцию, чтобы меня рассчитали. По расчетной повестке в магазине мне выдали хлеб на четыре дня и 500 граммов кровяной колбасы. Быстро добрался домой, собрал сумку и пошел в военкомат узнать о сроках отправки. Отправка была назначена на 12 часов 7 января 1942 года. Сдал паспорт, получил квитанцию и отправился домой. Дома обнаружил, что сумку мою потрепали, и колбасы в ней нет, нет и половины хлеба. Я набросился на Ивана Степановича с бранью, обвиняя его в воровстве, но тот все отрицал, он плохо себя чувствовал и третий день лежал в кровати. Только сказал, что в мое отсутствие приходил брат Владимир и, видимо, забрал мои продукты.

Как бы там не было, неизвестно, кто из них взял мои продукты, но я вновь оказался на голодном пайке. Только быстрая отправка в Красную Армию позволила мне преодолеть эти невзгоды, выстоять и не свалиться.

В 12 часов 7 января 1942 года я явился в Свердловский райвоенкомат города и был призван в Красную Армию. Со всего района собрали лишь четырех человек — видимо, не много было в Ленинграде призывной молодежи. Одного из нас назначили старшим, и мы пешком отправились через город в Московские казармы у Финляндского вокзала. Шел я в валенках, задники которых были протерты, портянки систематически выскакивали, их приходилось поправлять на ходу.

Наконец, добрались. Приняли нас быстро и сразу же зачислили в маршевую роту (так назывались роты, подлежащие немедленной отправке на фронт). Людей в казарме было немного, раздевшись, мы легли отдыхать на голых нарах.

Но не успели мы обогреться, раздалась команда «На построение», во дворе нас собралось уже человек двести. Зачитывают приказ: оказалось, поймали каких-то дезертиров, и военный трибунал приговорил их к расстрелу. Вывели трех человек, поставили их к стенке, раздались выстрелы — люди падают, команда «Кругом» — и нас вновь направляют в казарму.

Большого впечатления этот расстрел на меня не произвел — то ли я уже насмотрелся на мертвецов, то ли голод не давал проявить эмоции. Хотелось в тепло и поесть, больше ничего не хотелось ни делать, ни думать.

На следующий день прибыло пополнение, и в нашей роте набралось человек 150. Перед нами выступал какой-то знаменитый снайпер, призывал бить фашистов, а мы и не отказывались, но уж очень хотелось есть, а думать ни о чем не хотелось, наступила какая-то апатия. Был он одет в добротную шубу, валенки, вид у него был бравый, ну, а нас одели в ботинки с обмотками, дали ватники стеганные, без шинели, нам не хватило и перчаток, а свои мы сдали в бане.

Спустя несколько дней мы прибыли в лес и расположились в землянке, где должны были проходить военную подготовку. Вскоре нам вручили винтовки, и мы приступили к их изучению.

Я уже был знаком с более сложной техникой и быстро научился, как разбирать и собирать винтовку, как чистить и холить, чтобы она не подвела. А через два дня нас вывели на стрельбище. Хотя я ранее никогда не стрелял, но выполнил сразу все упражнения на «отлично» и заработал отпуск в землянку для обогреть. Другие, которым не удалось поразить мишень, продолжили стрелять — учиться.

Занятия с нами проводили в основном младшие командиры, но они особого старания не проявляли и чаще всего, если что-то не получалось, мы обращались к бывалым солдатам, которые охотно делились всем, что знали сами: они-то понимали, что завтра надо будет идти в бой, и хотели, чтобы рядом был хорошо подго-

товленный боец и надежный товарищ, который в трудную минуту всегда придет на помощь.

Офицеры появлялись и проводили занятия редко, а если и проводили, то подолгу заставляли ползать по-пластунски (а мы были без перчаток), чем вызывали недовольство солдат, но они не особенно обращали внимание на это, ведь им с нами не воевать. Они вели затем маршевые роты на фронт, сдавали их войсковым офицерам в штабах дивизии и вновь возвращались в запасные полки за формированием новых рот.

Продовольственный паек в армии был больше, чем на гражданке: здесь давали хлеба 400, сахара 25 граммов и два раза в день — горячую пищу. За хлебом ходили в сопровождении офицера или сержанта, получая паек на роту. Бывало, что кто-то из них стремился припрятать кусок сахара или хлеба, но за этим зорко следили голодные глаза солдата и на этой почве зачастую устраивались громкие скандалы.

Хлеб и сахар делили на пайки, по количеству людей. Один из солдат вставал спиной к хлебу, другой указывал на пайку и кричал: «Кому?». Назвав фамилию, солдат брал свою пайку без нареканий, какая досталась. Получив паек хлеба, мы с котелками отправлялись в столовую за супом и кашей. Зачастую суп был очень жидок, поэтому кашу клали в суп и так ели.

Через неделю был строевой смотр. Стоял крепкий мороз. Стоим час, другой, офицеры в добротных шубах медленно обходят строй, беседуют с отдельными солдатами. А мы, продрогшие, ждем своей очереди в фуфайках и без перчаток. Мы стали роптать, выражая недовольство медленностью осмотра. Я сказал: «Что за бардак!», и не видел, что сзади стоит офицер. Услышав мои слова, он быстро подошел ко мне, вывел из строя и повел в землянку, где на повышенных тонах, вынув из кобуры пистолет, стал грозить мне, что отдаст под трибунал и расстреляет. У меня сразу перед глазами возникла картина, виданная мною в Москов-

ских казармах. Я, безусловно, испугался, стал говорить, что сказал, не подумав. Достаточно промыв мне мозги и насладившись моим унижением, он отпустил меня. Когда я вышел из землянки, смотр закончился, все разошлись по землянкам, я тоже забрел в свою и там узнал, что завтра уходим на фронт.

Спустя некоторое время пришел наш командир роты, который вместе с нами должен был идти на передовую. Вместе с фельдшером поголовно у всех стали мерить температуру. Я взял градусник и, несмотря на то, что держал долго, температура была 35,5. При такой температуре на фронт не брали, но и оставаться в запасном полку мне не хотелось, видеть и терпеть такие унижения, которые выпали на мою душу.

Подойдя к командиру, я стал просить взять меня на фронт. Видимо, он сжалился надо мной и зачислил меня в роту, но предварительно заставил написать заявление, что зная, что температура низкая, упадок сил, я добровольно ухожу на фронт и командир ответственности за меня не несет. Я считал, что лучше умереть на фронте, чем умереть от голода. Хотя паек был и лучше, но силы мои убывали. Я не чувствовал, что окреп за эти 10–15 дней, находясь в армии.

Рано утром с карабинами за плечами и руками, засунутыми в рукава (перчаток нам так и не дали), мы двинулись в путь и к вечеру подошли к Ладожскому озеру. Расположились в большом бараке, людей было много. Спустя некоторое время мой сосед принес целый котелок крупы и сидел, набивая ею свой желудок. Я поинтересовался, где он взял крупу и узнал, что через озеро идут машины с продовольствием, солдаты вспарывают крайние мешки, крупа сыплется на дорогу и ее подбирают.

Я тоже пошел искать счастья. Было темно, но щупая дорогу руками, я наткнулся на кучку крупы и также набрал котелок. С котелком крупы я возвратился в барак, но оказалось, что в это время выдавали паек хлеба и мой кто-то взял; так я остался без пайка. Тогда я потребо-

вал лишнюю порцию водки, ибо мы отправлялись на фронт и нам уже выдавали по 100 граммов водки. Мне налили целую кружку, и с обиды я «дернул» ее. После чего настолько ослабел и меня так развезло, что я свалился на пол и проспал до утра. Проснувшись утром, я увидел, что часть не ушла и мои сослуживцы еще в казарме. Я обрадовался, а то мог бы оказаться и дезертиром.

Утром подошли машины, покрытые брезентом, мы погрузились в них и нас перевезли по Ладожскому озеру на другую сторону. Ехали медленно, было холодно, одеты мы были плохо. С машин сходить запрещалось, и мы замерзли и проголодались.

Построились. Нам объяснили, что кормить нас будут в части, по прибытии, объяснили, куда и какой дорогой идти, и мы, прихватив свои «драгунки», двинулись в путь. Сперва шли строем, затем строй стал растягиваться, и так получилось, что мы брели по дороге уже по одному. Было холодно. Засунув руки в рукава и зацепив карабин, который волочился по земле, я плелся по дороге. Дорога была накатана и заблудиться никто не мог.

В стороне от дороги я увидел кухню, солдаты уже покушали, и повара приводили все в порядок. Голод погнал меня к ней в надежде хоть чем-то перекусить. Подошел, спросил, нет ли чего покушать. Повар поинтересовался: «Откуда?». Я ответил: «Из Ленинграда». Это сразу изменило ко мне отношение — я получил большой кусок хлеба и котелок супа с мясом. Повар был пожилой и опытный, он сказал: «Дал бы я тебе, сынок, еще, но после Ленинграда нельзя много есть сразу». Но я был доволен и этим.

Перекусив и немного отдохнув, я уже бодрее зашагал к месту своего назначения. Вскоре нас встретил регулировщик и указал на зем-

лянку, куда надо было идти. Там уже собралось человек десять. Землянка была натоплена, все отдыхали после мороза. Но вскоре оказалось, что мы попали не в свою часть и нам предстоит пройти еще километра три до своей части. Опять в путь.

Но вот, кажется, добрались. Кругом болото, здесь уже землянок не было, люди находились в шалашах, сделанных из ветвей елок. Это была наша родная часть — 80-я стрелковая дивизия 54-й армии».

Так день за днем, месяц за месяцем мой прадедушка описал всю войну, которую он прошел. Воевал он в России, на Украине, в Польше. Закончил войну в Чехии, не дойдя 60 километров до Праги.

Виноградов Николай Иванович за мужество и смелость был отмечен многими наградами. За доблесть, проявленную на Курской дуге, он был награжден медалью «За отвагу». За бои в Чехословакии — самым почитаемым офицерским орденом Боевого Красного Знамени.

Мой прадедушка перенес блокадное истощение, цингу, обморожение пальцев рук и ног, был трижды ранен, но каждый раз возвращался в строй.

После войны он стал профессиональным военным: служил в Германии, Средней Азии, Ленинграде. Закончил службу в чине полковника. К сожалению, он прожил короткую жизнь, видимо сказались те переживания и раны, которые он перенес в военные годы. Но мы, его потомки, благодаря его рукописи, семейным альбомам, знаем, любим и помним моего прадеда — Виноградова Николай Ивановича.

*Александра Крючкова,
ученица 6 класса
ГБОУ «Гимназия № 159 «Бестужевская»*

Der Krieg mit den Augen meines Urgroßvaters

WINOGRADOW Nikolaj Iwanowitsch

Meinen Urgroßvater habe ich nie gesehen, aber dank seiner Handschrift, die er uns, seinen Nachfahrern, ließ und in der er seine Kriegsjugend Tag um Tag beschrieben hat, weiß ich darüber, was er in den Jahren des Großen Vaterländischen Krieges erlebt hat.

Mein Urgroßvater, Winogradow Nikolai Iwanowitsch (1923 — 1986) lebte im Jahre 1941 in der Stadt Leningrad und arbeitete auf dem Kirow-Werk als Dreher. In seinen Erinnerungen beschreibt er die ersten Kriegstage so:

«Am 22. Juni war Sonntag. Das Wetter war sonnig, warm, ich beschloss nach Strelna zu fahren, um mich zu erholen. Ich zog meinen besten Anzug an und fuhr mit der Straßenbahn zum Warschawskij Bahnhof. Wir erreichten noch die Newa nicht, da regten sich die Menschen in der Straßenbahn auf und stiegen einer nach dem anderen aus. Jemand sagte, dass um 12. Uhr im Radio eine wichtige Regierungsmitteilung kommen würde. Ich stieg aus der Straßenbahn aus und kam zu einer großen Gruppe der Menschen, die um die Stange standen, auf der ein Lautsprecher hing. Die Menschen waren nervös, man spürte Spannung. Im Radio wurde Musik übertragen. Die Stadtbürger wussten nicht, dass am Morgen faschistische Flugzeuge versuchten zu Leningrad durchzubrechen und es zu zerbomben, aber sie wurden von unseren Jagdflugzeugen weggejagt.

Punkt 12 trat im Radio Minister für Innere Angelegenheiten W. Molotow auf, der mitteilte, dass faschistisches Deutschland, ohne den Krieg zu erklären, unsere Heimat überfiel und dass an der westlichen Grenze Kampfhandlungen geführt wurden. Menschen gingen schweigend auseinander, jeder verstand, dass für uns das eine harte Probe sei. Immer häufiger begegnete ich unterwegs den Straßenbahnen mit den gerade einberufenen Rotarmisten, die Mobilisation begann wohl noch vor der Rede Molotows.

Von der Erholung konnte da keine Rede mehr sein, ich drehte mich um und ging nach Hause zu Fuß. In der Wohnung herrschte allgemeine Verwirrung, zum Heer wurde noch niemand einberufen, aber alle saßen um den Radioempfänger und versuchten zu erfahren, wie sich die Situation an der Front entwickelte. Im Radio wurde meistens Musik übertragen, ab und zu durch seltene Mitteilungen über die Standhaftigkeit und den Mut der Rotarmisten unterbrochen.

Als ich am Montag auf die Arbeit kam, erfuhr ich, dass unser Werk ab jetzt den 12-stündigen Arbeitstag hatte, und ich sollte in der Nachtschicht arbeiten. Die Forderungen stiegen: wenn man früher für die Verspätung zu Gericht kam und zu der Auszahlung 20% vom Gehalt im Laufe von drei oder sechs Monaten verurteilt wurde, so konnte man jetzt für die Verspätung eine viel strengere Strafe bekommen.

Strenger wurde auch die Kontrolle am Eingang auf das Werkgelände: man sammelte unsere Pässe, statt Pässe gab

man uns Ausweise, die wir am Eingang abgaben und dafür Passierscheine in die entsprechende Abteilung bekamen. Diejenigen, die sich mehr als auf 20 Minuten verspäteten, ließ man auf das Werk nicht zu, darum, als ich einmal verschlief, lief ich vom Zuhause bis das Werk aus Leibeskräften, indem ich die Straßenbahn überholte.

Da man daran nicht gewohnt war, fiel es schwer zwölf Stunden zu arbeiten, In der Mittagspause (so was gab es auch in der Nachtschicht) gingen wir in den Hof, der Himmel war klar, mit Sternen, nichts erinnerte an den Krieg.

Aber dann rollte das Echo des Krieges bis uns. Es fiel sehr schwer die Arbeitstelle zu erreichen, weil man unterwegs uns zwei-drei Mal in den Luftschutzkeller trieb, da Luftalarm erklärt wurde. Auf dem Werk arbeiteten wir Alarms ungeachtet weiter und nur einmal schlug man uns vor, in den Luftschutzkeller zu steigen.

Leningrad wurde oft bombardiert, die ersten Bomben trafen den Zoo und töteten den Elefanten und andere Tiere. Zu derselben Zeit brannte nach dem Bombardieren die Achterbahn, ich beobachtete diesen Brand, als ich auf die Arbeit ging.

Nach der Arbeit gingen wir, Jugendliche (in der Abteilung gab es uns etwa 10), lernen: wie die Gasmaske benutzt wird, wie die erste Hilfe geleistet wird, wie man Verbände macht, wir legten Normative ab, um das Luftabwehrzeichen zu bekommen.

An den ersten Kriegstagen wurden Lebensmittelkarten für Fleisch, Butter und andere wichtige Nahrungsmittel eingeführt. Aber im Speiseraum und im Geschäft konnte man noch andere Lebensmittel ohne Karten kaufen. Und wir, Jugendliche, wussten nicht, dass man alles kaufen und Vorräte machen musste, wir dachten: das, was man für Lebensmittelkarten bekam, reichte vollkommen zu.

Alarmsignale und Bombardieren kamen immer häufiger vor, manchmal zwanzig Male am Tag, über der Stadt schwebte der Rauch von den Bränden.

Ende August 1941 versammelte uns, Jugendliche, der Abteilungsleiter, der uns mitteilte, dass wir fahren Schützengräben ausheben. Wir packten das Nötigste ein und fuhren gruppenweise in die Siedlung Gorelowo. Dort waren schon viele Menschen, mit der Organisation dieser Arbeit beschäftigten sich Offiziere. Uns schickte man auf unser Objekt und gaben eine Tagesnorm auf, niemand durfte das Objekt verlassen, bis er seine Aufgabe erfüllt hat. Die Erde dort war sehr schwer, mit Steinen, zuerst sollte man sie mit einer Hacke bearbeiten und erst dann schaufeln. Die Jungs bekamen Hacken: wir zerkleinerten die Erde, danach warfen Frauen die kleineren Erdstücke weg. Es war warm, und wir blieben heiterer Stimmung, obwohl auch sehr müde. In der Kantine

bekamen wir Suppe und Brotration, außerdem fuhren wir nach Leningrad, um Lebensmittel für die Karten zu kaufen; wir kauften dazu noch Hering und Strömlinge, auf dem Kolchosfeld gruben wir Kartoffeln, also ernährten uns gut. Wir schliefen im Bauerhaus auf dem Fußboden. Die Besitzerin dieses Hauses war gutmütig, kochte für uns Kartoffeln. Von Deutschen hörten wir ganz nichts.

Es gab verschiedene Gerüchte, vor allem, dass Deutsche vorstießen und sich Leningrad annäherten.

Eines Morgens sahen wir zum ersten Mal faschistische Flugzeuge ganz nah. Es waren etwa 20 davon, sie flogen zum Flughafen, der sich in der Nähe befand, bildeten eine Linie, dann einen Ring, griffen im Sturzflug unsere Flugzeuge an, die sich in die Luft hoben und wegflogen. Wir guckten zu und empörten uns, weil sie das Gefecht nicht einleiteten, sondern flüchteten. Später, als ich schon bei der Armee war, erfuhr ich, das wären unsere Erdsturmflieger, die sich gegen Bomber nicht kämpfen können, Jäger gab es zu jener Zeit keine da. Darum warfen Faschisten ruhig Bomben nach unten und flogen weg, uns haben sie nichts gemacht, obwohl sie sahen, dass Tausende Menschen Verteidigungsanlagen bauten.

Dann erzählten Frauen, dass sie deutsche Flugblätter gefunden hatten, in denen geschrieben war: «Leningrader Damen, macht doch keinen Graben, sonst kommen unsere Panzer, mehr gibt es keine Chancen».

Aber unsere Gräben erwiesen sich als sehr nützlich, Deutsche konnten sie nicht einnehmen.

Die Nahrung verschlechterte sich, Soldaten gruben Kartoffeln und alle Felder wurden bewacht. Uns konnte aber nichts halten, wir schlichen uns auf die Felder ein und konnten, bis man uns mit Stößen wegjagte, einige Kartoffeln greifen und sie in die Jacke oder in die Tasche stecken, wer wohin auch konnte.

Da ließ man uns plötzlich auf das Werk zurückkehren, dort, wie es sich herausstellte, waren die Evakuationsarbeiten im vollen Gange, man demontierte Ausrüstung, lud sie auf LKWs und Wagen, die in die Stadt Ufa fuhren. Die ersten Züge waren schon abgefahren, uns befahl man die restliche Ausrüstung zu laden und uns auf die Evakuierung vorzubereiten.

Auf dem Werk wurde Volksaufgebot gegründet, man blieb ununterbrochen auf dem Werk, dort wurde geschlafen, gearbeitet, militärisch ausgebildet.

Es blieben weniger von uns da: einige fuhren mit ihren Eltern weg, in einer Woche sollten auch wir fahren. Und plötzlich kam die Mitteilung, dass Faschisten die Station Mag eroberten, ein Teil der Züge kehrte zurück. Wir, etwa zehn Mann, wurden auf die Badajewskije Lager geschickt, die zurückgekehrte Ausrüstung auszuladen.

Am nächsten Tag kamen wir zu diesen Lagern und sahen Trümmer, schwarze Berge des halbverbrannten Zuckers,

Flüsse schwarzer Zuckermelasse. Das Bild war erschütternd, das alles rauchte, es roch schrecklich.

Von der Arbeit war keine Rede: mit den Stöcken schaufelten wir den verbrannten Zucker und gruben den guten heraus, obwohl er gelb und warm geworden war, aber essbar.

Wir fanden auch unsere Wagen mit Ausrüstung und sahen, dass Wagen und Kisten mit den teuren Messgeräten gebrannt hatten und untauglich wurden. Wir bekamen keine Lust in dem verbrannten Müll zu wühlen, es war besser durch das Lager zu bummeln und etwas Leckeres zu finden. Wir haben alles gekostet, sogar den schwarzen Pfeffer, den wir mit den Erbsen verwechselt haben.

Am Mittag wurde es gefährlich: die Wächter bemerkten, das wir nichts zu tun hatten, fingen uns und jagten weg.

Nachdem die Badajewskije Lager verbrannten, verminderte sich sofort die Lebensmittelration. Die Arbeiter bekamen 150 Gramm Brot, die Hälfte davon bildete Abpreßling; Angestellte und Unterhaltsempfänger noch weniger: 125 Gramm. Laut Lebensmittelkarten sollten wir 500 Gramm Grieß, 150 Gramm Bonbons aus dem gebrannten Zucker bekommen, aber es war sehr schwer, sie zu kriegen, es gab sehr lange Schlangen. Ich hatte keine Zeit Schlangen zu stehen. Nach dem 12-stündigen Arbeitstag heizte ich das Zimmer und für alles andere blieben keine Kräfte mehr.

Aber in der Kantine gab man eine Suppe, dafür nahm Lebensmittelkarten für 25 Gramm Grieß, also ich verwertete fast alles.

Es gab keinen Strom mehr, die Wasserleitung froz zu, der Hunger begann, der öffentliche Verkehr blieb stehen, alltäglich gab es Bombardieren und Artilleriebeschüsse. Schwere Tage kamen.

Wer mit dem Werk nicht evakuiert wurde, montierte die übrig gebliebene Ausrüstung, Maschinen und brachte die Produktion in Gang.

Unsere Gruppe, etwa acht Mann, wurde im Erholungsraum der Abteilung unterbracht, wo auch die Liegen standen. Am Tage arbeiteten wir, in der Nacht liefen beim Alarm auf das Dach der Abteilung und passten auf, um die aufs Dach geworfenen Flammenbomben runterzuwerfen, unten sollten Frauen sie löschen.

Es war schwere, aber romantische Zeit, nach der Arbeit krochen wir alle zusammen auf das Dach durch das Dachfenster, setzten uns hin und beobachteten die Stadt. Alles war gut zu sehen: wie Scheinwerfer feindliche Flugzeuge fingen, wie Flaks sie beschossen, eine große Freude war es, wenn wir sahen, wie das feindliche Flugzeug rauchend auf die Erde stürzte. Man sah Feuerschein. Wir empörten uns, wenn beim Luftangriff aus manchen Torbögen mal hier mal dort feindliche Auskundschafter mit den Raketen schossen und die zu bombardierenden Verteidigungsobjekte zeigten.

Eines Tages ließ der Donner die Erde beben, Wolken bewegten sich wie Kopftücher, dann erfuhren wir, dass schwere Artillerie Kronstadts über die Stadt schoss, um unseren Truppen zu helfen den faschistischen Angriff abzuschlagen.

Obwohl wir hungrig waren, wurde die Arbeit in der Abteilung nicht unterbrochen, jetzt drehte ich nicht Rohlinge, sondern Geschosse. Besonders schwer war es in der Nachtschicht, wir blieben zum Hinsinken müde, in der Abteilung war es geräumig, fast ganze Ausrüstung war evakuiert, aber am Heizkörper stand ein Schlosstisch und ich, wenn Wassilij Iwanowitsch fehlte, legte mich darauf und schlief sofort ein. Aber Wassilij Iwanowitsch mit seinen wachsamen Augen erschien wieder und packte mich, wie ein schuldiges Hündchen, am Kragen und zog mich zur Drehmaschine.

Unsere Mannschaft löste sich vor unseren Augen auf: bald fuhr einer weg, bald kam der andere auf die Arbeit nicht. Im September 1941 blieben wir zu dritt: zwei Ukrainer aus der Berufsschule (ihre Familiennamen habe ich vergessen), die sich oft über die Rückkehr auf die heimatische Ukraine unterhielten, sie waren sicher, das wichtigste sei über die Kampflinie zu kommen. Dann sei es kinderleicht das Zuhause zu erreichen. Ich versuchte sie davon abzubringen, meine Heimat befand sich viel näher, aber mir fiel nicht ein die Produktion zu lassen und mich eigenwillig zu den Verwandten ins Dorf zu begeben.

Einmal kamen sie auf die Arbeit nicht, in zwei Tagen wurden sie von den Soldaten in die Abteilung gebracht; sie waren auf der Kampflinie aufgehalten. In einer Woche verschwanden sie wieder und kehrten nicht mehr zurück, ich weiß nicht, ob es ihnen gelang über die Kampflinie zu gehen und den Heimatort zu erreichen oder sie kamen um.

Wir hatten keinen Dienst mehr, ich wusste nicht, ob nach uns jemand auf die Flammenbomben aufpasste oder nicht, aber aus der Gruppe blieb ich allein. Es fiel immer schwerer nach Hause zu gehen. Unterwegs besuchte ich das Brotgeschäft, kaufte meine 150 Gramm Brot, legte es in die innere Manteltasche, gürtete mich um und machte mich auf den Weg. Ich überwand die Versuchung das ganze Brotstück aufzuessen, indem ich ein paar Krümel abriß, sie in den Mund steckte und daran beim Gehen lutschte. In einigen Minuten blieb nichts im Mund und wieder entstand der unüberwindliche Wunsch an Brot zu lutschen. Ich überwand wieder alle Schwierigkeiten: steckte den Arm unter den Gürtel, fand die Tasche, riss eine Prise Brot ab und steckte sie in den Mund. Und so wurde die Tasche leer, bevor ich nach Hause kam.

Im Zimmer war es kalt, ich sollte Holz finden, um den Ofen zu heizen, kochte das Wasser und stopfte mich mit heißem Wasser voll.

Anfang Winter wohnten in der Wohnung fast alle Einwohner außer Anna Iwanowna und Dussja, die mit ihren Kin-

dern noch vor dem Krieg Leningrad verließen. Annas Mann Alexej brachte von der Arbeit Hafer, der in der Pfanne gebraten wurde, dann in der Kaffeemühle gemahlen, aus dem Mehl backte man Pfannkuchen. Die Arbeit war schwer und man lud mich ein. Für ein Glas gemahlene Hafer hantierte ich den ganzen Abend mit der Kaffeemühle; wie schwer es auch war, freute ich mich über den verdienten Hafer. Ich schmor-te ihn im heißen Wasser und aß mich fast satt (in damaligen Maßstäben).

Aber das dauerte nicht lange. Fast alle wurden evakuiert. Es blieben nur ich und Iwan Stepanowitsch, der auf dem Werk «Bolschewik» arbeitete und monatelange nach Hause nicht kam, sondern bei den Verwandten irgendwo neben seinem Werk übernachtete. Wolodja (der jüngere Bruder von Iwan Stepanowitsch; kam während der Blockade um) war im Volksaufgebot und kam nach Hause auch sehr selten. Praktisch blieb ich Besitzer der ganzen Wohnung. Einmal wurde unser Bezirk heftig bombardiert, drei Bomben fielen in den Hof unseres Hauses, alle Fenster in der Wohnung wurden ausgeschlagen. Glücklicherweise gab es im Holzschuppen einige Bretter, beide Fenster bedeckte ich mit den Brettern von beiden Seiten, die Zwischenräume verschüttete mit der Kohleasche, übrig blieb nur das Klappfenster. Im Zimmer wurde es dunkel, aber man konnte den Ofen heizen und sich erwärmen.

Der Hunger nahm zu, es wunderte niemanden mehr, wenn der vorne gehende Mensch fiel und nicht aufstehen konnte. Zu ihm kamen die Passanten, versuchten ihn aufzuheben, aber meistens wurde es schon unnötig, weil der Mensch tot war. Auf den Straßen erschienen immer häufiger Menschen mit den Schlitten, auf denen sie die Toten zum Smolenskoje Friedhof fuhren, wo sie stapelweise gelegt wurden. Dann war auch das vorbei, die Leichen trug man auf die Treppe, wenn es jemanden gab, der das machte, und ließ dort. In anderen Wohnungen blieben sie in Zimmern. Es war kalt, und die Toten störten die Menschen nicht zu leben und auf ihr Schicksal zu warten, niemand wusste, ob er morgen aufsteht oder nicht.

Da erschienen die Mädcheneinheiten, die in die Wohnungen kamen, Leichen sammelten, sie in LKWs luden und wegführten. Beerdigt wurden diese Leichen im Frühling 1942 in die Massengräber, damit keine Epidemie ausbrach.

Einmal brachte Iwan Stepanowitsch eine Tafel Tischlerleim, wir schnitten sie in drei Teile und kochten Sülze, geronnenes Wasser roch nach Hüfen und gebrannter Wolle, aber nach dem Essen konnte man sich satt fühlen. Ein anderes Mal brachte sein Bruder Dmitrij ein Stück «Fett» — weiße Masse — ich aß davon und dann erbrach zwei Tage lang. Aber es war schade um das «Fett», ich nahm es vom Fußboden, weil andere Lebensmittel außer «Fett» und Wasser es nicht gab,

und wollte ein Rührei machen, da ich etwas Eierpulver hatte. Ich löste das Pulver dünn im Wasser, legte dorthin «Fett» und steckte in den Ofen, leider loderte mein «Fett» in der Pfanne in einigen Minuten auf, ich versuchte zu löschen, aber nichts half, so ging mein Rührei verloren. Ich trauerte, aber nichts war zu machen, ich hatte geknausert und wollte nicht solches «Fett» wegwerfen.

Auf der Arbeit wurden unsere Reihen auch kürzer: zuerst kam auf die Arbeit unser Meister Wassilij Iwanowitsch nicht. Dann konnte nicht mehr von seinem Bett aufstehen, das in unserer Abteilung stand, unser bester Arbeiter Maximow, der das Soll um 500% überbot. Aber, obwohl die Bedingungen sehr schwierig waren, wurde die Arbeit nie unterbrochen. Der Kampfgeist blieb hoch, niemand jammerte, niemand klagte, es wurde nur darüber gesprochen, wo man die Waffe hernehmen konnte, um auf Barrikaden zu kämpfen, weil sogar auf der Wassiljewskij Insel alle Straßen die Küste entlang umzäunt waren für den Fall der Luftlandung.

Typisch, dass sogar Frauen, hungrig und kraftlos, sprachen, wenn sie in den Schlangen standen, um die nächste Portion Gieß zu bekommen, darüber, dass sie Deutsche, wenn sie nach Leningrad kommen, aus den Fenstern mit kochendem Wasser begießen werden. So hoch war der Kampfgeist der Leningrader in den Blockadejahren.

Schon nach dem Krieg wurde viel darüber gesprochen, dass angeblich während der Blockade jemand Menschenfleisch gegessen habe, daran glaube ich nicht. An den Blockadetag sah ich viele Tote, aber keine Merkmale davon, dass man versuchte einen Teil Fleisch auszuschneiden. Ich meine, darüber sprechen diejenigen, die keine Blockadebürger gesehen und mit ihnen zusammen nicht gearbeitet haben. Blockadebürger arbeiteten aufopfernd, selbstlos, aus den letzten Kräften, und wenn diese Kräfte zu Ende kamen, starben sie still und ergeben.

Ich bin stolz darauf, dass in den schweren Blockadejahren neben solchen Menschen war. Sehr wenige sind noch am Leben, es ist beleidigend, dass diejenigen, die diesen Schrecken nicht erlebt haben, die Blockade als ein unbedeutendes Ereignis betrachten. Die Blockadebürger hielten aus und gaben die Stadt Leningrad nicht ab, nur dank ihnen können wir jetzt friedlich leben und die Schönheiten Leningrads genießen. Es ist jetzt schwer sich vorzustellen, was mit Leningrad wäre, wenn es nicht aushielte. Hitler befahl ja die Stadt dem Erdboden gleichzumachen und überschwemmen zu lassen, stellt euch das vor!

Das Jahr 1942 kam. Im Radio wurde angesagt, dass Brotlimit erhöht wurde und 350 Gramm betrug.

Einmal las ich auf der Straße die Mitteilung darüber, dass alle Bürger dienstpflichtigen Alters ins Kriegskommissariat kommen sollten. Unter anderen wurde auch mein Jahr

1923 genannt. Ich ging in das Swerdlowskij Kriegskommissariat und sofort bekam den Einberufungsbefehl in die Rote Armee.

Fröhlicher Stimmung ging ich auf die Arbeit, zeigte den Einberufungsbefehl dem Abteilungsleiter. Der griff sich an den Kopf — man nehme ihm den letzten Dreher weg (ich drehte die feinsten und die kleinsten Teile für Zünder). Er rief jemanden an und sagte mir, dass ich mich an die Arbeit machen solle und den Einberufungsbefehl ihm geben, der Fall werde sofort erledigt. Aber ich wartete schon lange auf diese Stunde, beharrte auf meinem Standpunkt und versprach, dass wenn sie mich nicht lassen, ich freiwillig abhaue, niemand könne mich halten. Ich fühlte, dass meine Kräfte zu Ende kamen. Obwohl jetzt wir mehr Brot bekamen und der Abteilungsleiter versprach mir zusätzliche Nahrung zu kriegen — ein Glas Kisel pro Tag, — setzte ich meinen Willen durch.

Mit dem Einberufungsbefehl schickte man mich ins Büro zum Registrieren, dort hatte ich ein hartes Gespräch mit dem Leiter dieses Büros: mein Werk produziere für die Front notwendige Erzeugnisse und er habe Recht unentbehrliche Fachleute in der Stadt bleiben zu lassen. Aber ich erinnerte mich daran, dass ich wieder in die ungeheizte Wohnung zurückkehren und muterseeelenallein im Dunkeln die von der Arbeit freie Zeit vertreiben sollte, und bekam Gänsehaut. Und ich beharrte darauf, dass ich in die Rote Armee gehe, rechtmäßig oder unrechtmäßig.

Meine Beharrlichkeit hatte wohl Wirkung, der Leiter unterschrieb den Befehl, damit ich entlassen werden konnte. Laut dieser Dokumente bekam ich im Geschäft Brot für vier Tage und 500 Gramm Blutwurst. Ich kam schnell nach Hause, packte die Tasche ein und ging ins Kriegskommissariat, um zu erfahren, wann wir uns auf den Weg machen. Die Abfahrt war auf den 7. Januar 1942 um 12 Uhr angesagt.

Ich gab den Pass ab, kriegte die Quittung und kehrte nach Hause zurück. Zu Hause bemerkte ich, dass meine Tasche bestohlen wurde und dort Brot und die Hälfte Wurst fehlten. Ich überschüttete Iwan Stepanowitsch mit Vorwürfen und beschuldigte ihn des Diebstahls, aber er leugnete ab, er fühle sich unwohl und bleibe seit drei Tagen im Bett. Erzählte nur, dass, solange ich nicht da war, der Bruder Wladimir vorbeigegangen war und wohl meine Lebensmittel genommen hatte. Wie es auch sei, die Wahrheit blieb mir unbekannt, wer von ihnen die Lebensmittel genommen hat, doch ich sollte wieder hungrig bleiben. Nur die baldige Abfahrt in die Rote Armee gab mir die Möglichkeit dieses Missgeschick hinter mir zu lassen, auszuhalten und nicht umzufallen.

Um 12 Uhr am 7. Januar 1942 kam ich ins Bezirkskriegskommissariat und wurde Rotarmist. Insgesamt waren wir zu viert, es gab wohl nicht viele Jugendliche im dienstpflichtigen Alter. Einer von uns wurde als der Älteste bestimmt und wir

liefen zu Fuß durch die Stadt in die Moskowskije Kasernen neben dem Finnlandskij Bahnhof. Ich ging in Filzstiefeln, deren Hinterkappen abgenutzt waren, darum fielen die Fußlappen regelmäßig hinaus, ich sollte sie im Gehen wieder in Ordnung bringen.

Endlich waren wir an Ort und Stelle und wurden sofort in die Marschkompanie aufgenommen (so hießen die Kompanien, die unmittelbar an die Front kamen). Es gab wenige Menschen in der Kaserne, wir legten Mäntel ab und ruhten auf den Pritschen aus.

Kaum erwärmten wir uns, hörten: «Aufstellung nehmen!», im Hof versammelten sich etwa 200 Mann. Man las uns einen Befehl vor, es stellte sich heraus, dass irgendwelche Deserteure gefangen wurden, Militärtribunal verurteilte sie zur Todesstrafe. Man brachte drei Männer, stellte sie an die Wand, Schüsse krachten: Menschen fielen hin, Befehl: «Kehrt!», und wieder schickte man uns in die Kaserne.

Diese Erschießung machte auf mich keinen großen Eindruck, einerseits hatte ich schon genug Tote gesehen, andererseits störte der Hunger Emotionen zu äußern. Ich wollte in ein warmes Zimmer geraten und etwas essen, aber etwas tun und nachdenken wollte ich nicht.

Am nächsten Tag kam die Ergänzung, in unserer Kompanie waren jetzt etwa 150 Mann. Vor uns trat ein berühmter Scharfschütze auf, er rief uns zu den Waffen, wir sollten mehr Faschisten töten, darauf verzichteten wir nicht, aber waren zu hungrig und wollten an nichts denken, es begann irgendwelche Apathie. Der Scharfschütze hatte einen guten Pelzmantel an und Filzstiefel, er sah schneidig aus, wir aber hatten nur Schuhe mit Wickelgamaschen und wattierte, gesteppte Jacken, ohne Soldatenmäntel, uns reichten auch Handschuhe nicht zu, obwohl unsere eigenen wir im Bad abgaben.

In einigen Tagen kamen wir im Wald an und richteten uns in einer Erdhütte ein, im Wald sollten wir Militärvorbereitung haben. Bald bekamen wir auch Gewehre und begannen sie zu erlernen.

Ich war schon mit der schwierigeren Technik bekannt und bald konnte das Gewehr auseinandernehmen, es zusammensetzen, putzen und pflegen, damit es nicht versagte. In zwei Tagen brachte man uns auf den Schiessplatz. Obwohl ich früher nie geschossen hatte, erfüllte ich sofort alle Übungen mit «Ausgezeichnet» und verdiente «Urlaub» in die Erdhütte, um mich zu wärmen. Andere, die die Zielscheibe nicht treffen konnten, setzten die Schiessübungen fort.

Mit unserem Exerzieren beschäftigten sich vor allem Unteroffiziere, aber sie gaben sich nicht viel Mühe, darum, wenn etwas nicht klappte, wendeten wir uns an die erfahrenen Soldaten, die gerne alles mitteilen, was ihnen selbst bekannt war: sie verstanden ja, dass morgen wir zusammen in die Schlacht ziehen, und wollten, dass neben ihnen gut vorbe-

reitete Soldaten und zuverlässige Kameraden sich befinden, die bei einer beliebigen Schwierigkeit Hilfe leisten.

Offiziere erschienen und machten Unterricht selten, und wenn doch, dann ließen sie uns vorrobben (wir waren ja ohne Handschuhe), was Unzufriedenheit unserer Soldaten hervorrief, darauf achteten sie nicht: wir sollten nicht zusammen kämpfen.

Sie brachten Marschkompanien an die Front, übergaben sie den Truppenoffizieren in dem Divisionsstab und kehrten in die Ersatzregimente zurück, um neue Kompanien zu bilden.

Die Verpflegungszuteilung war besser, als im Hinterland: hier gab man 400 Gramm Brot, 25 Gramm Zucker und zwei Mal am Tage warmes Essen. Nach Brot ging man in der Begleitung eines Offiziers oder eines Sergeanten und holte es für die ganze Kompanie. Es kam vor, dass sie ein Stück Zucker oder Brot zu verstecken versuchten, aber darauf passten aufmerksam hungrige Augen des Soldaten auf, deswegen gab es ab und zu laute Streitereien.

Brot und Zucker wurden in so viele Teile geteilt, wie viele Menschen da waren. Einer der Soldaten stellte sich mit dem Rücken zu Brot, der andere zeigte auf ein Stück und fragte: «Wem?» Ein Familienname wurde genannt, der Soldat nahm sein Brot ohne Widerrede. Nachdem wir das Brot bekommen hatten, gingen wir in den Speiseraum, um Suppe und Brei zu holen. Oft war die Suppe zu dünn, darum legte man darin den Brei und aß so.

In einer Woche stellte man uns zur Besichtigung auf. Es war starker Frost. Wir standen eine Stunde lang, die zweite Stunde, Offiziere in guten Pelzmänteln gingen langsam die Reihe entlang, sprachen mit einigen Soldaten. Und wir, vor Kälte zitternd, warteten in wattierten Jacken ohne Handschuhe. Wir murrten, äußerten unsere Unzufriedenheit mit der langsamen Besichtigung. Ich sagte: «Ein wahres Irrenhaus!» und bemerkte nicht, dass hinter mir ein Offizier stand. Als er meine Worte hörte, trat er schnell heran, ließ mich aus der Reihe kommen und brachte in die Erdhütte, wo sehr laut bedrohte, indem er die Pistole aus der Tasche herauszog, dass er mich vor das Kriegstribunal stelle und erschieße. Vor meinen Augen stand das Bild, das ich in den Moskowskije Kasernen gesehen hatte. Ich bekam natürlich Angst und versicherte, dass alles gesagt hatte, ohne mir zu überlegen. Nachdem er mein Gehirn gewaschen und meine Demütigung genossen hatte, ließ er mich gehen. Als ich aus der Erdhütte hinaustrat, war die Besichtigung schon zu Ende, alle verschwanden in ihren Erdhütten, ich ging in meine, wo erfuhr, dass morgen wir an die Front gehen.

Etwas später kam unser Kommandeur, der mit uns an die Front gehen sollte. Zusammen mit dem Arzthelfer ließ er alle die Temperatur messen. Ich nahm das Thermometer und

hielt es sehr lange hielt, aber sie stieg nicht höher als 35,5. Bei solcher Temperatur schickte man an die Front nicht, aber im Ersatzregiment bleiben wollte ich nicht, wollte nicht solche Demütigungen sehen und dulden, die mir zuteil wurden. Ich kam zum Kommandeur und bat, dass man mich an die Front nehme. Er bekam Mitleid mit mir und trug mich ein, aber zuerst sollte ich eine Erklärung schreiben, dass ich freiwillig an die Front gehe, obwohl ich niedrige Temperatur und Abbau der Kräfte habe, und dass der Kommandeur für mich keine Verantwortung trage. Ich meinte, es wäre besser an der Front zu fallen, als vor Hunger zu sterben. Obwohl die Ration hier besser war, blieben immer weniger Kräfte. Es war nicht zu spüren, dass ich im Laufe von diesen 10–15 Tagen in der Armee stärker wurde.

Morgen früh machten wir uns auf den Weg mit Karabinern am Rücken und mit den in die Ärmel gesteckten Händen, am Abend kamen wir zum Ladogasee. Wir richteten uns in einer großen Baracke ein, es gab viele Menschen. Bald kam mein Nachbar mit seinem Napf voll Grütze und überlud sich den Magen. Ich erkundigte mich, woher die Grütze war, und erfuhr, dass über den See die LKWs mit Lebensmitteln fuhr, Soldaten schnitten am Rande liegende Säcke auf, Grütze verschüttete sich und wurde gesammelt.

Ich ging auch mein Glück suchen. Es war dunkel, aber ich nahm die Augen in die Hand, fand doch Grütze und sammelte meinen Napf voll. Damit kehrte ich in die Baracke zurück, aber es stellte sich heraus, dass inzwischen Brot verteilt worden war und jemand hatte meins genommen, so blieb ich ohne Brot. Dann verlangte ich eine zusätzliche Portion Wodka: wir gingen an die Front und bekamen darum je 100 Gramm Wodka. Also ich kriegte einen vollen Krug und trank in einem Zug, weil ich mich beleidigt fühlte. Und erschlaffte, fiel auf den Fußboden und schlief bis morgen. Als ich am Morgen erwachte, sah ich, dass die Kompanie nicht weggegangen war und meine Kameraden noch in der Kaserne waren. Da freute ich mich: sonst könnte ich als Deserteur gelten.

Am Morgen kamen die mit dem Zelttuch bespannten LKWs, wir stiegen ein und fuhr über den Ladogasee auf das andere Ufer. Wir fuhr langsam, es war bitterkalt, wir saßen schlecht angezogen (in wattierten Jacken, ohne Handschuhe). Es war verboten aus den LKWs auszusteigen, wir froren und blieben außerdem hungrig.

Wir nahmen Aufstellung. Man erklärte uns, dass wir in der Einheit essen sollten, zeigte, welchen Weg zu nehmen und wohin zu kommen war, wir nahmen unsere Sachen und machten uns auf den Weg. Zuerst hielten wir Ordnung, dann dehnte sich unsere Reihe aus, zum Schluss schleppten wir uns einzeln. Es war kalt. Ich ging mit Mühe, indem ich die Hände

in die Taschen steckte und den Karabiner schliff. Der Weg war glatt gefahren, darum konnten wir uns nicht verlaufen. Abseits des Weges sah ich eine Küche, Soldaten hatten schon gegessen und die Köche brachten alles in Ordnung. Der Hunger trieb mich zu ihnen in der Hoffnung etwas vom Essen zu bekommen. Ich näherte mich, fragte, ob es etwas Essbares gäbe. Der Koch interessierte sich: «Woher?» Ich: «Aus Leningrad». Das veränderte sofort sein Verhalten zu mir; ich bekam ein großes Stück Brot und den Fressnapf voll Suppe mit Fleisch. Der Koch war älter, erfahren, er sagte: «Ich würde dir noch geben, aber nach dem Aufenthalt in Leningrad kann man nicht viel essen». Aber ich war auch damit zufrieden.

Nachdem ich gegessen und mich ein bisschen erholt hatte, ging ich zu meinem Ziel schon munterer. Bald traf uns der Regulierungsposten und zeigte auf die Erdhütte, wohin zu gehen war. Dort versammelten sich schon etwa zehn Männer. Die Erdhütte war geheizt, alle ruhten nach dem Frost aus. Aber bald stellte es sich heraus, dass wir in eine fremde Einheit gerieten und noch etwa drei Kilometer zurücklegen sollten. Wieder auf den Weg.

Dann waren wir wohl an Ort und Stelle. Überall Sümpfe, keine Erdhütten, die Menschen befanden sich in den Hütten aus Tannenzweigen. Das war unsere Einheit: die 80. Schützendivision der 54. Armee».

So Tag um Tag, Monat um Monat beschrieb mein Urgroßvater den ganzen Krieg, den er miterlebt hatte. Er kämpfte in Russland, auf der Ukraine, in Polen. Den Krieg beendete er in Tschechien, 60 Km von Prag entfernt. Winogradow Nikolaj Iwanowitsch wurde für seine Tapferkeit mehrmals ausgezeichnet. Für seinen Heldenmut, den er auf dem Kursker Bogen einsetzte, war er mit der Tapferkeitsmedaille ausgezeichnet, für die Kämpfe um die Tschechoslowakei mit dem ehrenvollsten Offizierorden des Roten Banners.

Mein Urgroßvater überstand die Unterernährung während der Blockade, Skorbut, örtliche Kälteschaden (Finger und Zehen), war dreimal verwundet, aber jedes Mal kehrte in die Kämpferreihen zurück.

Nach dem Krieg blieb er in der Armee: diente in Deutschland, Mittelasien, Leningrad. Seinen Dienst beendete er als Oberst. Leider war sein Leben zu kurz, schuldig daran waren Sorgen und Verwundungen der Kriegszeit. Aber wir, seine Nachfahren, kennen, lieben und erinnern uns dank seiner Handschrift und den Familialalben an meinen Urgroßvater Winogradow Nikolaj Iwanowitsch.

*Alexandra Krjutschkowa,
Bestushew-Gymnasium Nr 159, Klasse 6 A*

War Through My Great-Grandfather's Eyes

VINOGRADOV Nilolay Ivanovich

I have never seen my great-grandfather but thanks to his notes, which he left to us, his descendants, and in which he described his war youth day by day, I know about all the events which happened to him during the Great Patriotic War.

In 1941 my great-grandfather Vinogradov Nikolai Ivanovich (1923–1986) lived in Leningrad and worked as a locksmith at Kirov Plant. He described his first days of the war in his memoirs:

«The 22nd of June, 1941 was Sunday. The weather was sunny and warm so I decided to go to Strelna to rest. I put on my best suit and went by train to Warsaw train station. We hadn't got to the Neva yet but people were worrying about something and began to get off the train. Someone said that some important government report would be announced at 12 o'clock. I jumped off the train too and joined a big group of people standing near the loud-speaker on the post. People were anxious about something. Music was playing in the radio. Citizens didn't know that in the morning fascist military planes had tried to break through to Leningrad and bomb it but they were driven away by our battle-planes.

At 12 o'clock Minister of Foreign Affairs addressed people and reported that fascist Germany had attacked our country and armed hostilities were along all the western border. People were breaking up in silence everyone understood that it would be an ordeal for us. On the way I saw more and more trams with new-called Red Army men, perhaps the call-in had begun before Molotov's report.

I couldn't think about rest anymore and went home on foot. Everyone was worried at home though nobody had been called in yet. All were sitting near the radio listening to the news about the situation at the front. But mostly music was playing and there were only short announcements about courage of the Red Army defending the border.

On Monday having come to work I got to know that our plant had 12-hours working day and I would have to work night shift. The discipline was strengthened: previously you could be sued and sentenced 20% deduction of the salary during 3 or 6 months but now being late for work we can get stricter punishment.

It was difficult to work 12 hours a day because I wasn't used to it. During the lunch break (and we also had it at night) we went outside into the yard, the sky was clear. There were stars in the sky and nothing reminded us about the war.

But the echo of the war rolled to us too. It got more difficult to get to work when air-raid warning was announced we went into the bomb shelter. And it could be two or three times on my way to work. Despite all the air-raid warning we continued working in the shop only once we were offered to go into the shelter.

Bombs fell on the city very often. The first bombs hit the Zoological garden and killed an elephant and other animals. At the same time «Russian Mountains» were burning and I was watching it going to work.

After work we young people (there were about 40 of us from the plant) went to classes where we were taught how to use a gas-mask, to give first-aid, put bandages.

From the first days of the war we had ration cards for meat, butter and other valuable things. But we could buy other food at the shops and canteen without ration cards. And we being young didn't understand that we should use all our cards to buy food to lay in stock. But we thought that all the food we got with ration cards was enough.

But air-raid warnings and bombing were getting more often sometimes twenty times a day and there was smoke of fire above the city.

In the end of August 1941 we were gathered at the Head of the shop and said that we were going to dig trenches. Having taken everything necessary our group went to the area of Gorelovo settlement. A lot of people were there already and all the work was managed by the officers. Everyone had his place and was given a task for a day, without finishing it we could not leave our work. The soil was very heavy and stony and we could dig it only after working on the land with a hoe. Men worked with hoes and women threw the soil out after us. The weather was warm and though we were very tired but we tried not to give up. We got soup and bread at the canteen and also bought food with ration cards in Leningrad. We bought herring, sprat and dug potatoes in the field so that we ate quite well. We all shared one room and slept on the floor. The hostess was good and she cooked special «ration» for us — potatoes. The Germans didn't disturb us.

There were rumors going around the city that the Germans were coming closer and closer to the city.

Once in the morning we saw fascist planes very close. There were about 20 of them, they flew up to the airfield, formed a circle and began to dive at our lanes which tried just to fly away. We looked at it and were indignant at it why they didn't attack but flew away. Later when I served in the army I got to know that those planes had been low-flying attack aircrafts but there were no destroyers at the airfield at that time. That is why fascist planes safely bombed and flew back they didn't bomb us though they saw that about a thousand of people was working.

Women later said that they had found leaflets with saying: » Leningrad ladies, Don't dig the land. Our tanks will come and fill them up».

But our holes were useful and German troops couldn't capture them.

There was getting less food. Soldiers dug potatoes and guarded all the fields. But nothing could stop us. We went to the fields and while we were driven from there we could pick up some potatoes and hide them anywhere we could.

Suddenly we were called back to the plant and found out that evacuation was going. The first trains had already left so we were made to demolish the equipment and load carriages to Ufa. Later we began to prepare for the evacuation ourselves.

Volunteers' corps was formed at the plant. This was a group of people who were constantly at work. There they worked, slept and had military trainings.

A lot of people went away some were evacuated with their parents and in a week we were also planning to leave. But the news came that fascist troops had captured Mga already. Some of our echelons came back. So ten of us were sent to Badayevsky warehouses to unload the equipment.

The next day we came and saw ruins, black mountains of burnt sugar and rivers of dark sugar treacle. The scene was amazing. Everything was in smoke and the smell was unbelievable.

So we took sticks and tried to find good sugar: yellow and warm but edible.

We found carriages and saw that boxes with very expensive measuring equipment were destroyed and couldn't be used any more. We didn't have the desire to dig in the burnt rubbish it was better to look for something tasty. We tasted everything even red pepper which we took for beans. But in the afternoon we were in danger as the guard found out that we were doing nothing and tried to make us go away.

After Badayevsky warehouses were burnt ration norms were decreased. The standard ration of bread for the workers was 150 g, for clerks and dependants 125 g. With ration cards we could get 500 g of porridge 150 g of toffee made of burnt sugar but there were no enough cards for everyone so it was difficult to find them. People were queuing for food but I didn't have time to stand in a queue. After 12 working hours I also had to heat the house but I had no strength for anything else.

At the canteen they cut 25% of the ration card per one portion of soup.

The electricity was switched off, the water-main was frozen. Hunger began. Public transport stopped and we got used to bombings and artillery bombardment. Life was getting more and more difficult.

Those who were not evacuated gathered all the equipment and lathes and started production.

Our group of people lived in the red corner of the shop where the beds were put. We worked during the day but at

night we ran to the roof of the shop to throw incendiary bombs down where women put them out.

It was difficult but romantic time. After work we were sitting on the roof watching the city. We could see everything: projectors catching enemy planes, ack-ack guns shelling and we were glad when we saw an enemy plane falling down. We saw glow of fire. We were indignant at seeing spies coming out somewhere from the back streets who were lighting and showing our defense objects when fascist planes flew to the city.

One day there was loud rumbling in the air and the clouds were shaking like women's shawls. Later we heard that it was heavy artillery from Kronstadt helping our troops to defend the city.

Despite hunger we didn't stop working. At that time I turned shells instead of mould. It was especially difficult at night when tiredness knocked me down. The shop was spacious because most of the equipment was evacuated but there was a big table near the heating so when our foreman Vasily Ivanovich was out I hid behind the table and immediately fell asleep. But when Vasily Ivanovich appeared again he pulled me back to my lathe like a puppy.

Our group was coming apart. Someone had gone away, someone didn't come to work. So in September 1941 there were only three of us in the shop. There were two Ukrainian men who had come from college (I don't remember their surnames). They often said that they wanted to return to Ukraine saying that as soon as they crossed the border it wouldn't be so difficult to get home. I tried to do everything to dissuade them. I was closer to my village and there were no Germans there but I didn't think about it as I couldn't leave the shop and went to my relatives in the village.

Once they didn't come to work but 2 days later soldiers brought them back. They were captured at the front line. In a week they disappeared again and never came back. I don't know if they crossed the front line and found their native land or they were killed.

Our shifts stopped as I was the only one who worked in the shop. It was getting more difficult to go home. On my way home I went into the bakery bought my 150 g put it into my secret pocket, girt with a belt and went home. To overcome my wish to eat it all I took just a little bit and put into the mouth. I went home and suck. But a few minutes later there was nothing in the mouth and again I had overwhelming desire to eat it all. Overcoming the difficulties I tried to find my small piece somewhere in my pocket under the belt. Again I took a little and put it into the mouth. So when I came home bread had already disappeared.

It was cold in the room so I had to find firewood somewhere and heat the stove. I boiled water and drank it hot as much as I could.

At the beginning of winter almost all the inhabitants lived in the apartment except Anna Ivanovna and Dusya who had left Leningrad before the war. Ann's husband, Alexey, brought home some oats which we fried in the pan, washed it, grinded it and made flour. We made thick pancakes of it. It was difficult to grind. So they invited me to help. I was very glad to get some oats which I boiled and ate to my fill.

But it didn't continue for a long time. Almost all of them were evacuated. Only Ivan Stepanovich and I stayed. He worked at the plant «Bolshevik» and he didn't come home for months. He stayed at the relatives who lived not far from the plant. Volodya (younger brother of Ivan Stepanovich died during the Blockade) was in the home guard and came home very rarely. Now I was alone in this apartment. Once our area was bombed and three bombs fell down in our yard, all the glass in the windows were broken. I found some borders in the shed so I boarded up two windows and left one small hole for the air. It got dark and cold in the room but I heated the stove and it got warmer.

Hunger was strengthening; it did not surprise us if a man who was walking in front of you fell down and could not get up. People came up to the man trying to lift but usually it was in vain because the man was already dead. People with sledges went around the city and took corpses to Smolenskoe cemetery, where they were heaped. But later corpses were carried out onto the staircase if there was someone who could carry it and left there or they were lying in the apartments. It was cold and corpses did not disturb people who were waiting for their fate. Each of these alive people did not know if they would wake up tomorrow.

There were detachments of young women who were going around the city putting corpses into cars and taking them away. All the corpses were buried in mass graves in 1942 to prevent epidemic.

Once Iva Stepanovich brought joiner's glue and we divided it into three parts and cooked «jellied meat» — jellied water smelt hooves and burnt fur. But after it we did not feel hunger. The other day his brother Dmitry brought a piece of fat. I ate it and after it I threw up to two days, I was «turned inside out». But I could not leave this fat. I took it from the floor and decided to cook «fried eggs» because I had a large portion of egg powder. So I mixed egg powder, fat and a lot of water and put it into the stove. But my fat burnt on the pan. I tried to put it out, but nothing helped. I was very upset but what I could do. I should not have been so jealous. I did not want to throw my fat away.

There were less and less people at work. Our foreman Vasily Ivanovich did not come to work. Our best worker Maximov (he did five norms per day) did not get up from the bed which was in the shop. Despite all the difficult conditions

we did not stop working. Fighting spirit was high, no one cried, no one complained. People discussed where they would be able to take arms if the Germans broke through into the city. At the Vasilievsky Island all the streets which were not far from the shore were guarded in case of landing of troops.

Even women, hungry and infirm, staying in the queue for the portion of cereal said that if the Germans were in the city they would pour boiled water onto them from the windows. So high was fighting spirit in the years of blockade.

There were rumors after the war that during the blockade some people ate human meat, but I don't believe it. I saw many corpses but there were no signs that someone had tried to cut a part of the body, I did not notice it. I think it can be said only by people who did not see and did not work with people in Leningrad. They worked selflessly and died calmly without murmur.

I'm very proud that I spent all the difficult years of the blockade with such people. Only a few stayed alive and that is a pity when people who did not live during the blockade take it as something insignificant. But only due to their firmness this city was defended, only thanks to them we may leave in peace now and admire the beauties of Leningrad. It is hard to imagine what would have been with our city if it had been captured. Because Hitler ordered to wipe the city out of the face of the earth.

1942 came. It was reported on the radio that bread ration was increased to 350 grams.

Once going along the street I read a notice saying that all citizens of call-up age must come to military registration and enlistment office. There was also my year 1923 in the list. At once I went to Sverdlovsky military registration office and immediately got call up papers to the Red Army. There were only four of us from this area. One man was appointed senior and we went on foot through the city to Moscow barracks near the Finland train station. I was wearing valenkis with holes.

At last we got there. We were registered quickly and included into drafts going straight to the front. There were a few people in the barrack; having put off our clothes we went to sleep on bare plank beds.

As soon as we had warmed ourselves we heard the command «to formation». About two hundred people gathered in the yard. We told that some deserters were captured and they were sentenced to be shot. Three men went out, stood near the wall; we heard shooting and they fell down. There was a command «about turn» and we came back to the barracks. I was not affected with this shooting, may be because I had already seen a lot of corpses, or hunger did not let show the emotions. The only things I wanted were to get into a warm room and eat. I did not want to do or think anything.

Next day reinforcement came and we had 150 people in our company. Some famous sniper addressed us with a speech, he persuaded us to kill the Germans and we did not refuse. We desperately wanted to eat and did not want to think about anything. He was wearing a good fur coat and valinkis and had a gallant look. On the contrary we put on shoes with putty, quilted jacket without great coat and gloves, ours were taken in sauna.

Several days later we went to the forest and stayed in a dug out, there we had some military trainings. Soon we were given rifles and began to study.

I had already known even more complicated military equipment. So I learnt how to assemble and disassemble a rifle, how to scour and tend it. In two days we were taken out to the shooting ground. Though I had not shot before, but I passed all the exercises with excellent mark and got a vacation in the dug out to warm myself. Those who could not hit the target continued shooting.

Our lessons were usually held by junior commander, but he did not take much effort. If we could not understand something we turned to veterans who willingly shared their experience. They understood that the next day we had to go into battle and wanted to have a well prepared soldier and a reliable friend nearby, who would be able to help in a difficult minute.

Officers rarely appeared and held studies. But if they came they made us crawl on our stomach and this way displeased us, but they did not care, because the next day they would not go with us into the battle. Then they took draft reinforcements to the front and handed in them to the army officers and then went back to reserve regiment to form a new company.

The military ration was bigger. We got 400 grams of bread, 25 grams of sugar and hot food twice a day. We went for bread only with an officer or sergeant and got ration for the whole company. Someone tried to hide a piece of sugar or bread, but hungry eyes of a soldier watched after it and sometimes there were big scandals.

Bread and sugar were divided into portions according to the number of soldiers in the company. One in the soldiers was standing with his back to bread, the other one was pointing at the portion and cried «to whom». Having heard his surname, a soldier took his portion without criticism. So received our portions of bread we went to the canteen with our mass tins for soup and cereal. The soup was often thin, that is why we often put cereal into soup and ate it.

In a week we were drawn up for combatant parade. It was hard frost. While we were standing for a few hours, officers in good fur coats slowly went around the formation and talked to the soldiers. We were shivering and waiting for our turn standing in jersey without gloves. We began grumbling

at it. I said, «It is a mess» and did not see that one of the officers was standing behind me. Having heard my words he came up to me quickly, took me out of the formation and we went to the dug out, where he raising his voice talked to me, having taken a pistol out of a holster. He told me that he could send me to the military tribunal and I would be sentenced to shooting. At once I remembered a picture of shooting at Moscow barracks. I was afraid and said that I had not thought when I said those words.

I went to work in a good mood and showed my call in papers to the Head of the shop. He clutched at his head as I was the last turner of the shop. He began to phone somewhere and told me to start working. He said that I would not go to the army and should give my call in papers to them and they would arrange everything. But I had been waiting for this minute for a long time I insisted and argued, if they did not let me go I would run away and nobody would stop me. I felt that I had no more strength. Though some bread was added and the Head of the shop promised to organize some extra meal — a glass of kissel — but despite this I held my own.

I was sent to the military bureau with my call in papers. There I had a hard talk with the head of the bureau. I worded at the military plant and they had the right to reserve necessary specialists. But as soon as I remembered that I had to go home, warm my apartment and spend my free time in the darkness, this thought made me shiver. So I stood my ground, I wanted to join the Red Army legally or illegally.

Perhaps my persistence had an effect, so the Head appended instructions to number me off with these documents. I got bread for four days and five hundred grams of blood pudding. I came home, collected my bag and went to the military registration and enlistment office to get to know about the date of the departure. It was appointed for twelve o'clock on January 7th, 1942. I handed in my passport, got a receipt and went home. There I found out that my bag was pulled about, there was no sausage and half of bread in it. I scolded at Ivan Stepanovich, accusing him of stealing my food, but he denied, he felt bad and had been lying in the bed for three days already. But he said that when I was out brother Vladimir came and probably he had taken all the food. So I don't know who took my food but I was on starvation ration again. Only quick departure to the Red Army helped me to overcome all the difficulties and stood up.

At twelve o'clock on January 7th, 1942 I came to Sverdlovsky military registration and enlistment office

Having washed my brain and taken enough pleasure in my humiliation he let me go. When I left it everyone already was in the dug-outs. I went into mine and there got to know that the next day we were going up the line.

After a while our commander of the company who should go on a front line with us came with a medical assistant. And they began to take our temperature. I took a thermometer and despite the fact that I held it for a long time, the temperature was 35,5. They didn't take soldiers to the front with such temperature but I didn't want to stay in reserve seeing and enduring humiliation. I came up to the captain and asked him to take me to the front. Probably he took pity at me and mustered me into the company but he made me write a statement that I went the front voluntarily knowing that I have low temperature and loss of strength. I considered it better to die at the front than starve to death. Though the ration was better, but my strength was flagging. I didn't feel that I had improved in health in these 10-15 days staying in the army.

Early in the morning with carbines on the back, we started our way and in the evening we came to Ladoga Lake. We stayed in a big barrack full of people. Some time later my neighbor brought a mess-tin with cereal and ate it cramming it into his stomach. I asked him where he had found cereals and he told me that lorries full of cereals went through Ladoga Lake and soldiers cut some sacks and cereals fell onto the road.

I also went to try my luck. It was dark but touching the road with hands I came across a small heap of cereal and put it into my mess tin. With the mess-tin full of cereal I came back to the barracks but I got to know that everyone had already received their rations of bread and somebody had taken mine. So I was left without my ration. Then I asked for an extra portion of vodka as we were going to the front and we had already been given vodka each. They poured it into the mug and being offended I drank it all. I grew so weak and lim from it that I fell down to the floor and slept till morning. When I woke up I saw that my military unit hadn't gone yet and my fellows were still in the barrack. I was very glad because otherwise I could have been called a deserter.

In the morning the lorries covered with tarpaulin arrived, we got into them and were carried to the other side of Ladoga Lake. We were moving slowly. It was cold and we were badly-dressed and had no gloves. They didn't allow us to get off so we got cold and hungry.

We drew up. They told us that we would be fed when we reached the unit. We were given the directions and hav-

ing taken our «dragoons» we left. At first we went in the lines. Then someone went quicker someone slower and at last I went alone. Warming my hands in the sleeves and dragging my carbine on the ground I was going very slowly. The road was rolled and nobody could lose his way. Apart from the road I saw a field kitchen. All the soldiers had already eaten and the cooks were putting everything away. Hunger pushed me to go quicker hoping that I would be able to have a snack there. I came up to them and asked if they had something to eat. The cook wondered: «Where are you from?» «From Leningrad», I said. It changed hi attitude to me and I got a big lump of bread and a mess-tin of soup with meat. The cook was elderly and experienced, he said: «I could give you more food, Son, but people from Leningrad shouldn't eat a lot at once». But I was really glad to eat the food that I had already got.

Having eaten and rested I went more cheerfully to the unit. Soon I met an officer who pointed at my dug-out. There were ten people already there. The dug-out was heated and everyone was resting there. But later we understood that we were in the other military unit and we had to go about 3 km more. So we went again.

At last we reached the unit. There was only a marsh around and no dug-outs. Soldiers stayed in shelters made of fir tree branches. This was our native rifle division of the 54th army.

Day after day, month after month my great-grandfather described all the War he went through. He fought in Russia, Ukraine and Poland. He finished the War in Czech Republic about 60 km from Prague. Nikolay Ivanovich Vinogradov was given many awards for courage. He was awarded a medal «For Bravery» at the Kursk Bulge and «the Order of the Red Banner» for battles in Czech Republic.

My great-grand father endured Blockade emaciation, scurvy, freezing of fingers and toes, he was wounded three times but came back to the service again.

After the War he stayed in the Army and served in Germany, Middle Asia, Leningrad. He resigned as a colonel. He lived a short life, probably, because of the wounds from the War. But we, his descendants, thanks to his notes and family albums remember and love our great-grandfather — Nikolay Ivanovich Vinogradov.

Дружили с пленными немцами

ГЕДИМИН Всеволод Владимирович

Семья моего прадедушки, Гедимина Всеволода Владимировича, жила на Кондратьевском проспекте в доме №83, в квартире 35. Дом был двухэтажный, деревянный, в нем обитало несколько семей. Самая большая квартира была у моих родных: четыре комнаты, большая кухня, огромная прихожая и узкий коридор. Очень кстати была просторная лестничная площадка второго этажа и лесенка, ведущая на чердак. Все это получил папа моего прадедушки,

Гедимин Владимир Адольфович, в качестве служебного жилья как главный бухгалтер совхоза «Ручьи». Мама прадедушки работала учительницей начальных классов в школе №132 на Лабораторном проспекте (сейчас это здание МЧС России), звали ее Александра Ивановна. У них было трое детей: старшая дочь Нина (к началу войны — выпускница средней школы), сын Сева (подросток 13 лет, теперь это мой прадедушка и ему уже 81 год) и младший 9-летний сын Алик (Валентин). Вместе с ними жили их дедушка Ваня и бабушка Соня.

22 июня 1941 года в 9 часов утра Нина уехала с друзьями в ЦПКиО отмечать окончание школы. Сыновья еще спали, а их мама писала письмо своей младшей сестре, уехавшей два дня назад в Белоруссию вместе с мужем и 9-летним сыном. На кухне бабушка Соня пекла пироги и заваривала ароматный чай, чтобы всей семьей позавтракать в это воскресное утро. Она представляла вечерний ужин, на который соберутся все друзья ее старшей внучки, будущие студенты медицинского ВУЗа.

В 12 часов дня в Ленинграде было объявлено о начале войны с Германией. Трудно передать словами то, что они чувствовали тогда, но кое-что можно представить: громко заплакала моя бабушка и запричитала ее мать — ведь часть семьи была на территории Белоруссии, где уже рвались снаряды и гибли люди. Позже они узнали, что все члены семьи, которые были на оккупированной территории, оказались в партизанском отряде. Внезапно приехала Нина с друзьями, и начались тревожные обсуждения теперь уже новой жизни.

В июле 1941 года были эвакуированы в пригородную зону дети-школьники нашего района. Тогда еще никто не знал, что это уже опасно. В своем дневнике, который мой дедушка Сева начал вести 22 июня 1941 года, он описал эвакуацию детей в вагонах и их возвращение назад через несколько недель со станции «Хвойная». Самое удивительное для меня сейчас то, что мама дедушки Севы руководила погрузкой детей в пассажирские вагоны, которые отправлялись обратно в Ленинград. Ей, слабой и незащитной женщине, удалось связаться с ближайшей военной частью летчиков-истребителей и выпросить два самолета (!) для сопровождения поезда, которые и следовали над теми вагонами, где были дети. Это спасло жизнь всем, кто ехал в поезде, так как началась бомбежка.

Сентябрь 1941 года. Мой прадедушка и его брат еще учатся в школе, но уже помогают в дворовой бригаде, которая охраняет деревянные строения, убирает территорию, заготавливает дрова и даже разгружает машины

с ранеными и приносит им воду. Все это — на Кондратьевском проспекте, недалеко от Богословского кладбища, совсем рядом с моим домом, где сейчас живет моя любимая семья, — на ул. Замшина, дом № 31, корпус 3.

Самой страшной была зима 1941–1942 года. В доме, где жила семья моего прадедушки Сева, после бомбежек осталось всего две семьи: многие умерли от голода, от ранений, потерялись в нескончаемых очередях. По Кондратьевскому проспекту ежедневно двигались автобусы с ранеными, на санках ленинградцы везли погибших родственников, а на обочинах подчас неделями лежали брошенные трупы.

Дети ходили в школу не только учиться, но и выживать — ведь там давали какую-то горячую пищу. А еще дети собирали бутылки для зажигательной смеси, чтобы из них на заводах делали стеклянные гранаты. Самым тяжелым моментом школьного дня была переключка в холодном классе, когда учитель называл фамилию ученика и в ответ слышал: «Умер вчера». Однажды, возвращаясь домой после уроков от Лабораторного проспекта через пустынное поле к своему дому на Кондратьевском, прадедушкина мама вместе с младшим Аликом попала под бомбежку. Девятилетний Алик быстро нырнул в какую-то канаву, а его мама в панике добежала до крыльца дома. Когда обнаружила, что сына нет рядом, сердце матери оборвалось... Но через какое-то время после отбоя воздушной тревоги возле дома появился живой и здоровый мальчик. Как ни странно, даже в столь трудное время в сплоченной семье было место для шуток. Дедушка Сева много раз вспоминал о том, как подтрунивали друг над другом дети, собираясь по сигналу воздушной тревоги в земляную щель рядом с домом.

Удивительное мужество и непоколебимая вера самой старшей женщины в нашей семье — бабушки Софьи Владимировны, спасала семью много раз: во время самых страшных артобстрелов и налетов она собирала всех в узком коридоре квартиры и громко молилась и читала Библию все это время. Думается, ответом на ее

просьбы к Богу явилось то, что все члены семьи остались живы, за исключением ее мужа, Ивана Гавриловича, — моего прапрадеда. Он простудился в марте 1943 года, так как воздушной волной от взрыва бомбы выбило все стекла в квартире. Он тяжело заболел и умер. Это были первые похороны, которые организовал дед Сева в возрасте четырнадцати лет. За буханку хлеба он нашел место на Богословском кладбище и долго дождался, пока голодные работники выроют могилу. Сейчас там похоронены многие члены нашей семьи. В изголовье их памятников висит на ограде своеобразная эпитафия, которую написал дедушка Сева: «Прахи здесь ленинградцев, проживших блокаду: мой отец вместе с мамой и с бабушкой, дед, пережившие ужас блокадного ада, артобстрелы, бомбежки и радость побед, сохранившие в жизни добро и уменье, и любившие дело не ради наград, вековечное в людях людское терпенье и к тебе уваженье, родной Ленинград... Пусть в тиши Богословской шумят им березы и искрится вино в дни нечастых помин, пусть тепло Пискаревки согреет в морозы. Крепко спите, родные... Ваш сын Гедимин».

Спасла семью дружба и забота друг о друге, многие погибали от того, что не могли донести до дому пайку хлеба, даже если знали, что их ждут голодные родственники. А в нашей семье никто не позволял себе такого. Каждый кусочек делился на всех дома.

Интересный случай в блокадном городе произошел с моим дедом 5 января 1942 года (кстати, в день его рождения). Он пошел в Большой драматический театр на Фонтанку на новогоднюю елку и посмотрел спектакль «Дворянское гнездо». Пешком от Кондратьевского проспекта до театра и обратно! В сорокаградусный мороз!

В качестве новогоднего подарка дети получили обед из трех блюд: суп, каша и фруктовое желе. Любящий сын решил сделать маме подарок — желе! Он завернул его в программку и положил в карман. По дороге был сильный обстрел, и приходилось то ложиться на землю, то стремительно спускаться в убежище. Можно представить его удивление, когда в кармане ничего не оказалась, кроме мокрого пятна. Но он же был именинник — и брат испек ему дурандовый пирог с остатками довоенного варенья.

На Кондратьевском проспекте прямо во дворе нашего дома располагалась воинская часть. Надо сказать, что самые теплые и дружеские отношения связывали командира и его бойцов с семьей моего прадеда: военные делились продовольствием, подкармливая голодных подростков, частенько проводили вечера в дружной семье — и тогда становилось не так тягостно и страшно всем под вой сирен и грохот артобстрела темной блокадной ночью. Однажды комендант военной части привел на кухню двух пленных немцев, совсем молодых солдат, которые так же голодали, как и все в Ленинграде. Он приказал им до конца войны помогать бабушке по хозяйству, то есть добывать дрова, носить воду и делать все, что ни попросят. Звали их Курт и Ганс. И, что удивительно, старенькая бабушка Соня и вся семья приняли их очень по-доброму, никто их не обижал, не оскорблял, наоборот — помогали, чем могли, общались,

*Ученики 5 класса, средней школы № 1 Красногвардейского района. 3 декабря 1939 г.
Сева Гедин в первом ряду первый слева*

дружили. По окончании войны их отправили в Германию. До сих пор дедушка Сева вспоминает, как трогательно прощались с ними и он, и его брат с сестрой, и все взрослые. Так хочется ему знать, где они и как сложилась их судьба.

Потрясающим событием стал прорыв ленинградской блокады, который, как самый важный праздник, отмечается в нашей семье и по сей день. Мои родные всегда вспоминали пугающую тишину глубокого вечера 18 января 1943 года, наступившую внезапно после страшнейшего артобстрела. Решили, что в город вошли враги, и мальчишки собирались отбиваться до последнего патрона с чердака дома, на котором у них, как и положено было в то суровое время, находилось кое-какое оружие (что приводило в ужас их маму, не понимавшую, что каждый подросток в этом городе чув-

ствовал себя бойцом). Спасло ситуацию радио. Поздно вечером зачитали сообщение Информбюро о том, что блокада Ленинграда прорвана и войска Ленинградского и Волховского фронта соединились, затем сообщение от управления торговлей об увеличении всем ленинградцам нормы хлеба на 100 граммов. Гром «Интернационала» завершал долгожданные известия. Так повторялось много раз в течение всей ночи по всему городу! Ленинградцы плакали...

Мы с дедушкой Севой часто играем в викторину «Мой город-герой», и он всегда выигрывает, потому что знает ответы на все вопросы, ведь он жил в этом городе и победил самое страшное — смерть.

*Лиза Харлапенкова-Гедимина,
4 класс ГОУ «Брюсовская гимназия № 192»*

Wir waren befreundet mit den gefangenen Deutschen

GEDIMIN Wssewolod Wladimirowitsch

Die Familie meines Urgroßvaters, Gedimin Wssewolod Wladimirowitsch, wohnte auf dem Kondratjewskij Prospekt im Haus N83, Wohnung Nr 35. Das war ein zweistöckiges Holzhaus für einige Familien. Die größte Wohnung hatten meine Verwandten: vier Zimmer, eine große Küche, einen riesengroßen Flur und einen engen Korridor. Zustatten kamen das geräumige Treppenhaus oben und die Treppe, die auf den Dachboden führte. Das alles hat der Vater meines Urgroßvaters, Gedimin Wladimir Adolfowitsch, als Hauptbuchhalter des Sowchos «Rutschji» bekommen. Die Mutter des Urgroßvaters war Lehrerein der Grundschule Nr 132 auf dem Laboratoryj Prospekt (jetzt gehört dieses Gebäude dem Katastrophenschutzministerium), sie hieß Alexandra Iwanowna. Sie hatten drei Kinder; die älteste Tochter Nina (am Anfang des Krieges war sie Schulabgängerin), den älteren Sohn Sewa (13 Jahre, jetzt ist er mein Urgroßvater und 81 Jahre alt), den jüngeren Sohn, 9-jährigen Alik (Walentin). Mit ihnen wohnten auch ihr Großvater Wanja und ihre Großmutter Sonja.

Am 22. Juni 1941 um 9 Uhr morgens fuhr Nina mit den Freunden in den Zentralpark der Kultur und Erholung den Schulabschluss feiern. Die Söhne schliefen noch, ihre Mutter schrieb einen Brief an die jüngere Schwester, die vor zwei Tagen mit ihrem Mann und ihrem 9-jährigen Sohn nach Weißrussland gefahren war. In der Küche backte Oma Sonja Kuchen und brühte den duftenden Tee auf, damit an diesem

Sonntagmorgen die ganze Familie zusammen frühstückte. Sie stellte sich das Abendbrot vor, wenn alle Freunde ihrer ältesten Enkelin sich versammeln, die zukünftigen Studenten der Medizinischen Hochschule. Um 12 Uhr wurde in Leningrad bekanntgegeben, dass der Krieg gegen Deutschland begann. Es ist schwer zum Ausdruck zu bringen, was sie damals fühlten, aber einiges kann man sich vorstellen: laut weinte meine Großmutter und jammerte ihre Mutter, weil ein Teil der Familie in Weißrussland war, wo schon Bomben explodierten und Menschen umkamen. Später erfuhren sie, dass alle Familienmitglieder, die auf dem okkupierten Territorium waren, in die Partisaneneinheit kamen. Unerwartet kehrte Nina mit den Freunden zurück und das aufgeregte Besprechen des ab diesem Moment ganz anderen Lebens begann.

Im Juli 1941 wurden Schüler unseres Bezirkes in die Vororte evakuiert. Damals wusste niemand, dass das gefährlich war. Im Tagebuch, das mein Großvater Sewa am 22. Juni 1941 begann, beschrieb er das Evakuieren der Kinder mit den Zügen und ihr Zurückkehren von der Station «Chwojnaja» in einigen Wochen. Das erstaunlichste für mich jetzt ist, dass die Mutter vom Großvater Sewa das Einsteigen der Kinder in die Güterwagen leitete, die die Kinder zurück nach Leningrad führen. Diese Frau, schwach und schutzlos, hatte es geschafft, in Kontakt mit der nächsten Militäreinheit zu kommen, wo es Jagdflugzeuge gab, und zwei Flugzeuge (!) für die Begleitung des Zuges zu bekommen. Diese Flugzeuge folgten dem Zug, in

dem die Kinder führen. Das rettete das Leben allen, die im Zug waren, weil das Bombardieren begann.

September des Jahres 1941. Mein Urgroßvater und sein Bruder lernen noch in der Schule, aber sie helfen schon viel in der Hofbrigade, die die Holzbauten bewacht, das Gelände in Ordnung bringt, Holz besorgt und sogar LKWs mit Verwundeten auslädt und ihnen Wasser holt. Das alles geschieht auf dem Kondratjewskij Prospekt, unweit vom Bogoslawskoje Friedhof, in der unmittelbaren Nähe von meinem Haus, wo jetzt meine heiß geliebte Familie wohnt, auf der Samschina Straße, Haus N31, Block 3.

Am schrecklichsten war der Winter 1941 — 1942. Im Haus, wo die Familie meines Urgroßvaters Sewa wohnte, blieben nach dem Bombardieren nur zwei Familien: viele starben vor Hunger, vor Verletzungen, gingen verloren in den unendlichen Menschenschlangen. Auf dem Kondratjewskij Prospekt führen täglich Busse mit Verwundeten, auf den Schlitten führen Leningrader ihre gestorbenen Verwandten, am Straßenrand lagen manchmal wochenlang gelassenen Leichen.

Die Kinder gingen in die Schule nicht nur um zu lernen, sondern auch um am Leben zu bleiben, weil dort warmes Essen gegeben wurde. Die Kinder sammelten auch Flaschen für Zündmischung, daraus wurden auf den Werken Glasgranaten gemacht. Am schwierigsten war in der Schule namentlicher Aufruf in der kalten Klasse, wenn der Lehrer den Familiennamen eines Schülers vorlas und danach hörte: «Ist gestern gestorben». Einmal geriet die Mutter des Urgroßvaters zusammen mit dem jüngsten Sohn Alik unter Bombardieren, als sie nach Hause nach der Schule durch das leere Feld vom Laboratornyj Prospekt zu ihrem Haus auf dem Kondratjewskij Prospekt gingen. Der neunjährige Alik tauchte in einen Graben, seine Mutter lief in Panik bis zum Eingang des Hauses. Als sie entdeckte, dass der Sohn nicht da war, blieb ihr Herz stehen ... Aber bald nach der Entwarnung erschien neben dem Haus der gesunde und muntere Junge. Erstaunlich, aber sogar in den schwierigsten Zeiten gab es in dieser fest zusammengefügt Familie Scherze und Witze. Opa Sewa erinnerte sich mehrmals daran, wie die Kinder einander spöttelten, wenn sie sich beim Luftalarm in der Erdspalte neben dem Haus versteckten.

Erstaunlicher Mut und unerschütterlicher Glauben der ältesten Frau in unserer Familie, der Oma Sofja Wladimirowna, rettete die Familie mehrmals: während der schrecklichsten Artilleriebeschüsse und Einflüge sammelte sie alle im engen Korridor, betete laut und las die ganze Zeit in der Bibel. Ich glaube, die Antwort Gottes auf ihre Bitten bestand darin, dass am Leben alle Familienmitglieder außer ihrem Mann, Iwan Gawrilowitsch, meinem Urgroßvater blieben. Er erkältete sich im März 1943, weil durch Luftwelle nach der Explosion alle Fensterscheiben in der Wohnung eingeschlagen wurden. Er erkrankte und starb. Das war die erste Beerdigung, die Opa

Sewa mit 14 Jahren organisierte. Für einen Laib Brot fand er den Platz auf dem Bogoslawskoje Friedhof und wartete lange, bis die hungrigen Arbeiter ein Grab schaufelten. Jetzt sind dort viele Mitglieder unserer Familie begraben. Am Kopfende der Denkmäler hängt am Gitter eine Art von Epitaph, das Opa Sewa geschrieben hat: «Hier ruhen sterbliche Überreste der Leningrader, die die Blockade miterlebt haben: mein Vater, meine Mutter, meine Großmutter, mein Großvater, die das Entsetzen der Blockadenhöhle, Artilleriebeschüsse, Bombardieren, Freude von den Siegen, miterlebt haben, die die Barmherzigkeit behalten haben, die ihre Arbeit nicht wegen Auszeichnungen liebten, die die ewige Geduld besaßen die dich, meine Heimatstadt Leningrad, liebten ... in der Stille des Bogoslawskoje Friedhofs rauschen die Birken, der Wein funkelt an den Tagen, an denen man sich an sie erinnert, obwohl das nicht oft vorkommt, die Wärme von Piskarjowka hilft ihnen während des Frostes. Schlaft ruhig, meine liebsten ... Euer Sohn Gedimin».

Unsere Familie retteten auch die Freundschaft und Sorge füreinander, viele Menschen starben, weil sie die Brotration nach Hause nicht bringen konnten, sogar wenn sie wussten, dass auf sie hungrige Verwandten warteten. In unserer Familie passierte so was nie und niemals. Jedes Stückchen wurde unter allen geteilt.

Eine interessante Geschichte geschah in der Blockadestadt mit meinem Opa am 5. Januar 1942 (das war übrigens sein Geburtstag). Er ging ins Grosse Dramatische Theater an den Fontanka-Fluß zum Neujahrsfest und sah sich die Vorstellung «Das Adelnest» an. Vom Kondratjewskij Prospekt bis Theater zu Fuß! Und zurück! Bei der Kälte minus 40 Grad Celsius! Als Neujahrs Geschenk bekamen die Kinder das Mittagessen aus drei Gerichten: Suppe, Grütze und Fruchtgelee. Der liebevolle Sohn wollte der Mutter das Gelee schenken! Er wickelte es in das Programmheft ein und steckte in die Tasche. Unterwegs geriet er unter Beschuss und sollte mal sich auf die Erde legen, mal schnell in den Luftschutzraum hinuntersteigen. Man kann sich seine Überraschung vorstellen, als in der Tasche er nichts außer einem nassen Fleck entdeckte. Aber er war das Geburtstagskind, darum backte der Bruder für ihn einen Durandakuchen mit den Resten der Konfitüre, die noch vor dem Krieg eingemacht wurde.

Auf dem Kondratjewskij Prospekt gerade im Hof unseres Hauses befand sich eine Militäreinheit. Es ist zu sagen, dass der Kommandeur und seine Soldaten warme, freundliche Beziehungen zu der Familie meines Urgroßvaters hatten: Soldaten und Offiziere gaben was von dem Essen, fütterten hungrige Jugendliche zu, öfters verbrachten sie die Abende in der einträchtigen Familie, in diesem Fall war es nicht so fürchterlich und peinlich in der dunklen Blockadenacht mit dem Sirenenheul und Donner der Artilleriebeschüsse. Einmal brachte der Kommandant der

Militäreinheit auf die Küche zwei gefangene Deutsche, die, wie auch andere Menschen in Leningrad, hungerten. Er befahl ihnen bis das Ende des Krieges der Oma im Haushalt helfen: Holz besorgen, Wasser tragen, alles machen, wofür man sie bat. Sie hießen Kurt und Hans. Was erstaunlich ist, alte Oma Sonja und die ganze Familie verhielten sich zu ihnen gutherzig, niemand beleidigte sie, umgekehrt, man half ihnen, womit man konnte, unterhielt sich mit ihnen, war mit ihnen befreundet. Nach dem Krieg wurden sie nach Deutschland geschickt. Bis jetzt erinnert sich Opa Sewa, wie sie sich alle — er, seine Geschwister und alle Erwachsene — von ihnen verabschiedeten. Er möchte so gerne wissen, wo sie sind, wie ihr Schicksal war.

Ein ergreifendes Ereignis war der Durchbruch der Leningrader Blockade, der, wie der wichtigste Feiertag, in unserer Familie bis heute gefeiert wird. Meine liebsten Verwandten erinnerten sich immer an die erschreckende Stille des späten Abends am 18. Januar 1943, die nach dem entsetzlichen Artilleriebeschuss eintrat. Man meinte, ich weiß nicht, warum, dass die Feinde in die Stadt eindringen, und die Jungs wollten

bis zur letzten Patrone auf dem Dachboden kämpfen, auf dem sie, wie alle in jener finsternen Zeit, Waffe hatten (was ihre Mutter über alles Maß hinaus erschreckte, die nicht verstand, dass jeder Junge in dieser Stadt fühlte, dass er Soldat ist). Das Radio rettete die Situation. Spät am Abend wurde die Mitteilung des Informbüros «Zur letzten Stunde» darüber vorgelesen, dass die Blockade Leningrads durchbrochen sei, dass die Truppen der Leningrader Front und der Wolchower Front sich trafen, dann teilte die Handelsverwaltung mit, dass die Brotration um 100 Gramm vergrößert wurde. Den Mitteilungen folgte «Die Internationale». Das wurde mehrmals im Laufe dieser Nacht wiederholt! Die Leningrader weinten ...

Oft spiele ich mit dem Opa Sewa Quiz «Meine Heldenstadt», er gewinnt immer, weil er Antworten auf alle Fragen kennt, da er in dieser Stadt gelebt hat und er hat über das Schrecklichste gesiegt, über den Tod.

*Lisa Charlapenkowa-Gedimina,
Schülerin der Klasse 4, «Brjussow-Gymnasium № 192»*

We were friends with captured Germans

GEDIMIN Vsevolod Vladimirovich

The family of my great grandfather, Gedimin Vsevolod Vladimirovich, lived at Kondratievsky prospect in the house No 83, apartment No 35. It was a two storied wooden house. Several families lived there. My family had the largest apartment in that house, there was a spacious lobby and a narrow corridor. An entry of the first floor was spacious too, there was a small staircase, leading to the attic. The father of my great grandfather, Gedimin Vladimir Adolfovich, got this apartment as an official housing when he worked as a head accountant of the «Ruchii» state farm. Mother of my great grandfather worked as an elementary school teacher in school No 132 at Laboratorniy prospect (now this is the building of EMERCOM of Russia), her name was Alexandra Ivanovna. They had three children: elder daughter Nina (by the beginning of the war she finished high school), elder son Seva (a 13 year old boy, now he is my great grandfather, he is 81), younger 9 year old son Alik (Valintin). Their grandfather Vanya and grandmother Sonya lived together with them.

On June 22nd 1941 Nina and her friends went to the Central Park of Culture and Leisure to celebrate her graduation from school. The sons were still asleep, and their mother was writing a letter to her younger sister, who went to Belorussia with her husband and a 9 year old son two days ago. Grandmother Sonya was making pastries and tea in the kitchen to have a family breakfast on this Sunday morning. She was thinking about a dinner, to which the friends of her granddaughter, the future students of a medical institute, were invited. At 12 o'clock

it was announced about the beginning of the war with Germany in Leningrad. It's hard to describe what they felt at that time, but we can imagine something: my grandmother and her mother cried very loud, because some of their relatives were on the territory of Belorussia, where there were bombings already. Later they learnt that all their relatives, who were in the occupied territory, turned out to be in a partisan detachment. Suddenly Nina with friends came and they all started to discuss their new life.

In July 1941 school children of our district were evacuated to the suburbs of the city. At that time nobody knew that it was very dangerous. In his diary, which my great grandfather started on June 22nd 1941, he described the evacuation of children and their return in a few days from «Khvoynaya» railway station. It was a big surprise for me, that the mother of my great grandfather Seva headed the transportation of these children back to Leningrad. She, a weak and helpless woman, managed to get in touch with the nearest military base and ask for two aircrafts, which followed the carriages with children. It saved lives of all the people who were in the train, because the train was bombed.

September of 1941. My great grandfather and his brother went to school, but they already helped a special brigade that protected wooden buildings, cleaned the territory, stored firewood, unloaded cars with the wounded and brought them water. All this was at Kondratievsky prospect, not far from Bogoslovsky cemetery, right near

my house, where my family lives now, at Zamshina street house No 31, building No 3.

Winter of 1941 — 1942 was the most horrible time. Only two families remained in the house, where the family of my great grandfather Seva lived, many people died of hunger, wounds, were lost in endless lines. Buses with the wounded moved along Kondratievsky prospect every day, Leningraders carried dead relatives by sledges, corpses were lying on sidewalks for weeks.

Children went to school not only to study, but also to survive, there they were given hot food. Children also collected bottles for incendiary compound and took them to the plants; there they made glass grenades from them. The hardest moment of school day was the roll call in the cold class, when a teacher called a pupil's surname and heard back: «Died yesterday». Once, when my great grandfather's mother went from school with her younger son Alik and hit under a bombing. A 9 year old Alik quickly ducked into a ditch, and his mother ran up to the house in panic. When she found out that her son was not with her, mother's heart went down... But in a while, after the end of air raid an alive and healthy boy appeared near the house. Even at that time there were jokes in our family. Grandfather Seva remembered many times how they made fun of each other when they were hiding into a ditch near their house when air raid alarm rang.

A wonderful courage and a firm faith of the oldest woman in our family — grandmother Sofia Vladimirovna, saved the family many times: during the most horrible bombings and air raids she gathered all in a narrow corridor of the apartment, prayed loudly and read the Bible during all this time. I think that the answer to her prays to God was that all the members of her family remained alive, except for her husband Ivan Gavrilovich — my great great grandfather. He caught cold in March 1943, because all the windows in the apartment were broken by the explosive blast. He was severely ill and died. It was the first funerals that were organized by grandfather Seva at the age of 14. For a loaf of bread he got a place at Bogoslovskoye cemetery and waited for a long time, while hungry workers would dig out a grave. Now many members of our family are buried there. At the head of their monuments there is a kind of epitaph, which my grandfather Seva wrote: «Here lie the Leningraders, who lived through the siege: my father together with my mother, my grandmother together with my grandfather, who lived through the horror of the siege hell, bombings, shellings and the joy of victory, who saved kindness and patience in their souls, who worked not for awards, loved and respected their native city of Leningrad... Sleep quietly, my dear... Your son Gedimin».

An interesting occasion in the besieged city happened to my grandfather on January 5th 1942 (by the way it is his birthday). He went to the Big Drama Theatre at Fontaka river for

a new year party and saw a play «Noble Nest». He walked from Kondratievsky prospect to the theatre and back! It was — 40 degrees Celsius! As a New Year present children got a 3 course meal: soup, porridge and fruit jelly. A loving son decided to make a present for his mother — a jelly! He wrapped it up in a theatre playbill and put into the pocket. On his way back there was a severe bombing, he had to lie down on the ground and go down to the shelter. He was very surprised when after that he found nothing in his pocket but a wet spot. But he had birthday on that day, so his brother baked a «duranda» cake for him with remains of jam.

There was a military base at Kondratievsky prospect right near our house. The family of my great grandfather had very warm relations with the officer and soldiers of that base. The military shared their food with hungry teenagers, frequently spent evenings in a friendly family, at that time it was not so fearsome during the siege night. Once an officer of the military base brought two captive Germans, very young soldiers, to the kitchen. They also were very hungry, as everybody in the besieged Leningrad. He ordered them to help the grandmother about the house up to the end of war. Their names were Kurt and Hans. Surprisingly, my family accepted them very warmly, no one abused them, just the opposite our family also helped them, talked to them, they became friends. After the war they were sent back to Germany. Even now my great grandfather Seva remembers how warmly they were saying goodbye to them. He wants to know where they are now and what their life was.

The breakthrough of the siege was an astonishing event. This event is celebrated in our family up to the present time. My relatives remembered a threatening silence that came suddenly after a very hard shooting. For some reason they thought that the enemy entered the city, and boys decided to fight with the enemy up to the last bullet. They had weapons in the attic of the house, as everybody at that time, it frightened their mother a lot, she did not understand that every teenager at that time felt himself a fighter). But the radio saved the situation. Late in the evening they finally read the message of the inform bureau, that the siege of Leningrad was broken and the troops of Leningrad and Volkhov fronts connected. Then there came the message from the department of trade about 100 gram increase of the bread ration. The son «International» completed long-awaited news. These news repeated many times during the whole night around the city! Leningraders cried...

My grandfather Seva and I frequently play in a game «My city-hero», he is always the winner, because he knows answers to all questions, he lived in this city and conquered the most terrible — the death.

*Harlapenkova-Gedimina Lisa,
schoolgirl 4-A form Brusov gymnasium No 192*

Мой прадед — защитник Сталинграда

ЕЛИСЕЕВ Александр Степанович

О своем прадедушке — Елисееве Александре Степановиче — я узнала от мамы, бабушки и прабабушки.

Родился он в 1912 году в Сибири, в городе Каргате. До начала войны с фашистской Германией прадед отслужил в Красной Армии, а когда в июне 1941 года объявили, что началась война, он сразу ушел на фронт. Было ему 29 лет. Дома осталась ждать его жена — моя прабабушка Елисеева Анна Александровна с двухлетней дочкой. Фотокарточку с ними прадедушка взял с собой на войну и носил у самого сердца. Мысль о любимых людях, которых надо защитить любой ценой от врага, помогала ему сохранить боевой дух в самые тяжелые минуты.

Выросший в сибирской тайге, Александр Степанович был хорошим охотником, немало приносил он домой разной дичи. На войне его искусство стрелка пришлось очень кстати: став снайпером, меткими выстрелами он поражал фашистских захватчиков.

Летом 1942 года прадедушка участвовал в обороне Сталинграда. В ходе той героической битвы 19 августа 1942 года Александр Степанович был тяжело ранен, затем долго лечился в госпитале. За боевые заслуги его наградили семью медалями и орденом.

По состоянию здоровья прадедушка уже не мог дальше воевать, поэтому вернулся домой. Там, в тылу, вместе с моей прабабушкой они честно трудились на сталелитейном заводе, на зернохранилище. Из Сибири на фронт шли вагоны с хлебом и оружием: «Все для фронта! Все для победы!».

Умер прадедушка в 1978 году, но память о нем передается в нашей семье из поколения в поколение. Память о герое Великой Отечественной войны и бойце трудового фронта — Александре Степановиче Елисееве.

*Анастасия Деловерова,
ГБОУ «Гимназия № 159 «Бестужевская» 3 класс.*

Память сердца

Mein Urgroßvater — verteidigte Stalingrad

ELISSEJEW Alexander Stepanowitsch

Über meinen Urgroßvater Elissejew Alexander Stepanowitsch hörte ich von Mutter, Großmutter und Urgroßmutter.

Geboren wurde er in der sibirischen Taiga, in der Stadt Kargat. Vor dem Krieg gegen das faschistische Deutschland diente er in der Roten Armee und im Juni 1941, als der Krieg begann, ging er sofort an die Front. Er war damals 29 Jahre alt. Zu Hause wartete auf ihn seine Frau, meine Urgroßmutter Elissejewa Anna Alexandrowna, mit der zweijährigen Tochter. Ihr Foto hat der Urgroßvater mitgenommen und trug neben dem Herzen. Der Gedanke an die geliebten Menschen, die um jeden Preis vor dem Feind zu schützen waren, half ihm den kriegerischen Geist in den schwierigsten Minuten inne zu behalten.

In der sibirischen Taiga aufgewachsen, war Alexander Stepanowitsch ein guter Jäger, brachte nach Hause viel verschiedenes Wild. In dem Krieg half ihm seine Schiesskunst, er wurde Scharfschütze, traf mit seinen sauberen Schüssen faschistische Eroberer.

Im Sommer 1942 nahm der Urgroßvater an der Verteidigung Stalingrads teil. Im Laufe von dieser heldenhaften Schlacht, am 19. August 1942, wurde Alexander Stepanowitsch schwer verwundet und dann lange im Hospital behandelt. Für seine Heldentaten bekam er sieben Medailen und einen Orden.

Wegen schlechten Gesundheitszustandes konnte er nicht weiter kämpfen, darum kehrte er nach Hause. Dort, weit vom Schuss, arbeitete er zusammen mit meiner Urgroßmutter gewissenhaft im Gusstahlwerk und auf dem Getreidespeicher. Aus Sibirien fuhren an die Front Güterzüge mit Brot und Waffe: «Alles für die Front! Alles für den Sieg!»

Mein Urgroßvater starb im Jahre 1978, aber das Andenken an ihn wird in unserer Familie von einer Generation zur anderen übertragen. Wir erinnern uns oft an den Helden des Großen Vaterländischen Krieges und den Kämpfer der Arbeitfront Alexander Stepanowitsch Elissejew.

*Anastassija Delowerowa,
Gymnasium Nr159 «Bestushewskaja», 3 Klasse*

My Great Grandfather — Defender of Stalingrad

ELISEEV Alexandr Stepanovich

I learned about my great grandfather — Eliseev Alexandr Stepanovich — from my mother, grandmother and great-grandmother.

He was born in 1912 in Siberia in the town of Kargate. Before the war with fascist Germany my great grandfather served in the Red Army, and when in June 1941 it was declared that the war started he volunteered for the front. He was 29. His wife — my great grandmother Eliseeva Anna Alexandrovna with a two year-old daughter stayed at home to wait for him. My grandfather took a picture of them to the war and carried it near his heart. A thought about the beloved people, who he had to defend helped him to save the martial spirit in most hard moments.

Alexandr Stepanovich was brought up in the Siberian taiga, that is why he was a good hunter, he brought a lot of game home. At war he used his art of shooting very well: having become a sharpshooter, he defeated fascist invaders with accurate shots.

In summer of 1942 my great grandfather participated in the defense of Stalingrad. On the 19th of August, 1942 in the course of that heroic battle Alexander Stepanovich was badly wounded, then he was treated in a hospital for a long time. For his merits he was awarded with seven medals and an order.

Because of his health he could not fight any longer, that is why he returned home. There, in the rear my grandmother and he worked at the steel plant, in granary. Carriages with bread and weapons went from Siberia to the front: «Everything for the front! Everything for the victory!»

My grand grandfather died in 1978, but the memory of him is passed from generation to generation in our family. The memory of the hero of The Great Patriotic War and the soldier of labor front — Alexander Stepanovich Eliseev.

*Anastasia Deloverova,
Gymnasium No 159 «Bestuzhevskaya», 3 class*

Мечта о княжеском имени

КУЛИКОВ Александр Андреевич

В детстве я знала, что мой дед по материнской линии, Куликов Александр Андреевич, погиб на войне, что нет ни одной его фотографии. Я гордилась причастностью своей семьи к Великой Отечественной войне и каждое лето, приезжая на каникулы к бабушке, подновляла висевшую на доме красную звездочку с черной каймой.

Моя мама не помнила своего отца, ведь ей не было и трех лет, когда он ушел на фронт. Поэтому у меня только из рассказов бабушки, Елизаветы Васильевны, постепенно сложился образ рыжего, нахального, разухабистого гармониста Сашки Куликова, скорого и охочего как на работу, так и на деревенскую драчку.

22 июня 1941 года призывников собрали около школы № 1 на Советском проспекте в городе Череповец. Бабушка говорила, что, растолкав всех, ее Сашка забрался на трибуну и пообещал вернуться, «закидав всех фрицев шапкам». Больше она его не видела. В июле 1941-го, сражаясь под Ленинградом, он попал под артобстрел, был ранен осколком в живот. Находился на излечении в больнице Мечникова, где умер и был похоронен на Пискаревском кладбище. Осталась только его гармошка, с которой он ушел на фронт — ее привезли жене односельчане, воевавшие вместе с ним.

Заурядная негероическая история, имеющая несколько необычное продолжение. Начать нужно с того, что своим детям он хотел дать княжеские имена: так появились на свет Игорь, Олег, а вот вместо Ольги получилась Альбина — моя мама, в этом вопросе его жена была непоколебима и настояла на собственном имени для дочери. Услышав эту историю, моя мама и назвала меня Ольгой — как дань памяти своему отцу, чтобы исполнилась его мечта о девочке с княжеским именем Ольга.

Я не была у деда на могиле до 1984 года. Тогда, учась в 10 классе в Петергофе, я позвала своих друзей съездить в День Победы на Пискаревку поискать деда. Почему-то, войдя на кладбище, мы сразу пошли в нужном направлении, и буквально через пять минут стояли у плиты со знакомой фамилией. Ни на минуту я не засомневалась, что это он — мой дед!

...Мой дед Куликов Александр Андреевич погиб в сражениях за Ленинград и похоронен на Пискаревском мемориальном кладбище...

*Ольга Викторовна Рюшенкова,
воспитатель ГДОУ «Детский сад № 44»*

Traum von einem Fürstennamen

KULIKOW Alexander Andrejewitsch

In der Kindheit wusste ich, dass mein Urgroßvater mütterlicher Seite, Kulikow Alexander Andrejewitsch, im Krieg gefallen ist und wir kein einziges Foto von ihm haben. Ich war stolz darauf, dass unser Familienmitglied am Großen Vaterländischen Krieg teilgenommen hatte; jedes Jahr, wenn ich in den Ferien meine Oma besuchte, strich ich das am Haus hängende rote Sternchen mit einem schwarzen Rand neu an.

Meine Mutter konnte sich an ihren Vater nicht erinnern, sie war drei Jahre alt, als er an die Front ging. Darum bildete ich mir nur nach Erzählungen meiner Oma Elisaweta Wasiljewna die Gestalt eines rothaarigen, frechen, flegelhaften Harmonikaspielers Sascha Kulikow ein, der immer bereit war sowohl zu arbeiten, als auch sich zu schlagen.

Am 22. Juni 1941 wurden Einberufene an der Schule Nr1 auf dem Sowetskij Prospekt in der Stadt Tscherepowetz versammelt. Oma erzählte, dass ihr Sascha andere auseinander stieß, auf die Tribüne kletterte und versprach zurückzukehren, indem sie alle Faschisten «mit Mützen überschütten». Das war das letzte Mal, als sie ihn gesehen hat. Im Juli 1941 geriet er bei Leningrad ins Kreuzfeuer, wurde durch einen Splitter in den Bauch verwundet. Im Metschnikow-Krankenhaus versuchte man ihn zu retten, aber er starb und wurde auf dem Piskarjowskoje-Friedhof begraben. Geblieben ist nur seine Harmonika, die

er an die Front mitgenommen hatte — sie brachten seiner Frau die Dorfgenossen, die mit ihm im Krieg waren.

Eine gewöhnliche, nicht heldenhafte Geschichte, die eine unerwartete Fortsetzung hatte. Zu beginnen ist damit, dass er seinen Kindern Fürstennamen geben wollte: so erschienen auf dieser Erde Igor und Oleg, aber statt Olga gibt es eine Albina, meine Mutter. In dieser Frage war seine Frau unerschütterlich und bestand auf dem eigenen Namen für ihre Tochter. Als meine Mutter diese Geschichte hörte, nannte sie mich Olga, zum Andenken an seinen Vater, sie wollte, dass sein Traum von einem Mädchen mit dem Fürstennamen Olga sich verwirklichte.

Bis 1984 war am Grab meines Urgroßvaters nicht. Damals lernte ich in der 10. Klasse in Petershof und am Tag des Sieges lud ich meine Freunde ein auf den Piskarjowskoje-Friedhof zu fahren meinen Urgroßvater suchen. Ich weiß nicht, warum, aber, auf dem Friedhof angekommen, wählten wir sofort die nötige Richtung und buchstäblich in fünf Minuten standen an der Tafel mit dem bekannten Familiennamen. Ich habe keine einzige Minute gezweifelt, dass dort mein Urgroßvater liegt!

...Mein Urgroßvater Kulikow Alexander Andrejewitsch fiel in den Kämpfen für Leningrad und ist auf dem Piskarjowskoje-Friedhof begraben ...

*Olga Viktorowna Rjuschenkowa,
Erzieherin, Kindergarten Nr44*

Dream of a Princely Name

KULIKOV Alexander Andreevich

When I was a child I knew that my mother's father Kulikov Alexander Andreevich had been killed during the war and that there was no picture of him. I was proud that my family was connected with the Great Patriotic War. Every summer, when I went to visit my grandmother, I renovated the red star in the black frame, which was on the façade of my grandmother's house.

My mother did not remember her father, she was only three years old when he went to the front. That is why I imagined my grandfather from my grandmother's words as a red headed, impudent, tough harmonist Sashka Kulikov, who liked both work and village scuffle.

June 22nd, 1941 all the recruits were gathered near school No 1 at Soviet prospect in the town of Cherepovets. My grandmother remembered that her Sashka climbed to the tribune and promised to come back after defeating all the Germans. She did not see him any more. In July, 1941 he turned to be under bombardment he was wounded into the stomach. He was sent to Mechnikov hospital, where he died, he was buried at Piskarevskoe cemetery. His harmonica is the only thing which was left from him. He took it to the

war, but his fellows from the village brought it back to his wife.

This is an ordinary story of the war time, but it has an unusual continuation. Alexander Kulikov wanted to give his children princely names: thus appeared Igor, Oleg, but instead of Olga appeared Albina — my mother, his wife insisted on this name for her daughter. Having heard this story, my mother called me Olga — as a memory of her father who wanted to give his daughter a princely name Olga.

I had not visited my grandfather's grave till 1984. When I was in the 10th form I invited my friends to go to Piskarevskoe cemetery and look for my grandfather's grave on the 9th of May. When we entered the cemetery we went the right direction and in five minutes we already turned out to be near the slab with a familiar name. I did not doubt a minute that it was my grandfather!

My grandfather Kulikov Alexander Andreevich was killed during the battles for Leningrad and is buried at Piskarevskoe memorial cemetery.

*Olga Viktorovna Rushenkova, kindergartener,
Kindergarten No44, citizen of Piskarevsky district*

Случай на льду Финского залива

ЛАЛЕТИНА Евстолия Дмитриевна

Когда нет уже на свете человека, который рассказал мне эту историю, я могу ее огласить. Ее звали Евстолия Дмитриевна Лалетина, это моя двоюродная бабушка. Она родилась 10 ноября 1899 года в Сибири. С этого момента в своем рассказе я буду называть ее тетя Толя — так было принято ее называть в нашей семье. Тетя Толя приехала из Сибири в Ленинград на учебу. Здесь она встретила своего будущего супруга Михаила Гавриловича Елагина и по окончании учебы вышла за него замуж и осталась в Ленинграде. Тетя Толя работала зубным врачом, и в годы войны была призвана на службу в армию. В осажденном городе она лечила военных.

И вот однажды с ней произошел такой случай: в феврале 1942 года ее командировали в Кронштадт лечить зубы военнослужащим. Туда можно было попасть только по льду Финского залива, а в тот день была сильная пурга и ветер. Тете Толе пришлось ползти по льду, таща за собой кофр с бормашинкой, так как ветер сбивал с ног и идти было невозможно, да и со стороны Петергофа местность простреливалась.

Она услышала, что кто-то ползет впереди нее, но разобрать, свой или немец, было невозможно — не давали пурга и наступающие сумерки. Она решила подползти поближе, посмотреть, да и вдвоем ползти не так страшно. Приблизившись, она увидела силуэт человека, но не сразу обратила внимание на форму, ее взгляд привлек вещмешок, в котором что-то

побрякивало. Она подумала: «Продукты! Вот бы их домой». Как по взмаху волшебной палочки ветер стих и снег прекратился, а человек, ползущий впереди, встал и повернулся к ней. Тетя Толя тоже встала и обмерла: это был немецкий офицер. Что делать, ведь она была в военной форме?! Так они стояли несколько минут, смотря друг на друга, потом немец опомнился и подошел поближе, жестом показав, чтобы тетя Толя показала, что в кофре. Зная

немецкий, она ответила, что там бормашинка. По-видимому, немец не поверил и велел все же открыть кофр. То, что произошло в следующие секунды, было совершенно неожиданно: немецкий офицер, бросив вещмешок и схватившись за щеки, с криком помчался прочь! Что обратило его в ужас, осталось секретом и для нас, и для тети Толи... На ее крики подоспел патруль из Кронштадта, и солдаты проводили тетю Толю до места. Вещмешок немца тетя забрала с собой. Там были тушенка, хлеб и крупа, которые оченьгодились в то голодное время. Так немец, того не зная, помог выжить моим близким — папе, дяде Мише, прабабушке и, конечно, самой тете Толе.

Евстолия Дмитриевна до глубокой старости работала детским ортодонтом. Умерла тетя Толя в 1986 году.

*Галина Борисовна Исаева,
воспитатель ГДОУ «Детский сад № 44»*

LALETINA Ewstolija Dmitrijewna

Da der Mensch, der mir diese Geschichte erzählt hat, nicht mehr am Leben ist, kann ich sie veröffentlichen. Diese Frau hieß Ewstolija Dmitrijewna Laletina und war meine Großtante. Geboren wurde sie in Sibirien am 10. November 1899. In meiner Erzählung nenne ich sie Tante Tolja, so war es in unserer Familie üblich. Tante Tolja kam aus Sibirien nach Leningrad studieren. Hier machte sie sich mit ihrem zukünftigen Ehemann, Michail Gawrilowitsch Elagin, bekannt, nach dem Studium heiratete sie ihn und blieb in Leningrad. Tante Tolja arbeitete als Zahnärztin, während des Krieges wurde sie in die Armee einberufen. In der belagerten Stadt heilte sie Soldaten und Offiziere.

Und eines Tages geschah folgendes: im Februar 1942 schickte man sie nach Kronstadt. Dorthin konnte man nur über das Eis des Finnischen Meerbusens gelangen, zu jener Zeit war starker Schneesturm und Wind. Tante Tolja war gezwungen über das Eis zu kriechen, indem sie den Koffer mit der Zahnbohrmaschine hinter sich schleppte, weil der Wind zu Boden schlug und es unmöglich war, zu gehen, außerdem schossen die Feinde von der Seite, wo Petershof sich befindet.

Da hörte sie jemanden vor ihr kriechen, aber wegen des Schneesturmes und der Dämmerung konnte sie nicht verstehen, ob das unser Soldat oder Deutscher war. Sie beschloss näher zu kriechen, um zu sehen, wer das war. Zu zweit zu kriechen wäre nicht so fürchterlich. Bald sah sie Umrisse eines Menschen, aber zuerst beachtete sie seine Uniform nicht, ihren Blick fesselte der Rucksack, in dem etwas klirrte. Der Gedanke fuhr ihr durch den

Kopf: «Lebensmittel! Es wäre so schön, sie nach Hause mitzunehmen!» Wie durch ein Wunder legte sich der Wind, der Schnee hörte auf zu fallen, und der vor ihr kriechende Mensch stand auf und drehte sich zu ihr. Tante Tolja stand auch auf und erstarrte: das war ein deutscher Offizier. Sie trug die Uniform, was war zu tun?! So standen sie einige Minuten auf einander guckend, da kam der Deutsche zu sich und näherte sich, mit der Geste erklärend, dass Tante Tolja zeigen sollte, was im Koffer war. Sie, deutsche Sprache beherrschend, antwortete, dass drin Zahnbohrmaschine wäre. Der Deutsche glaubte ihr wohl nicht und ließ sie den Koffer öffnen. Das in den nächsten Sekunden Geschehene war ganz unerwartet: der deutsche Offizier griff sich an die Wangen, schleuderte seinen Rucksack und rannte weg, aus voller Brust schreiend! Was ihn so erschreckte, blieb ein Geheimnis sowohl für uns, als auch für Tante Tolja... Ihre Schreie hörte die Patrouille aus Kronstadt, Soldaten brachten Tante Tolja an Ort und Stelle. Jenen Rucksack nahm Tante mit. Drin waren Fleischkonserven, Brot und Grütze, die beim damaligen Hunger zustatten kamen. So half der Deutsche, ohne etwas davon zu wissen, meinen Verwandten — dem Vater, dem Onkel Mischa, der Urgroßmutter und der Tante Tolja selbst — am Leben zu bleiben.

Ewstolija Dmitrijewna arbeitete bis hohes Alter als Kieferorthopäde für Kinder. Gestorben ist Tante Tolja im Jahre 1986.

*Galina Borissowna Issajewa,
Erzieherin, Kindergarten Nr44*

An Occasion on the Ice of the Gulf of Finland

LALETINA Ewstolia Dmitrievna

When a person who told me this story is not alive any more, I can tell it. Her name was Ewstolia Dmitrievna Laletina, she is my grand-aunt. She was born on November 10th, 1899 in Siberia. From this moment I'll call her aunt Tolya in my story — this is how we called her in our family. Aunt Tolya came from Siberia to Leningrad to study. Here she met her future husband Michail Gavrilovich Elagin, after graduation she married him and stayed in Leningrad. Aunt Tolya worked as a dentist, during the war she was called up to the military service. She provided dental services for soldiers in the besieged city.

In February 1942 she was sent to Kronstadt to provide dental services for the military. It was possible to go there only over the ice of the Gulf of Finland, on that day it was a heavy snowfall and wind. Aunt Tolya had to crawl over the ice and drag her bag after her, because the wind was so strong that it knocked her down.

She heard that someone crawled in front of her, it was impossible to figure out whether it was a German or a Russian, it was already twilight. She decided to approach a stranger and to look, it was easier to crawl together. When she approached she saw a silhouette of a person, she did not pay attention to the uni-

form, but she saw a bag where there was something. She thought: «Food! I could bring it home!» Suddenly the snow stopped, a person in front of her stood up and turned to her. Aunt Tolya also stood up and was struck: it was a German officer. What should she do? She was not in uniform! They stood still for several minutes, looking at each other. Then a German came up to her, he looked at her bag and asked her what was inside. Aunt Tolya spoke German and told him that there was a dental drill. He did not believe her and asked her to open the bag. What happened next was very surprising: the German officer threw away his bag and ran away screaming! What feared him so much was a secret for us and for aunt Tolya... Then a patrol from Kronstadt saw her and helped her to reach Kronstadt. The aunt took the German's bag home. There was tinned meat, bread, grain, which were so good during the siege. This way the German helped my relatives to survive without knowing it.

Ewstolia Dmitrieva worked as a child orthodontist up to the grey hair. She died in 1986.

*Galina Borisovna Isaeva,
kindergartener, Kindergarten No44*

Бабушка Стефа

ЛОГИНОВА Стефания Григорьевна

Что такое память предков? Я думаю это то, что человек помнит из того, чего сам не видел и свидетелем чего не был. Я родился в 1997 году, моя мама — в 1973, бабушка — в 1947. А рассказать я хочу о том, что произошло в 1942 году.

Зимой 1942 года в Ленинграде стояли лютые морозы. У моей прабабушки (тогда она была просто девушкой по имени Стефа и училась в Педиатрическом институте) от голода и холода умер отец. Стефа с младшим братом Гришей завернули его тело в простыню, положили на саночки, отвезли на Серафимовское кладбище и оставили у ворот. Копать могилу и хоронить отца не было сил.

Брат и мама Стефы работали на фабрике. В марте они так ослабели, что оставались ночевать на фабрике, дойти до дома не было сил. Стефа училась в институте, и добираться до него становилось все труднее. Она уже думала, что не сможет встать — и тогда конец. Но неожиданно пришло спасение. Ректором института была очень хорошая женщина — Юлия Ароновна Менделева. Она укладывала истощенных студентов в детскую больницу под видом детей. Невозможно тогда было отличить, где дети, а где студенты.

В марте 1942 года Стефа одела все теплые вещи, которые были в доме, и пошла пешком с Большой Зеленина на Литовскую улицу

в институт. Путь был долгим. От Ботанического сада пришлось спуститься на лед Большой Невки и идти по замерзшей реке. Стефа очень боялась, что человек, который шел сзади догонит и отберет карточки, а без них не возьмут в больницу. Но человек лег на снег, да так и остался лежать.

В больнице кормили понемногу, но регулярно. При институте на Ржевке была ферма и огороды. Едва живые люди ухаживали за хозяйством и коровами, чтобы у детей всегда было молоко и питательные смеси.

Так наша Стефа пережила блокаду. Память об этом — это память моей бабушки, моей мамы, моя память. Надеюсь, это будет память моих детей.

*Глеб Канов,
школа № 184, 6 класс*

*Они все в Ленинграде жили.
Учились, пели и дружили.
Но голод и блокада наступили,
И той зимой их в землю всех зарыли.*

*Печально души их над городом летели.
Им те, кто были живы, вслед смотрели.
Летели души, как невиданные птицы,
Чтоб с Господом скорей соединиться.*

Глеб Канов

Oma Stefa

LOGINOWA Stefanija Grigorjewna

Was ist das, Gedächtnis der Vorfahren? Ich meine, das sei das, woran man sich erinnert, obwohl man es selbst nicht gesehen und nicht miterlebt hat. Ich bin im Jahre 1997 geboren, meine Mutter kam zur Welt im Jahre 1973, Oma — 1947. Aber ich will darüber erzählen, was 1942 geschah.

Im Winter 1942 war es in Leningrad bitterkalt. Der Vater meiner Urgroßmutter (damals war sie ein einfaches Mädchen, hieß Stefa und studierte an der Pädiatrischen Hochschule) starb vor Hunger und Kälte. Stefa und ihr jüngerer Bruder Grischa wickelten die Leiche in ein Bettlaken ein, legten auf den Schlitten, brachten zum Serafimowskoje Friedhof und ließen am Tor liegen. Sie hatten keine Kraft, selbst ein Grab aufzuwerfen und ihn zu beerdigen.

Bruder und Mutter von Stefa arbeiteten auf der Fabrik. Im März waren sie so schwach, dass auf der Fabrik übernachteten, weil sie keine Kräfte mehr hatten, nach Hause zu gehen. Stefa studierte an der Hochschule und es fiel ihr immer schwerer sie zu erreichen. Sie dachte schon, dass sie nicht mehr aufstehen könne und das wäre das Ende. Aber unerwartet kam die Rettung. Rektorin der Hochschule war eine gute Frau, Julija Aronowna Mendelejewa. Sie brachte die unterernährten Studenten ins Kinderkrankenhaus als Kinder. Damals war es unmöglich, Kinder von Studenten zu unterscheiden.

Im März 1942 zog Stefa alle warmen Sachen, die zu Hause waren, und ging zu Fuß von der Bolschaja-Selenina-Straße auf die Litowskaja Straße in die Hochschule. Der Weg war sehr lang. Vom Botanischen Garten sollte sie auf das Eis der Bolschaja Newka steigen und über den zugefrorenen Fluss gehen. Stefa fürchtete, dass der hinter ihr gehende Mensch sie einholen und die Lebensmittelkarten wegnehmen würde, ohne die man sie ins Krankenhaus nicht nehmen konnte. Aber der Mensch legte sich in den Schnee hin und blieb liegen.

In Krankenhaus gab man nicht viel, aber regelmäßig zu essen. Bei der Hochschule auf Rshewka gab es einen kleinen Landwirtschaftsbetrieb und Gemüsegärten. Kaum lebendige Menschen arbeiteten und pflegten die Kühe, damit Kinder immer Milch und Säuglingsfertiernahrung hatten.

So überlebte unsere Stefa die Blockade. Das Andenken daran ist das Gedächtnis meiner Oma, meiner Mutter, mein Gedächtnis. Ich hoffe, das wird mal auch das Gedächtnis meiner Kinder sein.

*Gleb Kanow
Schule Nr 184, 6 Klasse*

Grandmother Stefa

LOGINOWA Stefanija Grigorjewna

What is the memory of predecessors? I think this is something that a person remembers from the things that he has never seen or witnessed himself. I was born in 1997, my mother was born in 1973, my grandmother was born in 1947. And I want to tell what happened in 1942.

In the winter of 1942 it was extremely cold in Leningrad. My great grandmother's father (who was at that time a young girl and studied at Pediatric Institute) died from hunger and cold. Stefa and her younger brother Grisha wrapped his body into a bed-sheet, put on sledges, took to Serafimovskoe Cemetery and left near the gates. They had no force to dig a grave and bury him.

Stefa's mother and brother worked at the factory. In March they became so weak that they slept at the factory, they had no force to walk home. Stefa studied at the institute and it became harder and harder to get to it. She already thought that she would not be able to get up, this would be the end. But the rescue came unexpectedly. Julia Aronovna Mendeleva, a very good woman, was the rector of the institute at that time. She put exhausted students to children's hospital as if they

were children. It was impossible to distinguish children from students at that time.

In March, 1942 Stefa put on all the warm things that were at home and went of foot from Big Zelenina Street to Lithuanian Street where the institute was. The way was long. She had to go cross the Big Nevka River over the ice. She was very afraid that the person who went behind her could take away her cards, without them they would not have taken her to the hospital. But the person lay down on the ice and remained lying there.

They did not feed much at the hospital but regularly. There was a farm and kitchen gardens at Rzhevka near the institute. People who were hardly alive looked after cows for children always to have milk and nourishing mixes.

This way our Stefa lived through the siege. The memory about this is the memory of grandmother, mother and me. I hope that this would be the memory of my children too.

*Gleb Kanov,
school № 184, 6 class*

Рожденная «в рубашке»

ЛЯХОВСКАЯ Зинаида Ивановна

Моя бабушка, Ляховская (Рогозина) Зинаида Ивановна, приехала в Ленинград в 1940 году по окончании десятилетки из города Новоржева Псковской области. Она поступила в стоматологический институт, который был до войны в Ленинграде, но через полгода поняла, что медицина — это не ее призвание, и пошла работать в Красногвардейский узел связи. Жила она у своей тети, в самом центре города, на улице Чайковского в доме № 26. Перед самой войной в Ленинград переехали и ее родители.

День, когда объявили о начале войны, был для моей бабушки, как и для всех жителей Советского Союза, самым страшным в жизни. И сейчас, по прошествии почти семидесяти лет, она все пережившее описывает словами: «Ужас, ужас, ужас!».

8 сентября 1941 года немцы начали бомбить Ленинград. Напротив дома, где жила бабушка, в доме № 24 по улице Чайковского, находилось бомбоубежище. 10 сентября, когда объявили воздушную тревогу, вся семья спустилась с пятого этажа, на котором они жили. Когда они дошли до второго, в дом напротив попала бомба и все, кто был в бомбоубежище, погибли. И вот тогда бабушка поняла, что родилась «в рубашке». В дальнейшем — и в блокадном городе, и на фронте — это подтверждалось неоднократно.

В годы войны Красногвардейский узел связи находился в Финском переулке (рядом с Финляндским вокзалом). Бабушка на работу ходила пешком через Литейный мост.

Осенью 1941 года в Ленинграде начался голод, так как в первую же очередь бомбежкой были уничтожены Бадаевские продуктовые склады. Началась массовая эвакуация. Всех эвакуированных вывозили с Финляндского вокзала, и там были толпы народа уже на подходе к вокзалу. 5 ноября, когда бабушка уже почти подошла к месту работы, бомба попала в толпу народа, и бабушку завалило мертвыми телами. Откопали ее с трудом.

Этой же осенью вся бабушкина семья переехала жить в Коломяги, и мой прадед устроился работать на Коломяжское овоще-

хранилище конюхом. Это, наверное, и спасло всю семью от голодной смерти. Прадед приносил домой горсти овса, который выделяли на прокорм коня, и из этого овса варили что-то наподобие киселя. Прабабушка ходила на помойные ямы, куда сбрасывали еще до войны гнилые овощи, находила более или менее пригодную капусту, и солила ее. А еще был жмых (шелуха из подсолнечных семян), из которого готовили знаменитую дуранду. Потом, ближе к весне, из хвои заваривали чай. По карточке моей бабушке, как служащей, было положено 125 граммов хлеба, а ее мама, как иждивенка, получала 100 граммов (а не 125, как пишут).

С первых дней войны всех трудоспособных жителей Ленинграда отправляли рыть противотанковые рвы и окопы в районе Колпино, а к 30 августа эти оборонительные сооружения дошли уже до Рыбацкого. Однажды, в сентябре, бабушку с другими людьми посадили в грузо-

вик и повезли на другой конец города. Всю ночь они рыли противотанковые рвы. Это был район Пискаревки и в дальнейшем, как мы все знаем, эти противотанковые рвы стали братскими могилами для тысяч жителей блокадного Ленинграда. На первом трамвае бабушка поехала домой передохнуть перед работой и проспала. За опоздание на десять минут ее судили, но ей опять повезло: помогли две женщины, которые дали ложные показания в ее защиту (сказали, что бабушку отправили по делам, а на работу она пришла вовремя). В те времена за опоздание и на три минуты могли посадить на десять лет.

Такой страшной и холодной зимы в жизни Ленинграда еще не было. В городе остались только истощенные голодом женщины, старики и дети. Работая на районном узле связи, бабушка была вынуждена возить почту на Главпочтамт в мешке на саночках, без охраны. Пешком с Финского переулка, через мост, мимо Марсова поля и до площади Труда. Однажды, когда бабушка подходила к Мраморному дворцу, начался обстрел и снаряд попал по дворцу. И в нескольких сантиметрах от бабушки упала скульптура, украшавшая фасад (этой скульптуры до сих пор так и нет на здании). Это опять было фантастическое везенье.

Голод становился все страшней, люди падали и умирали прямо на улицах. Из домов выносили трупы, которые собирали на грузовиках специальные отряды, в которых работали молоденькие девчонки. Бабушка вспоминает, как по городу ехали эти машины, доверху забитые трупами, женские волосы развевались на ветру, а сверху, на этих трупах, сидели девушки и жевали свои пайки хлеба. До такой степени люди были обессилены и уже равнодушны к смерти. Однажды, ближе к весне, бабушка вместе с сослуживцами, уже еле держа от слабости лом в руках, сбивала во дворе лед и снег, и в сугробе они нашли кисти рук и ступни — в городе к тому времени началось людоедство.

К весне бабушка ходила с двумя палочками, так как сил почти не было, а ходила она, как уже говорилось, к Финляндскому из Коломяг.

10 апреля 1942 года всю семью эвакуировали сначала в Кировскую область, а оттуда — в Марийскую АССР. В деревне, куда они попали, их семья была единственной эвакуированной, и когда местные жители увидели их, истощенных, с кожей земляного оттенка, стали всем миром откармливать бабушку и ее родителей. За месяц их подняли на ноги.

20 августа 1942 года бабушку по повестке забрали на фронт. Моя бабушка прошла войну, начиная с Орловско-Курской дуги и до Берлина. Имеет боевые награды.

Я счастлива, что моя бабушка жива и по сей день, и, благодаря ей и еще миллионам таких же простых советских людей, мы живем сейчас. Спасибо им!

*Екатерина Александровна Найденова,
воспитатель ГДОУ «Детский сад № 44»*

Ein Sonntagkind

LJACHOWSKAJA Sinaida Iwanowna

Meine Großmutter, Ljachowskaja (Rogosina) Sinaida Iwanowna, kam aus der Stadt Noworschew (im Pskower Gebiet) nach Leningrad im Jahre 1940 nach der Absolvierung der Schule. Sie wurde in die Hochschule für Zahnärzte, die damals in Leningrad existierte, immatrikuliert, aber nach einem halben Jahr verstand, dass Medizin keinesfalls ihre Berufung sei, und arbeitete in dem Fernmeldeamt im Krasnogwardejskij Bezirk. Sie wohnte bei ihrer Tante im Stadtzentrum auf der Tschaikowskij-Straße im Haus Nr 26. Vor dem Krieg zogen nach Leningrad ihre Eltern um.

Der Tag, an dem der Krieg erklärt wurde, war für meine Oma, wie auch für alle Bürger der Sowjetunion, der schrecklichste im Leben. Sogar jetzt, nach siebzig Jahren, beschreibt sie das Erlebte mit den Worten: «Schrecklich, schrecklich, schrecklich!»

Am 8. September 1941 begannen Deutsche Leningrad zu bombardieren. Gegenüber dem Haus, wo meine Großmutter wohnte, im Haus Nr 24 in der Tschaikowskij-Straße, befand sich ein Luftschutzbunker. Am 10. September, als der Fliegeralarm gegeben wurde, ging die ganze Familie vom vierten Stock, wo sie wohnten, die Treppe hinunter. Als sie im ersten Stock waren, traf eine Bombe das gegenüber liegende Haus und alle, die im Luftschutzbunker sich versteckt hatten, kamen ums Leben. Da verstand die Oma, dass sie ein Sonntagkind sei. Später — sowohl in der belagerten Stadt, als auch an der Front — wurde das mehrmals bestätigt.

In den Kriegsjahren befand sich das Krasnogwardejskij Fernmeldeamt in der Finskij Gasse neben dem Finnischen Bahnhof. Die Großmutter ging zur Arbeit über die Litejny Brücke.

Im Herbst 1941 begann der Hunger in Leningrad, weil durch eines der ersten Bombardierungen die Badaewskije Lebensmittellager vernichtet waren. Massenevakuierung begann. Die Menschen wurden vom Finnischen Bahnhof evakuiert, Menschenmengen gab es vor dem Eingang. Am 5. November, als Oma auf die Arbeit ging, traf eine Bombe eine solche Menschenmenge, und Oma verschütteten Leichen. Man hat die Oma mit Mühe ausgegraben.

In demselben Herbst zog Omas Familie in Kolomjagi um, mein Urgroßvater arbeitete dort in einem Gemüsespeicher als Pferdewärter. Das hat wohl die Familie vom Hungertod gerettet. Urgroßvater brachte nach Hause ein paar Handvoll Hafer, der als Pferdefutter vorgesehen war, aus diesem Hafer kochte man eine Art Kisel. Urgroßmutter besuchte Mülldeponien, wohin man vor dem Krieg faules Gemüse warf, sie fand mehr oder weniger essbaren Kohl und legte ihn ein. Es gab auch Pressrückstand von den Sonnenblumensamen, aus dem berühmte Duranda zubereitet wurde. Dann, schon vor dem Frühling, brühte man Tee aus Bäumenadeln auf. Auf Le-

bensmittelkarten bekam Oma als Angestellte 125 g Brot, ihre Mutter als unterhaltsberechtigter bekam 100 g (keine 125 g, wie überall geschrieben wurde).

Seit den ersten Kriegstagen schickte man alle tauglichen Leningrader Graben und Panzergraben unweit von Kolpino zu machen, zum 30. August waren solche Verteidigungsanlagen schon neben Rybatzkoje. Einmal — das war im September — setzte man Oma und andere Menschen in einen LKW und fuhr auf andere Stadtseite. Die ganze Nacht gruben sie Panzergraben. Das war der Bezirk Piskarjowka, dann, wie wir alle wissen, wurden diese Panzergraben zu Massengräbern für tausende Einwohner der belagerten Stadt. Mit der ersten Straßenbahn fuhr Oma nach Hause sich vor der Arbeit ein bisschen zu erholen und verschlief. Für die zehn Minuten Verspätung kam sie vors Gericht, aber sie hatte wieder Glück: ihr halfen zwei Frauen, die falsche Aussagen gaben (sagten, man hätte Oma geschäftlich irgendwohin geschickt, aber auf die Arbeit kam sie rechtzeitig). Damals konnte man für drei Minuten Verspätung zu 10 Jahren Gefängnis verurteilt werden.

Einen so schrecklichen und kalten Winter gab es im Leben Leningrads noch nie. In der Stadt blieben nur entkräftete, unterernährte Frauen, Alte und Kinder. Im Fernmeldeamt arbeitend, war Oma gezwungen die Post in das Hauptpostamt in einem Sack auf dem Schlitten ohne Beschützung zu bringen. Zu Fuß von der Finskij Gasse über die Brücke am Marsfeld vorbei zum Truda-Platz. Einmal, als Oma am Marmorpalais war, begann die Bombardierung, ein Geschoss traf das Palais. Einige Zentimeter von Oma entfernt fiel eine Skulptur, die die Fassade geschmückt hatte (diese Skulptur fehlt an dem Gebäude bis jetzt). Oma hatte wieder fantastisches Glück.

Der Hunger wurde immer schrecklicher, Menschen fielen und starben auf den Straßen. Aus den Häusern brachte man Leichen, die Sondermannschaften auf die LKWs sammelten, dort arbeiteten junge Mädchen. Oma erinnert sich daran, wie durch die Stadt diese LKWs fuhren, mit Leichen bis zum Rand gefüllt, der Wind wirbelte Frauenhaare auf, und oben, auf den Leichnamen, saßen junge Mädels und kauten an ihrem Brot. So entkräftet diese Menschen waren, dass der Tod sie schon gleichgültig ließ. Einmal, als der Frühling sich näherte, brachen im Hof Oma und ihre Kollegen, die vor der Schwäche kein Brecheisen in der Hand halten konnten, Schnee und Eis, und in einem Schneehaufen fanden sie menschliche Hände und Füße — in der Stadt begann zu jenek Zeit schon Kannibalismus.

Im Frühling bewegte sich die Oma mit zwei Stöcken, weil sie fast keine Kräfte mehr hatte, aber sie ging, wie es schon gesagt wurde, zum Finnischen Bahnhof aus Kolomjagi.

Am 10. April 1942 wurde die ganze Familie zuerst ins Kirower Gebiet evakuiert, und dann in Marijskaja ASSR. Im Dorf, wohin sie kamen, waren sie die einzige evakuierte Familie, als die Einwohner sie sich ansahen — unterernährt, mit der Haut, deren Farbe der Erde ähnelte, — fütterte das ganze Dorf Oma und ihre Eltern. In einen Monat brachte man sie schon auf die Beine.

Am 20. August 1942 wurde Oma in die Armee einberufen. Meine Oma erlebte den Krieg vom Orjel-Kursk-Bogen bis Berlin. Sie hat Ehrenzeichen für den Krieg.

Ich bin glücklich, dass meine Oma bis heute am Leben ist, dank ihr und dank Millionen solcher einfachen sowjetischen Menschen leben jetzt wir.

*Ekaterine Alexandrowna Najdjonowa,
Erzieherin, Kindergarten Nr44*

Born With a Silver Spoon in Mouth

LYAKHOVSKAYA Zinaida Ivanovna

My grandmother, Lyakhovskaya (Rogozina) Zinaida Ivanovna, came to Leningrad in 1940 having finished school in the town of Novorzhev in Pskov region. She entered the dental institute, which was in Leningrad at that time. But in half a year she understood that medicine wasn't her mission and went to work at Krasnogvardeysky communication hub. She lived at her aunt in the very centre of the city in Chaikovskogo street, house No 26. Her parents also moved to Leningrad before the war.

The day, when the beginning of the war was declared was the most terrible in my grandmother's life. And now, when almost seventy years have passed, she describes that day with the words: «Horror, horror, horror!».

On September 8th 1941, the Germans started bombing Leningrad. Opposite the house, where my grandmother lived there was a bomb shelter. On September 10th when the air raid alarm rang, the whole family was going down the staircase from the fifth floor, where they lived. When they reached the second floor a bomb hit into the opposite house, and all those who were in the bomb shelter died. At that time my grandmother understood that she was born with a silver spoon in mouth. Further on it was proved many times in the besieged city and at the front.

At the time of the war Krasnogvardeisky communication hub was located in Finsky lane (near the Finland railway station). The grandmother went to work on foot, across the Liteiny bridge.

In autumn 1941 starvation started in Leningrad, because Badaevskie food warehouses were bombed. Mass evacuation started. All were evacuated from the Finland railway station. There were crowds of people near the railway station. On November 5th my grandmother went to work, when a bomb hit into the crowd of people, my grandmother was covered with dead bodies. It took much effort to dig her up.

In autumn the family of my grandmother went to live in Kolomyagi, my great-grandfather started to work at the veg-

etable warehouse as a horseman. This saved the whole family from death. My great-grandfather brought home some oats that was given for the horses, they made something like jelly out of this oats. My great-grandmother went to cesspits and looked for the spoilt vegetables that were thrown away there before the war, she could find some cabbage and salted it. They also made the famous duranda from husk of sunflower seeds. They made tea from pine needles. My grandmother worked and got a bread ration card for 125 grams of bread, but her mother did not work, she got only 100 grams (not 125 as they wrote everywhere).

From the first days of the war all the citizens of Leningrad who could work, were sent to dig anti tanks ditches and trenches in the area of Kolpino. By August these defensive constructions reached Ribatskoye. Once in September my grandmother was put into a lorry and taken to the other end of the city. During the whole night they were digging anti-tanks ditches. This was the area of Piskarevka and later, as we all know, these anti tanks ditches became brother graves for thousands of citizens of Leningrad. She took the first tram and went home to have rest before work and overslept. For a ten minute delay she was taken to court, but she was lucky again: two women helped her and gave false evidence (they said that my grandmother was sent for business, but she came to work on time). At that time a man could be sentenced for ten years conviction for a three minute delay.

The city had never seen so terrible and cold winter before. Only hungry women, old people and children stayed in the city. Working at the district communication hub, my grandmother had to carry the post to the head post office in a sack by sledges without guards. She went on foot from Finsky lane, across the bridge, near the field of Mars to Labor square. Once when my grandmother came up to the Marble palace a bombardment started. A bomb hit the palace, the sculpture, decorating the façade of the palace, fell several centimeters from my grandmother (there is no such sculpture

on the façade of the palace even now). This was fantastic luck again.

Hunger became even worse, people fell down and died on the streets. Special troops, where young girls worked, took dead bodies out of houses and packed them into lorries. My grandmother remembers how these lorries were driving along the streets of the city full of dead bodies. Above the dead bodies young girls were sitting and eating their rations of bread. People were indifferent to death. Once my grandmother and her colleagues were cleaning the yard from snow. In the snow they found hands and feet. Cannibalism started in the city.

In the end of winter my grandmother was walking with two sticks, because she was very weak. She had to walk from Kolomyagi to the Finland railway station and back.

On April 10th, 1942 our family was evacuated first to the Kirov region and then to Mari Autonomous Soviet Social Republic. They lived in a village. They were the only evacuated people from Leningrad there. When the local citizens saw them bloodless and grey skinned, all the people from the village started to feed them. It took them a month to drag them out of the hay.

On August 20th, 1942 my grandmother was called to the front. My grandmother went through the war, starting with the Kursk Bulge and up to Berlin. She has military awards.

I'm glad that my grandmother is still alive. Thanks to her and to millions of other ordinary Soviet people we live now. Thank you to them!

*Ekaterina Alexandrovna Naidenova,
kindergartener, Kindergarten No 44*

«Помним». Дарья Юшина, ГОУ № 144, 7 класс

Банная история

ЯКОВЛЕВ Борис Иванович

Мой отец Борис Иванович Яковлев, 1917 года рождения, не любил вспоминать о войне и смотреть фильмы о ней.

Когда ты молод, учишься в институте, кажется, что вся жизнь, впереди и ничто не предвещает беды. Но наступил июнь 1941 года, и все в один миг рухнуло. Началась война. Отец в самый страшный год блокады Ленинграда был в городе. Он видел смерть самых близких родных, а на фронте — гибель друзей.

Однажды с отцом произошел такой случай. Он учился в Академии связи им. Буденного. Накануне 1942 года их поздно вечером повели мыться в баню. На улице стоял сильный мороз, небо было чистым и звездным. На Выборгской стороне есть круглые бани или шайба, как их теперь называют. Бани находились на Малой Спасской (теперь это улица Героя Советского Союза генерала Карбышева). В тот день в банях давали горячую воду, все жители Выборгской стороны побывали в ней, настал черед учащихся Академии связи.

Взвод молодых офицеров приступил к мывке. Ничто не предвещало в этот день налета вражеских самолетов. Они мылись, шутили,

смеялись, глядя друг на друга, так как были очень истощены. Офицеры настолько увлеклись мытьем, что не услышали сигнала боевой тревоги — начался налет вражеских самолетов, бомбили Выборгскую сторону. Одна из бомб попала в котел с горячей водой. Молодые ребята замерли от неожиданности, начали протирать глаза от пены, не понимая, что произошло. Вместо горячей воды пошла ледяная. Ребята выскакивали из-под этой воды, как ошпаренные, не замечая, что они в мыльной пене, хватали свои вещи и выбегали на улицу. На

ходу, на мыльное, голое тело надевали шинели и бежали в сторону казарм Академии. Уже в казарме они смыли пену.

Мой отец тоже был в числе этих ребят. Отец как-то сказал, что в тот момент, когда попала бомба, они не были напуганы тем, что произошло, а может быть, они просто не понимали, что чудом остались все живы.

Теперь, проходя мимо круглых бань, я часто вспоминаю рассказ отца.

*Галина Борисовна Исаева,
воспитатель ГДОУ «Детский сад №44»*

Eine Badgeschichte

JAKOWLEW Boris Iwanowitsch

Mein Vater, Jakowlew Boris Iwanowitsch, geboren im Jahre 1917, erinnerte sich an den Krieg nicht gern. Nicht gern sah er auch Filme darüber.

Wenn du ein junger Student bist, scheint das ganze Leben noch bevor zu stehen und nichts Schlechtes zu versprechen. Und da kommt der Juli 1941, und alles bricht zusammen. Der Krieg begann. Im schrecklichsten Blockadejahr war der Vater in der Stadt. Und sah den Tod der nächsten Verwandten, an der Front sah er den Tod der Freunde.

Einmal passierte folgendes. Der Vater studierte an der Militärakademie für die Kommunikationen namens Budjonyj. Einige Tage vor dem Jahre 1942 spät am Abend gingen sie in die Badeanstalt sich waschen. Es war starker Frost, der Himmel war klar, mit vielen Sternen. Auf der Vyborgskaja Seite befindet sich ein rundes Badehaus, das heute Scheibe heißt. Dieses Badehaus liegt auf der Malaja-Spasskaja-Straße (jetzt ist das General-Karbyschew-Straße). An jenem Tag gab es im Bad warmes Wasser, alle Einwohner der Vyborgskaja Seite besuchten es, dann waren die Offiziersschüler dran.

Ein Zug junger Offiziere wusch sich. Nichts ließ vermuten, dass feindliche Flugzeuge sich näherten. Die Jungs

wuschen sich, lachten, einander anguckend, weil alle unterernährt waren. Offiziere waren hingenommen und hörten das Alarmsignal nicht, der Einflug begann, man bombardierte die Vyborgskaja Seite. Eine Bombe traf den Kessel mit heißem Wasser. Die Jungs erstarrten vor Überraschung, rieben die Augen, um den Seifenschaum wegzuwischen. Sie verstanden nicht, was passiert gewesen war. Statt warmen Wassers floss eiskaltes. Die Jungs sprangen zur Seite, als ob sie sich verbrüht hätten, bemerkten nicht, dass sie mit Seifenschaum bedeckt waren, packten ihre Sachen und rannten auf die Straße. Im Rennen zogen sie auf die nackten seifigen Körper ihre Uniformmäntel an und liefen zu Kasernen der Akademie. Den Schaum wuschen sie schon in der Kaserne ab.

Mein Vater war auch unter diesen jungen Männern. Er erzählte, dass in dem Moment, als die Bombe fiel, sie nicht erschrocken waren, vielleicht verstanden sie nicht, dass sie durch ein Wunder am Leben geblieben waren.

Wenn ich am runden Badehaus vorbeigehe, erinnere ich mich an die Erzählung des Vaters.

*Galona Borissowna Issajewa,
Erzieherin, Kindergarten Nr 44*

Bath Story

YAKOVLEV Boris Ivanovich

My father Boric Ivanovich Yakovlev was born in 1917. He did not like to remember the war and to watch movies about it.

At that time he was a young man, studied at an institute, it seemed to him that the whole life was ahead of him and nothing threatened him. In June, 1941 everything changed. The war started. During the most severe year of the siege of Leningrad my father was in the city. He saw deaths of his relatives; he saw deaths of his friends at the front.

My father studied in the Academy of Connection named after Budenny. On the eve of 1942 they were taken to the bath late in the evening. It was very cold outside, the sky was clear. At Viborgskaya side there are round baths or a disk, as they call them now. Baths were located at Small Spasskaya Street (now it is the street of the Hero of the Soviet Union general Karbishev). On that day there was hot water in the baths, all the citizens of Viborskaya side were there, it was a turn of the Academy of Connection.

A troop of young officers started washing. No one expected an air raid that day. They were washing, making fun

of each other, looking at how bloodless they were. The officers did not hear the alarm signal, the air raid started, and the enemy planes bombed Viborgskaya Side. One of the bombs hit the hot water boiler. It was so unexpected for the young people, they did not understand what was going on. There was no hot water any more, cold water went from the taps. Young men jumped out of the bath really quickly without noticing that soapsuds were still on them. They put on uniform jackets over the naked bodies and ran towards the barracks of the Academy. Only in the barracks they washed away the soapsuds.

My father was also among these young men. The father remembered that they were not afraid when the bomb exploded, may be they did not understand what happened and that they all stayed alive by miracle.

Now I remember my father's story as I pass the round baths.

*Galina Borisovna Isaeva,
kindergartener, Kindergarten No 44*

Вспоминают ветераны

Память сердца

МЕМОРИАЛ

*Над траурным полем приспущены флаги.
Сюда мы идем, как по зову присяги.
Плывут над могилами скорбные звуки.
Пришли на свидание дети и внуки.*

*Обычно здесь больше людей с Пискаревки,
Живущих в пределах одной остановки.
Здесь многих — кончина, и многих — начало,
И память сюда ленинградцев собрала.*

*Застыла старушка в печальном поклоне,
Кусочек краюшки в дрожащей ладони.
И в зной, и в морозы приходит упрямо
И шепчет сквозь слезы: «Прости меня, мама».*

*Вы молча гвоздики на холм положите,
Где черные даты на сером граните.
И верьте: священные эти могилы —
Источники нашей надежды и силы.*

*Совсем поседели блокадные дети,
А многих давно уже нету на свете.
Но те, кто остались, пусть верят и знают,
Что Родина-мать их покой охраняет.*

Олег Алексеевич Павлихин

АЛЕКСАНДРОВ Флегонт Андреевич

Флегонт Андреевич родился в деревне Соколово Борского района Горьковской (Нижегородской) области 21 апреля 1927 года.

В 1941 году он окончил 7 класс, а через несколько дней началась Великая Отечественная война. Отец ушел на фронт и старшим мужчиной в доме остался 14-летний мальчик. На его, еще неокрепшие, почти детские плечи легла обязанность взрослого человека — стать главной опорой семьи. Он работал в колхозе, на лесозаготовках и строительстве железной

дороги, а в конце 1942 года был направлен на возведение оборонительных сооружений между городами Горьким и Москвой. Тяжелая физическая работа осложнялась крайне тревожной военной обстановкой. Вражеские войска вели ожесточенные бои под Сталинградом и предпринимали отчаянные попытки закрепиться на берегах Волги, в связи с чем они неоднократно бомбили город Горький, стараясь разрушить железнодорожный мост.

В 1943 году Флегонта Андреевича направляют в ремесленное училище № 25 при Горьковском автозаводе (ГАЗ) им. В. М. Молотова на учебу по специальности «слесарь по ремонту оборудования». Наряду с занятиями учеников привлекали к ремонту танков и другой военной техники, поврежденной в боях. Восстановленные руками подростков грозное оружие в полной боевой готовности возвращалось на фронт.

В 1945 году Ф. А. Александрову исполнилось 18 лет. Он был призван в Красную Армию и направлен в инженерно-саперную бригаду,

расположенную около города Горького. В феврале 1946 года бригада была передислоцирована в Карелию в район города Медвежьегорска для разминирования минных полей.

За период с 1945 по 1950 годы подразделение пять раз меняло место дислокации: города Медвежьегорск, Сортавала, Олонец, Сосновец, Кемь.

Работа саперов не только тяжела, но и опасна. Недаром говорят, что сапер ошибается только раз в жизни. Несмотря на высокий профессионализм

саперов, техническую оснащенность и квалифицированную помощь кинологов, потери личного состава были велики. В связи с трагическими потерями 1946–1950 годах бригада была переформирована в 20-й инженерно-саперный полк.

В 1950 году Флегонт Андреевич, как специалист, имеющий опыт в разминировании, был направлен на учебу в ленинградское военно-инженерное училище им. Карбышева. В 1951 году по завершении курса обучения командование присваивает ему воинское звание лейтенанта и направляет для прохождения службы в группу советских войск в Германию, где он и служил до 1956 года. Уволен в запас в звании капитана с должности заместителя начальника штаба полка.

По окончании военной службы вместе с семьей приехал в Ленинград и трудился на предприятиях города, занимал ответственные посты. В 1956–1967 годах — начальник отдела снабжения предприятия «Ленэнергоремонт». В 1967–1973 годах — заместитель директора

предприятия «Промэнергогаз». В 1973–1990 годах — начальник управления «Ленэнергогаз».

Вклад Ф. А. Александрова в Победу нашей страны над фашистской Германией отмечен медалями: «За боевые заслуги», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов». Трудовые награды мирного времени: орден Трудового Красного Знамени за наладку и ввод в эксплуатацию компрессорных станций газопровода «Оренбург — государственная граница», почетная медаль Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) за строительство газопровода «Союз» и ввод в экс-

плуатацию компрессорных станций «Тальное и Гайсин». Флегонт Андреевич имеет звания: «Участник боевых действий», «Труженик тыла», «Ветеран труда», «Почетный работник газовой промышленности».

Сейчас Флегонт Андреевич на заслуженном отдыхе. У него три правнука и четырехлетняя правнучка. Пожелаем им мирного неба над головой, здоровья и счастья!

*Алла Александровна Самохвалова,
председатель Совета ветеранов войны, труда
и правоохранительных органов МО Пискаревка*

Front und Hinterland sind einig!

ALEXANDROW Flegont Andrejewitsch

Flegont Andrejewitsch wurde im Dorf Sokolowo Borskij Bezirkes Gorkowskaja (Nishnegorodskaja) Gebietes am 21. April 1927 geboren.

1941 absolvierte er die 7. Klasse, und in einigen Tagen begann der Große Vaterländische Krieg. Der Vater ging an die Front, und der 14-jährige Junge blieb zu Hause als der älteste Mann. Auf seine noch nicht starken Schultern legte sich die Aufgabe eines Erwachsenen, das Haupt der Familie zu werden. Er arbeitete im Kolchos, beim Holzeinschlag und beim Eisenbahnbau, Ende 1942 wurde er geschickt, die Verteidigungsanlagen zwischen der Stadt Gorki und Moskau zu bauen. Harte körperliche Arbeit wurde durch die unruhige Kriegssituation erschwert. Feindliche Truppen kämpften neben Stalingrad und unternahmen verzweifelte Versuche sich an den Wolga-Ufern zu befestigen, darum bombardierten sie mehrmals die Stadt Gorki und machten alles Mögliche, um die Eisenbahnbrücke zu zerstören.

1943 wurde Flegont Andrejewitsch in die Berufsschule Nr 25 bei Gorkier W. M. Molotow-Autobauwerk (GAS) geschickt, um den Beruf eines Reparaturschlossers zu erwerben. Neben dem Unterricht beschäftigten sich die Lehrlinge mit der Reparatur der Panzer und anderer Militärtechnik, die in den Schlachten beschädigt wurden. Die mit den Händen der Teenager wiederaufbereitete bedrohliche Waffe kam an die Front zurück.

1945 wurde F. A. Alexandrow 18 Jahre alt. Er wurde in die Rote Armee einberufen und in die Ingenieur-Pionier-Brigade geschickt, die neben der Stadt Gorki sich befand. Im Februar 1946 wurde die Brigade nach Karelien verlegt, in die Stadt Medweshjegorsk für das Entminen der Minenfelder.

In der Periode vom 1945 bis 1950 wurde die Brigade fünfmal verlegt: Städte Medweshjegorsk, Sortavalla, Olonetz, Sosnowetz, Kem.

Die Arbeit der Pioniere ist nicht nur schwer, sondern auch gefährlich. Nicht umsonst sagt man, dass ein Pionier sich nur einmal im Leben irrt. Ungeachtet des hohen Professionalismus der Pioniere, technischer Ausrüstung und qualifizierter Hilfe der Kynologen, waren die Personalverluste sehr hoch. Wegen der tragischen Verluste in den Jahren 1946–1950 war die Brigade in das 20. Ingenieur-Pionier-Regiment umgegliedert.

1950 schickte man Flegont Andrejewitsch, als einen Fachmann, der im Entminen eine große Erfahrung hatte, in die Leningrader Karbyschew-Militärschule für Militäringenieur. 1951 wurde ihm nach der Absolvierung der Militärschule der Dienstgrad Leutnant verliehen und man schickte ihn in die Gruppe der Sowjetischen Truppen nach Deutschland, wo er bis 1956 diente. Er wurde zur Disposition gestellt, als er als Kapitän den Posten stellvertretenden Regimentstabelleiters bekleidete.

Nach dem Ende des Wehrdienstes kam er mit der Familie nach Leningrad und arbeitete auf den Betrieben der Stadt, bekleidete verantwortungsvolle Posten. 1956–1967 war er Leiter der Versorgungsabteilung des Betriebs «Lenenergoremont». 1967–1973 war er als stellvertretender Direktor des Betriebs «Promenergogas» tätig. 1973–1990 war er Verwaltungsleiter von «Lenenergogas».

Vom Beitrag von F. A. Alexandrow zum Sieg unseres Landes über das faschistische Deutschland zeugen Medaillen «Für Militär-Verdienste», «Für hervorragende Arbeit während des Großen Vaterländischen Krieges 1941–1945». Er hat

auch Arbeitsauszeichnungen der friedlichen Zeit: den «Orden des Roten Banners der Arbeit» für die Einrichtung und Inbetriebnahme der Kompressorstation der Gasleitung «Orenburg — staatliche Grenze», die Ehrenmedaille des Rates für gegenseitige Wirtschaftshilfe (RGW) für den Bau der Gasleitung «Sojuz» und für die Inbetriebnahme der Kompressorstationen «Talnoje» und «Gajsin». Flegont Andrejewitsch hat Titel: «Teilnehmer der Kampfhandlungen», «Hinterlandwerkstätiger», «Arbeitsveteran» und «Ehrenmitarbeiter der Gasindustrie».

Heute ist Flegont Andrejewitsch im verdienten Ruhestand. Er hat drei Enkel und eine vierjährige Enkelin. Wir wünschen ihnen friedlichen Himmel über dem Kopf, Gesundheit und Glück.

*Alla Alexandrowna Samochwalowa,
Vorsitzende des Rates der Veteranen des Krieges,
der Arbeit und der Rechtsschutzorgane
Munizipalkreises Piskarjowka*

The Front and the Rear are uniform!

ALEXANDROV Flegont Andreevich

Flegont Andreevich was born in the village Sokolovo of Borsky district of Gorki (Nizhniy Novgorod) region on April, 21st, 1927.

In 1941 he finished 7 classes, and in a few days the Great Patriotic War began. The father went to the front, and a 14 years old boy remained as a senior man at home. He was still a child, but he had a duty of an adult — to become the main support of the family. He worked in the collective farm on timber cuttings and railway building, in the end of 1942 he was directed to erect defensive works between Gorki and Moscow. Hard physical work became even more complicated because of extremely disturbing military conditions. Enemy armies fought violently near Stalingrad and attempted to stay on the Volga River, that is why they bombed Gorki, trying to destroy the railway bridge.

In 1943 Flegont Andreevich was sent to a vocational school No25 at Gorki Car Factory named after V. M. Molotov to get a qualification of «mechanic of equipment repair». Besides studying pupils were involved in repair of tanks and other military technics damaged in fights. Restored by hands of teenagers terrible weapon up in arm was back to the front.

In 1945 F.A. Alexandrov turned 18 years old. He was called to the Red Army and directed to the engineering-sapper brigade, located near Gorki. In February 1946 the brigade was relocated to Karelia to the area of Medvezhyegorsk for cleaning of minefields.

In 1945–1950 the division changed its disposition 5 times: Medvezhyegorsk, Sortavala, Olonets, Sosnowiec, Kem.

The work of sappers is not only difficult but also very dangerous. They say that sapper makes only one mistake in his life. Despite high professionalism of sappers, technical equipment and qualified help of cynologists, staff losses were

big. In connection with tragic losses the brigade was reformed into the 20th engineering-sapper regiment in 1950.

In 1950 Flegont Andreevich, as an expert in mine clearing, was directed to Leningrad military-engineering school named after Karabyshev to study. In 1951, after graduation from school, he was given the rank of lieutenant and directed to serve in the group of Soviet troops to Germany, where he served until 1956. He was transferred to the reserve in the rank of the captain.

After the end of military service he went to Leningrad together with his family, worked at different enterprises of the city and had responsible jobs. In 1956–1967 — the chief of supply department of «Lenenergoproekt». In 1967–1973 — the deputy director of «Lenenergogaz». In 1973–1990 — the head of «Lenenergogaz».

F.A. Alexandrov's contribution to the Victory of our country over fascist Germany was marked by medals: «For Fighting Merits», «For Valorous Work in the Great Patriotic War of 1941–1945». He has also labor awards of the peace time: «Labor Red Banner Order» for adjustment and put into operation of compressor stations of the gas pipeline «Orenburg-state boundary», honorable medal of Council of Economic Mutual Aid for building of gas pipeline «Union» and put into operation of compressor stations «Talnoe» and «Gajsin». Flegont Andreevich has ranks: «The Participant of Military Operations», «The Worker of the Rear», «The Veteran of Work», «The Honorable Worker of Gas Industry».

Now Flegont Andreevich is retired. He has three great grandchildren and a four-year-old great granddaughter. We wish him peaceful sky over his head, health and happiness.

*Alla Aleksandrovna Samohvalova,
The chairman of the council of veterans of war, work
and law enforcement bodies MO Piskarevka*

Письма с фронта Любимые женщины моего отца

БАТАЛЯХИН Владимир Михайлович

Жила на Большой Охте большая дружная семья коренных ленинградцев-петербуржцев. В эту семью в 1938 году вошла моя мамочка, по большой любви выйдя замуж за моего папочку — Баталяхина Владимира Михайловича. А в 1939 году в апреле родилась у них я — дочь Галочка, как ласково называл свою дочурку папа.

В 1941 году, в начале июня, когда папа отправил нас на дачу в п. Суйда, его призвали на переподготовку, было ему тогда 28 лет. Находилась его часть в п. Песочное. Папа написал четыре письма до войны и очень ждал встречи с мамой. Она, взяв гостинцев, поехала его навещать в воскресенье 22 июня, еще ничего не зная о том, что началась война. Уже при встрече в Песочном объявили о начале войны, и мама тут же вернулась в Суйду. Они расстались, как оказалось, навсегда...

После начала войны мама получила от папы еще четыре письма, которые были пропитаны любовью и тревогой за нас, всю его

большую семью. Особую любовь папа выражал дочери Галочке. 17 июля мама получила похоронку: в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит... Похоронен папа в районе п. Сольцы Ленинградской области. Мне было тогда два года.

Мама хранила папины письма всю свою одинокую жизнь и передала их мне. Она просила похоронить их с нею, но я не смогла этого сделать. Сейчас, собираясь своей семьей, с дочерью и сыном, уже с тремя внуками, мы перечитываем письма — они дороги всем

нам! Очень надеюсь на то, что потомки сохранят память и пронесут уважение к славным воинам через всю жизнь. Письма пронизаны такой любовью к жене, родителям, дочери... Думаю, эти семейные реликвии, документальные свидетельства эпохи будут интересны не только нам.

Галина Владимировна Миронова

Надюша и дорогая дочь Галочка, не знаю, что вам и написать.

Я хочу написать, дорогая Надюша, что после моей смерти располагай своей жизнью, как найдешь лучше, но самое главное — воспитывай Галочку. Если выйдешь замуж, то скажи второму мужу, чтоб он не пренебрегал моей дочерью. Ты, Надюша, не расстраивайся.

Возможно, все кончится хорошо. Прощайте все. Крепко целую.

*Владимир.
22 июня 1941 г.*

Надюша, не знаю, почему, но я искал тебя по всему полку, но не мог найти. Вероятно, ты уже уехала домой. Могу только сказать, что

если будет возможность, поезжай в деревню или оставайся в Суйде. В городе жить будет очень опасно. Родителям большой дорогой привет от единственного сына, которого они, вероятно, больше не увидят.

Привет сестрам и всем знакомым. Громадная просьба — береги Галочку. Всех крепко, крепко целую. Сын, муж, отец, брат.

*Владимир.
22 июня 1941 г.*

Здравствуй, Надюша и ненаглядная дочь Галочка! Здравствуйте, дорогие родители и сестры, пока что на четвертый день войны жив и здоров, чего желаю и вам. Напиши ответ, если будет возможность, по старому адресу. Надюша, пришли, пожалуйста, сухарей и немного сахара, таскать очень тяжело все на себе.

Ежедневно вспоминаю Галочку и вас всех. Приходится очень трудно, но что же делать, война для всех одинаковая. Надя, напиши, как можно больше — возможно, до этого буду еще жив. Пиши больше — все, все. Пишу в лесу, комаров ужасно много. Попил бы я сейчас чайку у стола около печки, хотя бы с черным хлебом.

Нахожусь недалеко от Ленинграда, пока определенного места нет. Буду ждать и надеяться. Как там моя единственная дочь Галочка?..

Адрес старый.

Владимир

Утро 7 час. 26 июня 1941 год.

Ну, вот и все.

Здравствуйте, дорогие мои Надюшка, ненаглядная моя дочь Галочка, Папа, Мама, Верочка, Люся, Толька. Еще, как видите, пока жив и здоров, чего от души желаю и вам. Надя, особенно не расстраивайся, как видишь сама, война началась жуткая и до конца — кто кого. Так что ты не одна и нужно примириться...

Тебе пишу, а сам думаю: Надюшка напишет, а письмо дойдет и не придется его прочесть.

Если бы было возможно тебе посмотреть на меня, то не узнала бы — до чего человек может дойти за каких-то семь дней. Не приходилось мыться и спать, до того все похудели, что не узнаем друг друга.

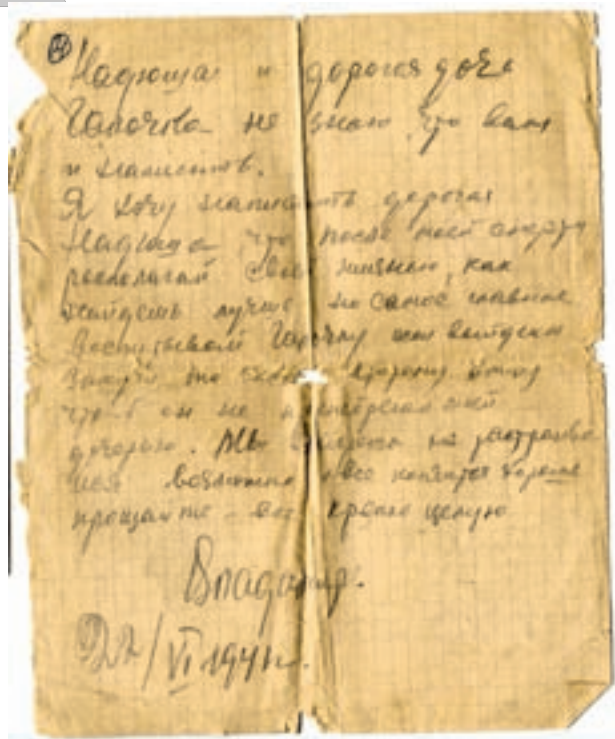
Мне ничего не хочется, как бы только посмотреть Галочку. Напиши что-нибудь про нее побольше. Немцы, вероятно, бомбят Ленинград, так что сезон доживайте на даче. Пользы будет больше.

Ну, у меня все, писать особо нечего, идет день за днем, и каждый день ближе к смерти...

Так, крепко, крепко вас целую на расстоянии примерно 100 километров от вас. До свидания, пока жив, будем ждать и надеяться на лучшее. Поцелуй Галочку, будешь укладывать ее спать, погладь по головке и скажи, папка велел.

*Целую всех.
27 июня 1941 года
Владимир.*

Для Клавдии Владимировны Баталяхиной. Мама, к тебе громадная просьба твоего единственного сына. Если Надюше будет очень трудно, посмотри за Галочкой. Если будет у нее трудно с деньгами, то купи Галочке хоть конфетку или сырку. Если останусь жив, то не забуду твоей материнской ласки.

Пока жив и здоров. Не знаю, как будет дальше. У вас, вероятно, тоже сейчас не очень спокойно. Ну, особо писать нечего, еще раз прошу — не забудь Галочку.

Владимир
29 июня 1941 года

Здравствуйте, дорогое семейство, Надежда, ненаглядная дочь Галочка. Здравствуйте, дорогие родители и сестры. Шлю вам всем привет и много хороших пожеланий. Пока жив.

Надюша, я писал тебе насчет сухарей. Если не послала, то и не надо, ибо тут ребята получили письма и говорят, что за хлебом уже очереди. Так что я убедительно прошу тебя, берегите сухари, дочь, себя...

Если сейчас покупают вещи, то продай костюм и все барахлишко, потом все равно ни-

кто не купит, за бесценок. Мне уже больше не пригодится. Ты, вероятно, видишь из газет — о том, что вернуться, не может быть и речи. Сегодня получил смертельные номера, чистое белье и идем в баню.

Находимся сейчас в лесу, ни разу не разувался и не раздевался вот уже 10 дней. Сидишь в лесу и невдалеке кукует кукушка. Так я загадываю, сколько мне осталось жить: так она кукует столько, что у нас Галочка вырастет, выучится в школе, и мы ее замуж выдадим и внучат качать будем — вот сколько лет... Пишу свой новый адрес П.П.С. 121 п/я 9 подразделение 20, Баталяхину.

Напиши что-нибудь про Галочку, и пускай она начиркает своей ручонкой на письме. Крепко всех целую.

Владимир.
3 июля 1941 г.

Писем скоро не жди.

Здравствуй, дорогой Батенька. Пишу в дороге, едем на наших машинах, как вероятно, на Запад, где наши успехи не очень блестящи. Будь любезен, если возможно, то похлопочи у Каргодского, чтоб <...> Постарайся, пожалуйста, для сына. Ты, конечно, видишь, что дело пахнет деревней и выбраться из этой мясорубки живым невозможно. Напиши, как у вас дела, как настроение. Возможно, ребята дадут мне несколько денег. Так ты возьми у жены и рассчитайся, если ей будет туго, то подсоби немного, чтоб дочь не осталась голодной. Про себя — иду воевать, но не знаю. Пока на Карельском перешейке...

5 июля 1941 г.
Пока еще жив.

Извещение

Ваш муж красноармеец 252 пех. 70 д. Баталяхин Владимир Михайлович в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 17 июля 1941 года.

Похоронен в районе Сольцы Ленинградской области.

Die Frontbriefe. Geliebte Frauen meines Vaters

125

BATALJACHIN Wladimir Michailowitsch

Auf der Großen Ochtsa lebte eine große einmütige Familie der Leningrader-Petersburger, die in dieser Stadt auch geboren wurden. In diese Familie kam im Jahre 1938 meine Mutti, als sie meinen von ihr heiß geliebten Vati Bataljachin Wladimir Michailowitsch heiratete. Und im April 1939 kam zur Welt ich, ihre Tochter Galotschka, wie der Vater mich zärtlich nannte.

Anfang Juni 1941, als der Vater uns auf die Datscha in die Siedlung Sujda brachte, war er für die Umschulung einberufen, damals war er 28 Jahre alt. Sein Truppenteil befand sich in der Siedlung Pessotschnoje. Vor dem Krieg schrieb der Vater vier Briefe und wartete mit Ungeduld auf das Treffen mit der Mutter. Darum nahm sie viele Mitbringsel und fuhr am Sonntag, 22. Juni, ihn besuchen, ohne zu wissen, dass der Krieg begonnen hatte. Als sie sich in Pessotschnoje trafen, wurde über den Anfang des Krieges mitgeteilt, und die Mutter kehrte sofort nach Sujda zurück. Sie verabschiedeten sich, wie es später klar wurde, für immer...

Nach dem Kriegsbeginn bekam Mutti vom Vati noch vier Briefe, die voll von Liebe und Sorge um uns, um die ganze große Familie waren. Seine besondere Liebe galt der Tochter Galotschka. Am 17. Juli bekam Mutti das Sterbebild: im Kampf für die sozialistische Heimat wurde der heldenhafte, mutige, dem Fahneneid treue ... getötet. Beerdigt ist der Vater unweit von der Siedlung Solzy im Leningrader Gebiet. Ich war damals zwei Jahre alt.

Meine alleinstehende Mutter bewahrte diese Briefe ihr ganzes Leben lang auf und übergab sie mir. Sie bat mich sie in ihren Sarg zu legen, aber ich konnte das nicht machen. Jetzt, wenn wir uns im Kreis der Familie — die Tochter, der Sohn und drei Enkel — versammeln, lesen wir diese Briefe wieder, weil sie für uns alle sehr wichtig sind! Ich hoffe darauf, dass unsere Nachfahren das Andenken und die Hochachtung zu den mutigen Soldaten behalten. Diese Briefe sind mit der Liebe zur Frau, zu den Eltern, zur Tochter durchdrungen ... Ich glaube, diese Familienreliquien, dokumentarische Zeugen der Epoche nicht nur uns interessant sein können.

Galina Wladimirowna Mironowa

Nadjuscha, ich weiß nicht, warum, aber ich suchte dich auf dem ganzen Regimentgelände und konnte nicht finden. Du warst wohl schon weggefahren. Ich kann nur sagen: wenn es so eine Möglichkeit gibt, fahre ins Dorf oder bleibe in Sujda. Das Leben in der Stadt wird sehr gefährlich sein. Herzliche Grüße an die Eltern vom einzigen Sohn, den sie vielleicht nie mehr sehen.

Grüße an die Schwestern und alle Bekannten. Ich bitte dich, passe auf Galotschka auf. Ich küsse euch alle. Sohn, Ehemann, Vater, Bruder.

Wladimir, 22. Juni 1941

Nadjuscha und meine liebe Tochter Galotschka, ich weiß nicht, was ich euch schreiben soll.

Ich will schreiben, meine liebe Nadjuscha, dass nach meinem Tod du dein Leben gestalten sollst, wie du es für richtig hältst, aber das wichtigste ist, erziehe Galotschka. Wenn du mal heiratest, sag deinem zweiten Mann, dass er meine Tochter nicht vernachlässigen soll. Sei, Nadjuscha, nicht traurig. Vielleicht hat das alles noch ein gutes Ende. Lebt wohl. Ich küsse euch alle.

Wladimir, 22. Juni 1941

Guten Tag, Nadjuscha und meine allerliebste Tochter Galotschka! Guten Tag, meine Eltern und Schwestern, es ist der vierte Kriegstag, ich bin noch lebendig und gesund, was auch euch wünsche. Schreibe die Antwort, wenn es möglich ist, auf die alte Adresse.

Nadiuscha, schicke bitte trockenes Brot und etwas Zucker, es fällt zu schwer, alles mitzuschleppen.

Täglich erinnere ich mich an Galotschka und an euch alle. Es ist schwer, aber da ist nichts zu machen, der Krieg ist für alle gleich. Nadja, schreibe möglichst viel, vielleicht bin ich zu dieser Zeit noch am Leben. Schreibe möglichst mehr über alles. Ich schreibe im Wald, es gibt zu viele Mücken. Ich würde jetzt gerne Tee am Tisch neben dem Ofen trinken, sogar mit schwarzem Brot.

Ich befinde mich unweit von Leningrad, einen bestimmten Ort gibt es noch nicht. Ich werde warten und hoffen. Wie geht es meiner einzigen Tochter Galotschka? ...

Die Adresse ist dieselbe.

Wladimir

7 Uhr morgens, der 26. Juni 1941

Das wäre alles.

Guten Tag, meine liebe Nadjuschka, meine allerliebste Tochter Galotschka, Vater, Mutter, Werotschka, Ljussja, Tolkka. Ich bin, wie ihr seht, noch am Leben, was vom ganzen Herzen auch euch wünsche. Nadja, mach dir nicht zu viele Sorgen, wie du auch selbst siehst, ist der Krieg, der begonnen hat, grausam, der Krieg bis das Ende: wer wen. Du bist also nicht allein und man muss sich damit abfinden ...

Ich schreibe an dich und denke dabei: Nadjuschka schreibt mir und der Brief kommt mal an, aber ich könne ihn nicht mehr lesen.

Wenn du mich jetzt sehen könntest, würdest du mich nicht erkennen, so kann sich ein Mensch im Laufe von sieben Tagen verändern. Weder waschen wir uns, noch schliefen, alle haben so viel abgenommen, dass einander nicht erkennen.

Ich habe keine Wünsche, nur einen, Galotschka zu sehen. Schreibe über sie etwas mehr. Deutsche bombardieren wohl

Leningrad, darum bleibt bis das Saisonende auf der Datscha. Es ist viel nützlicher.

Das wäre alles, es gibt nichts mehr zum Schreiben, ein Tag vergeht nach dem anderen, und jeder Tag ist näher zum Tod ...

Also, ich küsse euch ganz heftig in der Entfernung von etwa 100 Kilometern von euch. Auf Wiedersehen, ich bin noch am Leben, wollen wir warten und auf das Beste hoffen. Küsse Galotschka, wenn du sie ins Bett bringst, streichle ihren Kopf, sag ihr, der Vater lasse das machen.

Ich küsse euch alle.

Wladimir, 27. Juni 1941

Für Klawdija Wladimirowna Bataljachina. Mutti, dein einziger Sohn hat an dich eine riesengroße Bitte. Wenn Nadjuscha viele Schwierigkeiten hat, passe auf Galotschka auf. Wenn sie Geldprobleme hat, kaufe mal Galotschka ein Bonbon oder Käse. Wenn ich am Leben bleibe, vergesse ich deine mütterliche Zärtlichkeit nicht.

Bin noch lebendig und gesund. Weiß nicht, wie es weiterkommt. Bei euch ist es jetzt wohl auch nicht besonders ruhig. Ich habe nichts Besonderes zum Schreiben, bitte noch einmal: vergiss Galotschka nicht.

Wladimir, 29. Juni 1941

Guten Tag, meine liebe Familie, Nadeshda, allerliebste Tochter Galotschka. Guten Tag, meine lieben Eltern und Schwestern. Ich grüße euch und wünsche alles Gute. Bin noch am Leben.

Nadjuscha, ich habe dir über trockenes Brot geschrieben. Wenn du es noch nicht geschickt hast, mach das nicht, weil die Kerle hier Briefe bekamen und erzählen, dass es schon Menschenschlangen wegen Brot gebe. Also ich bitte dich ganz eindringlich, spart Brot, passe auf die Tochter, auf dich selbst auf...

Wenn man jetzt Sachen kauft, dann verkaufe den Anzug und den ganzen Kram ganz billig, später kauft schon gar nie-

mand was. Das alles brauche ich nicht mehr. Aus den Zeitungen siehst du wohl, von der Rückkehr kann keine Rede sein. Heute bekam ich die Sterbenummern und die saubere Wäsche, wir gehen ins Bad.

Wir sind jetzt im Wald, im Laufe von zehn Tagen habe ich mich kein einziges Mal ausgezogen. Man sitzt im Wald und unweit von hier ruft ein Kuckuck. Ich versuche zu zählen, wie lange ich noch am Leben bleibe, er ruft so lange, dass unsere Galotschka groß wird, die Schule absolviert, wir verheiraten sie und werden unsere Enkelkinder pflegen, so viele Jahre ... Ich schreibe dir meine neue Adresse: Feldpostnummer 121, Briefkasten 9, Einheit 20, Bataljachin.

Schreibe etwas über Galotschka, lass sie etwas mit ihrem Händchen auf den Brief zeichnen. Ich küsse euch alle.

Wladimir, 3. Juli 1941

Bald erwarte keine Briefe.

Guten Tag, liebes Väterchen. Ich schreibe an dich unterwegs, wir fahren mit unseren LKWs wohl nach Westen, wo unsere Leistungen keinesfalls glänzend sind. Sei so lieb, wenn es möglich ist, so bemühe dich bei Korogodskij, damit <...> Setze dich für deinen Sohn ein. Du siehst wohl, wie diese Sache riecht, sich aus diesem Fleischwolf lebendig loszureißen ist unmöglich. Schreibe, wie es euch geht, wie die Stimmung ist. Die Kerle geben mir wohl etwas Geld. Nimm also bei der Frau und bezahle, wenn es ihr schwerfällt, hilf ihr, damit die Tochter nicht hungrig bleibt. Über mich: ich gehe kämpfen, mehr weiß ich nicht. Bin noch auf der Karelischen Landenge.

5 Juli 1941

Bin noch am Leben.

Mitteilung

Ihr Mann, Rotarmist des 252. Infanterieregiments 70. Division Bataljachin Wladimir Michailowitsch wurde im Kampf für die sozialistische Heimat am 17. Juli 1941 getötet, indem er dem Fahneneid treu blieb, Heldenmut und Tapferkeit zeigte.

Beerdigt im Bezirk Solzy Leningrader Gebietes.

Letters From the Front. Beloved Women of My Father

BATALJAHIN Vladimir Mihajlovich

A big friendly family of Leningraders-Petersburgers lived on the Big Okhta. My mummy entered this family in 1938, when she married my father, Bataljahin Vladimir Mihajlovich. And in April, 1939 I was born. My father tenderly named me Galochka.

In the beginning of June, 1941, father sent us to the summer house in Sujda settlement, he was called for retraining, he was 28 at that time. His military base was in Pesochnoe settle-

ment. Father wrote four letters before the war, he was looking forward to meeting my mother. On June, 22nd my mother took some gifts with her and went to visit my father, she did not know yet that the war had begun. When they met in Pesochnoe it was declared that the war had begun. My mother returned to Suida, they parted, as it would turn out later, forever...

After the beginning of the war mum received four more letters from my father, they were full with love and worries

about us. My father expressed special love to his daughter Galochka. On July, 17th my mother received a death notice: in fight for the socialist Native Land, true to the military oath, having shown heroism and courage, has been killed ... father was buried in the area of the settlement Soltsy of Leningrad region. I was two years old at that time.

Mum kept daddy's letters during her whole lonely life and handled them to me. She asked to bury them with her, but I couldn't do it. Now, we read these letters with my son and three grandchildren, we re-read these letters, they are dear to all of us! I hope that the descendants will keep the memory and carry respect to the brave soldiers through all their lives. The letters are penetrated with so much love to the wife, parents, daughter... I think these family relics, documentary certificates of the epoch will be interesting not only for us.

Galina Vladimirovna Mironova

Nadyusha, I do not know, why, but I was looking for you in the regiment and couldn't find. Possibly, you had already gone home. I can tell only that if there will be a possibility, go to the village or remain in Sujde. It will be dangerous to stay in the city. I send greetings to my parents whom I probably won't see.

Greetings to sisters and all acquaintances. Please, take care of Galya. I kiss everyone. Son, husband, father, brother.

Vladimir, June, 22nd, 1941

I want to tell you, dear Nadyusha, that after my death you may do with your life everything as you think will be better, but the most important thing is to bring up our Galochka. If you marry, please, tell the second husband that he shouldn't neglect my daughter. You, Nadyusha, don't be upset. Probably, everything will be good. Farewell to all of you. Kiss.

Vladimir, June, 22nd, 1941

Hi, Nadyusha and my dear daughter Galochka! Hello, dear parents and sisters, on the 4th day of the war I am still alive and healthy and that I wish to you. Please, write the answer if there will be a possibility to the same address. Nadyusha, send me, please, some crackers and sugar. It is difficult to carry everything on the back.

Every day I remember Galochka and all of you. It is difficult time but what should we do, the war is the same for everyone. Nadya, write me as much as possible — maybe I will be still alive till that time. Write more — that is all, all. I am writing to you sitting in the forest, there are a lot of mosquitoes here. I would like to drink tea at least with black bread at the table near the stove.

I am not far from Leningrad but we don't have a permanent place. I will wait and hope. How is my dear daughter, Galochka?..

The address is the same.

Vladimir, 7 o'clock Morning, June 26th, 1941.

That is all..

Hello, my dear Nadjushka, beloved daughter Galochka, Father, Mum, Verochka, Ljusja, Tolka. As you see, I'm still alive and healthy and I wish the same to you. Nadya, don't be upset, as you see, a terrible war started and we'll fight up to the end. So, you are not alone, and we have to reconcile...

I am writing to you and thinking: Nadjushka will write me back, the letter will come, but I won't read it.

If you looked at me now, you wouldn't recognize me, though only 7 days passed. We did not wash and sleep all this time, we cannot recognize each other.

I don't want anything but to look at Galochka. Write something more about her. Germans are bombing Leningrad now, so stay at the summer house. It would be better.

Well, this is all, I have nothing to write about, one day goes after another and every day approaches us to death...

I kiss you, though I'm 100 kilometers from you. Good-bye, while I'm alive I'll live and hope for the best. Kiss Galochka, pat her on her head when you put her to bed and say that her father told you to do so.

Kiss all.

Vladimir, June, 27th, 1941

For Claudia Vladimirovna Bataljahina. Mum, I have a great request to you. If Nadyusha has big hardships, look after Galochka. If she doesn't have money, buy for Galochka a candy or some cheese. If I remain alive, I will never forget your parental care.

I'm alive and healthy by now. But I don't know what will be in future. I think it is also not so quiet where you are. I have nothing to write about, I ask one more time — don't forget about Galochka.

Vladimir, June, 29th, 1941

Hello, my dear family, Nadezhda, beloved daughter Galochka. Hello, dear parents and sisters. Best regards to you, while I'm still alive.

Nadjusha, I wrote to you about crackers. If you hadn't sent it yet, don't send it at all, because here they say that there are queues for bread already. So, I ask you to save crackers and take care of yourself and daughter...

If they buy things now, sell my suit and all the other stuff, later nobody will buy it. I won't need it any more. You see from newspapers that there is no chance to come back. Today I got death numbers, fresh linen, and we go to bath.

We are in the forest now; I haven't undressed for more than 10 days already. I sat in the forest and heard a cuckoo.

I wanted to find out how many years were left for me to live: it cuckooed so many that our daughter would grow up, study at school and marry... I write my new address: 121 p.b. 9 division 20, for Bataljahin.

Write something about the Galochka, and let her write something with her hand on the letter. Kiss all.

Vladimir, July, 3rd 1941

Don't wait for letters soon.

Hello, dear Father. I write to you on the way, we go by our car to the west, where our successes are not brilliant. Would you be so kind and ask Kargodsky. Please, try to do it for your son. You, certainly, understand that it is impossible to get out of this meat grinder alive. Write me how the things

are at home, how you mood is. Perhaps the guys will give me some money. Take the money from the wife and pay them off, if she is in a hard situation — help her for my daughter not to be hungry. About myself — I go to fight. I'm at Karelian by now...

*July, 5th, 1941
I am alive by now.*

The notice

Your husband, the Red Army man, Bataljahin Vladimir Mihajlovich has been killed on July 17th, 1941 in fight for the socialist native land, true to the military oath, having shown heroism and courage.

He is buried in area Soltsy of Leningrad region.

«Вперед к Победе!». Анастасия Ворушилина, ГОУ школа-интернат №28, 8 класс

Память сердца

БЕЛОУСОВА Зинаида Лаврентьевна

Наша семья жила в Агалатово. Младшие брат и сестра умерли в 1941 году, а наш дом разбомбили во время налетов на аэродром. Мы с сестрой перебрались в Вартемяги. Когда умерла моя мама, нас отдали в Парголовский детский дом, а летом 2 июля 1942 года мы были эвакуированы. Через Ладогу нас перевозили на баржах. Рядом с нашей баржей шла еще одна баржа, и в нее попала бомба. Эта баржа стала тонуть, увлекая за собой нашу, но мужчины успели перерубить канаты. Наша баржа резко всплыла, мы стали вычерпывать воду, чем могли. По Ладоге плавали детские панамки и игрушки... Вот плывет зайка и не знает, что на дне его хозяйка... Я это как сейчас помню.

Нас привезли в Тоншаево в Горьковскую область, куда доехала часть детей, многие умерли в дороге. Жили очень бедно, не было

одежды и обуви, ходили босиком летом. На прогулку ходили по очереди. Снимали одежду с погулявшей группы и передавали в другую. Когда были постарше, работали в колхозе — копали картошку, теребили лен, от которого на руках не проходили мозоли. Была самодеятельность, выступали в воинских частях. Школьницей я вступила в комсомол. В 1955 году старшая сестра забрала меня из детдома в Ленинград. Там я поступила на завод станочницей. Так началась моя взрослая жизнь.

Общность блокадных детдомовских судеб, трудность воспоминаний и рассказов, значительное большинство которых начиналось со слов «когда у меня умерли родители»... Это первое пережитое в детстве потрясение определяет всю дальнейшую жизнь и не отпускает человека до последних его дней.

Gemeinsamkeit der Kinderheimschicksale der Blockadezeit

BELOUSSOWA Sinaida Lawrentjewna

Unsere Familie wohnte in Agaladowo. Die jüngeren Bruder und Schwester starben im Jahre 1941, unser Haus wurde während der Luftangriffe auf den Flughafen zerbombt. Als meine Mutter starb, schickte man uns in das Kinderheim in Pargolowo, und im Sommer, am 2. Juli 1942, wurden wir evakuiert. Über den Ladogasee schwammen wir mit dem Kahn. Neben unserem Kahn gab es noch einen, ihn traf die Bombe. Der ging unters Wasser und zog unseren mit, aber die Männer konnten die Seile abhauen. Unser Kahn ging heftig nach oben, wir schöpften das Wasser aus, womit wir auch konnten. Auf dem Ladogawasser schwammen Kindermützchen und Spielzeuge ... ein Häschen schwamm, ohne zu wissen, das

sein Mädchen auf dem Seegrund ist ... Ich kann das nicht vergessen.

Uns brachte man in Tonschajewo ins Gorkowskij Gebiet, wohin nur ein Teil der Kinder kam, viele starben unterwegs. Wir wohnten sehr arm, es gab keine Schuhe und keine Kleidung, im Sommer liefen wir barfuß. Spazieren gingen wir der Reihe nach. Die Gruppe, die draußen schon gewesen war, zog sich aus, und die Kleidung bekamen die nächsten. Als wir älter wurden, arbeiteten wir im Kolchos: lasen Kartoffeln, leuchten Leinen, wovon an den Händen Schwielen wuchsen. Es gab Laienkunst, man trat in den Militäreinheiten auf. Als Schülerin wurde ich Komsomolze. Im Jahre 1955 nahm mich

die ältere Schwester aus dem Kinderheim nach Leningrad mit. Dort ging ich auf das Werk und wurde Maschinenbedienerin, so begann mein erwachsenes Leben.

Die Gemeinsamkeit der Kinderheimschicksale der Blockadezeit, schwierige Erinnerungen und Erzählungen,

der meiste Teil von denen mit den Worten begann: «Als meine Eltern gestorben sind» ... Diese erste Erschütterung, die man in der Kindheit gehabt hat, bestimmt das ganze weitere Leben und lässt den Menschen bis zum letzten Tag nicht los.

Common Siege Orphan Home Fates

BELOUSOVA Zinaida Lavrentyevna

Our family lived in Agalatovo. My younger brother and sister died in 1941, our house was bombed during air raids. My sister and I went to Vartemyagi. When my mother died, we were transferred to the Pargolovo Orphan Home, and on July 2nd, 1942 we were evacuated. We were transported over the Ladoga Lake by barges. A bomb hit the barge which was next to ours. This barge started to sink, trailing our barge after itself, but the men managed to chop the ropes, which linked us to that barge. It saved us, we started to take out water with everything we had. There were children's caps and toys All over the Ladoga Lake.

We were brought to Tonshaevo to Gorkov region, not all the children managed to get there, many died on the way. We lived very poor, there were no clothes, no shoes, in sum-

mer we had to go barefoot. We went for a walk in turns, took off our clothes and handed it to other children. When we grew older, we started working at the state farm: dug potatoes, pulled flax, we always had callosities on our hands. We also prepared amateur performances and performed them at military bases. I entered Komsomol when I was a schoolgirl. In 1955 my elder sister took me from the orphan home to Leningrad. And I went to work to the plant. So my adult life began.

We all had common siege orphan home fates, terrible memories and stories, the majority of which started with the words: «When my parents died»... This was the first shock that we endured in our childhood and we won't forget it up to our last days.

Я не был на фронте, но знаю

*Я не был на фронте, но знаю,
Как пули над ухом свистят,
Когда диверсанты стреляют
В следящих за ними ребят,
Как пули рвут детское тело
И кровь алым гейзером бьет..
Забывать бы все это хотелось,
Да ноющий шрам не дает.*

*Я не был на фронте, но знаю
Сгоревшей взрывчатки угар.
Мы с Юркой бежали к трамваю,
Вдруг свист и слепящий удар...*

*Оглохший, в дымящейся куртке,
Разбивший лицо о панель,
Я все же был жив, а от Юрки
Остался лишь только портфель.*

*Я не был на фронте, но знаю
Тяжелый грунт братских могил.
Он, навших друзей накрывая,
И наши сердца придавил.
Как стонет земля ледяная,
Когда аммонала заряд
Могилы готовит, я знаю,
Мы знаем с тобой, Ленинград.*

Анатолий Молчанов

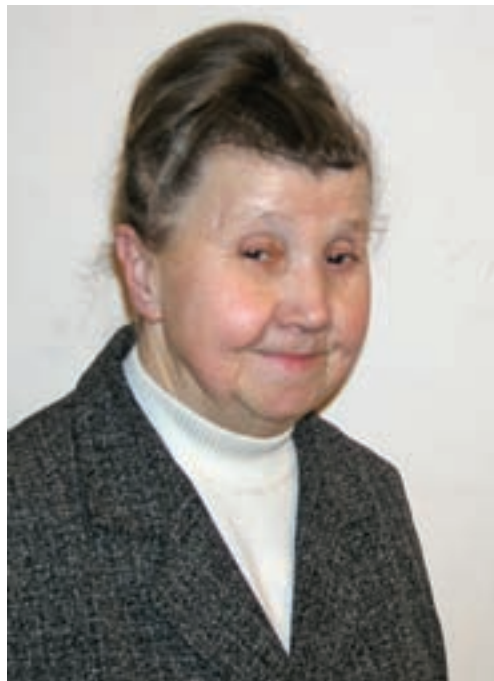
БОБРОВА София Евгеньевна

Когда началась война, мне было три с половиной года. Семья у нас была большая: папа, мама, сестра Марина, братья Владик, Валя и Вовочка, еще, чуть старше меня, сестра Наташа.

Первое время, когда начались налеты и бомбежки, мы уходили в бомбоубежище, что ближе к Большой Зеленина улице, там стояли большие каменные дома. Ели там суп гороховый, сидели все кучно. А потом и ходить туда перестали.

У нас дома в комнате стояла круглая печь, где я грела уют, а потом бегала к соседям, чтобы они его вытащили и приложили к ногам мамы.

Папа у нас умер первый из семьи, в новогоднюю ночь 1942 года. В январе-феврале тогда были сильные морозы. Мы все спали на одной кровати. После папы умерла сестра Марина

и все три брата. Мама и сестра Наташа сильно болели, они даже не ходили.

Весной стали ходить на Крестовский остров за травой. Соседка тетя Нина Витошина получала нам хлеб по карточкам, потом резала на кусочки и давала нам. А ее сын пальчиком собирал крошки себе в рот.

Помню, что ели черный творог (так мы его называли), приносили розовую воду, ели траву.

В конце 1942 года нас эвакуировали из города через Ладогу паромом. Помню, одна старушка упала

в воду и ее вылавливали багром.

Увезли нас в Тюмень, а с собой сумели взять только документы и что было надето на нас, так как маму и сестру Наташу несли на носилках. Вернулись из эвакуации после войны, в 1945 году.

Ich war dreieinhalb Jahre alt

BOBROWA Sofia Ewgenjewna

Als der Krieg begann, war ich dreieinhalb Jahre alt. Wir hatten eine große Familie: Vater, Mutter, Schwester Marina, Gebrüder Wladik, Walja und Wowotschka, noch eine Schwester, Natascha, älter als ich.

Zuerst, als Luftangriffe und Bombardieren begannen, versteckten wir uns im Luftschuttkeller unweit von der Bolschaja Selenina Straße, wo große steinerne Häuser standen. Dort aßen wir Erbsensuppe, saßen alle dicht nebeneinander. Allmählich hörten wir auf dorthin zu gehen.

Bei uns zu Hause stand ein runder Ofen, wo ich das Bügeleisen erwärmte, dann lief ich zu den Nachbarn, damit sie es herausholten und an Muttis Füße legten.

Als erster in der Familie starb unser Vater, das geschah in der Neujahrsnacht 1942. Im Januar — Februar war es

sehr kalt. Wir alle schliefen in einem Bett. Nach dem Vater starben die Schwester Marina und alle drei Brüder. Mutti und meine Schwester Natascha waren sehr krank, konnten sogar nicht gehen.

Im Frühling sammelten wir auf der Krestowskij Insel Kräuter. Die Nachbarin Tante Nina Witoschina holte Brot, das wir auf unsere Lebensmittelkarten bekamen, schnitt es in kleine Stücke und gab uns. Ihr Sohn sammelte mit dem Fingerchen die Krümel und steckte sie in den Mund.

Ich erinnere mich daran, wie wir den schwarzen Quark (so nannten wir ihn) aßen, rosiges Wasser brachten, uns vom Kraut ernährten.

Ende 1942 wurden wir durch den Ladogasee mit einer Fähre evakuiert. Ich erinnere mich daran, wie eine alte

Frau ins Wasser fiel, man hat sie mit einem Hackenstock herausgezogen.

Man brachte uns nach Tjumen. Mit nahmen wir nur Dokumente und die Kleidung, die wir an hatten,

weil Mutti und meine Schwester Natascha selbst nicht gehen konnten und auf der Krankentrage getragen wurden.

Zurück kehrten wir nach dem Krieg im Jahre 1945.

I Was Three and a Half Years Old

BOBROVA Sofia Evgenievna

When the war started I was three and a half years-old. Our family was big: father, mother, sister Marina, brothers Vladik, Valya, Vovochka and my elder sister Natasha.

First, when the bombings started, we went to the bomb shelter, which was at Big Zelenina street, there were big stone buildings. We ate there pea soup and sat all together, but then we stopped going there.

Our father was the first to die, he died on New Year Eve 1942. In January-February, it was freezing. We all slept in one bed. My sister Marina was the second to die, all the three brothers followed her. Mother and sister Natasha were ill and stayed in bed.

In spring we started going to Krestovsky island for grass. Our neighbor aunt Nina Vitoshina received bread by our ration cards, then cut it into pieces and gave us. Her son picked up crumbs into his mouth with a finger.

I remember that we ate black cottage cheese (as we called it at that time), brought rose water, ate grass.

In the end of 1942 we were evacuated through the Ladoga lake by a ferry. I remember one old woman fell into water and they fished her out with a boat-hook.

We were taken to Tumen, we could take only documents and clothes with us, my mother and sister Natasha were carried in a litter. We returned after the war in 1945.

«На защите города». Дарина Мишина, ГОУ гимназия №159, 3 класс

Память сердца

Если не ты, то кто?

ГРУШИНА Александра Васильевна

Не желая уезжать из города, я поступила в ремесленное училище. Однако спустя несколько месяцев и училище стали готовить к эвакуации. Тогда я решила устроиться на работу, хотя в свои тринадцать лет я еще ничего не умела делать.

Меня приняли на Охтинский химический комбинат в деревообрабатывающий цех подсобницей. Помню свой первый рабочий день. От невероятно шума станков к концу дня у меня страшно разболелась

голова, и, придя домой, я заявила маме, что на работу в этот цех больше не пойду. Мама, как могла, успокоила меня, убедила, что я теперь рабочий человек и надо переносить все трудности, как взрослой.

Вскоре меня поставили сколачивать ящики. Цех не отапливался. Гвозди прилипали к рукам. Пальцы были в синяках и ссадинах. Еще хуже пришлось ногам, так как всю смену, 10-12 часов, надо было выстоять на одном месте. Однажды валенки (а они у меня не такие уж были добротные) так промерзли, что ноги пришлось оттирать снегом. Получила ревматизм.

Трудно стало ходить не только из-за голода, но и из-за распухающих суставов. В трудных условиях не я одна была. Рядом работали такие же подростки.

С теплотой и благодарностью вспоминаю людей, которые своим участием и поддержкой помогли нам, работающим подросткам, выстоять в блокадное время.

После работы мы ходили в госпиталь. Собирали и приносили туда зубные щетки, кусочки мыла. Учили стихи и читали их, рассказывали о себе. Уходили из госпиталя всегда притих-

шие и будто повзрослевшие. По-видимому, эти встречи были необходимы как войнам, так и нам, подросткам.

О том, как голод мучил, доводил до полного истощения и смерти, написано и сказано немало, но у каждого из нас, переживших блокаду, в памяти остались свои, особенно запомнившиеся случаи. Есть они и у меня.

Помню, в один из дней первой блокадной зимы в нашем доме случилась маленькая радость — мама

сказала, что у нас будет обед. Оказывается, она случайно в ящике с инструментом обнаружила две с половиной плитки столярного клея. Всякое было. Ели и то, что нельзя было есть.

В нашей семье в блокаду от голода умерли оба дедушки, умер и неизвестно где похоронен дядя Павел. Отец был на фронте.

И сейчас, когда я вижу брошенный кем-то кусок хлеба или небрежное к нему отношение, мне хочется кричать так, чтобы услышали все: люди, помните, в каком городе вы живете и какой дорогой ценой заплатили за ваше право на жизнь его защитники!

Сколько людей не доходили домой с работы или на работу — замерзали. Ведь стояли страшные холода... Дорога, которая проходила по трамвайным путям от Охты до Ржевки-Пороховых, для многих людей стала последней. Иногда я оказывалась невольной свидетельницей: едет по дороге грузовик с открытым задним бортом, в грузовике — девочки из МПВО, которые подбирали замерзшие трупы. Вот машина остановилась, раздался стук — и замороженный труп в кузове. Этот стук преследует меня все годы.

А машина со своим страшным грузом ехала к церкви (что недалеко от ОХК) и там этих в большинстве своем безмяннх героев складывали, чтобы потом предать земле.

Все методы фашисты на нас испробовали: бомбили, обстреливали из орудий, голодом душили, вели психологическую обработку листовками, чтобы посеять панику среди населения — сломить его дух. Запомнился текст одной фашистской листовки: «Доедайте бобы и залезайте в гробы». Юмор палача, затягивающего веревку на горле своей жертвы. Да, бобы-то мы доели, а вот в гробы, как хотелось бы им, залезать не спешили — выжили, выстояли и отстояли наш город.

Фашисты делали все, чтобы стереть с лица земли наш неприступный город с его защит-

никами. Все предприняли, все учли, да самое главное упустили — ведь дело-то они имели с советскими людьми, которые, защищая свою любимую Родину, шли на любые жертвы, муки, а если надо, то и на смерть.

И спустя много лет спрашиваешь себя: какая же сила заставляла даже подростков совершать каждый день подвиг, работать, перенося все тяготы наравне со взрослыми, и приходишь к выводу — только вера в необходимость твоего труда: «Если не ты, то кто же?».

Ни паники, ни растерянности не было и следа, даже в самые критические моменты. Громких слов тоже не было, но люди, как один кулак — и стар, и мал — жили с непоколебимой верой в наше правое дело все девятьсот дней блокады.

Wer, wenn nicht du?

GRUSCHINA Alexandra Wassiljewna

Da ich die Stadt nicht verlassen wollte, ging ich in die gewerbliche Berufsschule. Aber in einigen Monaten begann man auch die Berufsschule auf die Evakuierung vorzubereiten. Dann beschloss ich eine Arbeitsstelle zu finden, obwohl ich mit meinen dreizehn Jahren noch nichts machen konnte.

Ich kam auf das Ochtinskij chemische Kombinat in die Holzbearbeitungsabteilung als Hilfskraft. Ich erinnere mich an meinen ersten Arbeitstag. Vor unglaublichen Lärm der Maschinen bekam ich am Ende des Tages heftige Kopfschmerzen und, als ich nach Hause kam, teilte meiner Mutter mit, dann ich nicht mehr in diese Abteilung arbeiten gehen würde. Mutti beruhigte mich, wie sie konnte, und überredete, dass ich jetzt Arbeiterin sei und alle Schwierigkeiten wie ein erwachsener Mensch überwinden müsse.

Bald ließ man mich Kisten zusammenschlagen. Die Abteilung wurde nicht beheizt. Die Nägel klebten an die Hände. An den Fingern waren blaue Flecken und Kratzwunden. Noch schlimmer war es mit den Beinen, weil man den ganzen Arbeitstag — 10–12 Stunden — an einer Stelle bleiben sollte. Einmal durchfroren meine Filzstiefel (die nicht besonders warm waren) so, dass ich gezwungen war, die Beine mit Schnee zu reiben. Und bekam Rheuma.

Es fiel schwer zu gehen nicht nur wegen Hungers, sondern auch wegen geschwollener Gelenke. In so einer komplizierten Lage war nicht ich allein. Neben mir arbeiteten auch Jugendliche.

Mit Wärme und Dankbarkeit erinnere ich mich an die Menschen, die durch ihre Teilnahme und Unterstützung uns, den arbeiteten Jugendlichen, halfen, die Blockadezeit auszuhalten.

Nach der Arbeit gingen wir ins Lazarett. Wir sammelten Zahnbürsten und Seifestückchen und brachten sie dorthin. Lernten Gedichte auswendig und rezitierten sie, erzählten über sich selbst. Wir verließen das Lazarett immer schweigend und so, als ob wir erwachsener geworden wären. Ich glaube, diese Treffen waren notwendig sowohl für die Soldaten, als auch für uns, Jugendliche.

Darüber, wie der Hunger quälte, wie er Menschen zur Erschöpfung und zum Tod brachte, wurde nicht wenig geschrieben und erzählt, aber im Gedächtnis jedes von uns, die die Blockade überlebt hatten, sind eigene, besonders gut behaltene Ereignisse geblieben. Solche habe auch ich.

Ich erinnere mich daran, wie an einem Tage des ersten Blockadewinters es bei uns zu Hause eine Freude gab: Mutti sagte, dass wir ein Mittagessen haben. Es stellte sich heraus, dass sie zufälligerweise in der Werkzeugkiste zweieinhalb Tafeln Tischlerleim entdeckte. Vieles kam vor. Man aß auch das, was man nicht essen konnte.

In unserer Familie starben vor Hunger während der Blockade beide Großväter, starb Onkel Pawel, es ist unbekannt, wo er begraben ist. Der Vater war an der Front.

Und jetzt, wenn ich ein von jemandem geworfenes Stück Brot oder geringschätziges Verhalten dazu sehe, will ich so schreien, dass mich alle hören: Menschen, vergesst nicht, in welcher Stadt ihr wohnt und was für einen teuren Preis für euer Recht auf Leben ihre Verteidiger bezahlt haben!

Wie viele Menschen kamen nach Hause von der Arbeit oder auf die Arbeit nicht, weil sie vor Kälte starben. Es war ja bitterkalt... Der Weg, der die Straßenbahngleise entlang von Ohta bis Rshewka-Porochowyje führte, war der letzte für viele Menschen. Ab und zu wurde ich unwillkürliche Augenzeuge davon, wie auf der Straße ein LKW mit der geöffneten Hinterbordwand fuhr, im LKW waren Mädchen aus Luftabwehr, die gefrorene Leichen sammelten. Da blieb der LKW stehen, etwas klopfte und die eingefrorene Leiche landete in dem LKW. Dieses Klopfen verfolgt mich mein ganzes Leben lang.

Und der LKW mit seiner schrecklichen Last fuhr zur Kirche (die sich unweit vom Ochtinskij chemischen Kombinat befand), und dort legte man diese vorwiegend namenlosen Helden, um sie dann zu beerdigen

Alle Methoden haben Faschisten an uns versucht: bombardierten, beschossen, erstickten mit dem Hunger, bearbeiteten mit den Flugblättern psychologisch, um Panik unter Be-

völkerung zu säen und ihren Geist zu brechen. Ich erinnere mich an den Text eines Flugblattes: «Esst die Bohnen auf und euch die Särge kauft!» Der Humor des Henkers, der den Stick um den Hals seines Opfers bindet. Ja, Bohnen haben wir aufgegessen, aber mit den Särgen, wie sie es wollten, beeilten wir uns nicht: blieben am Leben, hielten aus und verteidigten unsere Stadt.

Faschisten machten alles Mögliche, um unsere unannehmbare Stadt dem Erdboden gleichzumachen. Sie unternahmen alles, errechneten alles, aber ließen das Wichtigste außer acht: da waren sowjetische Menschen, die, ihre geliebte Heimat verteidigend, alles opferten, Qualen entgegennahmen und in den Tod gingen.

Und in vielen Jahren frage ich mich, welche Kraft sogar Jugendliche ließ jeden Tag Außerordentliches leisten, arbeiten, indem sie alle Schwierigkeiten ebenso wie Erwachsene überwandten, und ich komme zum Ergebnis: nur Glauben daran, dass diese Arbeit notwendig war: «Wer, wenn nicht du?»

Es gab weder Panik noch Verwirrung sogar in den kritischsten Momenten. Heroische Worte gab es auch nicht, aber Menschen — große und kleine — lebten mit dem unerschütterlichen Glauben daran, dass sie 900 Blockadetage im Dienste der Gerechtigkeit standen.

If Not You Than Who?

GRUSHINA Alexandra Vasilevna

I didn't want to leave the city, and I entered a vocational school. However, in several months they began to prepare the school for evacuation. Then I decided to get a job, though I was thirteen at that time and was not able to do anything.

I was accepted to Okhtinsky chemical industrial complex to the woodworking shop as an assistant worker. I remember my first working day. My head ached by the end of the day because of terrible noise of machines. When I came home I told my mother that I wouldn't go to this shop to work anymore. My mother calmed me down and convinced me that I was a working person and that it was necessary to endure all the hardships as an adult.

Soon they told me to make boxes. The shop was not heated. Nails stuck to hands. I had grazes on my fingers. My feet were even worse, because I had to stand at one place for 10-12 hours. Once my valenki froze and I got rheumatism.

It was hard to walk not only because of hunger but also because of swelling joints. I was not alone in such hard conditions. The other teenagers worked next to me.

With warmth and gratitude I remember people who helped us, working teenagers, to survive during the siege.

After work we went to hospital to meet soldiers. We brought tooth-brushes and pieces of soap there. We learnt poems and read them, told them about ourselves. I left hospital always in silence, as if we grew older. These meetings were necessary for both soldiers and teenagers.

A lot has been said about hunger during the siege, but each of us has something that he or she remembers. I have such memories too.

I remember that one day of the first winter of the siege there was a small joy in our family: my mother said that I would have dinner. The matter was that she found by chance in a box for tools two and a half bars of joiner's glue. We ate even what was impossible to eat.

In our family both grandfathers died of hunger during the siege. Uncle Pavel also died and it is unknown where he was buried. My father was at the front.

Even now when I see a piece of bread, thrown by someone, I want to cry for everybody to hear me: people, remember in what city you live and what price the defenders of the city paid for your right to live!

A lot of people did not reach home when they went from work and when they went to work from home, they froze on

their way. It was incredibly cold... The road that passed along the tram ways from Okhta to Rzhevka-Porohovie became the last one for many people. I remember that lorries with girls picked up frozen corpses. I cannot forget the knock that I heard when a frozen dead body was put into the back of the lorry. This knock pursues me all the time.

The lorry with its terrible cargo went further to the church. There these nameless heroes were put to bury them later.

Fascists have tried all the methods: bombed us, bombarded us from guns, strangled us with hunger, conducted psychological work by leaflets to spread panic among the population and to break our spirit. I remember the text of one fascist leaflet: «Eat up beans and get into coffins». It was the humor of an executioner tightening a rope on a throat of the victim. Yes, we ate up the beans but we did not hurry to get into coffins, we survived, and defended our city.

Fascists did everything to wipe our unapproachable city with its defenders out of the face of the earth. They have undertaken and taken into account everything, but they missed the most important thing: they dealt with the Soviet people who protected their beloved Native Land, and were ready to sacrifice everything for that, even their lives.

After many years I wonder: what force made even teenagers to make heroic deeds every day, work and endure all the hardships together with adults. I come to conclusion that it was the belief in the necessity of you labor: «If not you, than who?»

There was no even a trace of panic or confusion, even in the most critical moments. There were no pathetic words as well; all the people lived as one fist with deep faith in our rightful deeds during all the 900 days of the siege.

«Военный Ленинград». Анна Федорова, ГОУ гимназия №159, 3 класс

Память сердца

Каково это — замерзнуть в темноте и ждать маму

ЕФРЕМОВА Тамара Николаевна

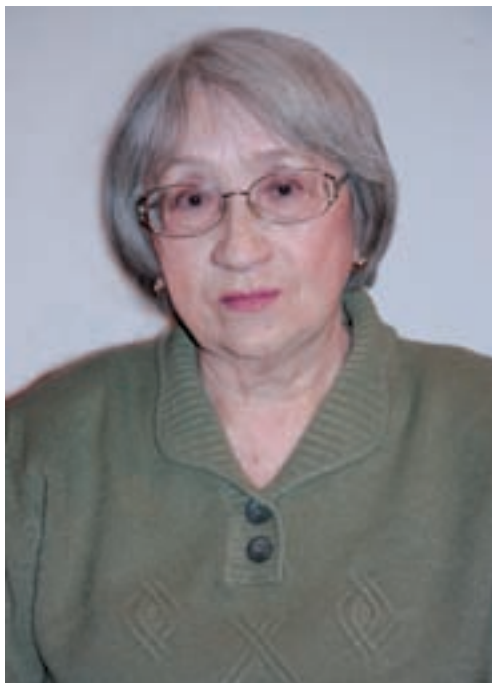
Когда началась война, мне было пять лет. Я гостила у бабушки в деревне под Мгой. Мое начало войны? Рано-рано утром моя тетя выхватывает меня из постели, закутывает в одеяло и мы всей семьей бежим в лес, так как самолеты фашистов бомбят станцию, а заодно и стреляют по бегущим. Самолеты летят так низко, что видны фигуры летчиков.

Моя мама успела увезти меня в Ленинград чуть ли не на последнем поезде. А бабушкину деревню быстро заняли немцы.

Папа перед войной работал экскаваторщиком за городом (если не путаю, в Колпино). И погнал свой экскаватор в город, под бомбежками и обстрелам — не оставлять же немцам. Успел. В войну он был «забронирован», то есть оставлен в городе — экскаваторщикам работы хватало. В те жуткие зимы и работа была жуткая: братские могилы на Пискаревском кладбище — одна из таких работ, которая отозвалась после войны — он умер в семьдесят лет после долгих, мучительных лет болезни.

Перед войной мы жили на Благодатном проспекте в Московском районе. Когда немцы начали обстреливать город из Пулково, нас переселили в центр, на Петроградскую сторону. Позже мы узнали, что в нашу прежнюю комнату на пятом этаже попал снаряд.

Началась наша Блокада. Смутно она помнится. Основной кошмар — поход за водой на Неву. Мама не хотела оставлять меня одну в доме и везде брала с собой. Погибнем, так вместе, говорила. Про то, как ленинградцы брали воду из Невы, написано и показано в кино

немало. Мое воспоминание такое. В темноте кромешной спускаемся по лестнице с санками и бидонами. Дошли до Невы, набрали воды, дошли до дома, вошли в парадное. И тут мама спотыкается обо что-то, падает и разливает воду. Оказалось, за время, пока ходили, в парадном появился покойник, зашитый в одеяло — видно, у кого-то не хватило сил вытащить его наружу. Села мама на ступеньку и заплакала, а я за ней. Снова надо идти по воду...

Чтобы выжить, мама начала работать дворником (рабочая карточка). Часов в 5 утра будит меня: «Дочка, надо снег убирать, а то участковый будет ругать!». Господа нынешние дворники! Даже в войну дворы убирали от снега! Три женщины впрягались в лист фанеры, нагруженный снегом, — две по углам, одна в середине — и волокли его к стоку в асфальте. Потом снег растапливали паяльной лампой над люком. Я это помню хорошо, так как на пустом листе потом везли меня.

Я могла подолгу сидеть молча у буржуйки, глядя на огонь в дырочках дверцы. Раз мама спросила, о чем я думаю. Я говорю: «Вот кончится война, я никогда не буду выковыривать жир из колбасы!» (прекрасно потом выковыривала). И мама сделала мне «пирожное»: в алюминиевую кружку покрошила немножко хлеба, налила воды, поставила на буржуйку. Когда хлеб превратился в слегка запекшуюся массу, я его съела. Знали бы вы, как это было вкусно!.. После войны сделала так же и сильно была разочарована.

Папа приходил к нам пешком со своей работы, приносил что-то из еды. Но однажды еле дошел обратно, там его положили в стационар, выходили и до прорыва он там и остался, работал.

Я думаю, выжили мы, благодаря жившей с нами папиной сестре (царствие ей небесное!) Она мыла котлы в госпитальной кухне. После работы приносила картофельные очистки, пригоревшую кашу, кусочки котлет и т.п. Меня это точно спасло, поскольку отдавалось мне.

Еще долго после войны я боялась пожара — напротив нашего дома сильно горел дом, несколько дней. Вот чего не боялась, так это покойников — сколько их было просто на улице!

В квартире нашей жило несколько семей. Собирались в одной комнате и гадали на блюдечке, ходящем по кругу с буквами и цифрами. Я уверена: оно ходило! Складывались фразы. Всегда спрашивали, кто победит, и получа-

лось — Сталин. Один раз вышло — красный петух.

В семь лет я пошла в школу на ул. Бармалеева. Училась с удовольствием и хорошо. А еще у нас с девочкой из 7-го класса составилась акробатический дуэт (так это называлось), и мы выступали перед ранеными в госпитале.

Написала все это я не ради славы, печатных строк в книге. Меня трясет озноб, когда я читаю о наших фашистах — у нас, в Петербурге!

Ну, немцы-фашисты — хоть как-то понятно: мы, русские, для них — низшая раса и враги. Но эти-то русские пацаны, рисующие свастики, считающие, что Гитлер наводил порядок! Хоть бы на минуту представили, каково это — замерзать в темной комнате, ждать маму с кусочком хлеба. А она могла и не прийти — сил не хватило, обстрел, бомбежка, карточки украли... Что за матери вырастили и воспитали этих «деток»?

Wie ist es, im Dunkeln zu frieren und auf Mutti zu warten

EFREMOWA Tamara Nikolajewna

Als der Krieg begann, war ich fünf Jahre alt. Und war bei der Omi in einem Dorf neben Moskau. Mein Anfang des Krieges? Sehr früh am Morgen zieht meine Tante mich aus dem Bett, wickelt in eine Decke ein und wir, unsere ganze Familie, laufen in den Wald, weil faschistische Flugzeuge die Station bomben und dabei auf die Laufenden schießen. Die Flugzeuge fliegen so niedrig, dass die Fliegerfiguren zu sehen sind.

Meine Mutti schaffte es noch, mich mit dem fast letzten Zug nach Leningrad zu bringen. Omi's Dorf besetzten die Deutschen ganz schnell.

Vor dem Krieg arbeitete Vati als Baggerführer außerhalb der Stadt (in Kolpino, wenn ich mich nicht irre). Und er fuhr seinen Bagger in die Stadt unter Bomben und Schüssen, um ihn den Deutschen nicht zu lassen. Und schaffte es. Während des Krieges war er unabhkömmlich, also blieb in der Stadt — Baggerführer hatten genug zu tun. In jenen schrecklichen Wintern war die Arbeit auch schrecklich: Massengräber auf dem Piskarjowskoje Friedhof — eine jener Arbeiten, die nach dem Krieg an sich erinnerten — er starb mit 70 Jahren nach langen quälenden Schmerzen.

Vor dem Krieg wohnten wir auf dem Blagodatnyj Prospekt im Moskauer Bezirk. Als Deutsche begannen die Stadt aus Pulkowo zu beschießen, ließ man uns ins Stadtzentrum,

auf die Petrograder Seite, umziehen. Später erfuhren wir, dass unser altes Zimmer im vierten Stock ein Geschoss traf.

Unsere Blockade begann. An sie erinnere ich mich un- deutlich. Der wesentlichste Schrecken ist das Gehen zur Newa Wasser holen. Mutti wollte nicht mich alleine zu Hause lassen und nahm immer mit. Wenn wir umkommen, dann zusammen, so sagte sie. Darüber, wie die Leningrader Wasser aus der Newa holten, wurde viel geschrieben und in Filmen gezeigt. Meine Erinnerung ist so: es ist stockfinster, wir gehen mit Schlitten und Kannen die Treppe runter. Kommen zur Newa, holen Wasser und kehren zurück. Und auf den Stufen stolpert Mutti, fällt hin und gießt Wasser aus. Es stellte sich heraus, dass solange wir fehlten, erschien im Treppenhaus ein in die Decke eingewickelter Toter, jemand hatte wohl keine Kraft mehr ihn auf die Straße zu schleppen. Die Mutter setzte sich auf die Stufe und begann zu weinen, und ich weinte mit. Wir sollten wieder nach Wasser gehen...

Um am Leben zu bleiben, begann Mutter als Straßenwärterin zu arbeiten (Lebensmittelkarte für Arbeitende). Etwa um fünf Uhr weckt sie mich: «Töchterchen, man muss Schnee wegräumen, sonst wird Milizinspektor schimpfen!» Hochgeehrte heutige Straßenwärter! Sogar während des Krieges wurde der Schnee von den Straßen weggeräumt! Drei Frauen

spannten sich ins Furnierholz, auf dem Schnee lag, ein — zwei an den Ecken und eine in der Mitte — und schleppten es zum Abfluss im Asphalt. Dann wurde der Schnee mit Hilfe der Lötlampe über der Kanalisationsluke geschmolzen. Das weiß ich noch ganz gut, weil danach ich auf dem leeren Holz gefahren wurde.

Ich konnte lange schweigend am Herd sitzen, indem ich aufs Feuer in den Türlöchern sah. Einmal fragte die Mutti, woran ich denke. Ich sagte: «Wenn der Krieg zu Ende ist, werde ich nie Fett aus der Wurst ausstochern!» (dann stocherte ich es doch aus). Und Mutti machte für mich einen «Kuchen»: bröckelte in eine Aluminiumtasse etwas Brot, goss Wasser rein, stellte auf den Herd. Als das Brot zu einer leicht gebackten Masse wurde, aß ich es auf. Könntet ihr euch vorstellen, wie lecker es war! Nach dem Krieg machte ich so was wieder und war sehr enttäuscht.

Vati kam zu uns zu Fuß, brachte ein bisschen Essen. Aber einmal kehrte er mit großer Mühe zurück, wurde in die Krankenstation platziert, ausgeheilt; blieb dort bis zum Blockadedurchbruch, arbeitete.

Ich glaube, am Leben blieben wir dank der Schwester des Vaters, die mit uns wohnte (Gott sei mit ihr im Himmel!) Sie wusch Kessel in der Küche eines Hospitals. Von der Arbeit brachte sie Kartoffelschalen, angebrannten Brei, Reste vom Gehackten usw. Mich hat sie sicher gerettet, weil ich das alles bekam.

How is It — to Freeze in Darkness and Wait for Mother

EFREMOVA Tamara Nikolaevna

When the war started I was five years old. I stayed in my grandmother's village near Mga. How did the war begin for me? Early in the morning my aunt takes me out of bed, wraps me in a blanket and we run to the forest, because fascist aircrafts bomb the railway station and shoot running people. Aircrafts fly so low, that we could see figures of pilots.

My mother managed to take me to Leningrad by almost last train. And grandmother's village was soon taken by Germans.

Father worked as a shovel man before the war outside of the city (if I'm not mistaken in Kolpino). He drove his excavator to the city under bombings and shellings — not to leave it to Germans. He managed to do that. During the war he was left in the city — there was enough work for shovel men. In these horrible winters work was horrible too, he did mass graves at the Piskorevskoe Cemetery. He died at the age of 70 after long and painful years of disease.

Before the war we lived on Blagodatniy prospect in Moskovsky district. When Germans started shelling the city from Pulkovo, we were moved to Petrogradskaya side. Later we

Als der Krieg schon lange zu Ende war, hatte ich Angst vor dem Brand — im Laufe von einigen Tagen brannte ein Haus unserem Haus gegenüber. Aber wovor ich keine Angst hatte, das waren die Toten — es gab viele Tote auf den Straßen!

In unserer Wohnung lebten einige Familien. Wir versammelten uns in einem Zimmer und versuchten wahrzusagen mit Hilfe von einer Untertasse, die sich auf dem Kreis mit Buchstaben und Ziffern drehte. Ich bin sicher, die drehte sich! Sätze entstanden. Man fragte immer, wer siegen werde, und bekam die Antwort: Stalin. Einmal entstand: roter Hahn.

Mit sieben Jahren ging ich in die Schule auf der Barmalejeva-Straße. Ich lernte gut und mit Vergnügen. Mit einem Mädchen aus der 7. Klasse bildeten wir ein akrobatisches Duett (so hieß es damals) und traten vor den Verwundeten im Hospital auf.

Das alles habe ich geschrieben nicht um Ruhm oder Zeilen im Buch willen. Mich fröstelt, wenn ich über unsere Faschisten lese — bei uns in Sankt Petersburg! Deutsche Faschisten, das kann man mehr oder weniger verstehen; wir Russen sind für sie niedrige Rasse und Feinde gewesen. Aber diese russischen Jungen, die Hakenkreuze zeichnen, die meinen, dass Hitler sich um die Ordnung kümmerte! Sie sollen sich für eine Minute vorstellen, wie es ist im dunklen Zimmer zu frieren und auf die Mutter mit einem Stückchen Brot zu warten. Vielleicht kommt sie auch nicht: keine Kräfte, Beschießen, Bombardieren, die Lebensmittelkarten wurden gestohlen... Und was für Mütter haben diese «Kinder» erzogen?

learned that a shell had hit right into our former room on the fifth floor.

Our siege started. I hardly remember it. Going for water to the Neva river was a real nightmare. Mother did not want to leave me alone at home and took everywhere with her. If we perish — we perish together, she used to say. Many stories have been written how Leningraders took water from the Neva. My memory is the following. In impenetrable darkness we go down the staircase with sledges and water cans. We reached the Neva, took water, went home, entered the front door. At this moment mother stumbled over something, fell down and spilt water. It turned out that during the time we went to take water a dead body wrapped in a blanket appeared on the staircase. Somebody did not have enough strength to take it out. My mother set on a step and cried, I cried too. We had to go to take water again...

To survive my mother started working as a yard-keeper (worker's ration). At 5 o'clock in the morning she woke me up: «Daughter, we have to shovel snow away, otherwise a local inspector will shout at us!» Dear contemporary yard keepers!

Even during the war they shoveled away snow from yards. The women took a veneer sheet, two at both sides, one in the middle and dragged it along asphalt to the drain. Then they melted snow with a blowlamp above the hatch. I remember it well, because they dragged me on an empty sheet after that.

I could sit silently near the potbelly stove for hours, looking at fire through the holes of the door. Once my mother asked me what I was thinking about. I answered: «When the war is over, I'll never wrinkle fat out of sausages!» (later I still wrinkled it out). Mother made me a «pastry»: crushed some bread into a tin mug, poured water and put on a potbelly stove. When bread turned into a clotted mass I ate it. I can't imagine how delicious it was! After the war I did the same and was very disappointed.

Father used to come to us from his work on foot, brought something to eat. But once he was hardly able to return. He was put into a hospital and stayed there until the breakthrough of the siege, they managed to rescue him.

I think that we survived thanks to my father sister who lived with us (God bless her!) She washed the dishes at the hospital canteen. After work she brought potato peelings, burnt porridge, pieces of cutlets and so on. It saved me for sure, because all this was given to me.

After the war I was afraid of fires for a long time, because I saw how the house opposite to ours' was burning for several days. But I wasn't afraid of dead bodies at all — there were so many of them in the streets!

Several families lived in our apartment. We gathered in one room and read fortune by a saucer, moving around the circle with letters and numbers. I'm sure: it was moving! We could read phrases. We always asked, who would win, there appeared — Stalin. Once there appeared — red cock.

At the age of seven I went to school on Barmaleeva street. I studied well and with pleasure. We also created an acrobatic duet (that is how it was called) with a girl from the seventh form. We performed in front of the wounded in a hospital.

I wrote this not for the sake of fame, to be published in a book. I can't stand reading about our fascists, here in St. Petersburg! If Germans are fascist — I can understand that, we, Russians — are enemies and under race for them. But these are Russian guys, drawing swastikas, and thinking that Hitler was trying to put things right! I want them to imagine at least for one minute, how it feels to freeze in a dark room, wait for mother with pieces of bread. And she could not have come at all — lack of strength, bombardment, air raid, somebody stole bread ration cards... What mothers have brought up and raised such «kids»?

Всеволод Иваненко, ГОУ №490, 10 класс

«Ночные ведьмы». Мария Скалина, ГОУ №144, 7 класс

ЗЕЛЕНКОВА Лидия Алексеевна

Я родилась в Ленинграде в 1933-м году и прожила 900 дней в блокадном Ленинграде. Мне приходилось слышать, как говорят, что нет ленинградцев, переживших блокаду, — на Пискаревке все они лежат, а дети все были вывезены из города, — мол, блокадники подставные. Я не могу молчать — я знаю ленинградцев, переживших блокаду, нас остается все меньше и меньше. Да, мы седые, мы больные, но мы еще живые. Чем старше я становлюсь, тем все сильнее груз блокадных воспоминаний давит на плечи.

Итак, все по порядку. У бабушки Кравченко Матрены Тарасовны, 1886 года рождения, было пятеро детей — три дочери и два сына, и их семьи. Все мы жили на Кондратьевском пр., д. 73, в трехкомнатной квартире в 32 квадратных метра, в деревянном доме. Началась война, мужчины ушли на фронт, до сентября 1941 года все были живы.

Для нашей семьи война началась в ночь с 8 на 9 сентября, когда пятьсот самолетов были направлены на город, чтобы стереть его с лица земли. Бомбили все: фабрики, заводы, больницы, продовольственные склады, железнодорожные вокзалы, жилые дома. Было очень страшно, казалось, что земля уходит из-под ног. В эту ночь погиб мой отец — Баньков Алексей Дорофеевич, 1910 года рождения, он работал управляющим домохозяйства № 71 у Финляндского вокзала. Когда началась бомбежка, везде погас свет, темно было и в бомбоубежище, где во время полетов укрывались жители. Отец понес свечи в бомбоубежище, его отговаривали, кругом были разрывы от бомб, но он

ответил: «Там дети, старики, им страшно». Свечи он отнес, но обратно в контору не вернулся: погиб от бомбы. На следующий день его тело собирали по частям. Долго не могли найти голову, ее нашла мама — Банькова Зоя Павловна, 1913 года рождения. Папу похоронили в последнем гробу, который нашли в районе Володарского моста. Пока везли на Кондратьевский пр., где жили, четырнадцать раз объявляли воздушную тревогу. Позже уже ленинградцев хоронили

без гробов, завернутых в простыни или одеяла — если хватало сил довести до кладбища.

Мы уже были подготовлены к эвакуации, но мама сказала: «Сегодня — он, а завтра нас не будет», — и мы остались. Мы выжили в блокаду благодаря тому, что бабушка собрала нас всех в одну квартиру. Нас было десять человек, из них — трое детей (сестры двоюродные — Кравченко Валентина и Мария, дочь Подошкина Людмила). Взрослые работали, а мы были с бабушкой, которая в 1919 году пережила голод и знала, что это такое. Мы сумели насолить капустных листьев, которые нашли на полях. А весной собирали траву (лебеда, клевер, крапива), пекли лепешки. Самой страшной была зима 1942 года — голодная и с сильными морозами. Бабушка из одной порции хлеба делала суп и всем выдавала по поварешке, а нам давала еще и полизать поварешку, пока она готовила суп. К 18 часам бабушка обычно делила хлеб, который получали по карточкам. Я до сих пор помню, как Людмила (ей был 1 год 10 месяцев) тоненьким голоском пела: «Бабушка, дели буню», когда стрелки часов подходили к 18 часам.

Сейчас от нашей большой семьи осталось только трое: я, сестра Валентина и тетя Мария Павловна, ей сейчас 91 год, она имеет медаль «За оборону Ленинграда», а мы — медали «Житель блокадного города».

Я помню, как мама с тетей Марией Павловной воду из Невы на санках в мороз возили, как огарки свечей берегли, как книгами буржуйку топили, как мертвых ленинградцев в пятитонках на кладбище возили в 1942 году, когда от трупов весной город очищали. Одна картина до сих пор, когда встречаю пятитонку, встает перед глазами: брезент приоткрылся и чьи-то волосы, почти касаясь земли, вслед за машиной летели. Машины проезжали очень быстро по Кондратьевскому пр., как будто старались побыстрее освободиться от своего груза.

Я в 1941 году в первый класс пошла, но война, блокада не позволила учиться. Зато в 1942 году кто выжил — тот пошел учиться. Было холодно, в чернильницах чернила замерзали, было голодно. Дурандой нас кормили, отваром из сосны поили (жмых от семечек), чтоб не было цинги. За хорошую учебу нам «Похвальные грамоты» выдавали. Тогда мы не

понимали, что своим трудом, учебной мы День Победы приближали. А дома нас лепешками из травы кормили, у нас у всех были большие животы, с большими животами ходили все женщины, как травоядные существа. А знаете, о чем мечтали ленинградцы? Наесться хлеба. Вот почему до сих пор кусочек хлеба выбросить в мусор — не поднимается рука.

Нам трудно вспоминать, но надо, чтобы наши внуки, внуки внуков могли гордиться мужеством и стойкостью тех людей, которые для них наш город сохранили. Нам, конечно, повезло, мы выжили, всем недругам назло. Спасибо всем — и мертвым, и еще живым — за то, что нас, детей, в блокаду сохранили, что на своих и чужих нас не делили. Себя же не щадили ни в бою, ни у станка в тылу. Мама моя работала на заводе «Лентрублин» формовщицей, делала снаряды, а после войны восстанавливала решетку Литейного моста.

Спасибо всем, кто сейчас заботится о нас, кто нам подарки, медали и поздравления вручает. Мы же хотим, чтобы никто, нигде и никогда не испытал того, что пережили ленинградцы.

Wir sind richtige Blockademenschen!

SELENKOWA Lidija Alexejewna

Ich wurde in Leningrad im Jahre 1933 geboren und verbrachte in belagertem Leningrad 900 Tage. Ich habe gehört, wie man sagt, dass es keine Leningrader gebe, die Blockade überlebt haben, sie lägen alle auf dem Piskarjowskoje Friedhof, und die Kinder wären aus der Stadt weggefahren. Die Blockadeeinwohner seien angeblich untergeschoben. Ich kann nicht schweigen, ich kenne Leningrader, die die Blockade überlebt haben, aber solche gibt es immer weniger. Ja, wir sind grauhaarig, wir sind alt, aber wir sind noch am Leben. Je älter ich werde, desto schwerer sind für mich meine Blockadeerinnerungen.

Also der Reihe nach. Meine Oma, Krawtschenko Matrjona Tarassowna, im Jahre 1886 geboren, hatte fünf Kinder (drei Töchter und zwei Söhne) und ihre Familien. Wir alle wohnten auf Kondratjewskij Prospekt 73, in einer Dreizimmerwohnung, deren Fläche 32 qm betrug. Sie befand sich in einem Holzhaus. Als der Krieg begann, gingen

die Männer an die Front, bis September 1941 blieben alle am Leben.

Für unsere Familie begann der Krieg in der Nacht am 8–9. September, als 500 Flugzeuge in die Stadt geschickt wurden, um sie dem Erdboden gleichzumachen. Bombardiert wurde alles: Fabriken, Werke, Krankenhäuser, Lebensmittellager, Bahnhöfe, Wohnhäuser. Es war fürchterlich, der Boden schien unter unseren Füßen zu schwanken. In dieser Nacht kam mein Vater, Bankow Alexej Dorofejewitsch, im Jahre 1910 geboren, um, er arbeitete in der Haushaltszentrale Nr71 neben dem Finnischen Bahnhof. Als das Bombardieren begann, ging das Licht aus, dunkel war es auch im Bombenkeller, wo sich während der Luftangriffe die Einwohner versteckten. Der Vater brachte in den Bombenkeller Kerzen, man riet ihm das ab, überall gab es Einschläge von den Bomben, aber er antwortete: «Dort sind Kinder und Alte, sie haben Angst». Kerzen hat er ihnen gebracht, aber zurück ins

Büro kehrte nicht mehr. Er wurde durch eine Bombe getötet, am nächsten Tag sammelte man Teile seines Körpers. Lange konnte man seinen Kopf nicht finden, ihn fand dann meine Mutter, Bankowa Soja Pawlowna, geboren im Jahre 1913. Den Vater begrub man im letzten Sarg, den man unweit von der Wolodarskij Brücke fand. Solange man ihn auf den Kondratjewskij Prospekt transportierte, wo wir wohnten, 14-mal gab es Luftalarm. Später wurden Leningrader schon ohne Särge begraben, in Laken oder Decken eingewickelt, wenn man noch Kräfte hatte sie zum Friedhof zu bringen.

Wir waren schon auf das Evakuieren vorbereitet, aber die Mutter sagte: «Heute war er dran, morgen gibt es uns nicht mehr», und wir blieben. In der Blockade starben wir nicht, weil die Oma uns alle in einer Wohnung versammelte. Wir waren zehn, drei von uns Kinder (Kusinen Maria und Valentina Kravtschenko, Tochter Podoschkina Ludmila). Erwachsene arbeiteten, wir blieben mit der Oma, die im Jahre 1919 schon den Hunger erlebt hatte und wusste, was das bedeutete. Und wir legten Sauerkraut ein, besser gesagt, Kohlblätter, die wir auf den Feldern sammelten. Und im Frühling sammelten wir Kräuter (Melde, Klee, Brennnessel), backten Fladen. Am schrecklichsten war der Winter 1942, hungrig, mit starkem Frost. Aus einer Portion Brot machte die Oma Suppe und gab jedem einen Kochlöffel davon, wir durften auch den Kochlöffel belecken, solange sie die Suppe kochte. Um 18 Uhr teilte die Oma Brot, das man auf Lebensmittelkarten bekam. Ich weiß noch, wie Ludmila (sie war ein Jahr zehn Monate alt) mit der dünnen Stimme sang: «Omi, teile das Brot», als die Uhrzeiger sich der Ziffer 6 näherten.

Heute sind aus unserer großen Familie nur drei Mitglieder geblieben: ich, meine Kusine Valentina und Tante Maria Pawlowna, sie ist jetzt 91 Jahre alt, sie hat die Medaille «Für die Verteidigung Leningrads», und wir haben Medaillen «Einwohner der belagerten Stadt»

Ich erinnere mich daran, wie Mutter und Tante Maria Pawlowna bei starkem Frost Wasser aus der Newa auf den Schlitten fuhren, wie man mit Kerzenstummeln sparsam umging, wie man mit den Büchern heizte, wie man im Jahre 1942 tote Leningrader in den 5t-LKWs auf den Friedhof brachte,

als im Frühling die Stadt säuberte und die Leichen wegbrachte. Ein Bild steht bis jetzt vor meinen Augen, wenn ich ein 5t-LKW sehe: das Zelttuch hebt sich und Menschenhaare fliegen dem LKW nach, indem sie die Erde fast berühren. Die Wagen fuhren durch den Kondratjewskij Prospekt sehr schnell, als ob sie sich schnell von ihrer Last befreien wollten.

Im Jahre 1941 ging ich in die 1. Klasse, aber der Krieg, die Blockade gaben mir keine Möglichkeit zu lernen. Aber 1942 kamen in die Schule alle, die am Leben blieben. Es war sehr kalt, die Tinte fror in den Tintendosen zu, wir hungerten. Man fütterte uns mit Duranda (Pressrückstand von Sonnenblumensamen), gab uns Tee aus Kiefernadeln, damit wir an Skorbut nicht erkrankten. Für gute Schulleistungen bekamen wir «Belobigungsschreiben». Damals verstanden wir nicht, dass mit unserer Arbeit, mit unserem Lernen wir den Tag des Sieges annäherten. Zu Hause fütterte man uns mit Krautfladen, wir alle hatten große Bäuche, mit großen Bäuchen waren alle Frauen, wie Pflanzenfresser. Wissen Sie, wovon Leningrader träumten? Sich an Brot satt zu essen. Deswegen bin ich bis jetzt nicht imstande ein Stück Brot in den Abfalleimer zu werfen.

Es fällt schwer uns daran zu erinnern, aber wir müssen das machen, damit unsere Enkelkinder und die Enkelkinder unserer Enkelkinder auf Mut und Standhaftigkeit jener Menschen, die für sie unsere Stadt erhalten haben, stolz sein können. Wir hatten natürlich Glück, weil wir unseren Feinden zum Trotz am Leben geblieben sind. Ich möchte mich bei allen, den Toten und den Lebendigen, dafür bedanken, dass sie uns Kindern während der Blockade das Leben gerettet haben, dass sie keinen Unterschied zwischen ihren eigenen und fremden Kindern machten. Sie schonten sie weder in der Schlacht noch bei der Arbeit im Hinterland. Meine Mutter arbeitete auf dem Werk «Lentrublit» als Formerin, sie machte Geschosse, nach dem Krieg baute sie das Gitter der Litejny Brücke wieder auf.

Danke allen, die heute sich um uns kümmern, die uns Geschenke, Medaillen und Gratulationen bringen. Wir wollen, dass nie mehr man das erlebt, was Leningrader erlebt haben.

We Are the Real Victims of the Siege!

ZELENKOVA Lidia Alexeevna

I was born in Leningrad in 1933 and lived through all the 900 days of the Leningrad siege. Many times I heard people said that there were no Leningraders, who lived through the whole siege, that all the children were evacuated and the rest were buried at Piskarevskoe Cemetery. I cannot keep silence, I know the Leningraders, who lived through the siege, but

there remains less and less of us. Yes, we are grey headed, we are ill, but we are still alive. The older I get, the harder the weight of the siege memories is.

My grandmother Kravchenko Matrena Tarasovna, who was born in 1866, had five children — three daughters and two sons, and their families. We all lived at Kondratievskij

Prospect, house No 32 in the two bedroom apartment in the wooden house. The war started, men went to the front. Until September, 1941 all were alive.

For our family the war started at night of September 8th — September 9th when 500 planes were sent to the city to wipe it out of the face of the earth. They bombed everything: factories, plants, hospitals, food warehouses, railway stations, apartment buildings. We were very afraid. My father Bankov Alexey Dorofeevich was killed during that night. He was born in 1910 and worked as a superintendant of the household No 71 near the Finland railway station. When the bombing began, there was no light anywhere, it was also dark in the bomb shelter, where the citizens were hiding during bombings. The father carried candles to the bomb shelter, somebody persuaded him not to go, but he answered: «There are children, old people, they are afraid there». He brought the candles, but he did not return back to the office. He was killed by a bomb, the next day his body was collected from pieces. They could not find his head for a long time. My mother Bankova Zoya Pavlovna, who was born in 1913, found it. The father was buried in the last hearse which was found in the area of Volodarsky bridge. While they took his body to Kondratievsky prospect 14 where he lived air raid alarm was announced 14 times. Later Leningraders were buried without hearses, wrapped in bed sheets or blankets — if they could take them to the cemetery.

We were ready for the evacuation, but my mother said: «He has died today and tomorrow all of us will die» — and we decided to stay. We survived thanks to our grandmother who took us all into one apartment. There were 10 of us: three children (cousins — Kravchenko Valentina and Maria, daughter Podoshkina Ludmila). The grown-ups worked, and my grandmother and I stayed at home. My grandmother endured famine in 1919 and knew what it was. We were able to salt cabbage that we collected in the fields. In spring we picked up grass and baked cakes from it. The hardest was the winter of 1942. It was very cold and we were constantly hungry. The grandmother cooked soup out of one bread ration and gave one ladle to everyone. At six o'clock the grandmother usually divided the bread. I remember Ludmila (she was one year and

10 months) said with her child's voice: «Granny, divide the bread» when it was close to six o'clock.

Now only three of us are left from our big family: me, my sister Valentina and aunt Maria Pavlovna, she is 91 now, she has a medal «For Defense of Leningrad». And we have medals: «Citizen of the Besieged Leningrad».

I remember how my mother and my aunt Maria Pavlovna brought water from the Neva River on sledges in winter when it was very cold, I remember how we heated the potbelly stove with books, I remember how dead bodies were transported by lorries, I remember when in spring they cleared the city out of dead bodies. When I see a lorry I have only one picture in my mind: somebody's hair in the carriage hang to the ground. Lorries went along the Kondratievsky prospect very fast, as if they tried to get rid of their freight as fast as they could.

In 1941 I went to school, but the siege did not let me study. But in 1942 those who survived went to study. It was so cold that ink was frozen in the inkwell, we were constantly hungry. We were fed with duranda and broth from pine trees for us not to have scorbute. For good studying we were given certificates of appreciation. At that time we did not understand that by studying we approached the Victory Day. At home we were fed with cakes from grass. We all had big stomachs like cows, because we ate a lot of grass. Do you know what Leningrader were dreaming about? Eating bread. That is why I cannot throw away a piece of bread even now.

It is hard for us to remember, but we have to, for our grandchildren and grandchildren of our grandchildren to be proud of the courage of those people who saved our city. Of course we were lucky, we survived. Thank you to everybody both dead and alive that they saved us, children, during the siege. People did not have mercy for themselves at that time both in fight and in the rear, at the machine. My mother worked at the plant «Lenturblit» as a moulder, she produced shells and after the war she restored the ironwork of the Summer Garden.

Thank you to everybody, who now cares about us, who gives us presents and medals. We don't want anyone endure such hard times that we, Leningraders, have overcome.

ЗЕНКОВА Еликонида Федоровна

Кончились школьные экзамены. Начались летние каникулы. Стало так хорошо, свободно! Мы с сестрой Никой каждое воскресенье ездили в город, в Преображенский собор, вдвоем. Так было и в этот памятный день. Мы собрались утром, переоделись и поехали в храм. Как-то в автобусах люди больше шумели, волновались, но мы не прислушивались и ничего не поняли. Помолвившись, вернулись домой. Дома нам говорят родители: «Война с Германией!»

Не успели мы сесть пить чай, как папе уже принесли повестку — срочно явиться в военкомат. Он стал допивать чай, но стакана не допил, как явился второй человек, тоже с повесткой.

Игорю, брату нашему, тогда было 22 года, папе — 46 лет. Папа был старший лейтенант запаса, и вот его забрали в первую очередь. Брату оставался дипломный год, он кончал лесотехническую академию и должен был ехать на преддипломную практику.

23 июня мы папу провожали, эшелоны шли на запад, на Нарву, их немилосердно бомбили. Несколько эшелонов с военными разбомбили еще 22 июня. Мама на вокзал ушла одна. Она вернулась, вся заплаканная. Брат обнял ее и успокаивал. Брату повестки не приносили, он в армии не служил, потому что тех, кто после школы шел в высшее учебное заведение, в армию не брали тогда. Один день в неделю у них был посвящен военному делу.

5 июля уехал и брат на практику в Красноборское лесничество, что за Лугой. Его провожала одна я... и проводила навечно. Помню, как долго я глядела, как уезжал автобус, пока-

чиваясь на ухабах. Глядела, глядела... да не могла и подумать, что это в последний раз! Мой милый, родной брат Гуля.

А папа вдруг вернулся тут же, через пять дней, 28 июня. Было так. Они проехали полпути, налетели немецкие бомбардировщики, стали бомбить эшелон. Папа выскочил из вагона и скатился под железнодорожный откос. Два его товарища тут же погибли. Живых от эшелона осталось мало. Оставшиеся в живых

возвращались обратно в Ленинград пешком.

На следующий день папа шагал в рядах армии, которая называлась у нас «народное ополчение». Его отправили в местечко Стрельна под городом. Там он стоял недели две. Мы ездили к нему туда. Он, когда мы его вызывали через часового, выходил и покупал нам мороженое. Это единственное мороженое, которое еще оставалось без карточек.

Жизнь менялась с каждым днем. Началась массовая эвакуация населения. Люди тащились с тюками, узлами. Город начали бомбить. Страшно выли сирены. Начиная выть гудок одного завода. Ему вторил другой завод. Тут же включалась сирена больницы им. Мечникова и даже сирена нашего жилуправления. Все это сливалось в какой-то общий вой и стон. Детство наше совсем оборвалось. Папу отправили в действующую армию, в артиллерию. Мама, наша деловая мама, тут как-то растерялась. Она и раньше в магазин за продуктами не ходила. С восьми лет я начала ходить в магазин и делать все продуктовые закупки для семьи. Ну, а тут с первого дня карточки на продукты попали в мои руки, и так до 1947 года, до их от-

мены. Теперь я целыми днями отыскивала, где что можно отovarить карточки. Но голода еще не было.

30 августа мы получили собственное письмо, которое отправляли брату, обратно с перечеркнутым адресом: «Местность выбыла». Значит, там уже немцы! Он писал в первом письме: «Устроился лесничим. Тут так хорошо! Елю на лето возьму к себе». Как хорошо, что Господь меня туда не послал, сохранил от немецкой оккупации.

Кольцо смыкается

8 сентября немцы бомбили самые большие запасы продуктов нашего города — Бадаевские склады. Они горели... И через весь город даже к нам (мы живем на Карельском перешейке) видно было на небе огромное зарево огненное. Школы были закрыты, мы не учились.

Однажды приехал папа по каким-то военным делам, бегал ночью в главный штаб отмечаться. Настроение у него было подавленное. «Мы отступаем, — сказал он, — почти без боя. Просто бежит наша армия...»

И вскоре по городу потянулись караваны несчастных беженцев из деревень, что были под Ленинградом. Это было ужасное зрелище. Повозки с мешками, в тряпках дети, сзади коровы, овцы. А куда бежали? В котел! Вокруг Ленинграда со всех сторон смыкалось кольцо, которое с каждым днем становилось меньше.

Каждое утро уезжала я на Охту за хлебом, тогда в сентябре еще ходили трамваи. Помню, что детской душой я очень жалела лошадок. Их гнали и военные, и беженцы. Голодные, привязанные к срубленному дереву, зажатому между двумя растущими деревьями, они обгладывали кору деревьев до древесины... Бедненькие лошадки, ни в чем не виноватые, мотали головами, так старательно даже древесину глодали. Потом они все умерли с голоду, а их трупы люди съели. Я глядеть на них не могла. Мама и Ника этого не видели, они все дома были, никуда не ездили. А я, как издали увижу лошадей,

так отвернусь, потому что душу страшная боль сдавливала.

В совхозе продавали листья невыросшей цветной капусты. Стояла в очереди. Достала, посолили эти листья вместо капусты.

Начались заморозки. Какие они были холодные, душу леденящие! Началась бомбежка нашего района.

Однажды вечером мама взяла икону Божией Матери «Неопалимая Купины». Это наследственная икона, которая висела всегда в нашей комнате. Мама велела нам дома молиться, а сама обошла с иконой весь наш участок с домом и садом.

В конце сада мы вырыли ямку еще в начале войны. На доски на земляном полу положили матрас из моего чулана и старое, рваное одеяло. Туда мы прятались в первое время во время бомбежки. Вход в ямку прикрывался куском старого железа.

Тихое, сдавленное гуканье мотора немецкого самолета... Десятки прожекторов ловят его в небе. Без умолку колотят зенитки, как колотушки... Но вот мотор самолета совсем затихает... Самый страшный момент! В это время самолет противника опускает бомбы на землю.

Вдруг раздался страшный, душу раздирающий свист с воем. Воздухом поднялась железка над маминой головой и обратно шлепнулась маме на голову. Страшный треск! Кажется, вся земля взорвалась... На нашей улице упала большая фугасная бомба и вырвала клочок из соседнего дома, но существенно не повредила.

И так каждый день, каждую ночь, весь октябрь, весь ноябрь. В ноябре совсем установилась зима. Мы успели отупеть, привыкли к бомбежкам и оставили свою ямку-окоп. Убьют, так убьют. Зачем бежать, зачем прятаться? Страх теперь ушел на задний план. Больше мучил голод, усиливавшийся с каждым днем. Одна Ника — молодец, все еще во дворе каталась на маленьких лыжах. Ее богатая фантазия продолжала работать. Она вслух разговаривала с какими-то невидимками, и даже смеялась. Я сутками стояла в очередях, маму никуда не

пускала — боялась, что у нее в карточках на продукты лишней талон вырежут. Мама топила плиту, готовила чего-нибудь покушать крайне экономно. Доставать семье продукты, делить хлеб — это было поручено мне.

Однажды утром я бежала с хлебом домой (его было 375 граммов на троих). Знала, что меня ждут мама и Ника, что там, дома, уже истопилась плита и согрели чай. Передо мной на пороге остановилась женщина, прилично одетая. Она наклонилась, будто бы поправляет сапог. Когда я пробежала мимо нее, она вдруг схватилась за мой хлеб. Я страшно закричала и всеми силами, сколько их у меня тогда было, стала вырывать мой хлеб обратно. Сзади шли люди. Женщина отскочила в сторону. У нее в руке осталась часть хлеба, сколько можно было ухватить в горсть взрослого человека. Пальцев руки она так и не разжала. Это, можно сказать, полпайка, а то и больше, — около 100 граммов хлеба.

Пришла я домой в слезах. Мама меня отругала, назвала разиней... Мне было так больно... Утром отказалась кушать, чтобы украденный хлеб вошел в мой паек. После я в сумке хлеб не носила, а при встрече с человеком прижимала хлеб к груди.

Молились ли мы тогда? Да, мы именно тогда выучили 90-й псалом, также пели, в дополнение ко всему Ника стала вслух читать по указанию мамы псалом и две молитвы Иоанна Златоуста «Господи, сподоби мя любить Тя» и другую, следующую за ней. Потом, как правило, вечером, Ника, сидя за столом, читала три главы из Евангелий, а мы с мамой чем-нибудь занимались, но больше мама лежала в кровати и слушала чтение Ники лежа. Она вообще как-то стала сильно меняться. К декабрю бомбежки в городе прекратились, кольцо немцев сомкнулось и все в городе замерло.

Рядом с Пискаревским лесом до войны был овощной комбинат. Вот туда-то и потянулись голодные люди из города. Целыми днями шли процессии из центра города с саночками, на которых были привязаны ведра. Они делали набег,

опрокидывали охранников и тянули с комбината остатки соленых огурцов, помидоров, вонючий жом — отходы крахмала и дуранду. Я туда не ходила. Я боялась. Там дело и до убийства доходило. Но всех запасов хватило на неделю, и стало на комбинате пусто. Тогда люди стали откапывать лошадей, сдохших осенью, рубили и ели их. Но и это скоро кончилось. Тогда потянулись к Пискаревскому лесу. Там был участок молодого соснячка, который сажали в тот год, когда умер мой младший брат Уар (1926 год). И вот весь город потянулся туда, рубили молодые сосенки и ели хвою, как лучшие витамины. Лес, который рос 18 лет, дотла съели в полторы недели. Вспоминаю, как со мной в очереди стоял мужчина, доставал сосновую хвою из кармана и ел ее, долго жевал...

Я все стояла и стояла в очередях «поджидалках». Это были очереди, в которых стояли неделями, ожидая, когда в магазин привезут крупу (200 граммов на декаду), чтобы отovarить талоны. На целый месяц на человека давали 600 граммов. Стоим и мерзнем. Поверх пальто накрыты одеялами, по которым ползают вши. Мимо идет человек. Шел, шел... Сделает шаг да покачнется, сделает другой, еще покачнется. Вот сделал еще шаг и упал, и лежит мертвый, никто его не подбирает. Недалеко от нашего забора уже неделю другой мертвец лежит. Падать стали люди прямо на улице. В первую очередь стали умирать мужчины. Они почему-то страшно падали духом от голода, впадали в совершенное уныние и дальше держаться не могли.

Нет воды. За один километр от нашего дома еще в ноябре бомба разбила трубу водопровода. Образовалась воронка-яма. В нее все еще из труб поступает вода. Весь декабрь и до половины января мы с мамой вдвоем ходим, как паломники, к этой яме за водой. Туда шли люди со всех сторон. Но вот и там все замерзло, вода из труб больше не поступает. Нашли колодец и весь вычерпали. Подземный ключ за ночь не успевает его наполнять. Весь день на коленях у колодца сидят «колдователи». Эти люди с банками на

Наш дом. Вдалеке у погребя — папа

веревках по очереди черпают по стакану воды и сливают в рядом стоящее ведро, которое едва за час можно наполнить водой доверху.

Рождество Христово

Вот и Рождество Христово, такое грустное. Ничего, оно будет немножко веселее для мамы. Мы тайно с сестрой договорились поступить по методу «хоронилок», из которых когда-то конфетными кусачками угощали брата. Теперь тихонько от своей порции пайка прятали несколько конфеток и корочек хлеба, делали вид, что едим и пьем чай с конфеткой, а сами пили пустой кипяток. Мы договорились, что когда мама и я вернемся из похода за водой и сядем за стол, мы подарим маме этот дорогой подарок.

Мы возвращаемся с ведрами воды. Что это? Напротив нашей улицы — большая военная машина, газогенераторная. Какой-то человек что-то таскает в бывшую часовню. Там сейчас командиры живут из нашей военной части (бывшая начальная школа). Да это наш папа! Он приехал на военный склад и таскает аккумуляторы. Приехал по нуждам фронта. Но что он такой грустный? Бедный папа! Он вчера чуть не погиб из-за своих голодных детей.

Рождество Христово. Вот и елочка маленькая с самого фронта приехала в военной машине в наш домик. Папа ждал этой поездки. Он целый месяц копил от своего пайка на фронте печенье, сахар, масло, хлеб. Все это так бережно перева-

зывал в маленькие пакетики и клал в заплечный мешок. Вот, наконец, посылают в город, как раз под Светлый Праздник. Где-то на дорожном указателе он выдернул елку-вешку. Вот уже и машина приготовлена, папа прощается с фронтовыми товарищами по землянке, несет свой заплечный мешок, такой бесконечно-дорогой, в кабину к шоферу. Но тут еще дела, еще приказы, еще распоряжения... Ну, вот и все теперь. Бежит в кабину — а мешка-то нет!!! Папу бросило в холод, бросило в жар. Он стал искать, заподозрил одного человека, подбежал: «Отдай!» — говорит. Тот насмешливо улыбнулся и бросил реплику в папин адрес. Отец голодающей семьи из полумертвого города, бедный папа, он задрожал в какой-то бешеной судороге, выдернул из кобуры револьвер... но тут рука доброго товарища, а за ней рука ангела-хранителя выбила револьвер из его рук, он выпал в снег. Папу схватили фронтовые товарищи и увели в землянку.

Ехать по делам фронта в голодный город, увидеть семью на Рождество Христово — и нет с собой ни куска хлеба, а ведь целый мешок был! Папа упал в свой угол в землянке. Но добрые души отозвались. Какой-то товарищ взял солдатский котелок и обошел, кого мог, чтобы уделили бойцы хотя бы по кусочку, кто что может: кто сухарь дал, кто сахару кусок, кто хлеба. С этим папа и приехал.

Без него товарищи по землянке хлопотали перед высшим начальством, написали, что у папы было скоплено. Когда он вернулся из Ленинграда в часть, ему возместили украденное, хотя и не в том количестве.

Один миг, один выстрел в упор — и был бы вслед за тем папе суд военного трибунала — и расстрел.

Мы дома тоже старались папу успокоить, а те свои конфетки и корочки, что собирались дарить маме, разделили им обоим пополам.

Голод-мор

Затишье в мертвом городе кончилось. Начались артиллерийские обстрелы. Немцы стояли под самым городом. Тяжелые дальнобойные ору-

дия обстреливали то один, то другой, то третий район города. Какие-то каменные души становились у нас. Обстреливают наш район. Рядом, от нас, недалеко, — военный склад (он был еще в царское время). Немцы метят туда, а попадают то на совхозные поля, то в деревянные домишки и сады. Мы слышим тупой, далекий «бух». Это выпалила немецкая пушка. Через полминуты здесь у нас рвется их снаряд. А если снаряды разрывные — рвется шрапнель. Мы, как мертвые, все стоим на улице в очереди — обещают что-то привезти в магазин. Мимо идут пятитонки с прицепами. На них, как дрова, наложены мертвецы — военные из госпиталей. Они лежат голые, как попало. У кого рука в сторону торчит, у кого — нога. Животы провалились. Высоко выдаются только грудные ребра, обтянутые кожей. Мертвецов вываливают из машин в большой карьер у Богословского кладбища, где до войны брали песок. В начале зимы сделали несколько братских могил, взрывая промерзшую землю динамитом. А теперь сил ни у кого нет. Только везут мертвых людей и вываливают в карьер. Идут машины с покойниками одна за другой. В городе — полные дома покойников, вымерли целые семьи. В домах покойников не трогают. Отопления нет — они не разлагаются, замерзли. Теперь все больницы — военные госпитали, везут покойников больше из госпиталей.

Мама теперь боится за меня, когда я долго не возвращаюсь из очереди. Я худая, но от юности у меня на морозе еще румянец. Некоторые в очереди замечают: «Вот девчонка-то еще румяная, верно, сытая». Появилось людоедство, и мама боится, если начинает темнеть, что меня убьют. Люди некоторые как-то озверели, морили своих маленьких детей голодом, чтобы они скорее умерли, а смерть их скрывали, чтобы получить на них лишнюю продуктовую карточку. Крали продуктовые карточки не сосед у соседа, а родные: дочь — у матери, муж — у жены.

Была такая дорожка, которую мы с мамой называли «покойницей». Она шла вдоль забора государственной бани (не действующей). С поля мело снег, а у самого забора от завихре-

Папа на фронте. Германия, 1945 г.

ния образовалась ложбинка. Поверху сугроба мы каждый день ходили к колодцу за водой. Вниз, в эту ложбинку, люди везли своих близких мертвых родных из города и бросали их, зашитых в байковые одеяла. Если даже любили родных, похоронить их было очень трудно. Кто будет долбить мерзлую землю? А если кто и будет долбить, то только за хлеб. Одни кидали в ложбинку покойников, а другие по ночам отрубали нижнюю часть — ноги и таз. Пополам разрубали человека. Верх человека, зашитого в одеяло, оставался валяться до весны, а низ его съедал другой человек. По дорожке валялись кишки, была накапана на снегу кровь.

Вначале войны шли колонны солдат и пели:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашисткой силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная

Память сердца

Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

От этих слов дрожь по спине бежала, от них веяло духом патриотизма. Но теперь, в эти месяцы мора, казалось, все чувства в людях замерзли, и никто ничего толком понять не мог.

В конце января отвоевали Дорогу Жизни — пробили замкнутое кольцо, но не на суше, а на льду Ладоги с Ваганова на Кобону. По льду пошли и поехали голодные, полуживые люди на Большую землю. Большой землей у нас тогда называли всю Россию. До Ваганова везли людей частично и железной дорогой. Некоторые умирали, не доехав до Ладожского озера, их просто складывали при остановках поезда на снег. С Большой земли пошли к нам по льду грузовики с продуктами. Дорогу эту все время бомбили немцы. Истинные герои были те люди, которые везли продукты под таким огнем в умирающий город.

Жизнь теплится

Мы как-то все держались. В голод очень помогают порядок в душе, в настроении и во всяком деле. Мама была во всем аккуратная и раньше. Еще в младенческом возрасте мы не имели права от завтрака до обеда и корочки съесть. Бывало, скажем маме: «Кушать хочется!», она ответит: «Терпите, будет скоро обед, и будете кушать».

В блокаду многие люди умирали оттого, что как-нибудь за три дня вперед паек доставят и съедят в один раз. Велик ли кусочек за три дня — 375 граммов хлеба? Ну, а три дня без крошки хлеба во рту ослабевший человек не выдерживает и умирает голодной смертью. У нас был введен строгий порядок: этот кусочек хлеба делить на два раза — на утро и на вечер. Пили мы горячий кипяток, и крошечный кусочек хлеба был вместо конфетки с кипятком. Было у нас немножко картошки, ее дотянули до Рождества Христова, делая суп, в который клали по счету картошку. Всего этого было так мало — как котенка прокормить. Но равномер-

но, постоянно, упорядоченно. Другим важным моментом было то, что мы не ложились в кровать от голода, так как и раньше в болезнях в кровати не лежали. Старались заняться делом, без одной минуты перебоя.

Книг духовных у нас не было. Стали вечерами читать всех классиков. Читала одна Ника вслух, а я все шила, вышивала салфетки. За зиму 1941–1942 года девятилетняя Ника прочитала вслух полное собрание сочинений Пушкина и Лермонтова (стихи и прозу), прочитала полностью Жуковского, частично Чехова. Света не было, но у нас был какой-то элемент от автомашины, и к нему подключена маленькая батарейная лампочка. Ползимы он нам служил, потом иссяк. Крестная достала где-то немножко дурного керосина с бензином, что ли. Он плохо горел, давал большой нагар, но все-таки был свет, и мы читали и шили.

Другим нашим занятием было рисование. Мы брали Пасхальную открытку и обе разом срисовывали ее — кто лучше нарисует. Во второй половине зимы стали шить подарки к Пасхе: Ника — моим куклам, а я — Никиным куклам. Это придумала мама. Мы и в кукол-то совсем не играли, и в руки их не брали, но нужно было держаться, чтобы теплилась жизнь. Нужно было что-то делать, чтобы не упала душа, не упал дух. И мы шили. Была у меня обезьянка Мишка. Ника сшила ей рубашку-косоворотку и штаны суконные в подарок к Святой Пасхе.

В конце января — начале февраля 1942 года наступили самые страшные дни. Иссякли все запасы продуктов в Ленинграде, а Дорогу Жизни на ладожском льду страшно бомбили, и машины с продуктами и героями-шоферами уходили под лед. Три дня хлебозаводы не выпекали хлеб. Теперь очередь у магазина стояла день и ночь в ожидании хлеба. В эти дни упала, наверное, половина людей, оставшихся в Ленинграде. За всю зиму до этого я не пускала маму в очередь, но тут день и ночь я одна стоять не могла. В ночь стала заменять меня мама. Это были три роковые ночи, после них мама заболела.

Отбили немцев на Ладоге, хлеб поступил в город, но мама стала таять. Мы натопили дома снега, решили помыться. Мама помыла Нику, помогла мне помыться. Когда сама разделась, я испугалась: тело мамы было, как скелет, обтянутый кожей. Живот провалился, торчала грудная клетка, а на ней вместо материнской груди — какие-то два, как тряпочные, мешочка.

У изголодавшихся людей от истощения появлялся кровавый понос. Кала нет, так как ему не из чего образоваться, а человека тянет. Начинает выходить прямая кишка так, что больно садиться на стул, из кишечника идет слизь с кровью. Человек, не имея никакой поддержки, после этой болезни умирает.

После общего расслабления у мамы появился кровавый понос.

В голод менялась психология от любви к жестокости. Мы с сестрой всегда любили животных. Еще осенью я очень жалела погибающих лошадей. Когда началась война, у нас остался друг нашего детства — большой рыжий пес Песька и кошка Котька. В декабре бедная маленькая Ника мне сказала, что она молится, чтобы кошка пропала куда-нибудь, что даже слово дала, что до тех пор руки у печки греть не будет, пока Котька не пропадет. Это потому, что мама жалеет Котьку и ей капельку еды своей уделяет.

И кошка пропала еще до Рождества. Она пошла во двор, и больше не вернулась. Вероятно, замерзла, голодная.

Большой, сильный пес еще жил. Сдохли осенью все куры, и дохлыми курами мама понемножку кормила Пеську (данный в мирное время обет — не кушать мясного — мы в войну не нарушали). Он стал какой-то маленький, весь высох и все глядел умными собачьими глазами, полными слез, на нас: «Ну, почему вы меня не кормите?». Когда мы уходили за водой, как ни приказывали ему сидеть на сене в будке, он все-таки по своей собачьей преданности доходил до закрытой калитки и ждал нас. Как заводит нас, возвращающихся, виновато поджав

Сестры Еля и Ника

хвост, уходил в будку. За ним от его лопнувших обмороженных лап тянулся по снегу кровавый след.

И вот заболевшая от голода мама еще последнюю лепешку дала Пеське. Тут мы с Никой стали совсем жестокими, и разлюбили бедного, ни в чем не виноватого пса. Стали желать, чтобы он скорее умер. 6 февраля 1942 года услышали — больно вскрикнул в будке наш Песя. Подошли — он лежал мертвый. Пишу и плачу: какие же мы были жестокие. Я тогда поблагодарила Бога, что бедный Песя умер. Он так высох, что и весной долго лежал в будке, нисколько не пах, не разлагался. Когда уже было совсем тепло, я взяла его на руки, такого великана, совсем легкого, завернула в тряпки, и отнесла в наш окоп-ямку. Там его и зарыли, сделали цветочную клумбочку и назвали «Песина могилка». И сейчас там растут акониты или синие сапожки.

В голод нам больше всего было жаль маму. От папы, как побывал он у нас в январе, больше писем не было. Крестная наша пришла нас навестить и очень плакала. Ей врач сказал, что мама больше не поправится, что у нее полное истощение и конец его — только смерть. Нас тогда возьмут в детдом и повезут через Ладогу по Дороге Жизни на Большую землю.

Мы маме об этом ничего не рассказали. Горе у нас было самое большое. Нет брата, нет весточки от папы, скоро мамы не будет.

Я решила предложить маме, чтобы регулярно, каждый день она брала кусочек моего хлеба, только не так, чтобы я ей давала, а чтобы просто она считала его своим. Мама понекалась, потом согласилась, потом даже обрадовалась. Но этого было мало. Мы с Никой решили искать другой выход. У нас была положена очередь на хлебную горбушку, так как корочка всегда сытнее. Решили мы тайно от мамы молиться, и когда я с мамой выйду из дома, Ника должна была быстренько залезть под кровать, где в углу стояла вся в пыли, давно туда поставленная, бутылка со святой Крещенской водой. Ника должна была этой водой чуть-чуть, незаметно намочить хлебную горбушку, которая, когда будем делить хлеб, достанется маме. Сказать маме мы не решались, у нее был властный характер, можно задуманное только испортить. Так делали мы две недели.

Жизнь возвращается с весной

С Благовещения началась долгожданная запоздавшая весна, с крыш потекло, так хорошо стало. Прилетели скворцы и прочие птички. То ли их военные действия отпугнули, то ли морозы, но они прилетели к нам на две недели позже обычного. Весна была такая дружная, что 10 апреля я на проталинках в саду набрала дикого щавеля на щи. Скоро крапива вылезла. Мама наша совсем ожила, но только телом. Душой она потеряла прежнее мужество. Она больше никуда не ходила из дома. За водой я брала с собой Нику. Ника была маленькая, веревки носить не могла. Носила воду в бидончиках из-под молока. Целыми днями мама сидела в доме, а мы с Никой лазили по канавам и помойкам, искали разную съедобную травку, которая отрастать не успевала: люди ее мигом выщипывали. Рвали крапиву, медок, копали корни лопухов. Огород мне пришлось одной копать. Мама только делала гряды. Мы с Никой стояли в большой очереди и достали семян турнепса, репы, брюквы. Дома еще были в шкафу какие-то старые семена. Все посеяли. Семян картофеля ни у кого в городе не было.

А тут еще пришла радость. 20 апреля, в самый день рождения Ники, к нашему забору подошла женщина. Это была жена одного фронтового товарища папы. Она принесла нам весточку, что папа жив, находится с ее мужем. Женщина дала нам кусок хлеба граммов триста и американскую шоколадку, что послал нам с ней папа.

Нечем нам было топить плиту, чтобы чай согреть или траву сварить. Все лыжи, скамейки, палисадники мы сожгли еще зимой. Теперь высматривали сухие деревья около пустых домов. Нике теперь исполнилось 10 лет, а мне — 14 лет. Но все-таки лесорубы-то мы были слабенькие, а сухие деревья были диаметром сантиметров 30-40. Я делала подруб, как полагается. Чтобы пилу не зажало, пилили немножко наискось. Задыхались, но что делать — надо! И опять тянули полутупую пилу. Дерево грохалось. Тащить распиленные дрова домой у нас силенок не хватало. Мы потихоньку каждое полешко перекачивали, как бочку.

Вторая линия фронта

Как-то в мае приехал папа, всего на несколько часов. Он нам подробно объяснил, где он стоит со своей артиллерией (там, в Рыбацком, теперь установлен памятник).

В этот приезд папа испугался за мое здоровье. Мама ослабла, упала духом. Все тяжелые работы свалились на меня, а я ходила на таких тонких ногах, которые больше были похожи на палочки. Я даже опиралась на Никино плечико, когда мы шли далеко, сил у меня не хватало.

Вот и просил папа нас каждую неделю ездить к нему на вторую линию фронта за помощью. Уезжая, взглянул на дом и сад, обнял маму и заплакал.

По городу пустили первые трамваи после жестокой зимы. Где-то еще в апреле открыли первую баню, всего одно отделение. Мужчины и женщины мылись вместе. Чувства различия пола тогда не было. Люди мылись, как измученные дети. Хотелось только согреться и помыться.

От райжилуправления организовали уборку покойников, так как весной они оттаяли и начали разлагаться. Их всех возили все в тот же карьер, куда зимой машины-пятитонки уложили тысячи воинов из госпиталей. Этот карьер мы с Никой звали «покойницкой ямой». Он был большой, метров триста в ширину и метров четыреста в длину. Когда мы стали ездить к папе, то в Лесной на трамвай нужно было идти мимо этого карьера. Оттуда шла такая вонь, что мы полкилометра старались бежать, не дыша, затыкая нос. Много лет, уже после войны, этот карьер все засыпали и засыпали, а он все давал осадку. Работали экскаваторы. Только к 1950 году здесь насыпали холм, а сверху поставили обелиск «Жертвы героического Ленинграда».

К папе мы ехали до Невской заставы, а дальше километров пять шли пешком. На военной заставе у шлагбаума, где стояли часовые и никого не пропускали, мы подходили и говорили, что идем к папе и фамилию его называли — нас пропускали.

Бедный папа опять для нас рисковал своей головой. Он знал, в какой день мы приедем, готовился к нему. На передовой линии между русскими и немцами у осажденного города установилась граница. Там была нейтральная зона, соблюдаемая обеими сторонами противников. Она шла по полю бывшего совхоза. Весной там взошло много салата. Вот в эту зону, ползая на животе, лазил наш папа. Полз, не поднимая головы, ножиком срезал салат и совал его в мешок, привязанный к ноге, волочащийся за ним сзади. И Бог хранил его. Весь салат отдавал нам.

На пару с товарищем бросали они гранаты в Неву, что строго запрещалось. Так они глушили рыбу. Ее делили пополам. Свою часть он всю отдавал нам. Папа даже дров наловил в Неве, тоже пополам с товарищем, высушил их на берегу и отправил со мной на военной машине к нам домой. Помню, страшно было такой долгий путь сидеть мне на дровах наверху. Кабина была занята военными. Они ехали

за боеприпасами в Ленинград и заодно по пути везли нам дрова. Сам папа остался там, на второй линии фронта.

Когда мы к папе приезжали, он кормил нас. Обед его был маленький, на одного человека. Мы забирались в пустой брошенный дом, там затопляли плиту. Папа сваливал все вместе — и суп, и кашу — в одну кастрюлю, добавлял туда много-много крапивы, и всего этого вместе хватало поесть на троих. Маме он с нами посылал хлеба и сахару из своего пайка.

Стоим мы с папой там, у него на фронте. Он говорит: «Слышишь музыку?» — «Слышу». — «Это в Пушкине у немцев по радио поют». Как же все это близко было!

Под ногами у нас — земля, бурьяном заросшая, даже мусор какой-то. А папа говорит: «Под нашими с тобой ногами — моя батарея». Так здорово были пушки замаскированы у них.

Голод и детская доброта

Недолго пришлось нам ездить к папе. Скоро его перевели в другое место. Наступил июль. Овощи начинают поспевать в начале августа. Кроме травы, ничего не было еще, не поспело. Правда, тогда под овощи даже в центре города все скверы раскопали. Раскопали и сквер напротив Казанского собора. Памятники полководцам Барклаю-де-Толли и Кутузову так и стояли — между грядками.

У бывшего овощного комбината люди раскопали яму, куда несколько лет тому назад были закопаны отходы крахмала — жом. Этот жом уже наполовину превратился в землю. Вот туда мы с сестрой ходили. Охранница не пускала в яму (она на территории бывшего крахмального цеха). Собирались ребятишки с корзинками, и все просили: «Тетенька, пусти!» Наконец, она отворачивалась, делала вид, что нас не замечает, а мы все скорей гребли из земли жом руками в корзинки и убегали. Дома мама заливала жом водой и проливала сквозь решето. Это была полужемля. Червей там было всяких полно, но это все — сор и червей — удерживало решето, а песок не удерживало. Из отстоявшегося крахмала

Еля в 5-м классе школы. Весна, 1941 г.

пекли лепешки, которые от песку скрипели на зубах. И как бы голоден ни был человек, больше трех лепешек не съешь, все равно вырвет.

Но все-таки смертность в городе прекратилась. Теперь был голод, а не мор. Хоть травы или земли, но можно было достать. Копали торф в Пискаревском лесу и ели. И нам он тоже казался кисленьким, вкусным. Но от торфа что-то делалось в желудках, что люди от него умирали, если побольше поесть.

В конце лета все ожили — поспели овощи. С 1 октября 1942 года дети начали вновь учиться в школах в обязательном порядке. Да теперь в основном в городе остались те люди, кто как-то пристроился к жизни: или работала мать в военном госпитале, или отец занимал важный пост в тылу по снабжению фронта, или те жители окраины, которые умудрились сохранить корову — из Всеволожского района. В центре города почти никто не жил. Жили по

месту работы, на казарменном положении. На городских улицах было порой так пусто, что голос раздавался по улице, как в пустом коридоре, отзываясь эхом.

Наш маленький огород приходилось сторожить по ночам. Местных жителей было очень мало. Близкие соседи в те времена никогда друг у друга ничего не трогали. Как выяснилось позже, в огород лазили солдаты, ведь и армия несыта была, всем было трудно. Мы с Никой вдвоем сторожили первую половину ночи, а вторую половину ночи до утра сторожила мама одна. С собой были кочерга и милиционерский свисток в кармане.

Как-то очень скоро кончились все овощи. Они без хлеба и картошки — водянистые, несытные, их много уходило. В конце ноября от овощей уже ничего не осталось. Хлеба теперь давали по 200 граммов на человека, рабочим — 400 граммов. Но люди-то были изголодавшиеся! Очень изменилась наша мама. Терпение иссякло, ослабла сила воли, нарушился порядок. Она часто упрашивала меня идти в какой-нибудь далекий магазин, искать, где бы хлеб дали по карточкам на три дня вперед. Порой она кричала на весь дом до истерики: «Что мы будем делать, как мы будем жить?!» Я ее обнимала, уговаривала, но ничего не помогало. Найти выход, самой куда-то устроиться на работу она не могла, она как-то совсем потерялась. Что нужно было перепродать, выменять — все приходилось делать мне.

В это время вышло постановление — ломать деревянные дома. Если кто в них жил, то переселять людей в город в каменные дома, в пустые квартиры. Это были вынужденные заготовки дров для зимы 1942–1943 года для школ, госпиталей и других учреждений. Жизнь учит, и мы с сестрой Никой тоже не зевали. На нашей улице сломали два больших двухэтажных дома. Как стемнеет, мы брали детские саночки и возили всякие доски, что полегче. Дров запасли на всю зиму.

В декабре, отучившись три месяца в шестом классе, я стала искать работу. Очень хо-

телось поступить в военный госпиталь. Работа там была тяжелая, но зато давали рабочую карточку — хлеба вдвое больше, чем мы получали, не работая.

Мама все плакала. Смерть от голода теперь не угрожала, паек был больше, чем в прошлую зиму, но в таком состоянии, в каком находилась мама, человек может заболеть душевно.

Не взяли меня в военный госпиталь. Мне было 14 лет с половиной. Худая, маленькая и паспорта еще не было — несовершеннолетняя. Пришлось остаться пока в школе.

Никогда не забыть мне теплоты душ детских — тех девочек, что учились с нами в школе в то тяжелое время. Их было очень мало тогда, и жили они полегче, чем мы, так как их родители работали на фронт. Учились мы и в голод хорошо, вероятно, просто по привычке, и учителя жалели нас. Как-то раз у Ники в классе собирали деньги на «детей фронтовиков» — и весь этот сбор отдали Нике. С ней сидела девочка Лара за партой. Однажды Ника взяла свой портфель, а там кусок хлеба лежит. Она даже испугалась, а Лара шепчет: «Ника, это тебе, возьми, пожалуйста, возьми». И дети-то были маленькие, четвертого класса.

У Гали Симакиной папа работал каким-то министром. Тоже жили они на казарменном положении в каком-то очень холодном домике. Пришла Галя в школу с бидончиком кислой капусты: «Ника, возьми, это моя мама тебе прислала». Умерла эта Галя двадцати двух лет. В том холодном доме блокадном застудила она почки, и после войны вылечить ее не смогли.

Девочкам-совхозницам выдавали свеклу. Девочки сами между собой договорились, и каждая из них по свеклинке для Ники отложила. Так жили дети в голод. Какие милые, добрые были эти девочки — Клемешка, Женя Диянова, Галя, Лариса! Навсегда остались они в душе.

Моя работа

Мне помогла крестная. У нее были знакомые в бухгалтерии овощного комбината на

Пискаревке. Туда-то и поступила я 25 апреля 1943 года в качестве ученицы в бухгалтерию. Школу оставила, не доучившись в шестом классе.

Комбинат только назывался комбинатом. Там работали только три корпуса. В них после прорыва блокады с Большой земли поступала картошка, только для армии. Остальные корпуса ломали на дрова. Из подсобных хозяйств окраины осенью поступала морковь, капуста, но тоже очень мало, только для армии.

На весь комбинат я была самая маленькая работница. С делом в одну неделю освоилась. Школу не жалела, хотелось как-то устроиться, чтоб всем в семье легче было. Мама тоже поступила на работу в контору райжилуправления картотетчицей.

После затишья снова начались артиллерийские обстрелы города. Мы сидели в конторе, а в наши пустые корпуса комбината попадали снаряды. Привыкли. Никто никуда не прятался и не бежал.

Люди на комбинате воровали картошку: по несколько картошинок прятали в карманы и на груди, и так выносили через проходную. В первые дни моей работы и я задумала делать так же. В обеденный перерыв зашла в корпус, положила в карманы картошку. Саму меня так трясло. Вылезла из корпуса, побежала и спрятала картошку в ямочку под забор. Вечером принесла картошку, мама очень обрадовалась.

Так лазила я в корпус воровать раза три, а на четвертый — попалась. Меня кладовщица просто в корпусе заметила, без картошки, и только отругала. Этого было достаточно. Больше я никогда туда не пошла. Это было воровство, самое настоящее, и оставалось только каяться, так как совесть меня все время упрекала.

Как же хорошо, когда человек при любых условиях жизни положится на Бога и пойдет честным путем!

Я не стала ничего брать в корпусе, и охранники заметили это, и стали жалеть меня, как самую маленькую. Я иду через проходную,

и подберу раздавленный в лепешку колесом машины кочан капусты или огрызки сырой морковки. Охранники заметят это, и сами то, что отняли у других в проходной при обыске, наложат мне в сумочку и поддадут мне в спину: «Уходи скорей!».

Мама дома все радовалась. Она больше не плакала от голода, меня даже «кормилицей» называла.

Как вспомнишь маму, жалко ее до слез. Она так изменилась, так сильно на нее повлияла тяжесть военных лет. Игорь, брат наш, был самым старшим и ее любимым сыном. Она все ждала его, потому и не хотела эвакуироваться, когда предлагали уехать от голода. «Куда я поеду, кому я там нужна? А сын мой, вдруг он вернется, где же он меня искать-то будет?» — говорила она. Даже видеть от слез стала хуже.

Охранники разрешали мне брать всякие дощечки-дровинки от сломанных корпусов. Как несовершеннолетняя, работу я кончала на два часа раньше обычного, приходила домой, пилила и колола принесенные дрова, ставила самовар к приходу мамы, а Ника бежала к жилконторе встречать маму. Мама искренне радовалась тому, что Ника ее встречает. Да, вот эта сплоченность между нами в дни войны, привязанность мамы к нам после войны, когда вернулся папа, вылилась в целую страшную драму, в ужасную ревность мамы нас к отцу, в катастрофу семьи. Тут на помощь пришло удивительное терпение папы, потому что он маму любил и все ей прощал.

Последствия голода

Наступил 1944 год. 27 января наши войска сняли блокаду с города. Весной в нашем комбинатском садике из двух рядов яблонь нам выдавали медали «За оборону Ленинграда». Папа со своими пушками и тракторами тоже шел на запад. Его отеческие заботы не прекращались. После снятия блокады мы получили от него письмо: «Мы уходим на запад. В Усть-Славянке, в доме у таких-то, я оставил вам немного про-

дуктов, что скопил. Таля, поезжай туда с Елей. Она это место знает, она ходила туда ко мне вместе с Никой в 1942 году летом».

Ездили мы с мамой вдвоем за этой посылочкой. Какие честные в войну были люди! На чужих людей папа положился, и они все нам отдали. Дома уже раскрыли мы посылочку. Чего только там не было: и масла немножко, и печенье, и сахар. Так трогательно все было собрано. Мама даже поплакала. А впереди был Запад.

В Ленинград стали возвращаться люди, которые эвакуировались в тяжелое время. Открылись школы для взрослых. Многие шли учиться. И мне захотелось поступить в школу для взрослых. Но очень далеко от нас была эта школа. От места моей работы нужно было километров пять ходить пешком. На работе пораньше не отпускали. Хотя вышел правительственный указ: не задерживать на производстве тех, кто хочет учиться. Я посоветовалась с мамой и ушла в обыкновенную дневную школу.

Трудно было учиться после такого перерыва, да и в шестом-то классе я не доучилась, а теперь пошла в седьмой класс. Но самое тяжелое, что я стала болеть. Болезнь началась еще на комбинате. То два месяца держалась повышенная температура. А тут, как в школу пошла, так заболела, что все тело мое покрылось нарывами, как проказой. Не было живого места на теле: щеки, подбородок, шея, плечи, руки, бока — все было покрыто нарывчиками. Мама применяла всевозможные средства. Кто-то сказал, что йод дезинфицирует и все подсушивает. Это было самое мучительное для меня. Мама мазала йодом все сплошные гнойные оголенные язвы. Можно было терпеть, не двигаясь, но голос свой я удержать не могла. Поэтому, чтобы не кричать, брала большую тряпку в рот. Но йод не помог. Он вызвал еще большее скопление гноя.

Целую четверть не ходила в школу. В начале своей болезни молилась, просила у Господа здоровья. Потом, когда мама со мной замучи-

лась, когда я почувствовала, что болезнь моя близким моим стала в тягость, упала духом и стала просить у Бога смерти.

Смерти Господь мне не послал. Немножко поправилась и опять стала учиться в школе. Этой болезнью после девятисот дней блокады я мучилась целых десять лет.

Мир

Немцев гнали. В 1945 году Пасха была поздняя, 6 мая по новому стилю, в день Святого Георгия Победоносца. В этот день брали наши войска Берлин. Где-то далеко там был и наш папа со своими пушками.

В этот день, впервые за всю войну, разрешили ходить по городу всю ночь. Пасхальная служба служилась не в 4 часа утра, как всю войну, а в 12 часов ночи. Светомаскировка была отменена.

Der Krieg begann, und die Kindheit war zu Ende

SENKOWA Elikonida Fjodorowna

Die Schulprüfungen waren zu Ende. Die Sommerferien begannen. Man fühlte sich so gut, so frei! Ich und meine Schwester Nika fuhren jeden Sonntag zu zweit in die Stadt, in die Preobraschenskij Kathedrale. So war es auch an diesem unvergesslichen Tag. Wir bereiteten uns am Morgen vor, zogen uns um und fuhren in die Kathedrale. Die Menschen im Bus waren lauter als gewöhnlich, aufgeregter, aber wir hörten nicht zu und verstanden nichts. Nach dem Beten kehrten wir nach Hause. Zu Hause sagten uns die Eltern: «Der Krieg gegen Deutschland!»

Als wir uns hinsetzten, um Tee zu trinken, brachte man dem Vater einen Einberufungsbefehl, er solle sofort ins Kriegskommissariat kommen. Er wollte den Tee austrinken, aber da kam schon ein zweiter Mensch mit noch einem Einberufungsbefehl.

Igor, unser Bruder, war damals 22 Jahre alt, der Vater — 46. Der Vater war Oberleutnant der Reserve, darum wurde er als einer der ersten einberufen. Der Bruder hatte noch ein Hochschuljahr, er studierte an der Holztechnischen Akademie und sollte sein Diplompraktikum machen.

Am 23. Juni verabschiedeten wir uns vom Vater, die Züge fuhren nach Westen, nach Narva, und wurden unbarmherzig bombardiert. Einige Züge mit Soldaten wurden noch vor dem 22. Juni bombardiert. Auf den Bahnhof ging die Mutter allein. Zurück kehrte sie mit den Tränen. Der Bruder

В конце войны у нас в доме уже появился котенок — редкость для города в то время. Пришла весной добрая девочка из моего класса Женя Диянова к моей маме, сахару ей принесла. Хотелось Жене нашу Кисюньку приласкать, но шустренький котенок никак ей не давался, убегал. Кругом было так хорошо! Лопались почки на деревьях, пели птицы.

На следующий день я копала землю в огороде, Кисюнька дралась с соседским котенком на сарайной крыше. То было в канун моего дня рождения — 9 мая 1945 года. Вдруг слышу — кричат: «Война кончилась! Заключен мир!» Так было это удивительно, даже в голове не укладывалось: война окончилась!!!

На следующий день, 10 мая, мне исполнилось 17 лет.

umarmte sie und versuchte zu überreden. Der Bruder bekam keinen Einberufungsbefehl, er hatte in der Armee nicht gedient, weil diejenigen, die nach der Schule an Hochschulen studierten, damals nicht einberufen wurden. Ein Tag in der Woche widmeten sie dem Militärwesen.

Am 5. Juli fuhr der Bruder zum Praktikum in die Krasnoborskoje Försterei unweit von Luga. Ihn begleitete zum Bus nur ich... und wir verabschiedeten uns für immer. Ich erinnere mich daran, wie ich zuguckte, als der Bus sich entfernte, indem er sich auf den Schlaglöchern sprang. Ich guckte und konnte mir nicht vorstellen, dass wir uns das letzte Mal sahen! Mein lieber, leiblicher Bruder Gulja.

Und in fünf Tagen, am 28. Juli, kehrte der Vater zurück. Es war so. Sie hatten den halben Weg zurückgelegt, da erschienen die deutschen Bombenflugzeuge, die den Zug bombardierten. Der Vater sprang aus dem Wagen hinaus und rollte die Böschung herunter. Zwei seiner Kameraden wurden sofort getötet. Es blieben sehr wenige Lebendige in diesem Zug. Die am Leben Gebliebenen gingen nach Leningrad zurück zu Fuß.

Am nächsten Tag war der Vater in den Reihen der Armee, die bei uns Volkswehr hieß. Ihn schickte man in den Ort Strelna neben die Stadt. Dort waren sie etwa zwei Wochen. Wir besuchten ihn dort. Als wir den Wächter den Vater rufen ließen, kam er und kaufte uns Eis. Das Eis war das einzige, was noch ohne Lebensmittelkarten verkauft wurde.

Das Leben veränderte sich jeden Tag. Massenevakuati-
on der Bevölkerung begann. Die Menschen schleppten sich
mit den Ballen und Bündeln. Die Stadt wurde schon bom-
bardierte. Die Alarmsirenen hupen schrecklich. Zuerst heulte
die Sirene eines Werkes. Dann gesellte sich dazu die Sirene
des anderen. Da erwachten die Sirenen des Menschikow-
Krankenhauses und sogar die Sirene unserer Wohnverwal-
tung. Das alles vereinigte sich und wurde zum Heulen und
Stöhnen. Unsere Kindheit kam zu Ende. Den Vater schickte
man in das Feldheer, in die Artillerie. Mutti, unsere praktische
Mutter, wurde verwirrt und ratlos. Sie ging auch früher nicht
einkaufen. Mit acht Jahren begann ich Geschäfte zu besuchen
und alles Nötige für die Familie einzukaufen. Seit dem ersten
Tag gerieten die Lebensmittelkarten in meine Hände und so
war es bis 1947, bis sie abgeschafft wurden. Jetzt suchte ich
die ganzen Tage, wo was man für diese Lebensmittelkarten
kaufen konnte. Aber es gab noch keinen Hunger.

Am 30. August bekamen wir unseren Brief, den wir an
den Bruder geschickt hatten, mit der weggestrichenen Adre-
se: «Der Ort ist ausgeschieden». Das bedeutete, dass dort
schon Deutsche waren! Im ersten Brief hatte er geschrieben:
«Arbeite als Förster. Es ist so schön hier! Für den Sommer
nehme ich Elja zu mir». Wie gut, dass der Gott mich dorthin
nicht schickte, vor der deutschen Okkupation rettete.

Der Ring wird geschlossen

Am 8. September bombardierten Deutsche die größten
in der Stadt Lebensmittelvorräte, das waren die Bodajewskije
Lager. Die brannten ... und über der Stadt war sogar bei uns
(wir wohnten auf der Karelischen Landenge) am Himmel ein
riesengroßer Feuerschein zu sehen. Die Schulen waren ge-
schlossen, wir lernten nicht. Einmal kam der Vater
wegen seiner Militärangelegenheiten, ging in der Nacht in
den Zentralstab sich melden. Seine Stimmung war unter-
drückt. «Wir weichen der Übermacht, — sagte er, — fast
ohne Kämpfe. Unsere Armee läuft ...»

Und bald zogen durch die Stadt Karawanen der armen
Flüchtlinge aus den Dörfern, die sich neben Leningrad befan-
den. Das war ein schreckliches Bild. Karren mit Säcken, Kin-
der in Fetzen, hinten sind Kühe und Schafe. Und wohin liefen
sie? In den Kessel! Leningrad wurde von allen Seiten einge-
kesselt, der Ring um die Stadt wurde mit jedem Tag enger.

Jeden Tag fuhr ich auf die Ochta nach Brot, im Septem-
ber verkehrten noch Straßenbahnen, ich erinnere mich daran,
dass ich in meiner Kinderseele die Pferde bedauerte, beinahe
hätte ich geweint. Sie wurden von Soldaten und Flüchtlingen
getrieben. Hungrige, an den gefällten Baum zwischen zwei
wachsene Bäume angebundene, benagten sie die Baumrinde
bis das Holz ... arme Pferde, die gar nicht schuldig waren,
schüttelten die Köpfe und benagten fleißig das Holz. Dann

starben sie alle vor Hunger, und ihre Leichen aßen die Men-
schen auf. Ich konnte sie mir nicht anschauen. Mutti und Nika
sahen das nicht, weil sie nirgendwohin fuhren. Und ich, wenn
ich von weitem Pferde bemerkte, wandte mich ab, denn die
Seele weh tat.

Im Sowchos verkaufte man die Blätter des ungewach-
senen Blumenkohls. Ich stand in der Schlange. Kaufte, wir
legten diese Blätter statt Sauerkraut ein.

Der Frost kam. Es wurde kalt, die Seele bedeckte das
Eis. Unseren Bezirk begann man zu bombardieren.

Eines Abends nahm Mutti die Ikone der Gottesmutter
«Neopalimaja Kupina». Das war unsere Erbikone, sie hing
immer in unserem Zimmer. Mutti ließ uns zu Hause beten und
ging mit der Ikone um unser Grundstück mit dem Haus und
dem Garten.

Am Ende des Gartens gruben wir noch am Anfang des
Krieges ein Loch. Auf die Bretter des Erdefußbodens legten
wir eine Matratze aus meiner Rumpelkammer und eine alte
zerrissene Decke. Dorthin versteckten wir uns während des
Bombardierens. Der Eingang wurde mit einem Stück altem
Eisen bedeckt.

Stilles, unterdrücktes Surren des deutschen Flugzeugmo-
tors ... Zehner Scheinwerfer fangen es im Himmel. Ohne Pau-
se schießen Flaks, als ob sie Klapper wären... Dann wird der
Flugzeugmotor ganz still ... der schrecklichste Augenblick! In
diesem Moment wirft das Flugzeug Bomben auf die Erde.

Da ertönte das grausame, die Seele zerreißende Pfeifen
mit Heulen. In die Luft über den Kopf von der Mutti hob
sich ein Eisenstück und fiel der Mutti auf den Kopf zurück.
Schrecklicher Knall! Die Erde scheint explodiert zu haben ...
auf unsere Straße fiel eine große Sprengbombe und riss ein
Stück aus dem Nachbarnhaus, aber die Zerstörungen waren
unbedeutend.

Und so war es jeden Tag, jede Nacht, den ganzen Ok-
tober, den ganzen November. Im November kam der Winter.
Wir waren schon stumpf, gewohnten uns ans Bombardieren
und versteckten uns ins Schutzloch nicht mehr. Wenn man tö-
tet, dann tötet man. Wozu laufen, wozu sich verstecken? Die
Angst war jetzt im Hintergrund. Viel mehr quälte der Hunger,
der mit jedem Tag zunahm. Nur Nika war brav und lief re-
gelmäßig im Hof Schi. Ihre reiche Fantasie arbeitete weiter.
Sie sprach laut mit irgendwelchen unsichtbaren Wesen, lachte
sogar. Ich stand rund um die Uhr in den Schlangen, ließ die
Mutter das nicht machen, denn befürchtete, dass man ihr in
den Lebensmittelkarten einen überzähligen Kupon ausschnei-
den könne. Die Mutter heizte den Ofen, bereitete sehr spar-
sam das Essen zu. Lebensmittel für die Familie zu holen, das
Brot zu teilen, damit war ich beauftragt.

Eines Morgens lief ich mit dem Brot nach Hause (es wa-
ren 375 Gramm für drei Personen). Ich wusste, dass Mutti und

Nika auf mich warteten, dass der Ofen schon geheizt und der Tee heiß waren. Vor mir blieb eine gut angezogene Frau an der Schwelle stehen. Sie beugte sich vor, als ob sie ihren Stiefel zöge. Als ich an ihr vorbeilief, packte sie mein Brot. Ich schrie schrecklich und versuchte mit aller Kraft, die ich damals noch hatte, es zurückzureißen. Hinten näherten sich die Leute. Die Frau sprang zur Seite. In ihrer Hand blieb ein Teil Brot, wie viel sie in der Handvoll eines erwachsenen Menschen halten konnte. Die Faust machte sie nicht auf. Man kann sagen, dass das die halbe Ration war, etwa 100 Gramm.

Nach Hause kam ich tränenüberströmt. Mutti schimpfte auf mich, nannte Gafferin... Es war so schmerzhaft ... Am Morgen verzichtete ich auf das Essen, damit das gestohlene Brot aus meiner Ration wäre. Später trug ich das Brot in der Tasche nicht und, wenn ich einem Menschen begegnete, drückte es an meine Brust.

Ob wir damals beteten? Ja, gerade damals lernten wir den 90. Psalm, sangen, außerdem las Nika laut auf Muttis Hinweis den Psalm und zwei Gebete von Johannes Chrysostomos. Dann las Nika (das geschah in der Regel abends), am Tisch sitzend, Kapitel aus Evangelien vor, ich und Mutti beschäftigten uns mit etwas, aber meistens lag Mutti im Bett und hörte im Liegen zu. Sie veränderte sich stark. Im Dezember wurde die Stadt nicht bombardiert, der Ring der Deutschen schloss sich, alles in der Stadt erstarnte.

Neben dem Piskarjowskij Wald gab es vor dem Krieg ein Gemüsekombinat. Dorthin zogen sich hungrige Menschen aus der Stadt. Den ganzen Tag zogen Prozessionen aus der Stadt mit den Schlitten, an die Eimer festgebunden waren. Diese Menschen griffen die Wächter an, fielen sie auf den Boden und nahmen vom Kombinat die restlichen Salzgurken, Tomaten, stinkende Stärkereste und Duranda. Ich ging dorthin nicht. Hatte Angst. Es kamen auch Morde vor. Aber die Vorräte reichten nur für eine Woche aus, dann wurde das Kombinat leer. Dann gruben die Menschen Pferde aus, die im Herbst starben, hackten sie und aßen. Aber das war auch schnell vorbei. Dann zogen die Menschen zum Piskarjowskij Wald. Dort war eine Parzelle junge Kiefer, die in dem Jahr gepflanzt wurde, als mein jüngster Bruder Uar starb (1926). Und jetzt zog die ganze Stadt dorthin, man fällte junge Bäumchen und aß Nadeln wie beste Vitamine. Und den Wald, der 18 Jahre lang wuchs, aß man in anderthalb Wochen total auf. Ich erinnere mich daran, wie hinter mir in der Schlagen ein Mann stand, der aus der Tasche junge Kiefernadeln holte und sie aß, indem er lange kaute, so blieb man am Leben.

Immer wieder stand ich in den «Warteschlangen». Das waren die Schlangen, in denen man wochenlang stand, wartend, wenn es im Geschäft Grütze (200 Gramm für zehn Tage) für die Lebensmittelkarten gibt. Für den Monat bekam ein Mensch 600 Gramm. Wir standen und froren. Über den

Mänteln in die Decken eingewickelt, über die Läuse krochen. Vorbei ging ein Mann. Er ging ... Machte einen Schritt, neigte sich zur Seite, machte noch einen Schritt, neigte sich wieder zur Seite. Da machte er noch einen Schritt und fiel hin, und lag tot, und niemand hob ihn. Die Menschen fielen auf den Straßen. Als erste starben die Männer. Sie wurden kleinmütig vor Hunger, ließen den Kopf hängen und konnten sich nicht halten.

Es gibt kein Wasser. Einen Kilometer von unserem Haus entfernt hatte eine Bombe das Wasserleitungsrohr zerstört. Und ein Trichter hatte sich gebildet. In den kommt immer noch Wasser aus den Röhren. Den ganzen Dezember und die Hälfte Januar gehen wir zu zweit (ich und Mutti) wie Pilger zu diesem Trichter Wasser holen. Dorthin gingen die Menschen von allen Seiten. Dann frod dort auch alles zu, aus den Röhren kam kein Wasser mehr. Man fand einen Brunnen und schöpfte alles aus. Die unterirdische Quelle schafft es nicht, in der Nacht ihn zu füllen. Den ganzen Tag knien am Brunnen «Zauberer». Diese Menschen mit Gläsern an den Schnüren schöpften der Reihe nach je ein Trinkglas Wasser und gießen in den daneben stehenden Eimer, es nimmt eine Stunde in Anspruch, ihn bis den Rand zu füllen.

Weihnachten, die Geburt Christi

Es ist Weihnachten, so traurig. Macht nichts, es wird ein bisschen fröhlicher für die Mutti. Heimlich verabredeten wir uns mit der Schwester, dass wir «einen Schatz machen», auf solche Weise bewirteten wir früher mit Bonbons den Bruder. Jetzt versteckten wir von unseren Rationen einige Bonbons und Brotstückchen, benahmen uns so, als ob wir aßen und Tee mit Bonbons tranken, aber tranken leeres Wasser. Wir verabredeten uns, dass, wenn ich und Mutti das Wasser bringen und uns an den Tische setzen, machen wir der Mutti dieses so wertvolle Geschenk.

Wir kommen nach Hause mit Wassereimern. Was ist das? Unserer Straße gegenüber ist ein großer Militär-Generatorgaswagen. Ein Mensch schleppt etwas in die ehemalige Kapelle. Dort wohnen jetzt Kommandeure aus unserer Kriegsabteilung (ehemalige Grundschule). Das ist doch unser Vater! Er kam auf das Militärlager und schleppt Akkumulatoren. Er kam irgendwelche Frontangelegenheiten erledigen. Aber warum ist er so traurig? Der arme Vater! Gestern wäre er wegen seiner hungrigen Kinder beinahe umkommen.

Weihnachten, die Geburt Christi. Da ist eine kleine Tanne, sie kam von der Front mit dem Militärwagen in unser Häuschen. Der Vater wartete auf diese Dienstreise. Und den ganzen Monat sparte er aus seiner Frontration Kekse, Zucker, Butter, Brot. Das alles wurde fürsorglich in kleine Päckchen gesammelt und in den Rucksack gelegt. Endlich schickt man ihn in die Stadt, gerade vor diesem Hellen Fest. Irgendwo

neben einem Wegweiser zog er ein Tannenbäumchen heraus. Der Wagen ist schon vorbereitet, der Vater verabschiedet sich von seinen Frontkameraden, mit denen er in einer Erdhütte wohnt, trägt seinen so wertvollen Rucksack in die Kabine zum Fahrer. Aber da kommen noch Aufgaben, Befehle, Hinweise ... So, das wäre alles. Er läuft in die Kabine — der Rucksack fehlt!!! Dem Vater wird es heiß, dann kalt. Er sucht, verdächtigt einen Mann, läuft zu ihm, verlangt: «Gib zurück!» Der lächelte spöttisch und sagte dem Vater etwas Unanständiges. Der Vater der hungrigen Familie aus der halbtoten Stadt, der arme Vati, er zitterte im tollwütigen Krampf, riss den Revolver heraus ... aber da schlug die Hand eines guten Freundes und danach die Hand des Schutzengels ihm den Revolver weg, der fiel auf den Schnee. Den Vater packten seine Frontkameraden und brachten ihn in ihre Erdhütte.

Wegen Frontangelegenheiten in die hungrige Stadt zu fahren, zu Weihnachten seine Familie zu sehen und kein einziges Stück Brot zu haben, obwohl es einen ganzen Sack gegeben hatte! Der Vati fiel in seine Ecke in der Erdhütte. Aber gute Seelen meldeten sich. Ein Kamerad nahm ein Kochgeschirr und kam zu jedem, zu dem er auch kommen konnte, damit die Soldaten je ein Stückchen geben würden, mal Trockenbrot, mal ein Stück Zucker. Damit kam der Vater zu uns.

Ohne ihn wandten sich seine Frontkameraden an die höhere Leitung, schrieben darüber, was der Vati zusammengespart hatte. Als er aus Leningrad kam, wurde ihm das Gestohlene entschädigt, obwohl auch nicht im alten Umfang.

Ein Augenblick, ein Nahschuss ... und dann stünde der Vater vor dem Kriegsgericht und wäre erschossen.

Zu Hause bemühten wir uns den Vati zu überreden, und teilten unsere Bonbons und Brotstücke, die der Mutter schenken wollten, zwischen ihnen beiden.

Der tötende Hunger

Die Stille in der toten Stadt kam zu Ende. Artilleriebeschüsse begannen. Die Deutschen waren unmittelbar vor der Stadt. Schwere weittragende Geschütze beschossen bald einen Stadtbezirk, bald den zweiten, bald den dritten. Unsere Seelen verwandelten sich in die Steine. Beschossen wird unser Bezirk. Daneben, nicht weit von uns, befindet sich ein Militärlager (der noch in der Zarenzeit existierte). Deutsche versuchen es zu treffen, aber treffen bald die Sowchosfelder, bald hölzerne Häuschen und Gärten. Wir hören stumpfen, entfernten Donner. Das ist ein Kanonengeschoss. In einer halben Minute explodiert hier deutsches Geschoss. Und wenn das ein Sprenggeschoss ist, so gibt es Schrapnell. Wir, wie tot, stehen alle auf der Straße in der Schlange, weil man versprochen hatte, etwas ins Geschäft zu liefern. Vorbei fahren die Fünffonner mit Anhängern. Darauf liegen Tote dem Holz ähnlich, das sind Soldaten aus Lazaretten. Sie liegen nackt

durcheinander, einem steht der Arm hervor, dem anderen das Bein. Die Bäuche sind eingefallen. Emporragen nur die mit der Haut bespannten Rippen. Die Toten kippt man aus den LKWs in einen großen Graben neben dem Bogoslowkoje Friedhof, wo man vor dem Krieg Sand gewonnen hatte. Am Anfang des Krieges machte man einige Massengräber, indem man erfrorene Erde mit Dynamit gesprengt hatte. Jetzt hat niemand mehr Kräfte. Man bringt tote Menschen und wirft sie in den Graben. Da fahren LKWs mit Leichen einer nach dem anderen. In der Stadt sind ganze Häuser mit Leichen, ganze Familien sind ausgestorben. In den Häusern sammelt man die Leichen nicht. Es gibt keine Heizung, darum verfaulen sie nicht, sind gefroren. Jetzt sind alle Krankenhäuser Lazarette geworden, vor allem werden Tote aus Lazaretten gebracht.

Jetzt hat Mutti Angst um mich, wenn ich lange aus der Schlange nicht zurückkehre. Ich bin mager, aber habe noch Röte an den Wangen, weil ich jung bin. Einige in der Schlange bemerken: «Das Mädchen hat rote Wangen, es ist wohl satt». Es gab Kannibalismusfälle, und Mutti hat Angst, dass, wenn es dunkel wird, so kann man mich töten. Die Menschen sind zu Tieren geworden, ließen ihre Kinder hungern, damit sie schneller sterben, und ihren Tod verheimlichten sie, um noch eine Lebensmittelkarte zu bekommen. Man stahl die Lebensmittelkarten nicht ein Nachbar dem anderen, sondern die Tochter der Mutter, der Ehemann der Ehefrau.

Es gab so einen Weg, wir mit der Mutter nannten ihn «Leichenweg». Er führte den Zaun des Badehauses (das außer Betrieb war) entlang. Vom Feld wurde der Schnee geweht, und am Zaun bildete sich von der Wirbelung eine Senke. Über den Schneehaufen gingen wir täglich zum Brunnen Wasser holen. Nach unten, in diese Senke, brachten die Menschen ihre toten Verwandten aus der Stadt und warfen sie, in die Bettdecken eingenäht. Wenn sie sogar ihre Verwandten liebten, fiel es sehr schwer, sie zu begraben. Wer wird die eingefrorene Erde meißeln? Und wenn jemand das macht, dann nur für das Brot. Einige warfen in die Senke Leichen, die anderen hackten in der Nacht den unteren Teil ab. Man hackte den Menschen in zwei Teile. Der obere Teil in der Bettdecke blieb bis Frühling liegen, den unteren Teil aß ein anderer Mensch auf. Auf dem Weg lagen Gedärme, auf dem Schnee war Blut.

Am Anfang des Krieges gingen Soldaten singend:
Steh auf, steh auf, du Riesenland!
Heraus zur großen Schlacht!
Den Nazihorden Widerstand!
Tod der Faschistenmacht!
Es breche über sie der Zorn
wie finstre Flut herein.
Das soll der Krieg des Volkes,

Der Krieg der Menschheit sein.

Vor diesen Worten bekam man die Gänsehaut, es war sehr patriotisch. Aber jetzt, in diesen Monaten, schienen alle Gefühle in Menschen eingefroren zu sein, niemand konnte etwas verstehen.

Ende Januar war der Lebensweg erobert, durchbrach den geschlossenen Ring, aber nicht zu Lande, sondern über das Eis des Ladogasees von Waganowo nach Kobona. Über das Eis fuhren und gingen Menschen, halblebendig, hungrig, auf die Große Erde. Die Große Erde nannte man damals bei uns das ganze Russland. Bis Waganowo fuhr man die Menschen teilweise mit der Eisenbahn. Einige starben, ohne den Ladogasee zu erreichen, dann legte man sie, wenn der Zug stehen blieb, in den Schnee. Von der Großen Erde kamen zu uns LKWs mit Lebensmitteln. Dieser Weg wurde ständig von Deutschen bombardiert. Richtige Helden waren die Menschen, die unter solchem Feuer die Lebensmittel in die sterbende Stadt fuhren.

Das Leben glimmt

Wir hielten uns. Beim Hunger hilft die Ordnung in der Seele, in der Stimmung und bei jeder Angelegenheit. Mutti war auch früher ordentlich. Noch als kleine Kinder durften wir vom Frühstück bis Mittagessen kein einziges Stückchen essen. Es kam vor, dass wir der Mutter sagen: «ich bin hungrig!», dann antwortet sie: «Geduld, bald gibt es Mittagessen und dann esst ihr».

Während der Blockade starben viele Menschen, weil sie zum Beispiel die Brotration für drei Tage bekamen und sie auf einmal aufaßen. Ob das Stück für drei Tage groß sei, 375 Gramm? Aber drei Tage ohne Krümel kann der schwach gewordene Mensch nicht aushalten und stirbt vor Hunger. Wir hatten eine strenge Ordnung: dieses Stückchen Brot sollte in zwei Teile geteilt werden: für Morgen und für Abend. Wir tranken heißes Wasser, und das winzigkleine Stückchen Brot war statt Bonbons. Wir hatten auch ein bisschen Kartoffeln, es reichte kaum bis Weihnachten, indem wir Suppe zubereiteten, in die die genau gezählte Kartoffeln legten. Es gab aber so wenig von allem, würde auch einem Kätzchen nicht zureichen. Aber das war regelmäßig, ständig. Das andere wichtige Prinzip bestand darin, dass wir uns vor Hunger ins Bett nicht hinlegten, weil auch früher wir bei den Krankheiten das Bett nicht gehütet hatten. Wir bemühten uns etwas zu machen, ohne eine Minute Pause.

Wir hatten keine geistigen Bücher. Und abends wurden alle Klassiker gelesen. Nika las vor, ich aber nähte und stickte Servietten. Im Winter 1941 — 42 las die neunjährige Nika die Gesamtausgaben von Puschkin und Lermontow (Gedichte und Prosa) vor, las alle Werke von Shukowskij und auch aus den Werken von Tschechow vor. Es gab keinen Strom, aber wir hatten irgendwelchen Teil vom Auto, daran war die kleine

Batterielampe angeschaltet. Er diente uns den halben Winter, dann nicht mehr. Die Patin holte irgendwoher schlechtes Petroleum mit Benzin oder so was. Es brannte sehr schlecht, gab viel Rückstand, aber wir hatten trotzdem Licht, lasen und nähten.

Die andere unserer Beschäftigungen war das Zeichnen. Wir nahmen eine Osternkarte und beide zeichneten sie ab, wer schafft es besser. In der zweiten Winterhälfte begannen wir Geschenke für Ostern zu nähen: Nika für meine Puppen, und ich für Nikas Puppen. Das dachte die Mutter aus. Wir spielten die Puppen gar nicht, berührten sie gar nicht, aber wir sollten uns halten, damit das Leben glomm. Man musste etwas machen, damit die Seele wach blieb, damit wir nicht verzagten. Und wir nähten. Ich hatte ein Äffchen, es hieß Mischka. Nika nähte für ihn ein Hemd und eine Tuchhose als Ostergeschenk.

Ende Januar und Anfang Februar 1942 waren die schrecklichsten Tage. Alle Lebensmittelvorräte in Leningrad kamen zu Ende, der Lebensweg auf dem Ladogasee wurde stark bombardiert, die LKWs mit den Lebensmitteln und mit den heroischen Fahrern gingen unters Eis. Drei Tage backten die Brotfabriken kein Brot. Jetzt standen Schlangen vor den Geschäften Tag und Nacht, man wartete auf das Brot. An diesen Tagen fiel wohl die Hälfte der Menschen, die in Leningrad noch lebten. Den ganzen Winter ließ ich die Mutter nicht Schlangen stehen, aber jetzt konnte ich allein Tag und Nacht nicht warten. In der Nacht stand die Mutter. Das waren drei verhängnisvolle Nächte, danach wurde die Mutti krank.

Die Deutschen waren auf dem Ladogasee zurückgeschlagen, in die Stadt brachte man das Brot, aber die Mutter begann dahinzusiechen. Wir tauten zu Hause Schnee, wollten uns waschen. Die Mutti wusch Nika, half mir mich zu waschen. Als sie sich auszog, bekam ich Angst: die Mutter war Haut und Knochen. Der Bauch fiel ein, der Brustkorb ragte hervor, statt der mütterlichen Brust hingen zwei Säckchen wir aus Stoff.

Ausgehungerte Menschen haben vor Unterernährung den Blutdurchfall. Keinen Kot habend, weil es nichts gibt, woraus der sich bilden könnte, spürt der Mensch das Verlangen. Der Mastdarm beginnt aus dem After herauszugehen, es tut weh, wenn man sich auf den Stuhl setzt, aus dem Darm kommt Schleim mit Blut. Wenn der Mensch keine Unterstützung bekommt, stirbt er nach solcher Krankheit.

Nach der allgemeinen Erschlaffung bekam die Mutter den Blutdurchfall.

Beim Hunger veränderte sich die Psychologie von der Liebe zur Härte. Ich und meine Schwester sind immer tierlieb gewesen. Im Herbst bemitleidete ich die sterbenden Pferde. Als der Krieg begann, hatten wir noch unseren Kindheitsfreund, den großen rothaarigen Hund Peska und die Katze

Kotka. Im Dezember sagte mir die arme kleine Nika, dass sie betete, damit die Katze verschwand, sie habe sich sogar das Wort gegeben, dass sie sich nicht mehr Hände am Ofen erwärme, solange Kotka nicht verschwinde. Das ist deswegen, dass die Mutti Kotka bemitleide und ihr ein Teilchen von ihrem Essen gäbe.

Und die Katze verschwand noch vor Weihnachten. Sie ging in den Hof und kehrte nicht mehr zurück. Hat wohl vor Frost und Hunger gestorben.

Der große starke Hund war noch am Leben. Im Herbst sind alle Hühner gestorben, mit diesen gestorbenen Hühnern fütterte die Mutti Peska (in der friedlichen Zeit hatten wir das Gelübde abgelegt, kein Fleisch mehr zu essen, und hielten es während des Krieges). Er ist klein geworden, trocknete sich aus und sah uns mit seinen klugen, mit Tränen gefüllten Hundeaugen an: «Warum füttert ihr mich nicht?» Wenn wir Wasser holen gingen, ließen wir ihn auf dem Heu in seiner Bude bleiben, aber er kam in seiner Hundetreue zur geschlossenen Zauntür und wartete auf uns. Sobald er bemerkte, dass wir zurückkehrten, ging er in die Bude seinen Schwanz einziehend. Von seinen erfrorenen Pfoten mit geplatzten Wunden blieb auf dem Schnee eine Blutspur.

Und jetzt gab die vor Hunger krank gewordene Mutter den letzten Fladen Peska. Ich und Nika, wir wurden ganz grausam und liebten den armen, unschuldigen Hund nicht mehr. Und wünschten, dass er bald sterbe. Am 6. Februar 1942 hörten wir unseren Pessja krankhaft in der Bude aufschreien. Kamen zu ihm, er lag tot. Ich schreibe weinend: wie grausam wir gewesen sind! Ich dankte damals dem Gott, dass der arme Pessja starb. Er trocknete sich so aus, dass sogar im Frühling lange in der Bude lag, verfaulte nicht und stank auch nicht. Als es ganz warm wurde, nahm ich ihn in die Hände, diesen Riesen, der sehr leicht war, wickelte ihn in die Fetzen ein und brachte in unser Schutzloch. Dort vergruben wir ihn, machten ein Blumenbeet und nannten es «Pessjas Grab» Jetzt wachsen dort Blumen.

Beim Hunger bemitleideten wir vor allem die Mutter. Vom Vater, nachdem er bei uns gewesen war, gab es keine Briefe. Unsere Patin kam uns besuchen und weinte. Der Arzt sagte ihr, dass die Mutter gesund nicht werden könne, weil sie total entkräftet wäre, danach gebe es nur Tod. Dann nehme man uns ins Kinderheim und bringe über den Ladogasee, über den Lebensweg auf die Große Erde.

Der Mutter erzählten wir nichts davon. Unser Elend war zu groß. Kein Bruder, keine Nachrichten vom Vater, bald gibt es die Mutter auch nicht mehr.

Ich beschloss der Mutti vorzuschlagen, dass sie regelmäßig ein Stückchen von meinem Brot nehme, aber nicht so, dass ich es ihr geben würde, sondern dass sie denken solle, das sei ihre Ration. Zuerst lehnte die Mutter das ab, dann war

einverstanden, dann freute sich sogar. Aber das war zu wenig. Ich und Nika, wir beschlossen, nach einem anderen Ausweg zu suchen. Wir bekamen den Brotkanten der Reihe nach, weil der Kanten immer sättigend ist. Wir entschieden uns heimlich zu beten und, wenn ich und die Mutter das Haus verließen, sollte Nika schnell unter das Bett kriechen, wo in der Ecke die staubige Flasche mit dem Weihwasser stand, das vor langer Zeit dorthin gestellt worden war. Nika hatte ein bisschen, damit es nicht zu bemerken ist, den Brotkanten einzuweichen, den dann, wenn wir das Brot teilen, die Mutter bekommt. Wir zögerten, darüber der Mutter zu erzählen, weil sie einen gebieterischen Charakter hatte und auf solche Weise konnten wir das Geplante nur ruinieren. So machten wir zwei Wochen lang.

Mit dem Frühling kommt das Leben

Am Tag der Mariä Verkündigung begann der lang erwartete, sich verspätende Frühling, von den Dächern floss das Wasser, man fühlte sich gut. Die sich verspätenden Stare und andere Vögel flogen zurück. Entweder wurden sie durch die Kriegshandlungen erschrocken, oder vom Frost, aber sie kamen zu uns später, als gewöhnlich. Der Frühling begann auf einmal, am 10. April konnte ich auf der schneefreien Stelle im Garten wilden Sauerampfer für die Suppe pflücken. Bald wuchs auch die Brennnessel. Mutti belebte sich, aber nur körperlich. Ihre Seele verlor den früheren Mut. Sie ging nicht mehr aus. Um Wasser zu holen, nahm ich jetzt Nika mit. Nika war sehr klein, konnte keine Eimer tragen. Und trug Wasser in den Milchkannen. Den ganzen Tag blieb die Mutter im Haus, wir aber, ich und Nika, suchten in den Gossen und in den Müllgruben nach verschiedenen essbaren Kräutern, die wachsen nicht konnten, weil die Menschen sie sofort pflückten. Wir pflückten Brennnesseln, Honiggras, gruben Klettenwurzeln. Ich war gezwungen, den Garten allein umzugraben. Mutti machte Beete. Ich und Nika standen eine große Schlange und verschafften Samen von Brech-, Steck- und Weißrüben. Zu Hause im Schrank gab es noch irgendwelche alten Samen. Alles wurde gesät. Kartoffelsamen hatte niemand in der Stadt.

Da kam noch eine Freude. Am 20. April, gerade zu Nikas Geburtstag, stand neben unserem Zaun eine Frau. Das war die Ehefrau eines Frontkameraden unseres Vaters. Sie brachte uns die Nachricht, dass der Vater am Leben war und sich zusammen mit ihrem Mann befand. Diese Frau gab uns Brot, etwa 300 Gramm, und eine amerikanische Schokoladentafel, das alles schickte uns unser Vati.

Es gab nichts, womit wir den Ofen heizen konnten, um den Tee oder Kräuter zu kochen. Alle Schier, Bänke, Zaunbretter hatten wir noch im Winter verbrannt. Jetzt suchten wir nach trockenen Bäumen neben den leeren Häusern. Nika wur-

de 10 Jahre alt, ich war 14. Aber wir waren schlechte Holzfäller, der Durchmesser der trockenen Bäume betrug etwa 30 — 40 cm. Ich machte einen Anschlag, wie es sich gehörte. Damit die Säge nicht eingeklemmt wurde, sägten wir schräg. Wir bekamen keine Luft, aber da war nichts zu machen, wir waren gezwungen, das zu tun. Und wir zogen die stumpfe Säge hin und her. Der Baum fiel hin. Wir hatten keine Kräfte das zersägte Holz nach Hause zu schleppen. Darum rollten wir jedes Holzscheit langsam, als ob es ein Fass wäre.

Die zweite Frontlinie

Im Mai kam der Vater, aber nur für einige Stunden. Er erklärte uns ausführlich, wo er mit seiner Artillerie sich befand (dort, in Rybatzkoje, gibt es jetzt ein Denkmal).

Diesmal bekam der Vater Angst um meinen Gesundheitszustand. Mutti wurde ganz schwach, verlor den Mut. Alle schweren Arbeiten lagen auf meinen Schultern, meine Beine waren so dünn, dass sie mehr den Stöcken ähnelten. Wenn wir einen weiten Weg zurücklegen sollten, stützte ich mich auf Nikas Schulterchen, da meine Kräfte nicht zureichten.

Da bat uns der Vater jede Woche zu ihm auf die zweite Frontlinie zu kommen, um Hilfe zu erhalten. Beim Abfahren sah er sich das Haus an, umarmte die Mutti und weinte.

Nach dem grausamen Winter verkehrten in der Stadt die ersten Straßenbahnen. Im April wohl wurde das erste Badehaus geöffnet, nur eine Abteilung. Männer und Frauen wuschen sich zusammen. Man hatte damals kein Gefühl, dass ein Geschlecht vom anderen sich unterscheidet. Die Menschen wuschen sich, wie erschöpfte Kinder. Man wünschte nur sich erwärmen und waschen.

Bezirkswohnverwaltung organisierte das Leichenausräumen, weil im Frühling sie auftauten und begannen zu verfaulen. Man fuhr sie in denselben Graben, wohin im Winter die Fünftonner tausende Soldaten aus Hospitalen gebracht hatten. Diesen Graben nannten wir mit Nika «die Leichengrube». Er war groß, etwa 300 Meter breit und 400 Meter lang. Wenn wir zu Vati fahren, sollten wir auf der Station «Lesnaja» an diesem Graben vorbeigehen. Dort stank es so, dass wir einen Kilometer liefen, ohne zu atmen, und dabei die Nase zuhielten. Viele Jahre, schon nach dem Krieg, verschüttete man diesen Graben immer wieder, und immer wieder senkte er sich. Dort arbeiteten Bagger. Erst 1950 schüttelte man einen Hügel, darauf wurde der Obelisk gestellt: «Opfer des heldenhaften Leningrads».

Zum Vater fahren wir bis Newskaja Sastawa, weiter gingen zu Fuß etwa fünf Kilometer. An der Wache neben der Schranke, wo Posten standen und niemand reinkommen durfte, sagten wir, dass wir zum Vater gekommen seien, und nannten seinen Familiennamen, dann ließ man uns durch.

Der arme Vater riskierte für uns wieder seinen Kopf. Er wusste, an welchem Tag wir kommen, und bereitete sich darauf vor. An der vordersten Linie, neben der belagerten Stadt, gab es zwischen Russen und Deutschen eine Grenze. Es gab auch neutrale Zone, die beide gegnerische Seiten beachteten. Sie verlief durch das ehemalige Sowchosfeld. Im Frühling wuchs dort viel Kopfsalat. Gerade in diese Zone kroch auf dem Bauch unser Vater. Er kroch, ohne seinen Kopf zu heben, schnitt mit dem Messer die Salatköpfe ab, steckte sie in den Sack, der ans Bein angebunden war und hinter ihn sich schleppte. Und der Gott schützte ihn. Den ganzen Salat gab er uns.

Zu zweit mit seinem Kameraden warfen sie Granaten in die Newa, was streng verboten war. So dröhnten sie die Fische, die dann zu gleichen Teilen teilten. Seinen ganzen Teil gab er uns. Der Vater fing sogar Holz in der Newa, auch zu zweit mit dem Kameraden, trocknete es am Ufer und schickte mit einem Militärwagen zu uns nach Hause, ich fuhr mit. Ich erinnere mich daran, dass ich Angst hatte, einen so weiten Weg zurückzulegen, indem ich oben auf dem Holz saß. In der Kabine waren Soldaten. Sie fuhren nach Leningrad die Munition holen und unterwegs brachten uns Holz. Der Vati selbst blieb dort, an der zweiten Frontlinie.

Als wir zum Vater kamen, fütterte er uns. Sein Mittagessen war klein, für eine Person. Wir gingen in ein leeres verwahrlostes Haus und heizten dort den Ofen. Der Vati schüttete alles zusammen, die Suppe und den Brei, in einen Topf, fügte viel Brennnesseln hinzu und das reichte für uns drei. Der Mutti schickte er Brot und Zucker aus seiner Ration.

Einmal standen wir mit dem Vati bei ihm an der Front. Er sagt: «Hörst du Musik?» — «Ja, ich höre». — «Es wird bei Deutschen, in Puschkin, im Radio gesungen». Wie nah alles war!

Unter unseren Füßen ist die mit Unkraut bewachsene Erde, es gibt sogar irgendwelchen Müll. Und der Vater sagt: «Unter unseren Füßen ist meine Batterie» so gut hatten sie alles getarnt.

Hunger und Kinderbarmherzigkeit

Nicht lange konnten wir den Vater besuchen. Bald wurden sie in einen anderen Ort verlegt. Der Juli kam. Gemüse gibt es erst seit dem Augustanfang. Außer Kraut war noch nichts gewachsen. Aber damals hatte man sogar im Stadtzentrum die Grünanlagen umgegraben, um Gemüse anzubauen. Umgegraben war auch der Platz neben der Kasaner Kathedrale. Die Denkmäler für die Feldherren Barclay de Tolly und Kutusow standen zwischen den Beeten.

Neben dem ehemaligen Gemüsekombinat hoben die Menschen eine Grube aus, wohin vor einigen Jahren Starkereste geworfen wurden. Diese Reste hatten sich schon um die

Hälfte in die Erde verwandelt. Dorthin gingen wir mit der Schwester. Die Wächterin ließ in die Grube nicht zu (sie befand sich auf dem Gelände der ehemaligen Stärkeabteilung). Die Kinder mit den Körben versammelten sich und baten: «Tante, lass uns!» Endlich drehte sie sich zur Seite, benahm sich so, als ob sie uns nicht bemerke, und wir alle sammelten diese Reste mit den Händen in die Körbe und liefen weg. Zu Hause goss Mutti dorthin Wasser und ließ durch ein Sieb fließen. Das war schon fast die Erde. Es gab dort verschiedene Würmer, aber alles, außer Sand, — Schmutz und Würmer, — blieb im Sieb. Nachdem die Stärke sich absetzte, backte man daraus Fladen, die wegen Sandes auf den Zähnen knirschten. Und wie hungrig auch der Mensch war, konnten nicht mehr als drei Fladen aufgegessen werden, sonst erbrach man.

Und trotzdem nahm Sterblichkeit in der Stadt stark ab. Jetzt gab es Hunger, keinen Hungertod. Man konnte Kraut oder Erde bekommen. Man grub Torf im Piskarjowskij Wald und aß ihn. Er schien uns sauer, lecker zu sein. Aber vom Torf passierte etwas mit dem Magen, und die Menschen starben, wenn sie zu viel davon aßen.

Ende Sommer belebten sich alle: das Gemüse wurde reif. Seit dem 1. Oktober lernten die Kinder wieder in der Schule, das war obligatorisch. Und in der Stadt blieben vor allem diejenigen, die auf eine oder andere Weise im Leben untergebracht waren: entweder arbeitete die Mutter im Lazarett, oder der Vater bekleidete einen wichtigen Posten im Hinterland, der mit der Frontversorgung verbunden war; oder diejenigen, die am Rande im Wsewoloshskij Bezirk wohnten und eine Kuh noch hatten. Im Stadtzentrum wohnte fast niemand. Man wohnte auf der Arbeit: wurde einkaserniert. Auf den Stadtstraßen war es manchmal so leer, dass die Stimme wie ein Echo in einem leeren Korridor klang.

Unseren kleinen Garten sollten wir in der Nacht bewachen. Es gab sehr wenig Einheimische. Damals berührten die nahen Nachbarn nichts beieinander. Wie es sich später herausstellte, drangen in den garten Soldaten ein, da die Armee auch nicht satt war, alle hatten es schwer. Wir mit Nika bewachten die erste Nachthälfte, die zweite Nachthälfte bis morgen bewachte die Mutter allein. Mit hatten wir ein Schüreisen und eine Milizpfeife in der Tasche.

Irgendwie war das Gemüse bald zu Ende. Ohne Brot und Kartoffeln brauchte man zu viel davon, es war wasserreich, unsättigend. Ende November gab es kein Gemüse mehr. Jetzt bekam man 200 Gramm pro Person, die Arbeitenden 400 Gramm. Aber die Leute waren zu hungrig. Unsere Mutti veränderte sich stark. Sie hatte keine Geduld mehr, keine Willensstärke, konnte keine Ordnung halten. Sehr oft bat sie mich in ein entferntes Geschäft zu gehen, wo man das Brot für drei nächsten Tage geben würde. Ab und zu schrie sie so hysterisch, dass es im ganzen Haus zu hören war: «Was werden

wir tun, wie werden wir leben?» Ich umarmte sie, überredete, aber nichts half. Selbst konnte sie keinen Ausweg finden, keine Arbeit finden, hat sich irgendwie verloren. Wenn etwas zu verkaufen, etwas umzutauschen war, machte alles ich.

Zu dieser Zeit wurde die Verordnung verabschiedet, die Holzhäuser zu brechen. Wenn darin jemand wohnte, sollte man die Leute in die Stadt, in die Steinhäuser übersiedeln. Das waren gezwungene Maßnahmen, um Holzvorräte in der belagerten Stadt für die Schulen, Hospitale und andere Organisationen für den Winter 1942 — 1943 zu machen. Das Leben erteilt Unterricht, wir mit meiner Schwester Nika verpassten auch nichts. Auf unserer Straße wurden zwei große zweistöckige Häuser auseinandergenommen. Wenn es dunkel wurde, nahmen wir den Kinderschlitten und fuhren die Bretter, die leichtesten, nach Hause. Und bereiteten Holzvorrat für den ganzen Winter vor.

Im Dezember, nachdem ich drei Monate in der 6. Klasse gelernt hatte, begann ich die Arbeit zu suchen. Ich wollte in einem Kriegshospital arbeiten. Die Arbeit dort war schwer, aber dafür gab man Lebensmittelkarten der Arbeitenden: zweimal so viel Brot, wie viel wir bekamen, ohne zu arbeiten.

Die Mutter weinte immer. Der Hungertod bedrohte nicht mehr, die Ration wurde größer, als im vorigen Winter, aber in solchem Zustand, in dem sich die Mutter befand, kann der Mensch einfach seelisch krank werden.

Man nahm mich in das Kriegshospital nicht. Ich war 14,5 Jahre alt. Mager, klein, noch ohne Pass, also minderjährig. Darum sollte ich provisorisch in der Schule bleiben.

Nie im Leben vergesse ich die Wärme der Kinderseelen, jener Mädchen, die mit uns zusammen in jener schwierigen Zeit lernten. Es gab wenige Mädchen, aber ihr Leben war ein bisschen einfacher, als unseres, denn ihre Eltern arbeiteten für die Front.

Wir lernten in den hungrigen Zeiten auch gut, wohl war das die Gewohnheit, und die Lehrer hatten Mitleid mit uns. Einmal sammelte man in Nikas Klasse das Geld für «die Kinder der Frontkämpfer», und die ganze Summe gab man Nika. Ihre Banknachbarin hieß Lara. Einmal nahm Nika ihre Schultasche, und sah, dass dort ein Stück Brot lag. Sie erschrak, aber Lara flüsterte: «Nika, das ist für dich, nimm bitte, nimm!» Diese Kinder waren klein, in der vierten Klasse.

Der Vater von Galja Simakina war irgendwelcher Minister, sie waren auch einkaserniert, wohnten in einem sehr kalten Häuschen. Einmal kam Galja in die Schule mit einer Milchkanne voll Sauerkraut: «Nika, nimm, das hat meine Mutter für dich geschickt». Diese Galja starb mit 22 Jahren. In jenem kalten Blockadehaus erkältete sie ihre Nieren, nach dem Krieg konnte man Galja nicht ausheilen.

Den Sowchos-Mädchen gab man rote Beeten. Die Mädchen verabredeten sich unter sich, und jedes legte eine Beete

für Nika zurück. So lebten die Kinder beim Hunger. Wie nett, barmherzig diese Mädchen waren: Klemeschka, Shenja Djanowa, Galja, Larissa! Sie sind für immer in meiner Seele geblieben.

Meine Arbeit

Mir half meine Patin. Sie hatte Bekannte in der Buchführungsabteilung des Gemüsekombinats in Piskarjowka. Dorthin kam ich am 25. April 1943 als Lehrling der Buchführungsabteilung. Dabei verließ ich die Schule, ohne die 6. Klasse absolviert zu haben.

Das Kombinat hatte nur den Namen eines Kombinats. Dort funktionierten nur drei Blöcke. Dorthin lieferte man nach dem Blockadedurchbrechen Kartoffeln von der Großen Erde, nur für die Armee. Die anderen Blöcke wurden gebrochen, um Holz zu bekommen. Aus den Hilfswirtschaften am Stadtrand lieferte man im Herbst Mohrrüben, Kohl, aber auch in winzigkleinen Mengen, nur für die Armee.

Ich war die kleinste Kombinatmitarbeiterin. Mit der Arbeit machte ich mich in einer Woche vertraut. Die Schule bedauerte ich nicht, wollte gut untergebracht sein, damit alle in der Familie es leichter hatten. Mutti ging in die Kartotheke der Bezirkswohnverwaltung arbeiten.

Nach der Stille begannen die Artilleriebeschüsse wieder. Wir saßen im Kontor, und unsere leeren Blöcke trafen Geschosse. Wir gewohnten uns daran. Niemand versteckte sich, niemand lief weg.

Die Menschen auf dem Kombinat stahlen Kartoffeln, versteckten einige Stücke in die Taschen und an die Brust und trugen so durch den Eingang. An den ersten Tagen meiner Arbeit wollte ich dasselbe machen. In der Mittagspause ging in den Block, legte Kartoffeln in die Taschen. Ich zitterte. Kam aus dem Block, lief, versteckte die Kartoffeln in das Loch unter den Zaun. Am Abend brachte diese Kartoffeln nach Hause, Mutti freute sich.

So stahl ich etwa drei Male, beim vierten Mal wurde ich erwischt. Die Lageristin bemerkte mich im Block, ohne Kartoffeln, und schimpfte auf mich. Das reichte zu. Ich ging dorthin nicht mehr. Das war ein richtiger Diebstahl, mir blieb übrig, nur meine Tat zu bereuen, weil ich immer Gewissensbisse hatte.

Wie gut ist es doch, wenn der Mensch unter allen Bedingungen sich auf Gott verlässt und einen ehrlichen Weg geht!

Ich nahm nichts im Block, das bemerkten die Wächter und bemitleideten mich wie die Kleinste. Ich gehe durch das Tor und nehme den durch ein LKW-Rad zerdrückten Kohlkopf oder die Reste einer Rohmohrrübe. Die Wächter bemerken das und legen mir in die Tasche alles, was bei der Durchsuchung den anderen Menschen entnommen haben, und schlagen mich auf den Rücken: «Laufe schneller weg!»

Zu Hause freute sich die Mutter. Sie weinte vor Hunger nicht mehr, nannte mich sogar «Ernährerin».

Wenn ich mich an Mutti erinnere, habe ich so viel Mitleid mit ihr, dass meine Augen sich mit Tränen füllen. Sie veränderte sich, so stark beeinflusste sie die Schwere der Kriegsjahre. Igor, unser Bruder, war ihr ältester Sohn, den sie am meisten liebte. Sie wartete auf ihn immer, darum wollte auch nicht evakuiert werden, als man vorschlug, aus der Stadt zu fahren. «Wohin fahre ich, wer braucht mich dort? Aber mein Sohn, wenn er plötzlich zurückkehrt, wo wird er nach mir suchen?» — so sagte sie. Vor Tränen sah sie jetzt schlechter.

Die Wächter erlaubten mir verschiedene Bretter von den kaputten Blöcken zu nehmen. Als Minderjährige beendete ich meine Arbeit zwei Stunden früher, kam nach Hause, sägte und hackte gebrachtes Holz, stellte den Samowar bevor die Mutti nach Hause kam, Nika lief zur Wohnverwaltung Mutti abholen. Mutti freute sich ganz aufrichtig, dass Nika sie abholte. Ja, diese Geschlossenheit zwischen uns an den Kriegstagen, die Anhänglichkeit der Mutter zu uns nach dem Krieg, als der Vater zurückkehrte, verwandelten sich in ein richtiges Drama, in die schreckliche Eifersucht der Mutter auf uns wegen des Vaters, in die Familienkatastrophe. Da half die erstaunliche Geduld des Vaters, weil er die Mutter liebte und alles ihr verzieh.

Die Folgen des Hungers

Das Jahr 1944 kam. Am 27. Januar wurde von unseren Truppen die Blockade der Stadt aufgehoben. Im Frühling gab man uns in unserem Kombinatgarten, der aus zwei Apfelbäumereien bestand, Medaillen «Für die Verteidigung Leningrads». Der Vater mit seinen Kanonen und Traktoren ging auch nach Westen. Seine väterlichen Sorgen hatten kein Ende. Nach der Blockadeaufhebung bekamen wir von ihm einen Brief: «Wir gehen nach dem Westen. In Ust-Slawjanka, im Haus von ... ließ ich für euch einige Lebensmittel, was zusammensparen konnte. Talja, fahre dorthin mit Elja. Sie kennt diesen Ort, sie besuchte mich dort mit Nika zusammen im Sommer, im Jahre 1942».

Wir mit Mutti fuhren zusammen das Päckchen holen. Wie ehrlich die Menschen während des Krieges waren! Der Vater verließ sich auf fremde Menschen, und sie gaben uns alles. Das Päckchen öffneten wir schon zu Hause. Was alles es dort nicht gab: etwas Butter, Kekse, Zucker. Und so fürsorglich war alles eingepackt. Mutti weinte sogar ein bisschen. Und vorne war der Westen.

Nach Leningrad kehrten allmählich die Menschen zurück, die in der schwersten Zeit evakuiert wurden. Schulen für Erwachsene wurden geöffnet. Viele gingen lernen. Ich wollte auch in die Schule für Erwachsene. Aber sie befand sich zu weit von uns. Von meiner Arbeit sollte man fünf Kilometer zu Fuß gehen.

Die Arbeit durfte man nicht früher verlassen. Obwohl die Regierung eine Anweisung verabschiedete: diejenigen, die lernen wollen, nicht zu verhindern. Ich beriet mich mit der Mutter und ging in die gewöhnliche Schule, wo man am Tage lernte.

Es fiel schwer, nach einer so langen Unterbrechung zu lernen, außerdem hatte ich die 6. Klasse nicht beendet, jetzt aber lernte schon in der 7. Klasse. Aber das schlimmste bestand darin, dass ich erkrankte. Die Krankheit begann noch damals, als ich auf dem Kombinat arbeitete. Zuerst hatte ich erhöhte Temperatur zwei Monate lang. Und als ich in die Schule ging, wurde ich so krank, das mein ganzer Körper mit Eiterbeulen wie mit Aussatz bedeckt war. Am Körper gab es keine gesunde Stelle: Wangen, Kinn, Hals, Schultern, Arme, Seiten — alles war mit Eitelbeulchen bedeckt. Mutti benutzte alle möglichen Mittel. Jemand sagte ihr, dass Jod desinfiziere und alles trockne. Das war das qualvollste für mich. Mutti bestrich mit Jod alle nackten Eitergeschwüre. Man konnte es ertragen, ohne sich zu bewegen, aber meine Stimme konnte ich nicht halten. Darum nahm, um nicht zu schreien, einen Lappen in den Mund. Aber das Jod half nicht. Es ließ noch mehr Eiter sich bilden.

Ein ganzes Jahresviertel besuchte ich die Schule nicht. Am Anfang meiner Krankheit betete ich, bat den Gott mir Gesundheit zu geben. Dann, als die Mutti schon so müde wegen meiner war, als ich fühlte, dass meine Krankheit zu schwer für meine Verwandten wurde, bat ich den Gott um den Tod.

Den Tod schickte mir der Gott nicht. Ich wurde etwas gesünder und ging in die Schule wieder. Nach 900 Blocka-

detagen trug ich diese Krankheit, obwohl sie ein bisschen schwächer wurde, zehn Jahre lang.

Frieden

Deutsche wurden gejagt. Im Jahre 1945 war Ostern spät, am 6. Mai neuen Stils, am Tag des heiligen Georgs. An diesem Tag nahmen unsere Truppen Berlin ein. Irgendwo weit entfernt war auch unser Vater mit seinen Kanonen.

An diesem Tag, zum ersten Mal während des Krieges, erlaubte man die ganze Nacht durch die Stadt zu gehen. Der Osterngottesdienst begann nicht um 4 Uhr morgens, wie es die ganze Kriegszeit war, sondern um 12 Uhr in der Nacht. Die Lichttarnung wurde auch abgeschafft.

Am Ende des Krieges lebte bei uns zu Hause ein Kätzchen, eine Seltenheit für die Stadt damals. Im Frühling kam zu meiner Mutti ein gutmütiges Mädchen aus meiner Klasse, Shenja Dijanowa, brachte ihr etwas Zucker. Shenja wollte unser Kätzchen streicheln, aber das flinke Kätzchen erlaubte das nicht, lief weg. Es war so schön überall! Die Knospen an den Bäumen öffneten sich, Vögel sangen.

Am nächsten Tag grub ich den Garten um. Das Kätzchen schlug sich mit dem Nachbarnkätzchen auf dem Schuppen-dach. Es war am Vortag meines Geburtstages, am 9. Mai 1945. Da höre ich jemanden schreien: «Der Krieg ist zu Ende!» Es war so erstaunlich, dass ich es begreifen nicht konnte: der Krieg ist zu Ende!!!

Am nächsten Tag, am 10. Mai, wurde ich 17 Jahre alt.

Beginning of War Ended Childhood

ZENKOVA Elikonida Fyodorovna

Our school exams passed, and summer holidays began. We felt so free and happy. Every Sunday I and my sister Nika would go to the Transfiguration Cathedral in Leningrad. In that memorable day was not an exception. We woke up, got dressed, and went to church. People in buses seemed to worry and made a fuss more than usual but we paid no mind and failed to understand what they said. After church we came back home. Our parents told us, “War with Germany!”

No sooner we sat down to our tea when father received an urgent call-up paper. He hardly drank up his cup as he got another call-up.

Our brother Igor was 22, father was 46. Father was taken first because he was a reserve lieutenant. Being a senior student of the Academy of Forestry Engineering brother was going to his summer pregraduation practice.

On 23 June we saw father off to war. Troop trains were leaving for west, for Narva, and they were being bombed hip and thigh by the fascists. Mother went to the station alone,

and returned in tears. Brother hugged her to calm down. He wasn't called up because he didn't serve in the army; those who entered the university didn't have to serve. They studied military science once a week in the university.

On 5 July brother left for his practice in Krasnoborsk forestry near Luga. Only I was seeing him off ... off forever. I recollect how I watched him leaving on the bus. I kept following him and never knew that it was the last time I saw him... My dearest beloved brother Gulya.

Dad came back of a sudden after five days, on 28 June. They were attacked by German bombers on a half-way to their regiment. Father jumped out of the carriage and rolled downhill. Two of his friends died on the spot. Very few people going on the train survived. They came back to Leningrad on foot.

Next day father was marching in the ranks of people's militia army. He was sent to a borough called Strelna where they garrisoned for about fortnight. We went to see him there.

When we called him by a sentry he came out and bought us ice-cream. It was the only food left that could be bought without a ration card.

Life was changing day by day. Mass evacuation of people started. We saw people dragging along with their bundles. Then the air raids began. The factory sirens were sharply howling. One hooter began and another joined in, just after that the siren of Mechnikov hospital took up, and even the siren of our district housing department answered the howling. Blended with each other they made some unbearable howl and moan. Our childhood was broken. Father was sent to the artillery forces of operating army. After that our mother who used to be so energetic and lively suddenly had got lost. She had never gone shopping for food before. It was me who had bought all food for our family since I was eight. Now all ration cards got into my hands, and I was to buy food for us until these cards were cancelled in 1947. I was hunting for such places where I could receive something to eat against ration cards. But the starvation hadn't yet begun.

On 30 August we received back our letter to brother that we had sent him. The address was crossed out and there was a sign «Address is left». It meant that the Germans had already occupied the territory. Brother wrote in his first letter, «I got a job of forester. It's so beautiful here. I'm going to ask Elya come for summer». I was lucky not to have been sent there, God kept me from German occupation.

Circle is being closed

On 8 September the German troops were bombing the biggest storages of food of the whole city, Badaevskie food storehouses. And now they were burning... Though we lived in the Karelian Isthmus we saw a huge glow of that fire in the sky very far from us. Schools were closed, so we didn't study.

Once father came to settle some military affairs, and, at night, he went to the stuff for getting registered. He was very depressed, «We are retreating almost without fighting. Our army is just running...».

Very soon caravans of misery refugees were moving along the city. These were people from the villages near Leningrad. It was a horrible sight, carts with bags, children in some rags, cows and sheep dragging behind. But where were they escaping to? To the very pocket. Leningrad was being encircled from all around, and that circle was going to be closed very soon.

Every morning I went on the tram, which were still running in September, to Ohta to buy some bread. I remember that with all my child's heart I felt sorry for poor horses who brought the tears to my eyes. They were driven by both soldiers and refugees. They were so hungry that being tied to the

trees browsed the bark up to heartwood. Poor innocent creatures, they were shaking with their heads, and even wood they gnawed. After they died from starvation their carcasses were eaten by people. I couldn't look at them. Mother and Nika didn't see it because they were at home and went nowhere. But as I only saw a horse I turned away because my heart was wrung with terrible pain.

In a state farm I managed to buy some unripe cauliflower that we shredded and pickled as cabbage.

The first autumn frosts began and so piercing they were that even chilled our hearts. The Germans started bombing our district.

One night mother took the Icon of the Mother of God of the Burning Bush. That was our family icon which we always had in our room. Mom told us to pray and passed round our house and garden with the icon.

At the bottom of the garden we dug a hole to shelter there at first time during bombing. We covered the dirt floor with boards and spread an old mattress and a ragged blanket over them. The entrance was closed with a sheet of iron.

We heard muffled drone of German aircraft... Dozens of projectors were searching them in the sky. Anti-aircraft guns were shooting without stop and their sounds were like the sounds of hammers. Now the engine stalled, and this was the most horrible moment because at that time the enemies were dropping bombs.

All of a sudden we heard a terrific heartbreaking howl and whizz. The sheet of iron was lifted by an air wave and dropped back onto mother's head. Our ears were torn with terrible crack as if the earth had been blown down. A huge fougasse bomb had fallen onto our street and torn a part of the house nearby but hadn't ruined it.

That lasted every day and every night all autumn long. In November real winter came. We already sank into torpor for we had got used to bombing and left out shelter hole. A man can die but once. Why run or shelter? Our fear subsided. It was hunger that we failed to depress day by day. Nika kept her chin up and didn't give in skiing on her small skis in the yard. Her vivid imagination was not dying down. She kept speaking to some invisible beings and even laughed. I was queuing at round the clock and lest mother should go buying some food for us. I was afraid that she might let sellers cut more food tickets. Mom was to fire a furnace and cook. I was to get food and divide bread among us.

One morning I was running to home with bread (375 g for three of us). I knew that mother and Nika were waiting for me with hot furnace and hot tea. A well-dressed woman stood on the porch. She leaned forward as if she were putting her boot straight. When I was running beside her she suddenly caught my bread. I screamed and began snatching my bread

back out of her hands with all my strength left. Some people went behind and the woman jumped aside with handful of my bread which she didn't unclench. She stole almost half-ration or more from me. That was about 100 g of bread.

I came home in tears. Mom scolded me and called scatterbrain... It hurt me so much... I refused to have breakfast next morning to save the stolen ration. After that I didn't carry the bread in my bag and when I met someone I hid it in my bosom and held tight.

Did we pray at those days? Yes, we did. It was then when we learned the ninetyth psalm by heart and sang it. Besides, mother told Nika to say a psalm and two prayers of St. John Chrysostom. One of them was "O Lord, vouchsafe that I may love thee". After that Nika used to say three chapters from the Gospel, while mother and I tried to busy ourselves with something. But half the time Mom lay in bed listening to Nika's reading aloud. Mother has changed a lot. By December they had stopped bombing the city, the circle closed, and life in the city came to a standstill.

Before the war there was a vegetable plant nearby Piskrevsky forest. It was there where hungry Leningraders were making for. The processions from the centre of the city moved there on the sledges with buckets tied onto them. These people carried out raids on that plant, got down the guards and stole pickled cucumbers, tomatoes, and fetid presscake. I didn't go there. I was afraid. People could even kill there for food. Though food reserves at the plant had run out and people left it. Then they began digging out horses that had fallen in autumn. They chopped animals and ate them. Soon horses were finished too. Hungry people made for Piskrevsky forest. There were pines and firs that had been planted in the year my younger brother Uar died (1926). People cut the trees and ate needles as the best vitamins. The forest that had been growing for 18 years was eaten in 10 days. I remember man eating pine needles when we were queuing. He was long chewing it to save his life.

I kept satnding in the queues called 'podzhidalka'. Those where people were standing for weeks awaiting cereals (200 g per 10 days) to get them for ration stamps. One person could have 600 g for a month. We stood and felt cold. Our coats covered with blankets with louses creeping on them. A man passing by. One step, another step... Now he fell down and there was nobody to take him away. Near our house other dead man had been lying for a week. People were falling on the streets. Males were first to die. For some reason they lost heart from starvation and couldn't put up with it anymore.

There was no water. In November water pipeline a kilometer away from our house was destroyed by a bomb. But the water from other pipelines flew down to the crater from that bomb. In December up to mid-January my mother and

I were going for water to that crater as if we were palmers. People from all around went there for water. However the cater was also frozen at last and water from pipelines was no more flowing. We found a shell and exhausted it. Underground spring failed to fill it for a night. All day long 'enchanters' were kneeling near the shell with jars on the ropes to take their turn and fill the bucket. One such bucket could be hardly filled up for an hour.

Christmas

Christmas came so sad. But we decided to make it a bit happier for our Mom. Me and my sister agreed to make a small secret hiding box like the one from which we had treated our brother to sweets. Now we hid some sweets and bread crusts there pretending to eat them with our tea while in fact we drank just plain tea. We agreed that when mother and I came back home after water pilgrimage we would sit down to our tea and present mother our precious gift.

We were coming back with buckets full of water when we saw a military gas-producer car across the street. Some man was carrying something to a former chapel. There lived commanders from our military unit. The man was our father! He came to the military storehouse and carried accumulator there. He came for military purposes. But why was he so blue? Poor Dad, yesterday he had nearly died for his hungry children.

We celebrated Christmas. Dad brought us a small fir tree on his military car. Father waited for that trip. For the whole month long he had been saving biscuits, sugar, butter, and bread from his ration. He carefully packed all this into small bags and put into his knapsack. At last on Christmas eve he was sent to the city. Somewhere near the road sign he pulled up a fir-tree peg. His car was prepared to go and he said goodbye to his front-line friends. He put his so precious knapsack to the driver's cab and left for some military affairs, orders, instructions... Everything done and he got into the car — where he saw that his knapsack had disappeared! Dad grew cold with terror. He suspected one man and began searching. When father came to that man he just told him something scornful. A father of starving family from half-dead city, Dad was up in the air and drew his gun out of the holster. But a hand of a good friend directed by the father's guardian angel knocked that gun out of his hands and it fell down on the snow. Friends took Dad away to the dugout.

Dad had a chance to go on military affairs to hungry city, see his family on Christmas and bring them the whole sack of food but now he didn't have even a single piece of bread! Father shrank into his corner of dugout. But his kind friends helped him. All of them put what they could give into a dixie. One gave a biscuit, the second — a lump of sugar, the third — a piece of bread. That was with what our dad came to us.

When he left his friends wrote high commanders about all things he had saved, and on his return from Leningrad most of the stolen was made up.

There was one moment and one shot that separated father from military tribunal and then — execution by a firing squad.

We tried to calm him down and all our sweets and bread divided between him and mother.

Famine

A standstill in the dying city ceased with artillery bombardment and the Germans tightening the circle round the city. One after another, districts were bombed with long-range guns. But our souls turned into stone. Our district was shelled. There was a military storehouse not far from our house. The Germans were aiming at that place but hit either at state farm fields, or at wooden houses and gardens. We heard a dull remote “thud!” of the German gun. In half a minute their shell was exploded by our place. We stood indifferent in the queue in the hope of buying something to eat. The five-ton lorries were moving by us. The dead from military hospitals were heaped as firewood on their trailers. They lay naked with their hands and legs sticking out, boat-shape bellies, and jutting ribs. Dead people were unloaded into the large sandpit near Bogoslovskoe cemetery. In the beginning of winter several common graves were dug in frozen earth with help of dynamite. But now they had enough strength only for gathering the dead and unloading them into the sandpit. Cars with bodies were following one another. The houses in the city were full with the dead, even the dead families. Nobody carried them out from the houses for burial. There was no heating and bodies didn't decompose. All the hospitals were military. Most of the dead were from hospitals.

Mother feared for me when I stood too long in the queues. I was thin but as I was young my cheeks were pink. People could think that I might ate well. Cannibalism began and Mom was afraid that I could be killed when coming back late. People became wild. Parents famished their own children and then concealed their death to get spare ration card. It were not neighbours who stole ration cards from each other but relatives — daughter from her mother, husband from his wife.

There was one path that we called «burying». It went along the fence of the wash-house (inactive at that time). That path was a snow hill and there was sort of a trench down the hill. Every day we made for the water shell along the snow hill. The trench was for dead people who were left there by their relatives. They rolled the dead in cotton blankets and threw them into the trench. Even if people loved their relatives it was very difficult to bury them into the frozen earth. Graves, if any, were dug only for bread. Some people threw

their dead into the trench, another ones chopped off their bottom part. The top of dead man was left in the blanket till spring while his bottom was eaten. There were guts on the path; the snow was spotted with blood.

In the beginning of the war columns of soldiers marching along the streets sang,

Arise, o mighty land of ours, arise to mortal war
With evil fascist powers, with the damned horde
Let noble fury boil up in a wave
There is a national holy war
Let noble fury boil up in a wave
There is a people's holy war.

The words of that song sent shivers along our spines, and the spirit of patriotism was in the air. But in the winter months of famine and death all people's feelings seemed to be frozen and everybody was lost and indifferent.

By late-January the Road of Life was won from the fascists. The circle was broken on the ice of Ladoga but not on land. People, exhausted and hungry, were evacuated across the iced lake from the besieged city to the Big Land as we called Russia at that time. People were transported to Vaganovo on lorries and partially on trains. Some of Leningraders died before they reached the lake. Their bodies were laid on the snow during the stops. The lorries with food came to the city from the Big Land. They were being bombed by the Germans all the time. Those people who brought food to starving city despite all those attacks were true heroes.

Life pulsation

We all tried to hold on. When famine one has to organize his thoughts, feelings, and deeds to survive. Mother was accurate and orderly in everything. Being kids we had no right to eat even a small piece of bread until mealtime. We used to ask, «Mommy, we want to eat», and she always answered, «Be patient, soon we will have dinner».

During blockade many people died because they ate their three-days ration for once. A piece of bread of 375 g isn't enough for three days, is it? But without even a crumb of bread meagre man could die of starvation. We had a very strict order to divide that small piece of bread for two meal-times — breakfast and dinner. We drank hot boiled water and the tine piece of bread was instead of a sweet. We had little potatoes that we stretched out till Christmas counting every single tuber for soup. Though our meals could feed only a kitten they were regular and constant. We also didn't let hunger made us lie to bed like we hadn't let diseases break us down before. We tried to make busy every moment of our life and that was very important.

We didn't have any religious books so we started to read classical writers. Nika was reading aloud while I embroidered

placemats. For the winter of 1941-42 Nika, who was 9 at the time, had read a complete set of Pushkin, Lermontov, Zhukovsky, and Chekhov. We had very scarce light from some battery that exhausted in January. Our godmother brought us a little kerosene mixed with petrol or whatever. It burnt bad and gave much soot but still it was light that let us read and sew.

Other occupation of ours was drawing. We competed with each other for the best copy of an Easter postcard. In February we began sewing clothes for Easter; Nika sewed for my dolls, I — for hers. Mother made it up because though we didn't play in dolls we must hold our ground and make our life pulse. We had to do something — whatever it was — not to lose our heart. And so we did, Nika sewed a shirt and woolen trousers as a present for Easter for my monkey called Mishka.

In early-February in 1942 the most terrible days came. All food reserves in Leningrad had run out, and as the Road of Life was constantly bombed many cars with courageous drivers and food sank under ice. For three days bakery plants didn't bake bread, and people kept standing in the queue wakeful day and night. In those days perhaps half of the population left in the city died. I had never let mother queue in that winter but now I couldn't stand in the queue alone day and night. We began taking turns in queuing. After three fatal nights Mom fell ill.

The Germans were dislodged from Ladoga and the bread came to the city but Mom began wasting away. We decided to wash and melted snow for it. Mother washed Nika and helped me to wash myself. When mother put her clothes off I was frightened; she looked like skeleton with jutting ribs, sunken belly, and emaciated chest. There was something like two pouches instead of her breast.

Starving people fell ill with bloody diarrhea from exhaustion. One couldn't go to stool because he ate nothing. After that lower rectum came out from anus and one felt terrible pain when seated, and soon died from that diarrhea of starvation.

Our mother got a diarrhea of starvation.

Famine had changed our attitude to other people from love and compassion to cruelty. My sister and I used to have mercy on all animals. In autumn of 1941 I felt so sorry about starving horses. In the beginning of the war we had our best pet friends — a big red dog Pyos'ka and a cat Kot'ka. In December poor little Nika told me that she was praying that Kot'ka would disappear some day. She even promised God not to warm her hands near the furnace until the cat vanished. Nika knew that mother pitied the cat and gave her a bit of her food.

The cat had vanished before Christmas. She might have gone out and didn't come back anymore. Probably she froze.

But our big and strong dog still lived. In autumn all our hens had fallen, and mother fed the dog with them (we preserved our vow to abstain from meat even in war time). Pyos'ka became so small and thin, but kept looking at us with his smart dog's eyes full of tears as if he wanted to say, «Why don't you feed me?». Though we told him to stay in his kennel when we went for water he used to see us off to the wicket and then waited for us sitting there, so faithful dog. When he saw us coming back he guiltily went to his kennel with his tail between his legs leaving bloody line from his frostbitten paws on the snow.

Mother who had fallen ill from famine gave her last bread to Pyos'ka. After that Nika and I stopped caring for the innocent dog and became very cruel. We wished he died soon. On 6 February 1942 we heard his agonized yelp from the kennel. We went there to see him dead. I am crying while I write these words, I cry about how cruel we were. Then I thanked God for the death of our poor Pyos'ka. He was so thin that his body even didn't smell or decompose. When weather got warmer I took his big body weighing nothing, wrapped him into some rags, and put to our shelter hole. We buried him and made a small flower-bed on there with a sign «Pyos'ka's grave». Now violet monkshoods may be still flowering there.

We felt so sorry about our Mom. There had been no more letters from father since his last visit in January. Our godmother came to see us and was bitterly crying. Doctor had told her that our mother would never recover, that she would die from famine. After that we would be sent to an orphan asylum, and then to the Big Land.

We said nothing about that to our Mom but our grief had no limit. We lost bother, had no news from father, and soon were going to lose our mom as well.

I decided to suggest Mom that she should take some of my bread, that she should take it for granted. At first she hesitated but then agreed and even with pleasure. But it was too little. Nika and I agreed to find other way out. We took turns for having the crusts because they were more nourishing. When I went out with Mom Nika was to wet crust slightly with holy water. And when we would divide bread that crust was to go to mother. We didn't dare to tell Mom the truth; she had imperious temper and could only spoil our plan. We had been doing so for fortnight.

Spring brings life back

On the Annunciation Day late spring came. We had been so looking forward to it. Water began dripping from roofs, everything was thawing, and we felt so happy. Late birds were flying back. War or frost had frightened them off so they flew two weeks later than usual. The spring was so powerful that on 10 April I gathered some sorrel for soup on the thawed

patches in our garden. Very soon nettle began to shoot. Our Mom got stronger, but only by body — her courage was lost. She never went out from the house. And we went for water together with Nika. As Nika was little she could carry water only in small milk cans. While mother was sitting at home we looked for any eatable grass that people gathered before it could shoot high. We picked nettle, thyme, burdock roots, and so on. I had to dig up our garden alone. Mother only made vegetable patches. Nika and I queued long for turnip and rutabaga seeds. Some seeds we found at home and sowed them all. Nobody in the city had any potato tubers to sew.

On Nika's birthday 20 April one woman came to our fence and said that our father was alive and that he served together with her husband on the front. With her he sent us a piece of bread and a bar of American chocolate. What a joy it was!

We had nothing to fire our furnace with because all skis, benches, and pickets we had fired in the winter. Now we were looking for dry trees around abandoned houses. Though Nika was 10 and I was 14 we were bad woodcutters and couldn't cope with trees that were 30 or 40 centimetres over. My undercut was right and we were sawing slantwise lest a handsaw couldn't get stuck. That job bailed us up, but there it was. We had to do it. As we couldn't carry the sawed wood to home we were just rolling them as barrels.

The second front line

Once in May father came home just for some hours. He described us in details the location of his unit (it was in Rybatskoye where now there is a monument).

When father saw us he was afraid for my health. Mother became weak and lost her heart. I had to do all hard work with my legs thin as reeds. I leaned on Nika's shoulder because I wasn't strong enough to go very far.

Then father asked us to come to him to the second front line so that he could help us. When he was leaving he looked back at our house and garden and hugged Mom with tears in his eyes.

After cruel winter the first trams began running. In April the first wash-house was opened. There was only one room for both men and women. People didn't feel sex difference between each other. They washed themselves like weary children. They wanted only to wash and get warm.

District housing department arranged removal of the dead from the streets because their remains began decomposing. They were unloaded onto the same sandpit where thousands of soldiers had been already buried in winter. We called that sandpit «a deadpit». It was very large, about 300 metres wide and 400 metres long. We had to pass that deadpit when we were going to Dad. It was so stinking that we went holding

our breath for about a kilometer. After war that sandpit was long being filled up with earth but it kept settling. Only in 1950 there was made a burial mound topped with an obelisk «To the heroic victims of Leningrad».

To come to our father's unit we went to Nevskaya frontier post by tram and then walked 5 km to father's place. We called his surname and the sentries let us in.

Poor father, again he was risking his hand for us. He knew the day we were to come and got ready to it. There was a neutral line between German and Russian fronts. The line stretched along the field of a former state farm. In spring much lettuce had shot there. Our Dad crawled on that field on his stomach cutting lettuce and putting it into a bag tied to his leg. God saved him. All lettuce he gave us.

His friend and he stunned fish in the Neva with shells which was strongly prohibited. They divided it in two. All father's share was for us. He even caught some firewood in the river and sent to Leningrad on a military car. I remember how afraid we were to go on that car all that long way to home. They went for ammunition and took our wood along. Father didn't go with us, he stayed on his second front line.

When we came to him he fed us. His dinner was just for one man. We got into deserted house and fired the furnace there. Father mixed porridge and soup in one pan, added a lot of nettle, and that broth was enough for three of us. He sent with us some bread and sugar from his ration to mother.

Once we stood with father in the field and he told, «Do you hear the music?» «Yes, I do», said I. «Germans' radio is singing in Pushkin». How close they were!

There was earth, some garbage and tall weeds under our feet. But father told us, «These are our guns». They had hidden them so well!

Famine and children's kindness

But our trips to father ended soon because his unit was transferred to other place. July came. Vegetables ripen only in the beginning of August. There was nothing but the grass to eat. However people dug vegetable patches in the parks of the city centre. Small garden near the Kazan Cathedral was also dug. So the monument to generals Barclay de Tolly and Kutuzov were standing just between those patches.

Near the former vegetable plant people dug out a pit. There was press-cake that had been dug there several years ago. That press-cake was almost earth. A woman guarding the pit (that was situated on the former area of the starch shop) didn't let us there. Children with their baskets gathered around her and asked, «Please, kind lady, let us in!». At last she pretended not to see us and turned away. At that time we tried hard to grab press-cake with both arms into our baskets and then made off. At home mother poured water on press-

cake and then sieved it. Worms and dirt didn't pass through the sieve but the sand did. Mom baked cakes from the settled starch and they crunched in the teeth. However hungry you were you couldn't eat more than three such cakes. Otherwise you just threw it up.

But people didn't die anymore. It was famine but not wholesale deaths. We could get grass or press-cake to fill our stomachs. Also we dug turf in Piskarevsky forest and ate it. It seemed tasty and sourish but it could kill if you eat it too much.

In the end of summer everybody livened up because our vegetables had ripened at last. Since 1 October 1942 children began going to school again. There lived mostly those people who could adapt themselves to the life in the city. They had either mother working in the military hospital, or father taking the position of the front supplier. Or people from Vsevolzhsky district who could save their cows. Few if any lived in the centre of the city. People lived in, in the barracks. The centre street were sometimes so empty that voice was echoing as in a hollow corridor.

We had to guard our small garden at night with a poke and a whistle. We saved it not from neighbours but from soldiers who were also hungry as all of us.

All our vegetables soon ran out. They were not so nourishing without bread and potatoes and we had to eat them much. By late-November they had almost finished. Now a daily bread ration per head was 200 g and per worker — 400 g. But people were famished. Our Mom had changed greatly. Her patience wore thin, she stopped keeping order. She often begged me to find a shop where they could sell a three-day bread ration. Sometimes she cried scandalizing all our neighbours, «How will we live? What will we do?». I hugged her to calm down but it was all in vain. She gave way to despair and lost hope to find any job, or even to find herself. If we needed to resell or swap something it was I who had to do it.

At that time there was issued an order to break wooden houses and to move people into deserted flats in the stone houses. That was made to lay in firewood for schools, hospitals, and other institutions for the winter of 1942-1943. Life teaches, so Nika and I took time by the forelock. Two houses were broken in our street. When it got dark we came there and took some wood away on our sledges. We laid in for all winter.

I had been studying for three months in the sixth grade when I started to search job in December. I wanted to work in military hospital. It was very hard but the bread ration was twice more than ours.

Mother kept crying. Death of starvation was now far behind, the ration was more than last winter, but she was in such state when person could fall with mental illness.

I was not taken to military hospital because I was under age. So I had to stay at school.

I will never forget kindness of those girls who studied with me in the times of trouble. They were very few and their lives were a bit easier than ours because their parents were working for the front.

Despite the starvation we studied well and our teachers may have pitied us. Once children in Nika's class were collecting money for the children of front-line soldiers. All that money was given to my sister. A girl called Lara shared the same desk with Nika. One day Nika took her bag and saw a piece of bread there. Nika was afraid but Lara whispered to her, «Do take it, please, it's for you, Nika». They were only 10 or 11 years then, those children.

Father of other girl Galya Simakina worked as a minister. Once Galya brought a jar with sauerkraut and gave it to Nika, «Nika, my mom sent it for you, take it». The Galya died when she was 22. She had chilled her kidneys during those cold days and doctors failed to cure her after war.

Girls who worked on the state farm were given beetroot. Each of them kept her tuber for Nika. That was how children lived in times of famine. They were so kind and openhearted those girls — Klemeshka, Zhenya Diyanova, Galya, Larissa. They will live forever in my heart.

My job

My godmother helped me to get job. She had some acquaintances in the account department of the vegetable plant on Piskarevsky district. On 25 April they took me as an accountant trainee. So I didn't finish my sixth grade and dropped out of school.

The plant was only named so because just three buildings were still working. After the breakthrough of blockade they only processed the potato coming for the front from the Big Land. Other buildings were broken for firewood. In autumn farms sent there the carrot and cabbage but also too few and only for the army.

Though I was the youngest worker in the whole plant I was very quick to get into the swing. I didn't wish I had quit school because I wanted to help my family. Mother also found a job in our district housing department.

After standstill the city was bombed again. We were seating in the office while bomb exploded in empty buildings of the plant. We got used to it. Nobody ran and hid.

Workers stole potatoes from the plant. They hid them in their pockets and sneaked it out through the control post. I decided to steal too. At lunchtime I made for the building and put some potatoes into my pockets. I was so afraid of being caught and shook like an aspen leaf. I hid stolen potatoes

near the fence, and after work took them from there to bring home. Mother was so glad.

I stole three times but on the fourth I was caught there, yet without potatoes. But I got off light and the storekeeper just gave me a good scolding. It was enough for me. I never came there again because I felt pangs of conscience for my theft.

It is so good when man can rely on God in every situation and live by fair means.

As I took nothing from the plant the guards noticed it and pitied me as the youngest one. Sometimes they even gave me the food they had taken from other pilferers — a head of cabbage smashed under wheels of a car, carrot ends, and whatever.

Mother was happy and didn't cry from hunger anymore. She even called me a bread-winner.

When I remember her I always feel sorry about her. War years lay heavy onto her shoulders and changed her so much. Our elder brother Igor was her most beloved kid. She kept waiting for him and that's why she didn't want to evacuate from Leningrad, «Where will I go to? Who wants me there? What if my sonny came back and didn't find me at home?», she said. She couldn't see well after all those rivers she had cried.

Guards allowed me to take some wood from the broken buildings. As non-adult I finished work two hours earlier, came home, sawed and split my firewood, fired up a samovar while Nika ran to meet Mom from her work. Mother liked when Nika met her. Unfortunately our unity between us during war years and mother's affection for us ended with a terrible family drama when father returned after the war, with mother's jealousy of us to father. It was a real catastrophe. But our father was wise and patient enough to forgive our mother because he loved her so much.

Famine consequences

On 27 January 1944 our army managed to lift the siege. In spring we were awarded with Medals for the Defense of Leningrad in our plant garden with two rows of apple-trees. Father was moving to the west but his paternal care didn't end. He wrote us, «We are leaving for the west. In Ust-Slavyanka I left some food for you at the so-and-so family. Talya, go there with Elya. As they came to me in the summer 1942 she knows the place well».

And we went with Mom for that package. What honest they were people during the war! Dad relied upon strangers and they gave us all he had left: some butter, biscuits, sugar... It was so carefully packed. Mom even had a little cry over that touching package.

People began coming back to Leningrad after evacuation. The continuation schools were opened for those who quitted because of war. I longed for entering that school but it was 5 kilometers far from my job. I was not allowed to leave early though there was issued the decree not to delay workers who wanted to study. In the long run I followed my mother's advice and went to regular day school.

It was very difficult to keep up with the 7th grade pupils after such a break. But the most difficult thing was my illness. I fell ill working on the plant but got away with high temperature. But now when I went to school I felt so bad that all my body got covered with boils from head to toe as if I suffered leprosy. Mother cured me with all possible remedies, and somebody advised her that she should use iodine that disinfected and dried boils. It was a real torture for me. I could stand still when Mom cauterized my pustules with iodine but I couldn't stand silent. That's why I gagged my mouth with rug not to cry from pain. But iodine wouldn't do. It caused more pus.

I had missed school for a term. At first I was praying God that I might recover. Then I felt that I became a burden on my family I lost my heart and began praying that I might die.

God didn't send me death. I got well a bit and began going to school again. The illness that I got after 900 days of the siege had been my curse for 10 years.

Peace

The Germans were defeated. In 1945 Easter was late and fell upon the Day of St George the Conqueror. On that day our troops came into Berlin. Somewhere there our father was marching along the German streets.

On 8 May it was the first time for the war when people were allowed to walk in the city all night long. Easter mass was celebrated not at 4 a.m. as it had been during the war but at midnight. The blackout was cancelled.

In the end of the war we got a kitten that was rare for the city at that time. My kind schoolmate Zhenya Diyanova came to us and brought some sugar to my Mom. She wanted to stroke our kitten but he was so brisk that she couldn't catch him. Life was so wonderful! Buds on the trees were being sprouted and birds were singing their beautiful songs.

Next day I dug up in the garden while our kitten was playing with a neighbour kitten on the roof. It was the day before my birthday — 9 May 1945 — when I heard people shouting, «No more war! Peace came!» It was so amazing that I couldn't even believe in it — no more war!

Next day, on 10 May 1945, I was 17.

Не думали, что выживем

КАПТЕЛЬИЙ Никифор Савостианович

Я участвовал в боях за Ленинград, дошел до Кенигсберга. Мы не думали, что выживем. И я совсем не мог себе представить, что доживу до 90 лет.

На войне каждую минуту гибли люди, было невероятно тяжело: бойцы страдали от голода и холода, очень переживали за родных, оставшихся за линией фронта.

А началась моя служба в Финляндии. Я попал в 25-ю авиационную эскадрилью. Когда началась война, мы под сплошным огнем противника перебазировались к Кронштадту, Ораниенбауму. Потеряли двух летчиков — майора Петухова и лейтенанта Бронфеля. Хоронили их рядом, в Мартышкино, под страшным обстрелом. Немцы находились в старом Петергофе, но мы им

покоя не давали, наша морская авиация бомбила их днем и ночью.

Был случай, когда к нам баржей пришло вооружение — бомбы весом 250 и 500 килограммов. Нам этот груз приходилось вручную выгружать и доставлять к самолету под обстрелом немцев.

Из Кронштадта мы взяли через залив горючее и вооружение в ночное время, без мотора и света, на Ораниенбаум, по направлению ветра. Нас было двое — лейтенант и я, старший красноармеец. Мы находились на палубе, а четыре матроса от качки потеряли сознание. Нас встретил пу-

леметный страшный огонь, но мы стояли начеку, мы обязаны были доставить груз на место своей части.

Wir glaubten nicht, dass wir am Leben bleiben

KAPTELYJ Nikifor Sawostianowitsch

Ich nahm an den Kämpfen für Leningrad teil, ich erreichte Königsberg. Wir glaubten nicht, dass wir am Leben bleiben. Und ich konnte mir nicht vorstellen, dass ich mal 90 Jahre alt werde. Im Krieg kamen jede Minute Menschen um, es war unglaublich schwer: Soldaten litten unter Hunger und Kälte, machten sich Sorgen um Verwandte, die hinter der Kampflinie geblieben waren.

Mein Dienst begann in Finnland. Ich war in die 25. Fliegerstaffel einberufen. Als der Krieg ausbrach, waren wir unter dem dichten Feuer des Gegners näher zu Kronstadt und Oranienbaum umgesetzt. Haben zwei Flieger verloren — Major Petuchow und Leutnant Bronfekl. Sie wurden daneben, in Martyschkino, unter dem starken Beschießen begraben. Deutsche befanden sich im Alten Petershof, aber wir ließen

sie nicht in Ruhe, unsere Marinenluftflotte bombardierte sie Tag und Nacht.

Einmal wurde uns mit einer Kahn Rüstung gebracht — Bomben, die 250 kg und 500 kg wogen. Wir sollten diese Last manuell ausladen und zum Flugzeug unter deutschem Beschießen liefern.

Aus Kronstadt transportierten wir über den Meerbusen Treibstoff und Rüstung in der Nacht, ohne Motor und Licht nach Oranienbaum in der Windrichtung. Wir waren zu zweit — ein Leutnant und ich, Oberrotarmist. Wir befanden uns am Deck, vier Matrosen verloren vom Rollen Bewusstsein. Uns traf das schreckliche Maschinengewehrfeuer, aber wir waren auf der Hut, weil wir die Last in unseren Truppenteil bringen sollten.

We Didn't Think That We Would Survive

КАПТЕЛЫЖ Nikifor Savostianovich

I participated in fights for Leningrad, I reached Kenigsberg. We did not think that we would survive. I could not imagine that I would live up to 90 years old. People died at war every minute, it was incredibly hard: soldiers suffered from hunger and cold, they worried about their relatives, who remained behind the front line.

My service in the army began in Finland. I got into the 25th aviation squadron. When the war started we transferred to Kronstadt under continuous enemy fire. We lost two pilots: major Petuhov and lieutenant Bronfel. They were buried near each other at Martishkino under terrible fire. The Germans were in Old Peterhoff, but we didn't give

them time to rest, our marine aircrafts bombed them day and night.

There was an occasion when the bombs that weighed 250 and 500 kg came to us by barge. We had to unload and deliver them to the plane manually under German bombardment.

We carried fuel to Oraienbaum through the gulf without motor and light at night in the wind direction. There were two of us: me and a senior Red army man. We were on a deck, and four sailors fainted because of rolling. We were met by a terrible machine-gun fire, but we were on alert, we had to deliver the cargo to the place where our base was located.

175

«Вперед к Победе!». Анастасия Ворущилина, ГОУ школа-интернат №28, 8 класс

Память сердца

Русская женщина

КРЫЛОВА Зоя Алексеевна

Блокада... От одного слова поживаешься как от нестерпимо холодного озноба. Два слова: блокада и голод, а между ними — жизнь и смерть. Смерть заглядывала в каждую квартиру, но были и такие, из которых ее гнали метлой и тогда она пробиралась к тем, в ком жизнь едва теплилась, и проникнув, тихонько ждала. «Она» была рядом, и приходилось бороться не только с врагом, но и с нею, выхватывая для жизни дни, часы и даже минуты. Она была жестока. Побеждали духом, долгом, отчаянной заботой о детях. Откуда прибывали резервные силы? Изможденное тело выдавало «на-гора» последнее. Вставали и шли через «не могу» на работу, к станку, как моя мама, которая работала револьверщицей, внося вклад в Победу над фашизмом. Все для фронта! Но была у нее и я. Это удваивало ее силы и энергию. Долг перед Родной и материнский стимул. Надо выжить!

Я многого не понимала, мне было десять. Объявление вероломной войны я не осознавала, понимала, что это плохо, но насколько? От взрослых тревога стала проникать и ко мне в душу. Как ребенок, образно я могла сравнить это с приближением грозы в летний день, когда вокруг становится вдруг темно и зловеще сверкает молния. Ощущение войны пришло позже, когда я стала слышать отдаленный грохот оружейной стрельбы, сирены воздушной тревоги, гул самолетов и разрывы бомб. Бомбоубежища близко не было, я сидела дома одна, когда мама была на работе. По ее наказу я не выходила из квартиры. Страх сначала не было, но по-

немногу он начал вселяться в детскую душу, когда выпал снег и пришли морозы, когда мама после работы отоваривала хлебные карточки и еды не хватало. Моя мама, божественная женщина, с грустной любовью смотрела мне в глаза, глядя по голове, вздыхала и тихонько говорила: «Все будет хорошо, война кончится».

Мама была мудрой. Познавшая первую мировую и гражданскую войны, она с первых дней объявления Великой Отечественной начала сушить сухари. Она знала, что такое лихо. Это спасло нас, и не только. К нам прихо-

дила 12-летняя племянница мамы, и ей выделялась горсть сухариков.

Когда не было электричества, замерз водопровод, мама приносила бидон воды, которой хватало лишь на чай и горячую похлебку из сухариков. Шли самые тяжелые месяцы блокады — с декабря 1941 по март 1942 года. Что такое жить без воды и канализации, нужно познать на себе. А кто не понимает, спросите у тех, кому под девяносто и более, оставшихся в одиночестве в своих обветшалых домах, которых не коснулась цивилизация, и кто, как в блокаду, с огромным трудом добывает себе воду, таская ее ведрами из колонок и колодцев, и так же с трудом обогревает свои жилища с помощью печек.

Морозы стояли крепкие, холод проникал в квартиры и вместе с голодом совершал свое коварное дело, как бы в сговоре со смертью. Но мы боролись. Буржуйка как-то грела и давала горячую пищу. А иногда мы с соседями по квартире протапливали на кухне плиту по очереди и грелись, как на лежанке, — я и две соседские девочки.

В это самое тяжелейшее время даже страх притушился. Я сидела дома одна, смотрела в окно, если через замерзшие стекла можно было что-нибудь увидеть, и ждала маму. Мама — это была сама жизнь. Часы отбивали час за часом, я жила сама в себе: в мыслях, в мечтах, в надежде — и ждала. Когда приходила мама, становилось хорошо, уютно, спокойно. В этой маленькой, худенькой женщине таилась огромная сила. Я живу, благодаря героическому подвигу моей мамы. Она дала мне жизнь и сохранила ее в блокаду, меньше всего заботясь о своей собственной.

Russische Frau

KRYLOWA Soja Alexejewna

Blockade ... dieses Wort lässt die Schultern zusammenziehen wie vor unerträglich kaltem Schüttelfrost. Zwei Wörter: Blockade und Hunger, zwischen ihnen sind Leben und Tod. Der Tod besuchte jede Wohnung, aber es gab solche, wo man ihn wegzogte und dann schmuggelte er sich zu denen ein, in denen die letzten Lebensfunken blieben; nachdem es sich reingeschlichen hat, wartete er leise. «Er» blieb in der Nähe und man war gezwungen, nicht nur gegen den Feind zu kämpfen, sondern auch gegen ihn, indem man ihm für das Leben Tage, Stunden und sogar Minuten wegriss. Er war zu grausam. Man siegte dank dem Geist, dem Pflichtgefühl, der verzweifelten Sorge für die Kinder. Woher kamen die zusätzlichen Kräfte? Erschöpfter Körper gab das Letzte her. Man stand auf, obwohl man nicht aufstehen konnte, und ging auf die Arbeit, zur Werkzeugmaschine, wie auch meine Mutter, die als Revolvererin arbeitete und ihren Beitrag zu dem Sieg über Faschismus leistete. Alles für die Front! Aber sie hatte auch mich. Das verdoppelte ihre Kräfte und ihre Energie. Pflicht vor der Heimat und mütterliche Pflicht. Das ließ sie am Leben bleiben.

Vieles verstand ich damals nicht, weil ich erst zehn Jahre alt war. Ich verstand nicht, was die Erklärung dieses wortbrüchigen Krieges bedeutete, ich verstand, dass das schlecht sei, aber wie schlecht? Doch die Unruhe der Erwachsenen steckte auch meine Seele ein. Wie ein Kind konnte ich das mit der Annäherung eines Gewitters an einem Sommertag vergleichen, wenn alles plötzlich dunkel wird und es bedrohlich blitzt. Die Wahrnehmung des Krieges kam später, als ich das Donnern der entfernten Geschosse hörte, den Luftalarm, das Flugzeugengesurr und Bombenexplosionen. Neben uns gab es keinen Luftschutzraum, ich blieb zu Hause allein, wenn Mutti auf der Arbeit war. Sie erlaubte mir nicht die Wohnung zu verlassen. Zuerst hatte ich keine Angst, aber allmählich siedelte sie in meiner Kinder-

Именно благодаря таким мамам мы, дети блокадного Ленинграда, выжили в страшной войне. Русская женщина в годину лихолетья, в тяжелейших испытаниях, особенно когда дело касалось детей, в мужестве не уступала мужчине и даже превосходила его. Она на равных ковала Победу и сохраняла будущее. Предназначение женщины — материнство — это от Бога.

Того поколения уже нет. Память о нем — в их детях, в нас. Но и мы только сейчас, с возрастом, осознаем героическую высоту великого поколения наших мам.

seele an, wenn es schneite und der Frost kam, wenn Mutti nach der Arbeit Brot auf Lebensmittelkarten kaufte und das Essen nicht zureichte. Meine Mutter, eine göttliche Frau, guckte mir in die Augen mit der traurigen Liebe, streichelte meinen Kopf, seufzte und sagte leise: «Alles wird gut sein, der Krieg kommt mal zu Ende».

Meine Mutter war weise. Sie erlebte sowohl den Ersten Weltkrieg, als auch den Bürgerkrieg, darum begann sie seit den ersten Tagen des Großen Vaterländischen Krieges Brotscheiben zu trocknen. Sie wusste, was Elend und Not sind. Das rettete uns und nicht nur uns. Zu uns kam die zwölfjährige Nichte der Mutter und bekam eine Handvoll davon.

Als es keinen Strom gab und die Wasserleitung zufror, brachte die Mutter eine Kanne Wasser, das nur für Tee und heiße Suppe aus den trockenen Brotscheiben zureichte. Es waren die schwierigsten Blockademonate — seit Dezember 1941 bis März 1942. Was das ist, ohne Wasser und Kanalisation zu leben, kann man verstehen, nur wenn man das mal selbst erlebt hat. Und wer das nicht versteht, fragt diejenigen, die etwa neunzig Jahre alt sind und die allein in ihren baufälligen Häusern leben, in den Häusern, an denen die Zivilisation vorbeigekommen ist, die Menschen, die, wie während der Blockade, mit Ach und Krach Wasser holen, indem sie es in den Eimern aus den Wasserteufeln und aus den Brunnen schleppen und ihre Räume mit Öfen erwärmen.

Es war sehr kalt, der Frost drang in die Wohnungen zusammen mit dem Hunger ein, beging sein Blutsverbrechen, als ob er mit dem Tod gebündelt wäre. Aber wir kämpften. Der Ofen erwärmte uns und gab heißes Essen. Manchmal verabredeten wir uns mit den Nachbarn, heizten den Herd in der Küche und lagen darauf der Reihe nach, ich und zwei Nachbarmädchen.

In dieser schwierigsten Zeit wurde sogar Angst stumpf. Ich saß zu Hause allein, guckte aus dem Fenster, wenn durch die gefrorenen Gläser etwas zu sehen war, und wartete auf die Mutter. Die Mutter, das war das Leben selbst. Die Uhr schlug eine Stunde nach der anderen, ich lebte irgendwo in mir — in Gedanken, in Träumen, in der Hoffnung — und wartete. Wenn die Mutter kam, wurde es sofort gut, gemütlich, ruhig. In dieser kleinen dünnen Frau war riesengroße Kraft verborgen. Und ich lebe dank der heroischen Heldentat meiner Mutter. Mutti gab mir das Leben. Und konnte sie in der Blockade erhalten, indem sie sich am wenigsten um ihr eigenes Leben kümmerte.

Gerade dank solchen Müttern blieben wir, Kinder des belagerten Leningrads, in diesem schrecklichen Krieg am Leben. Russische Frau stand in der schwierigsten Zeit, bei den härtesten Proben, besonders wenn es Kinder anging, keinesfalls dem Manne nach und war sogar mutiger. Sie schmiedete den Sieg mit dem Mann zusammen und bewahrte die Zukunft auf. Die Bestimmung der Frau — Mutterschaft — ist vom Gott gegeben.

Jene Generation ist nicht mehr da. Das Andenken an sie ist in ihren Kindern, in uns. Aber nur jetzt, in diesem Alter, verstehen wir die heroische Höhe der großartigen Generation unserer Mütter.

The Russian Woman

KRYLOVA Zoja Alekseevna

Blockade ... You shrink when you hear this word, as if you have a fever. Two words: blockade and hunger, and between them — life and death. Death looked into every apartment, but there were such apartments, from which was turned out, then she went there, where people were hardly alive and waited there quietly. Death was near, so we had to fight not only with the enemy, but also with death. It was cruel. We could win it only with our spirit, our duty, our care about children. Where did reserve strength come from? We used the last reserves of our bloodless bodies. We got up and went to work, my mother worked at the plant, bringing her contribution to the Victory over fascism. Everything for the front! But she also had me. This doubled her forces and energy. She had her duty to the Native Land and parent stimulus. It was necessary for her to survive.

I didn't understand much, I was ten. I did not realize what the announcement of the war meant, I understood that it was bad, but I did not understand how bad it was. Worries started to get into my soul from grown-ups. As a child I could compare it with the approach of a thunderstorm on a summer day, when it suddenly gets dark and lightning strikes. The feeling of war came to me later, when I started to hear the remote roar of cannon shooting, air-raid warning sirens, a rumble of planes and ruptures of bombs. There was no bomb shelter close to us. I was at home alone when mum was at work. She asked me not to leave the apartment. I had no fear at first, but little by little it started to get into my soul when the snow appeared and it got cold, when my mother tried to get some food for cards, but there was not enough food.

My mum, a divine woman, looked into my eyes with sad love, sighed and quietly said: «Everything will be good, the war will come to an end».

Mum was wise. Having learnt the World War and the Civil War, she started to prepare crackers since the very beginning of the Great Patriotic War. She knew that black days would come.

It saved us and not only us. A 12 year old niece came to us, we gave her some crackers

When there was no electricity, the water pipe froze, mum brought a can of water which was enough only for tea and hot soup from crackers. These were the hardest months of the siege — from December, 1941 till March, 1942. It is impossible to describe how it is to live without water and water drain. Those who don't understand that should ask the people, who are over 90 years old, whom the civilization had not reached, who had to take water from water stations, and who still have to heat their houses with potbelly stoves.

It was very cold, the cold got into apartments and did its cruel business together with hunger, as if they were in arrangement with the death. But we struggled. The potbelly stove heated somehow and gave us hot water.

Sometimes our neighbors and we heated a stove at the kitchen and warmed ourselves there. In this terrible time even our fear became dull. I was sitting at home and looking from the window through frozen glass and waited for my mother. Mum was my life. Clock chimed one hour after another, I lived in myself, in my thoughts, my dreams, my hopes and waited. When mum came, it became good, comfortable and quiet. There was a big power in this little, thin woman. I live thanks to the heroic deed of my mother. My mother gave me life. She also saved my life during the siege, not taking care of herself.

Thanks to such mums we, children of besieged Leningrad, survived in that terrible war. Russian women during this terrible time, when it was very hard had as much courage as men and even more. In the case when it touched children women were even more efficient and strong than men. They approached the Victory and saved the future. The mission of a woman is motherhood, it is given by God.

People of that generation are dead already. Memories about them live in us, children. And only now when time has passed we realize heroic deeds of our mothers' generation.

Смерть смотрела в глаза

ЛАСТОЧКИН Алексей Николаевич

22 июня 1941 года я со своими сестрами Лидой и Вале́й и братом Николаем вместе с другими ребятами играл, кажется, в лапту. Где-то во второй половине дня над нашими головами пролетело несколько самолетов, через час самолеты пролетели снова, но их стало гораздо больше. Мне в ту пору совсем недавно исполнилось 14 лет. В ту минуту никто из нас не знал, что началась война, и самолеты летели в сторону границы СССР. Когда мы вернулись домой, то страшная весть о начале войны обрушилась на нас, как ушат с холодной водой.

В военное время дети взрослеют стремительно и навсегда. Так случилось и со мной. За годы войны пришлось увидеть все: и великое горе, когда немцы бомбили родные места, где прошло детство, и великое счастье — счастье победы над врагом.

Помню, как все мальчишки рвались на фронт воевать с фашистами, как старший брат Николай, который был на три-четыре года старше меня, ушел на фронт. И вот где-то в середине 1943 года, как говорится, дошла очередь и до меня.

В городе Калинин (теперь это город Тверь), при паровозном депо станции «Калинин» были организованы курсы подготовки специалистов для железной дороги. С детства я был увлечен железной дорогой, мне нравилось наблюдать за пыхтящими громилами-паровозами. И вот теперь я имел возможность быть ближе к ним, работать на них.

Курсы были ускоренными, так как военное время обязывало готовить качественных спе-

циалистов в сжатые сроки. Фронт нуждался в снарядах и вооружении, и железная дорога являлась стратегически важным объектом. Чтобы вооружение вовремя было доставлено на фронт, нужны были паровозы, а для управления ими требовались хорошо подготовленные кадры. Одним из таких кадров я и был, вернее, стал им к декабрю 1943 года.

Уже в начале 1944 года я был откомандирован в Ленинград, в паровозное депо «Ленинград — Балтийский» Октябрьской железной до-

роги, на должность паровозного кочегара. До окончания войны оставался еще год. Город разрушен после блокады. Тяжелые шли времена. Приходилось бывать и вблизи передовой, почти у линии фронта. Рисковать своей жизнью каждую минуту, ведь нужно оставаться на своем рабочем месте на паровозе, паровоз — всегда впереди состава, а в нем — снаряды и все необходимое для победы над врагом, все взрывоопасное. И ты не имеешь права покинуть свой боевой пост. О смерти не думалось, все мысли заглушал вой снарядов, бреющий полет самолетов. Бомбы разрывались по обе стороны железнодорожного пути, осколки летели и отскакивали от паровозной стали. Смерть смотрела прямо в глаза. Думалось об одном: пусть бомба ляжет сбоку, а не спереди, иначе... все полетим под откос.

То, что мы выжили, — это чудо! И сегодня я могу сказать: «Я счастлив!» Счастлив, что вся моя жизнь связана с железной дорогой, на которой я трудился до 1985 года, пока не ушел на пенсию. Да и после этого я снова пришел на родную «железку», как сейчас говорит мо-

лодежь. Работал, пока были силы и здоровье. Сейчас мне 82 года. Часто на встречах ветеранов дороги мы вспоминаем свою молодость и свою работу, она была любимой.

Очень трудно, наверное, посвятить свою жизнь тому, что тебе не близко и не дорого. А моя работа, моя железная дорога — это моя жизнь. И закалила эту любовь к работе, как ни странно это звучит, — война. Она заставила быть ответственным за свои поступки, за выбранный путь.

Der Tod guckte uns an

LASTOTSCHKIN Alexej Nikolajewitsch

Am 22. Juni 1941 spielte ich mit meinen Schwestern Lida und Walja, meinem Bruder Nikolaj und mit anderen Kindern Schlagballspiel. Am Nachmittag flogen über unseren Köpfen einige Flugzeuge, eine Stunde später flogen sie wieder, jetzt viel mehr an der Zahl. Ich war erst 14 Jahre alt. In jener Zeit wusste niemand von uns, dass der Krieg begann und dass die Flugzeuge zur sowjetischen Grenze flogen. Nach Hause zurückgekehrt, erhielten wir die Nachricht über den Kriegsanfang, für uns war das wie eine kalte Dusche.

In der Kriegszeit werden Kinder blitzschnell und für immer Erwachsene. So geschah es auch mit mir. In den Kriegsjahren sah ich alles: sowohl großes Elend, wenn Deutsche die Heimat, wo man seine Kindheit verbracht hatte, bombardierten, als auch großes Glück, Glück des Sieges über den Feind.

Ich weiß noch, wie alle Jungen nach der Front strebten, wie mein Bruder Nikolaj, der drei-vier Jahre älter als ich war, an die Front ging. Und Mitte des Jahres 1943 war ich dran.

In der Stadt Kalinin (jetzt heißt sie Twer) war im Dampflokomotivdepot der Kurs für die Vorbereitung der Eisenbahnfachleute organisiert. Von Kindheit an schwärmte ich für die Eisenbahn, mir machte es Spaß fauchende Riesen zu beobachten. Und da bekam ich die Möglichkeit neben ihnen zu sein, auf ihnen zu arbeiten.

Das war ein Schnellkurs, weil der Krieg qualifizierte Fachleute in kürzester Zeit vorbereiten ließ. Die Front brauchte Munition, darum wurde die Eisenbahn strategisch wichtig. Um Geschosse rechtzeitig an die Front zu bringen, brauchte man Dampflokomotive; um sie zu führen, brauchte man gut vorbereitete Fachkräfte. So eine «Kraft» war auch ich, besser gesagt, wurde im Dezember 1943.

Schon Anfang des Jahres 1944 wurde ich als Dampflokomotivheizer nach Leningrad abkommandiert, ins Dampflokomotivdepot Leningrad-Baltijskij, das zur Oktobereisenbahn gehörte. Bis das Ende des Krieges blieb ein Jahr. Die Stadt war

Хочу, чтобы молодые люди осознанно выбирали свой путь в жизни и были счастливы. Чтобы молодежь была верна долгу и чести, как мы когда-то. Чего я желаю и своему внуку Алексею, который решил продолжить нашу железнодорожную династию. Сейчас он студент железнодорожного вуза, а в дальнейшем, я надеюсь, станет достойным специалистом, любящим свое дело, работающим не только за деньги, но и на совесть, по любви и призванию.

während der Blockade zerstört. Es war eine schwere Zeit. Ich musste neben der Front sein, fast in der vordersten Linie. Wir riskierten unser Leben jede Minute, mussten auf der Lokomotive, unserem Arbeitsplatz, bleiben, die Lokomotive ist ja immer vor den Wagen, in denen alles Nötigste für den Sieg über den Feind, alles Explosionsgefährliche sich befindet. Und du hast kein Recht deinen Gefechtsplatz zu verlassen. Man dachte an den Tod nicht, alle Gedanken betäubten das Geheul der Geschosse und Tiefflug der Flugzeuge. Bomben explodierten beiderseits der Eisenbahn, Splitter flogen und sprangen vom Lokomotivstahl ab. Der Tod guckte uns an. Man dachte nur an eines: komme die Bombe links oder recht, nicht vor uns, sonst ... Sonst fallen wir alle den Abhang hinunter.

Es ist Wunder, dass wir am Leben geblieben sind! Heute kann ich sagen: «Ich bin glücklich!» Glücklich, weil mein ganzes Leben mit der Eisenbahn verbunden ist, wo ich bis 1985 arbeitete, bis ich Altersrentner wurde. Aber dann kam ich wieder auf die Bahn. Arbeitete, solange ich Kraft und Gesundheit hatte. Jetzt bin ich 82 Jahre alt. Auf den Treffen der Eisenbahnveteranen erinnern wir uns oft an unsere Jugend, an unsere Arbeit, die wir so liebten. Sehr schwer ist es wohl sein Leben der Sache zu widmen, die man nicht gern hat. Aber meine Arbeit, meine Eisenbahn, das ist mein Leben. Und, obwohl es merkwürdig ist, diese Liebe hat der Krieg abgehärtet. Er ließ mich für seine Taten, für den gewählten Weg verantwortlich sein.

Ich möchte, dass junge Leute bewusst seinen Lebensweg wählen und glücklich sind. Dass Jugendliche ihrer Pflicht und ihrer Ehre treu bleiben, wie wir damals. Das wünsche ich auch meinem Enkel Alexej, der beschlossen hat unsere Eisenbahndynastie fortzusetzen. Jetzt ist er Student der Hochschule für Eisenbahningenieure, ich hoffe, dass er ein ehrwürdiger, seine Arbeit liebender, nicht nur für das Geld, sondern auch gewissenhaft arbeitende Spezialist wird, der seine Berufung gefunden hat.

Death Looked Into Eyes

LASTOCHKIN Alexey Nikolaevich

June 22, 1941 my sisters Lida, Valya, brother Nikolay and I played bat. In the afternoon several planes flew over our heads, in an hour a much more planes flew over us. At that time I was 14 years old. At that moment none of us knew that the war started and that the planes flew in the direction of the border of the USSR. When we came back home, we learnt terrible news.

In the time of the war children grow up very quickly and forever. This happened to me too. During the years of the war I had to witness everything: great grief, when the Germans bombed native lands, where my childhood was, and great happiness — the happiness of victory over the enemy.

I remember that all the boys wanted to volunteer to the front to fight the fascists, my elder brother Nikolay who was 3 years older than me went to the front. In the middle of 1943 it was my turn to go.

In Kalinin (now it is Tver) there were courses for railway road specialists. Since childhood I was fascinated by trains, I liked to watch big smoking trains. And now I had an opportunity to be closer to them, to work with them.

These were accelerated courses, because during the war it was necessary to prepare quality specialists in a short time. The front needed guns and ammunition, railroad was a strategic site. Trains were necessary to deliver ammunition to the front in time, and good specialists were needed to lead these trains. I became one of such specialists by December 1943.

At the beginning of 1944 I was sent to Lenigrad to be a coal-heaver. It was one year before the end of the war. The city was destroyed after the siege. The times were very hard. I also was in the front. I had to risk my life every moment, I always had to stay at my work place and the trains transported ammunition, everything was explosive. I had no right to leave my work place. I did not think about death, all my thoughts were suppressed by the wail of shells and planes. Bombs exploded on both sides of the railroad. Death looked right into eyes. I had only one thought: let the bomb hit aside, but not in front of the train... Otherwise we would all explode.

It was a miracle that we survived! And now I can say: «I am happy!» I'm happy that all my life was connected with railroad, where I had worked until 1985, when I retired. After that I started to teach young men to work at railroad. I worked as long as I had health and strength. Now I am 82. At the meeting of veterans we often remember our work, we loved our work. It is very hard to devote your life to something that is

not dear to you. My work, my railroad is my life. It may seem strange, but it was the war, that increased my love to my job. It made me responsible for my actions and for the way that I had chosen.

I want young people to choose their way of life thoroughly and to be happy. I want young people to be faithful to duty and honor, as we were those days. I wish the same to my grandson Alexey, who decided to continue our railroad dynasty. Now he is a student of a railroad institute, I hope that he will be a decent specialist in future, who loves his work and works not only for money but for love and conscience.

«На Невском Пятачке».
Люба Рахманина, ГОУ № 175, 6 класс

Кошка на подоконнике

МАЙОРСКИЙ Сергей Петрович

Была середина апреля 1942 года. Закончилась страшная голодная зима 1941–1942-го, апрельское солнце ласково грело ленинградские улицы и жителей города, истосковавшихся по теплу. Я шел со своим другом Сашей Соколовым с рыбалки, по проспекту Добролюбова, было нам по 15 лет (в свободное от работы время мы ходили на Петровский остров ловить корюшку) и мы работали на заводе «Красный металлист».

Людей на улице было мало. И вдруг у дома мы увидели толпу людей, с интересом смотревших на окно бельэтажа. Когда мы подошли, то увидели в окне кошку, которая сидела на подоконнике и жмурилась под теплыми солнечными лучами. Люди стояли, смотрели на кошку и молчали.

Редко кто говорил какое-то слово, одни уходили, другие приходили, но среди всех ленинградцев, стоявших и уходивших, не было равнодушных. Люди, выстрадавшие, выплакавшие эту войну, дожившие до тепла, потерявшие своих близких, которых не сломали голод и холод, варварские бомбежки и обстрелы, разучившиеся смеяться и улыбаться... Люди с изможденными лицами... Они стояли и улыбались — улыбались кошке на подоконнике (а кошка в то время была большой редкостью), солнцу, теплу, весне.

А уходя, каждый, наверное, уносил с собой в душе частицу тепла и надежды, что жизнь продолжится, что мы доживем, наберемся сил, одолеем и погоним проклятых немцев от стен нашего любимого Ленинграда.

*Не могу я вспоминать без волненья
Вражеской блокады Ленинград.
Город стоял, окутанный пожаром,
Под напором вражеских армاد.
Все страданья вынесли мы стойко,
Голод, холод не сломили нас,
Гибель близких, смерть, бомбардировка —
Все, что было, помню и сейчас.
Помню девочку, убитую снарядом,
Дым пожарниц на Бадаевских складах,
Помню мальчиков и девочек-старушек,
Для поддержки — с палками в руках.
Помню, как бомбили*

в двадцать ноль ноль ровно,

*Как горел наш госнардом и зоосад,
Помню стук тревожный метронома,
Помню я людей голодных взгляд.
Все, что было, помню, не опишешь мужество,
Героику людей, всех — рабочих, стариков
И женщин, всех подростков даже и детей.
Помню, чтоб не повторилось снова,
Пискаревских кладбищ на земле.
Помню, чтобы дети не сказали,
Что отец погиб их на войне,
Нужен мир нам, мир без опасенья,
Без угрозы страшного гриба,
Не боясь, что если в дождь осенний
Будет непокрыта голова.*

1953 год

Katze auf dem Fensterbrett

MAJORSKIJ Sergej Petrowitsch

Es war Mitte April 1942. Vorbei war der schreckliche hungrige Winter 1941 — 1942, die Aprilsonne wärmte freundlich die Leningrader Straßen und die Einwohner der Stadt, die die Wärme so lange vermisst hatten. Nach dem Angeln ging ich mit meinem Freund Sascha Sokolow den Dobroljubowa-Prospekt entlang. Wir waren beide 15 Jahre alt, in unserer Freizeit gingen wir oft auf die Krestowskij-Insel Stinten angeln. Wir arbeiteten auf dem Werk «Roter Metallist».

Auf den Straßen gab es wenige Fußgänger. Und da sahen wir neben einem Haus eine Menschenmenge, alle sahen mit Interesse auf ein Fenster in der Beletage. Als wir uns näherten, bemerkten wir im Fensterrahmen eine Katze, die auf dem Fensterbrett saß und unter den warmen Sonnenstrahlen die Augen zusammenkniff. Die Menschen guckten die Katze an und schwiegen. Selten wurde ein Wort gesagt, einige gingen weg, die anderen kamen, aber unter diesen Lenin-

gradern, die standen oder gingen, gab es keine Gleichgültigen. Diese Menschen, die so viel litten, die in diesem Krieg so viel weinten, denen es gelungen war, bis die Wärme am Leben zu bleiben, die ihre Verwandten verloren haben, die durch Hunger und Kälte, durch barbarisches Bombardieren und Beschießungen nicht gebrochen wurden, die lachen und lächeln nicht mehr konnten ... Menschen mit todesmatten Gesichtern ... Sie standen und lächelten — lächelten die Katze auf dem Fensterbrett an (Katzen waren damals eine große Seltenheit), lächelten, weil es sonnig und warm war, weil der Frühling kam. Beim Weggehen nahm wohl jeder in seine Seele einen Funken Wärme und Hoffnung mit, Hoffnung darauf, dass das Leben weiter gehen werde, dass wir am Leben bleiben, Kräfte tanken, die verdammten Deutschen besiegen und von den Mauern unseres geliebten Leningrads wegzagen würden.

Weh tut das Herz, solange ich mich erinnere
An Blockade um die Heimatstadt,
Die da stand in hunderten von Bränden,
eingekesselt von dem bösen Feind.

Alle Leiden machten uns noch stärker,
Hunger, Not uns machten nicht kaputt,
Tod der Nächsten und das Bombardieren
Und das Leben immer auf der Hut.

Weiß ich noch, wie kleines Mädchen
Tot auf der kalten Straße lag,
Weiß noch Qualm um die bekannten Lager,
wo das Brot gesetzt war in den Brand.

Wie man bombardierte um acht pünktlich,
wie der Zoo und Verwaltung brannten,

Stand das Metronom in jedem Haus,
Und man Brot die Lebensquelle nannte.
Im Gedächtnis hab' ich bis jetzt alles,
Mut und Heldentaten, Tapferkeit
Von den Menschen, großen und den kleinen,
Treue, Hilfe, Unbesiegbarkeit.
Ich behalte alles, damit wenig
Massengräber in der Welt es gibt,
damit Kinder nie mehr sagen sollen,
dass der Vater an der Front ja blieb.

Brauchen wir Frieden, ewig Frieden,
Ohne Bomben, ohne bösen Pilz,
Damit nur beim warmen guten Regen,
Beim Gewitter es vom Himmel blitzt.

1953

A Cat on the Window Sill

MAYORSKY Sergey Petrovich

It was a middle of April, 1942. The terrible winter of 1941–1942 was gone. The April sun was heating Leningrad streets and the citizens of the city, who lacked the warmth. I went with my friend Sasha Sokolov after fishing along the Dobrolubova Prospect. We were 15 (when we had no work, we went to Petrovsky Island to fish for candle fish). We worked at the plant «Red Metalworker».

There were very few people in the streets. Suddenly we saw a crowd of people looking at the window of the house. When we came closer we saw a cat sitting on the window sill under the rays of sun. People were standing and looking

at the cat. They almost did not speak to each other, some people left, some people came up to look, but there were no indifferent people among them. People with bloodless faces, who lived through the war and lost their relatives, who were not defeated by hunger and cold, by bombings and bombardments, who stopped smiling... were standing and smiling at the cat on the window sill, smiling at the sun, warmth, spring... By the way cats were very rare at that time. Everyone got a little hope that the life was going on, that they would survive, and expel damned Germans from the beloved Leningrad.

Мы были настроены на Победу

МАКАРОВА Вера Федоровна

В июне 1941 года мне исполнилось 12 лет, и тут началась Великая Отечественная война. Об этом объявили по радио. Поскольку родители работали на военных предприятиях, отца взяли на казарменное положение, брата Владимира сразу забрали в армию (как раз по возрасту ему надо было идти). Брата отправили в Рыбинск учиться на младшего командира, он прислал два письма. Просил дядю, чтоб тот нам помог. Их обучили и забросили в тыл врага за 280 километров от города — больше ничего о нем не знаем, нам пришло два извещения, что он пропал без вести. Мы с мамой остались вдвоем.

В конце июля 1941 года было дано указание эвакуировать всех детей из города, все должны были записаться в своих школах. У школы был магазин, я купила там в дорогу конфет, потому что была страшная сладкоежка, и нас повезли в Новгородскую область, Хвойнинский район, в деревню. Поселили нас в школе, я там пробыла месяц, а поскольку немцы туда подходили быстрее, то мама дала денег соседке (сама она не могла с казарменного положения уехать), которая поехала и забрала и свою дочь, и меня. И мне дали в дорогу батон и немножко кругленьких конфет, а в городе продуктов не было уже. Когда мы вернулись, через несколько дней сомкнулось кольцо.

Отец находился в районе Средней Рогатки. В конце октября отца демобилизовали, как и всех, кому было 50 лет и старше, кому было куда идти, а оставили тех, кто помоложе: защитники еле передвигали ноги, винтовку не могли держать в руках, и надо было что-то делать, по-

тому что прокормить всех было невозможно. И я краем уха слышала, как отец маме рассказывал, что тех, кто старше 50 и кому некогда было идти, расстреляли. Не знаю, правда это или нет, я потом слышала что-то подобное в 2004 или 2005 году, по нашему Ленинградскому радио передавали. И в этом году еще говорили о Средней Рогатке. Но больше нигде и никогда не читала и не слышала, тема не получила продолжения.

Папе нужно было устроиться на работу, а поскольку сил не было, то он пошел в охрану на завод искусственного волокна «Пятилетка» в районе Ржевка-Пороховые. Мы жили на улице Красной, там был дом и бараки, в которых работали еще при Петре I — выпускали порох. Комбинат в годы войны назывался № 757, а после войны — Охтинский химкомбинат.

29 марта 1942 года на Ржевке скопилось очень много вагонов со снарядами, и видимо, было вредительство, так как очень большой состав немцы расстреляли, погибло много народа. В большом радиусе были выбиты стекла, двери. Тогда мороз был около тридцати градусов. А 30 марта отец пришел с работы рано утром, лег и умер, диагноз — дистрофия. Поскольку это самый трудный был период, народу очень много погибло и от этого обстрела, и от голода. Там, где Пороховское кладбище, копали рвы, сбрасывали трупы, как и на Пискаревском мемориальном кладбище. Были выделены бригады, которые занимались захоронением, подбирали трупы на дорогах, у домов. Бывало, выходишь из дома, а дверь не открыть — подбрасывали трупы, так как сил не было отвезти.

Организована эта служба была очень хорошо, город миновала эпидемия. Отца мы с мамой сами помыли, одели, завернули в простынь, отвезли и в братскую могилу опустили. Там горы были трупов, а весной, когда все стало таять, к этому месту нельзя было подойти ближе чем на 200 метров, потому что земля дышала.

В марте по детской карточке выдали на месяц 50 граммов соленой семги, а поскольку мы жили втроем — мать, отец и я, то эти 50 граммов разделили поровну, и отец от этого кусочка откусил немножко, а когда его не стало, то часть кусочка осталась. Когда дистрофия последней стадии, то у человека аппетита нет. Больше ничего не давали, только в день хлеба по 125 граммов на детскую карточку и 250 — на рабочую. Прибавлять начали лишь в апреле 1942 года.

У нас была отдельная квартира, а рядом за стенкой жил папин брат, его не взяли в армию по состоянию здоровья, он работал на фабрике-кухне на Московском проспекте, где универмаг «Московский». Поскольку транспорт стоял, то он ходил пешком. Сил не было, как-то он не пошел на работу, и ему дали иждивенческую карточку. Когда у него уже сил не было совсем, ему прибили полотенце над кроватью, он подтягивался, чтобы сесть. 14 марта 1942 года я принесла ему кусочек хлеба и суррогатный кофе. Я пришла, а у него глаза закрыты и рот приоткрыт. Я не знала, что это предсмертная агония. Зашла соседка и говорит: «Надо же, как спит!», думала, что я оставляю еду. Но я не оставила, рассказала маме, и оказалось, что он умер.

В июне 1942 года мне исполнялось 13 лет, и с этого времени я получала бы иждивенческую карточку, а на нее вообще ничего не давали, поэтому я пошла на комбинат рядом, ничего не говоря матери, зашла в отдел кадров. Там сказали, что ты ж, мол, совсем маленькая, а я ответила, что все равно хочу работать. 29 июня 1942 года я пошла на работу, получила рабочую карточку, а это и хлеба больше, и продукты кое-какие. На комбинате была столовая, там кормили рабочих, давали крупы, кашу гороховую, похлебку из травы готовили. Сидишь за столом, рядом

мужчина ест 100 граммов каши, и я, ребенок, столько же. Сначала меня устроили в цех, а потом, поскольку я была маленькая, слабенькая, в отдел ОТК, там я отработала 8,5 лет.

Потом пошла в вечернюю школу, так как перед войной окончила только четыре класса. Отучилась семь классов, потом — курсы мастеров. Хотела учиться дальше, но в Московском районе открыли научно-исследовательский институт пластмасс, там разработали технологию получения полиэтиленовой пленки, и ее должны были внедрять на Охтинском химкомбинате, меня послали туда обучиться, и после этого мы осваивали у себя это производство. Производство было вредное, я в 30 лет как старушка ходила, на суставы это очень действовало.

Не было воды, электричества, отопления. Поскольку топить котельные стало нечем, то поступило распоряжение все муниципальные здания сносить и отапливать котельные. Мы жили в деревянном здании, у нас снесли крышу, ничем не помогли, сказали, самим перенести одежду в другое помещение, мы на следующий день пришли за вещами, а уже ничего не было — было мародерство ужасное. Даже игрушки забрали новогодние! Тогда отец по старой памяти на 1941-1942 год принес елку из леса. На детскую карточку было выделено 300 граммов соевых конфет, я вешала их и ела, вешала и ела. Когда елку нарядили, то конфет на ней уже не было. Когда в мирное время я побывала в Музее города, увидела информацию, что детей в блокаду на елку приглашали. В центре и райкомовских, может, и приглашали, а для таких, как мы, конечно, приглашений никаких не было. Но заботу проявляли: в конце 1942-1943 годах вышло распоряжение — давать путевки в дома отдыха малолеткам, как я, на Крестовский остров, на побережье Финского залива — в Разливе (после войны там потом был госпиталь, долечивали раненых). Я там тоже была, по одному разу и в одном, и в другом.

Когда мы переехали после слома дома в другое жилье, то через год вернулась эваку-

ированная, которая там жила раньше, и наши вещи просто-напросто выбросили на улицу (мама тогда на казарменном положении была). Необходима была крыша над головой. Нам дважды давали комнаты. Еще одну дали в квартире, где одна из комнат была закрыта — там женщина съела свою соседку и ее посадили. Поскольку квартира нам досталась приличная, то вскоре нас попросили перебраться в другое место, а квартиру забрали — пришли из милиции. Мне запомнилось еще в 1942 году, когда в новом месте по всем комнатам и квартирам расквартировали воинскую часть. Они прожили неделю и их всех бросили на Синявинские болота на прорыв блокады, и оттуда потом никто назад не вернулся.

Дисциплина была очень строгая! Моя знакомая, ровесница, не поехала в колхоз, куда ее послали, и ее осудили на год. Без противогаза с собой ты не имел права выйти из дома, идешь, тебя противогаз по пяткам бьет. Всем выдавали, кто работал, даже детям, ведь раз работают, то считалось, что они тоже взрослые, и к ним применялись те же санкции — и за опоздание, и за другие нарушения. Однажды, когда наши вещи выбросили на улицу и жить было негде, мать пошла к знакомой проситься на ночевку. И так вышло, что утром все пошли на работу и меня закрыли. Я смотрю, солнце уже встает, а мне ведь на работу надо! Пришлось прыгать со второго этажа, так как опоздание было подлым делом.

В тот страшный момент, в экстремальной ситуации сразу было видно, кто есть кто. Человек обнажился. Счастье, что у меня была семья, где делили абсолютно все поровну, поэтому я и осталась в живых. Рядом жила семья из шести человек, там 13-летняя дочь ходила выкупать хлеб на всех и подъедала по пути крошки, а ее мать, отец и три сестры умерли от голода.

Раньше были навесные замки, и к нам кто-то стал забираться в квартиру весной 1942 года, украли всю одежду, сухофрукты и даже ленты. Не в чем было ходить. Я попросила мать меня закрыть дома, чтобы увидеть, кто к нам лазит,

взяла топорик небольшой. Через какое-то время вошли соседка лет 18 с сестренкой лет 7, увидели меня с топором, и старшая меня уговорила, они ушли. Я рассказала матери, та пошла в милицию, они пришли к соседям, нашли и вернули нам вещи, которые те не успели продать.

Через некоторое время у соседки, которая нас обворовывала, украла карточки — это было равносильно смерти.

В семье, жившей напротив, муж работал, а жена нет, у них было двое детей, и еще родился третий — он, конечно, умер. Следом умерла жена, детей забрали родственники, мужа, который был хорошим специалистом, поддерживали на работе. Он потом попытался прорваться через блокаду, но погиб.

Народу умирало много, и чтобы получить карточку за умершего родственника, его накрывали матрасом, не хоронили и не оформляли, сколько можно было. Рынок был на ул. Коммуны, там торговали мясными котлетами, необычайно белыми. Страшной зимой 1941-1942 года, когда идешь, вокруг кучи мертвых, у некоторых вырезаны мягкие места. Котлеты были, конечно, из этих обрезков.

Воспоминания остались: идешь по ул. Красина, там грузят покойников, почему-то все были раздеты, и поскольку был мороз выше 30 градусов, они цеплялись друг за друга, их бросали — и звон был, как хрустальный.

Одна из наших соседок держала козу, не давала никому ее трогать, а жила с сыном и невесткой. И вот соседка умерла от голода, а коза осталась, сын сразу бегом побежал, чтобы ее прикончить, ударял бедную козочку головой об мостки, торопился, чтоб быстрее съесть.

В конце улицы Коммуны жил цыганский табор. Мор там был страшный. У цыгана была лошадь, он на ней все трупы возил. Лошадь большая, но цыган ее берег, а мог бы ею накопить и столько своих спасти от голода.

Когда были бомбежки и обстрелы, мы с рабочего места не уходили — заставляла необходимость, так как непрерывное производство не остановишь. Я работала в лаборатории,

и хотя была очень маленькая, мне доверяли делать анализы. Это было связано с порохом (мы изготавливали компоненты для запалов, для «катюш»). Мы занимались разбраковкой, испытывали прямо на своей территории. Нас, маленьких, было только трое, я первая пришла, потом еще двое таких же. А обстреливали каждый день. Это дома можно было спуститься в подвал. Причем мы жили за городом, и было дано распоряжение, чтобы все рыли себе окопы, так как бомбоубежищ там не было. Рыли окопы, делали настил, но ямы получались неглубокие, и если снаряд попадал, то не помогали. Наблюдала я как-то зимой 1942 года воздушный бой: зимний морозный день, в небе два самолета трассирующие пули выпускают, те летят прямо над головой. Мне было интересно, и я не убежала никуда, а наблюдала, я еще не понимала, что это опасно.

Как-то кончился рабочий день, а я осталась в лаборатории, идти домой — холодно, света нет, и я решила дожидаться открытия столовой, съесть 120 граммов каши и выпить чаю. Но была же, по сути, ребенком... И вот что я сделала.

В лаборатории была весовая комната. Поскольку выпускали порох, то все столы завалены пробами этого пороха. А я решила скоротать время: нашла фольгу, приготовила подсвечник на две маленьких свечи, взяла воск, нитки, поставила в весовой. Думаю: надо их зажечь — забыла, где нахожусь, заигралась. Взяла кусок бумаги, подошла к муфелю (раскаленная печь), зажгла, иду с факелом мимо пороха, а навстречу мне — начальник ОТК. Он крикнул: «Что ты делаешь?!» — погасил факел, побежал к моим свечам... У него не было сил на меня накричать, он просто провел со мной беседу, и я поняла, что могла наделать много бед.

Нас очень поддерживало радио. Очень хорошие передачи были, в том числе музыкаль-

ные — это отвлекало от всего плохого. А их, особенно когда в детстве слышишь, запоминаешь надолго. Как-то я была дома одна, и по радио шла передача о финском композиторе Сибелиусе. Это было так волнующе, что запомнилось на всю жизнь! Это уйдет вместе со мной.

Люди было намного добрее, чем сейчас. Намного! Все были настроены на победу, несмотря на голод, лишения, разруху. Порядок в городе держали. Было очень строго, эпидемий не допустили. Даже дети работали в две смены (как и я), когда надо было, не говоря об остальных. И все ждали прорыва блокады! Настроения не были неупадническими, хоть всякое бывало.

Знаю немало примеров самоотверженности. Например, когда мы учились в вечерней школе, нам выдали по 100 граммов помадки, и двое мальчиков (видимо, они жили не впроголодь) отдали эту помадку учительнице русского языка и литературы. Была забота, поддержка друг друга.

Еще пример: ремонтно-механический завод, мужчины не могли стоять, сил нет, они надетую на себя фуфайку в тиски зажмут, чтобы не падать, и работают. Подбадривали друг друга. Нас, маленьких, тоже поддерживали: молоко соевое давали, кроме пайка, казеин; дуранда иногда доставалась, помимо того, что было по карточкам. А начиная с апреля 1942 года, ситуация улучшилась.

На работе я с первого и до последнего дня занималась общественной работой, сначала — книгами: чтобы больше читали, я была книгоношей — раз в неделю разносила книги из библиотеки по подразделениям. В конце войны в Москве был организован съезд библиотекарей, и мою фотокарточку послали туда, хоть я и не ездила. Затем была комсоргом, и все время чем-то занималась, до профкома. На работе моя фотография все время на Доске почета висела. Всю жизнь проработала на одном месте, оттуда ушла на пенсию.

Wir waren auf den Sieg eingestellt

MAKAROWA Wera Fjodorowna

Im Juni 1941 wurde ich 12 Jahre alt, und da begann der Große Vaterländische Krieg. Darüber wurde im Radio mitgeteilt. Da die Eltern auf den Militärbetrieben arbeiteten, war der Vater einkaserniert, der Bruder Wladimir wurde in die Armee einberufen (das entsprach gerade seinem Alter). Den Bruder schickte man nach Rybinsk lernen, damit er Unterkommandier wurde, von ihm kamen zwei Briefe. Er bat den Onkel uns zu helfen. Sie wurden angelernt und ins feindliche Hinterland geschickt, 280 km von der Stadt entfernt, mehr wissen wir nichts über ihn, wir erhielten zwei Mitteilungen, dass er vermisst wurde. Ich und die Mutter, wir blieben zu zweit.

Ende Juli 1941 ließ man alle Kinder aus der Stadt evakuieren, alle sollten sich in ihren Schulen melden. Neben der Schule war ein Laden, ich kaufte dort Bonbons für Unterwegs, weil ich Naschkatze war, und uns fuhr man ins Nowgoroder Gebiet, Chwojninskij Bezirk, in ein Dorf. Wir wohnten in der Schule, dort verbrachte ich einen Monat, aber da Deutsche immer näher kamen, gab die Mutter der Nachbarin Geld (selbst konnte sie nicht wegfahren, weil sie einkaserniert war), die kam, um ihre Tochter und mich zurückzubringen. Für unterwegs bekam ich ein Weißbrot und ein bisschen runde Bonbons, in der Stadt gab es schon keine Lebensmittel. Nachdem wir zurückgekommen waren, wurde nach einigen Tagen der Ring geschlossen.

Der Vater befand sich neben Srednjaja Rogatka. Ende Oktober wurde er demobilisiert, wie auch alle, die über 50 Jahre alt waren und ein Zuhause hatten, dort blieben nur diejenigen, die jünger waren: Verteidiger konnten kaum Beine bewegen, konnten kein Gewehr halten, man sollte etwas unternehmen, weil es unmöglich war alle zu ernähren. Mit halbem Ohr hörte ich den Vater der Mutter erzählen, dass diejenigen, die über 50 waren und kein Zuhause hatten, erschossen wurden. Ich weiß nicht, ob es wirklich so war, dann hörte ich was Ähnliches im Jahre 2004 oder 2005, darüber wurde in unserem Leningrader Radio erzählt. Und in diesem Jahr sprach man wieder über Srednjaja Rogatka. Aber nie mehr hörte oder las ich etwas davon, das Thema bekam keine Fortsetzung.

Der Vater sollte Arbeit finden, aber da er keine Kräfte hatte, ging er auf das Werk der Chemiefasern «Pjatiletka» im Bezirk Rshewka-Porochowyje als Wächter. Wir wohnten auf der Krassina-Straße, dort waren ein Haus und Baracken, in denen noch unter Peter I. gearbeitet wurde: man produzierte Schießpulver. In den Kriegsjahren war es das Kombinat Nr 757, nach dem Krieg hieß es Chimkombinat Ochtinskij.

Am 29. März 1942 versammelten sich auf Rshewka viele Wagen mit Geschossen, es war wohl Schädlingstätigkeit, weil Deutsche einen großen Zug erschossen hatten, viele Menschen starben um. Im großen Kreis waren Fenster und Türen ausgeschlagen. Damals war es frostig, etwa 30 Grad.

Und am 30. März kam der Vater nach der Arbeit morgen früh, legte sich hin und starb; Diagnose war Dystrophie. Da es die schrecklichste Periode war, kamen sehr viele Menschen während dieses Beschusses und vor Kälte um. Dort, wo der Porochowskoje Friedhof ist, wurden Gräben gesprengt, man warf dorthin Leichen wie auch auf dem Piskarjowskoje Memorialfriedhof. Es wurden Brigaden gebildet, die sich mit der Beerdigung beschäftigten, sammelten Leichen auf den Straßen, neben den Häusern. Es passierte nicht einmal, dass man die Tür nicht aufmachen konnte, davor waren Leichen hingeworfen worden, weil man keine Kräfte hatte sie auf den Friedhof zu bringen. Dieser Dienst war sehr gut geregelt, die Stadt konnte der Epidemie entgehen. Den Vater wusch Mutti. Wir zogen ihn an, wickelten in ein Laken ein und fuhren ins Massengrab. Wir legten ihn dorthin. Es gab Haufen von Leichen, und im Frühling, als alles zu tauen begann, konnte man zu diesem Ort nicht nah kommen, weil die Erde «atmete».

Im März bekamen wir für den ganzen Monat auf die Kinderlebensmittelkarte 50 g Salzlachs, und da wir zu dritt wohnten — Mutter, Vater und ich, — teilten wir diese 50 Gramm unter uns allen, der Vater biss von seinem Teil ein kleines Stückchen ab, und wenn er nicht mehr da war, blieb sein Teil übrig. Bei der Dystrophie im letzten Stadium hat der Mensch keinen Appetit. Mehr wurde nichts gegeben, nur 125 g für die Kinderlebensmittelkarte und 250 g für Arbeitende. Größer wurde die Ration erst im April 1942.

Wir hatten eine separate Wohnung, daneben hinter der Wand wohnte der Bruder des Vaters, in die Armee wurde er wegen des Gesundheitszustandes nicht einberufen, er arbeitete auf der Fabrik-Küche auf dem Moskowskij Prospekt, wo das Kaufhaus «Moskowskij» ist. Da es keine Verkehrsmittel gab, ging er zu Fuß. Es gab keine Kräfte, einmal ging er auf die Arbeit nicht, darum bekam die Lebensmittelkarte für 125 g. Als er gar keine Kräfte mehr hatte, befestigte man für ihn ein Handtuch über dem Bett, an das er sich hielt, wenn sich setzte. Am 14. März 1942 brachte ich ihm ein Stückchen Brot und Ersatzkaffee. Ich kam: seine Augen waren zu, aber der Mund auf, ich wusste nicht, dass das Agonie war. Da kam die Nachbarin und sagte: «Guck mal, wie er schläft!» Sie dachte, dass ich das Essen liegen lasse, aber ich ließ es nicht und erzählte darüber der Mutter, es stellte sich heraus, dass er tot war.

Im Juni 1942 wurde ich 13 Jahre alt, seit dieser Zeit sollte ich die Lebensmittelkarten für Unterhaltsempfänger bekommen, auf die man fast nichts gab, darum ging ich in das sich daneben befindende Kombinat, ohne der Mutter etwas zu sagen, ich kam in die Personalabteilung. Dort sagte man, dass ich sehr klein wäre, ich antwortete aber, dass ich arbeiten wolle. Und ab 29. Juni 1942 arbeitete ich, jetzt bekam ich die Lebensmittelkarten für Arbeitende, das bedeutete mehr Brot

und etwas von anderen Lebensmitteln. Auf dem Kombinat gab es einen Speiseraum, dort ernährte man Arbeiter, gab Grützen, Erbsenbrei für 40 g, bereitete Krautsuppen zu. Ich saß am Tisch, neben mir aß ein Mann seine 100 g Brei, und ich, Kind, bekam auch so viel. Zuerst schickte man mich in die Abteilung, dann, da ich klein und schwach war, in die Technische Kontrolle, wo ich 8,5 Jahre arbeitete.

Dann ging ich in die Abendschule, weil vor dem Krieg nur vier Klassen beendete. Ich absolvierte die 7. Klasse, dann machte die Kurse für Meister, dann wollte ich weiter lernen, aber im Moskowskij Bezirk wurde das Forschungsinstitut für plastische Materialien eröffnet, man entwickelte die Technologie der Herstellung der Polyäthylenfolie, die auf dem Ochtinskij chemischen Kombinat eingeführt werden sollte, man schickte mich dorthin lernen, danach nahmen wir bei uns diese Produktion auf. Diese Produktion war schädlich, mit 30 Jahren bewegte ich mich wie eine Alte, weil das auf Gefäße wirkte.

Es gab kein Wasser, keinen Strom, keine Heizung. Da es keinen Brennstoff für Kesselräume gab, wurde es befohlen alle Munizipalgebäude abzureißen und die Kesselräume zu heizen. Wir wohnten in einem Holzhaus, man riss unser Dach ab, hat gar nicht geholfen, ließ selbst unsere Kleidung in ein anderes Zimmer bringen, am nächsten Tag kamen wir unsere Sachen holen, aber es war nichts übriggeblieben: es existierte schreckliche Plünderung. Man nahm sogar Neujahrsspielzeuge weg. Damals, im Jahre 1941-1942, brachte der Vater wie es früher gewöhnlich gewesen war, eine Tanne aus dem Wald, für die Kinderlebensmittelkarten bekam man 300 g Sojakonfekt, ich hängte sie auf und aß. Als man den Tannenbaum schmückte, gab es schon kein Konfekt. Als ich schon in der friedlichen Zeit im Stadtmuseum war, sah ich die Information darüber, dass während der Blockade man Kinder auf das Jolkafest einlud. Im Zentrum und Kinder aus den Exekutivkomitees wurden vielleicht eingeladen, aber für solche wie wir gab es natürlich keine Einladungen. Aber man machte sich Sorgen: Ende des Jahres 1942 und im Jahre 1943 ließ man Kinder in Erholungsheime schicken: auf die Krestowskij Insel und nach Rasliw an die Küste des Finnischen Meerbusens (nach dem Krieg war dort das Hospital, man kurierte Verwundete). Ich war einmal in einem Erholungsheim und das zweite Mal im anderen.

Als wir nach dem Niederreißen des Hauses in ein anderes Haus umzogen, kehrte in einem Jahr die Evakuierte zurück, die dort früher gewohnt hatte, und man warf unsere Sachen einfach auf die Straße weg (damals war die Mutter inkaserniert). Wir brauchten ein Dach über dem Kopf. Zweimal gab man uns Zimmer. Neben einem von ihnen war ein geschlossenes Zimmer, dort hatte eine Frau ihre Nachbarin aufgegessen und man hatte sie eingesperrt. Da diese Wohnung gut war, ließ

man uns bald in einen anderen Ort umziehen und nahm die Wohnung weg: man kam aus der Miliz. Ich erinnere mich auch an das Jahr 1942, als im neuen Ort in alle Zimmer und Wohnungen ein Truppenteil einquartiert wurde. Sie wohnten dort eine Woche lang, dann schickte man sie in die Sinjawinskije Sumpfe, um die Blockade aufzuheben, niemand kam zurück.

Die Disziplin war sehr streng. Meine Bekannte, auch so alt wie ich, fuhr in den Kolchos nicht, wohin sie geschickt wurde, dafür sperrte man sie für ein Jahr ein. Man durfte nicht ausgehen, ohne die Gasmaske mitgenommen zu haben, die beim Gehen auf die Fersen schlug. Die Gasmasken gab man allen, die arbeiteten, sogar den Kindern, man meinte: wer arbeitet, der sei erwachsen, darum sollen sie auch als Erwachsene behandelt werden; für Verspätungen und für alles andere. Einmal, als man unsere Sachen auf die Straße hinausgeworfen hatte und wir kein Zuhause mehr hatten, bat meine Mutter eine ihrer Bekannten uns bei ihr übernachten zu lassen. Und so geschah es, dass am Morgen alle auf die Arbeit gingen und die Tür schlossen. Ich bemerkte, dass die Sonne schon aufging, sollte auf die Arbeit gehen! Ich war gezwungen aus dem Fenster im ersten Stock hinauszuspringen, weil wegen Verspätung ich eingesperrt werden konnte.

In der schrecklichen Zeit, in der Extremsituation war es sofort zu sehen, wer was war. Der Mensch enthüllte sich. Ich hatte Glück, weil ich eine Familie hatte, wo buchstäblich alles in gleiche Teile geteilt wurde, darum blieb ich am Leben. Neben uns wohnte eine Familie aus sechs Mitgliedern, ihre 13-jährige Tochter ging Brot kaufen und aß unterwegs alle Krümel auf, dann starben ihre Mutter, ihr Vater und drei Schwestern vor Hunger.

Früher gab es externe Schlösser, und jemand brach im Frühling 1942 regelmäßig zu uns ein, gestohlen wurde alles, Kleidung, Dörrobst, sogar Schleifen. Wir hatten nichts mehr zum Anziehen. Ich ließ die Mutter mich im Zimmer verschließen, um zu beobachten, wer einbrach, und nahm eine kleine Axt. Etwas später kam eine Nachbarin etwa 18 Jahre alt mit ihrer 7-jährigen Schwester, sie sahen mich mit der Axt, aber die Ältere überredete mich und ich ließ sie gehen. Darüber erzählte ich der Mutter, die ging in die Miliz, sie kamen zu den Nachbarn, fanden und gaben uns Sachen, die noch nicht verkauft wurden, zurück.

Uns gegenüber wohnte eine Familie, der Mann arbeitete, die Frau nicht, sie hatten zwei Kinder, das dritte wurde geboren und starb natürlich. Und die Nachbarin, die bei uns gestohlen hatte, stahl ihnen die Lebensmittelkarten, was dem Tod gleich war. So starb die Frau, die Kinder nahmen Verwandte, der Mann, der ein guter Spezialist war, wurde auf der Arbeit unterstützt. Er versuchte dann über die Kampflinie zu gelangen, aber kam um.

Viele Menschen starben: um die Lebensmittelkarten für die verstorbenen Verwandten zu bekommen, deckte man sie mit der Matratze, beerdigte nicht und ließ so lange wie möglich keine Dokumente ausfertigen. Auf der Kommune-Straße war ein Markt, dort verkaufte man ungewöhnlich weiße Fleischkoteletts. Im schrecklichen Winter 1941-1942 lagen, wenn man vorbeiging, Haufen von Toten herum, bei manchen wurden weiche Stellen herausgeschnitten. Koteletts waren ja daraus.

Ich habe solche Erinnerung: ich gehe die Krassina-Straße entlang, dort werden Leichen geladen, ich weiß nicht, warum, aber alle sind ausgezogen; da es sehr kalt ist, kälter als — 30 Grad, klammern sie sich aneinander, man wirft sie und sie klirren, als ob sie kristallen wären.

Eine unserer Nachbarinnen hielt eine Ziege, ließ niemanden sie berühren. Diese Nachbarin wohnte mit dem Sohn und der Schwiegertochter. Dann starb die Nachbarin vor Hunger, aber die Ziege blieb, der Sohn lief sofort sie töten, aber auf solch scheußliche Art und Weise: er schlug sie mit dem Kopf gegen den Laufsteg, beeilte sich, wollte sie schneller aufessen.

Am Ende der Kommune-Straße wohnte ein ganzes Zigeunerlager. Dort war schreckliches Massensterben. Der Zigeuner hatte ein Pferd, auf dem er Leichen fuhr. Das Pferd war groß, aber der Zigeuner schonte es, obwohl er viele von Seinigen ernähren und so vor Hunger retten konnte.

Wenn Bombardieren oder Beschießen begann, verließen wir unsere Arbeitsplätze nicht, dazu zwang uns die Notwendigkeit, weil ununterbrochene Produktion nicht unterbrochen werden konnte. Ich arbeitete im Laboratorium und, obwohl ich sehr klein war, vertraute man mir Analysen zu machen, das war mit dem Schießpulver verbunden (wir stellten Teile für Zünder, für Flaks her), wir beschäftigten uns mit der Ausmusterung, testeten auf dem Gelände. Wir, Kleine, waren zu dritt, ich kam als erste, dann erschienen noch zwei. Beschossen wurde die Stadt jeden Tag. Zu Hause konnte man in den Keller hinuntersteigen. Dabei wohnten wir außerhalb der Stadt und es wurde befohlen eigenhändig Gräben auszuheben, weil es dort keine Luftschutzkeller gab. Man hob Gräben aus, machte einen Bretterbelag, aber diese Gräben waren nicht tief, und wenn ein Geschoss traf, halfen sie nicht. Im Winter 1942 beobachtete ich einmal einen Luftkampf: der frostige Wintertag, im Himmel sind zwei Flugzeuge, Leuchtpurgeschosse fliegen über dem Kopf. Mir war es interessant, ich lief nicht weg, beobachtete, ohne zu verstehen, dass das gefährlich war.

Als einmal der Arbeitstag zu Ende war, arbeitete ich noch im Laboratorium, es war kalt, ich wollte nicht nach Hause gehen, wo es kein Licht gab, und ich beschloss zu warten, bis der Speiseraum eröffnet wird, um 120 g Brei zu essen und Tee zu trinken. Ich war eigentlich noch ein Kind... und was machte

ich: Im Laboratorium war ein Wiegezimmer, alle Tische waren mit Schießpulver bedeckt, weil wir Schießpulver produzierten, ich wollte die Zeit überbrücken: fand die Folie, nahm den Kerzenständer für zwei kleine Kerzen, nahm außerdem Wachs und Zwirn, stellte das alles ins Wiegezimmer. Ich vergaß, wo ich war, spielte und wollte sie anzünden. Ich nahm ein Papierblatt und ging zu Muffel (ein sehr heißer Ofen), zündete an, lief mit dem Fackel am Schießpulver vorbei, mir entgegen ging der Leiter der Abteilung für Technische Kontrolle, er rief: «Was machst du?», löschte, rannte zu meinen Kerzen. Er hatte keine Kräfte mich anzuschreien, aber sprach mit mir, und ich verstand, dass ich viel Unglück bringen konnte.

Uns unterstützte das Radio, dieser Teller. Wir spürten seine große Unterstützung, es gab sehr gute Sendungen, darunter auch musikalische, sie lenkten vom Schlechten ab. Und das, was man in der Kindheit gehört hat, behält man für lange Zeit. Einmal war ich allein zu Hause und man übertrug die Sendung über den finnischen Komponisten Sibelius, das war so bewegend, dass für das ganze Leben behalten blieb, es geht nur mit mir weg. Und die Menschen waren viel gutherziger, als jetzt.

Natürlich waren die Menschen trotz Hungers, Not, Zerrüttung auf den Sieg eingestellt. In der Stadt wurde Ordnung gehalten. Alles war streng, man vermied Epidemie. Sogar Kleine arbeiteten zweischichtig (wie auch ich), wenn das nötig war, über alle anderen ganz zu schweigen. Und alle warteten auf den Durchbruch der Blockade. Es gab keine Niedergangsstimmungen; obwohl vieles passierte, hatte man mehr Beispiele der Selbstopferung. Als wir in der Abendschule lernten, bekamen wir je 100 g Bonbons, zwei Jungen — sie nagten wohl am Hungertuch nicht — gaben diese Bonbons der Lehrerin für Russische Sprache und Literatur. Man sorgte für einander, unterstützte einander.

Es gab noch ein Beispiel: das Reparaturwerk, Männer können nicht stehen, keine Kräfte, sie spannen in den Schraubstock ihre wattierten Jacken, um nicht hinzufallen, und arbeiten. Uns, Kleine, unterstützte man auch: gab Sojamilch, Kasein, manchmal Duranda, außer den Lebensmitteln, die wir auf die Karten bekamen. Seit April 1942 wurde die Situation besser.

Auf der Arbeit beschäftigte ich mich vom ersten bis zum letzten Tag mit der gesellschaftlichen Arbeit, zuerst mit den Büchern: damit man mehr las, wurde ich Bücherträgerin, einmal pro Woche brachte Bücher aus der Bibliothek in die Abteilungen. Am Ende des Krieges fand in Moskau eine Tagung der Bibliothekare statt, man schickte dorthin mein Foto, obwohl ich der Tagung nicht beiwohnte. Ich war auch Komсомолzenleiterin, immer beschäftigte mich, war auch im gewerkschaftlichen Komitee. Und auf der Arbeit hing mein Foto an der Ehrentafel. Das ganze Leben arbeitete ich auf einem Werk, dort war auch pensioniert.

We Were Tuned to the Victory

MAKAROVA Vera Fedorovna

In June, 1941 I was 12 years old, and the Great Patriotic War began. It was declared on the radio. My parents worked at the military factories, my father was taken to live in barracks, brother Vladimir was called to the army (it was just the time for him to go to the army). The brother was sent to Rybinsk to study as a junior commander, he sent us two letters. He asked the uncle to help us. They were trained and taken to the rear of the enemy, 280 km from the city — we don't know anything about him, two notices came to us that he was lost. My mother and I remained by ourselves.

In the end of July, 1941 it was ordered to evacuate all children from the city, all the children had to be registered at their schools. The school had a shop, I bought there sweets to eat on the way, because I was a terrible candy hound, we were taken to the Novgorod region, Hvoyninsky area, to the village. We were lodged at school, I stayed there for a month. The Germans were approaching Novgorod faster, that is why my mother gave money to our neighbor (she could not leave the barracks herself) who went there and took both: her daughter and me. I was given there a loaf and some round sweets, there was no food in the city already. In some days after our return the ring was closed.

Father was in area of the Middle Slingshot. In the end of October father was demobilized, as well as all who were over 50 years old and had the place to go. They left those who were younger: defenders could hardly move, they could hardly hold a rifle, it was necessary to do something, it was impossible to feed all. I heard as my father told mother that they shot those, who were over 50 years old and had nowhere to go. I do not know, whether it is true or not, I heard something similar in 2004 or 2005 on our Leningrad radio. This year they were also talking about the Middle Slingshot. But I haven't read or heard about this anywhere else.

Father needed to get a job, he had no strength, and that is why went to work as a guard to the factory of artificial fiber «Five-years period» in the area Rzhevka. We lived at Krasina Street, there was a house and barracks where they worked in the time of Peter I — produced gunpowder. The industrial complex was called No 757 during the war, and after the war it was called Ohtinsky chemical industrial complex.

On March 29th, 1942 there were many carriages with shells at Rzhevka, I think there was a sabotage, because the Germans bombarded a lot of carriages, many people were killed. Glasses and doors were destroyed all around. At that time it was about minus 30 degrees. And on March, 30th father came from work early in the morning, laid down and died, the diagnosis was a dystrophy. It was the most difficult period, a lot of people died from this bombardment, and from hunger. At Porohovskoye cemetery, ditches were undermined, corps-

es were thrown there, the same thing was at Piskarevskoye Memorial Cemetery. Special brigades were responsible for burials, they picked up corpses along the roads. Sometimes we could not open the door of our house, they put corpses at door, because they had no strength to carry them away. This service was very well organized, the city escaped epidemic. Mum washed father herself, wrapped into a blanket and took to the mass grave. When we put his body into the grave we saw mountains of dead bodies. In spring, when all began to thaw, it was impossible to approach this place because the earth breathed.

In March we were given 50 grams of salty salmon for a month for children's card. We divided it between my mother, father and me. Father bit from a little this piece, when he died a part of this piece remained. When a person has a dystrophy of the last stage a person has no appetite. They gave nothing more, only 125 grams of bread a day by children's card and 250 grams by workers' card. They started to increase rations only in April, 1942.

We had a separate apartment, and nearby lived the father's brother, he wasn't called to the army because of poor health. He worked at a catering establishment at Moskovsky Prospect, where the department store «Moskovsky» is. There was no transport, so he had to go on foot. He had no strength, and once did not go to work. After that he was given a 125 grams card. When he was absolutely forceless, a towel was hanged over his bed for him to tighten himself and to sit down.

On March, 14th, 1942 I brought him a slice of bread and substitute coffee. I came, and saw that his eyes were closed and his mouth was slightly opened, I didn't know that it was an agony before death. The neighbor came in and said: «He sleeps this way! », she thought that I would leave the meal. But I did not. I told mother, that he had died.

In June, 1942 I was 13. Since that time I would have received a dependent card. They did not give anything by this card. That is why I went to the human resource department at the industrial complex nearby without saying anything to my mother. There I was told that I was too small, but I said that I wanted to work anyway. Since June, 29th, 1942 I started to work, I got a worker's card, and they also gave some food there. There was a canteen at the industrial complex, there they fed workers, they gave grain and 40 grams of pea porridge, and they made a broth from grass.

I sat at the table and saw a man nearby the man eating 100 grams of porridge, and I, the child, got the same portion. At first I was sent to work in a shop, and then I was moved to the quality department. There I worked for 8,5 years.

Then I went to the evening school, because I finished only 4 classes before the war. I finished 7 classes, then went

to courses of craftsmen, then I wanted to study further. But the Scientific Research Institute of Plastic was opened in Moscow district, they developed the technology of receiving a polyethylene film, and this had to be implemented at the Ohtinsky chemical industrial complex. I was sent there to be trained, and after that we mastered this technology. The manufacture was harmful. When I was 30 years old I walked like an old woman, my joints hurt very much.

There was no water, electricity, heating. There was no wood to heat, so the order was to demolish all the wooden houses and to heat with this wood. We lived in a wooden building, they demolished our roof and told us to bring clothes and others things to another place. We came the next day to pick up our things, but there was nothing already, there was a terrible marauding. They took even New Year toys. In winter of 1941–1942 father brought a New Year tree from the forest. 300 grams of soya sweets were given for a children's card. I was hanging the sweets and eating them, hanging and eating. When a fir-tree was dressed up, there were no sweets there already.

After the war, when I was in the museum of siege, I saw the information that children were invited to the New Year party during the siege. May be they invited those who lived in the centre of the city, but there were no invitations for us. But they cared about us too. In the end of 1942–1943 it was ordered to send young children to sanatoriums at Krestovsky Island, at the coast of the Gulf of Finland. I was there twice.

After the demolition of our house we moved to another lodging. A year later a woman who lived there before returned from the evacuation. Our things were simply thrown out. (mum lived in barracks at that time). We needed a roof over our head. We were given different rooms twice. Next to our room there was a room, which was closed. There lived a woman who ate her neighbor, she was sent to prison. We got quite a decent apartment, but later asked us to move out. I remember that in 1942 they housed soldiers in all the rooms in our house. They stayed there for a week and after that were thrown to bread the siege to Siniavinsky marshes, none of them returned back.

The discipline was very strict. The acquaintance of my age did not go to the farm where she was sent, she was sentenced for a year conviction. You could not go out without a gas mask. Gas masks were given to all who worked, even to children. It was considered that they were already grown ups if they worked, the same sanctions were applied to children as to grown ups.

Once, when our things were thrown out and we had no place to live, mother went to an acquaintance to ask to spend the night there. In the morning everybody went to work and closed me. I saw that the sun was rising already and I had to

go to work! I had to jump out of the window from the second floor, because they could send to prison for a delay.

In that terrible moment, in an extreme situation it was visible at once, who was who. I was happy to be from the family where they divided everything fifty-fifty, therefore I survived. There was a family nearby, their 13-year-old daughter went to get bread for the family, and ate up crumbs on her way back, her mother, father and three sisters died of hunger.

At that time there were hinged locks, and someone began to get into our apartment in the spring of 1942, they stole clothes, dried fruits and even ribbons. We had nothing to put on. I asked mother to lock me in the apartment to see, who goes to our apartment, I took a small hatchet. In some time our 18 year old neighbor and her 7 year old sister entered the apartment, they saw me with a hatchet and left. I told my mother everything, she went to the militia, they came to our neighbors and found the things that they did not have time to sell.

And opposite there lived a family, the husband worked, and the wife did not. They had two children, and the third child was born — he died, of course. And the neighbor who stole from us, stole their cards too, it was equivalent to death. The wife died, children were taken by the relatives. The husband, who was good specialist, was supported at work. Later he tried to bread through the siege, but was killed.

A lot of people died, to receive a card for a died relative, they covered the body with a mattress, didn't bury it as long as it was possible.

The market was at Commune Street, and there they sold meat cutlets, the meat in these cutlets was very white. In the terrible winter 1941–1942 when you walked near a heap dead, you could see that some bodies were cut into pieces. The cutlets were, of course, from these pieces.

I remember when I walked along Krasin Street I saw how they loaded dead bodies. It was minus 30 degrees, the corpses were undressed, and when they threw them they were clinking like crystal.

One of our neighbors had a goat, she didn't allow to anybody it to touch it, she lived with her son and the daughter-in-law. The neighbor died of hunger, and the goat remained, so the son ran at once to finish it off, but he did it in such a terrible way — he struck its head with a brick, hurried up to eat it faster.

In the end of Commune Street there was a Gipsy camp. There was a terrible pest there. A gipsy had a horse, he carried corpses with it. The horse was big, but the gipsy wanted to save it, though he could feed so many people with it.

When there were bombardments, we did not leave our workplace. We could not do it because it was impossible to stop the non-stop manufacturing.

I worked in a laboratory and though I was very small, they gave me to do the analyses. It was linked with gunpowder (we made components for fuses, for katyushas), we were engaged testing. There were three of us, little ones, I was the first to come and later two more came. They bombarded every day. At home it could go down to a cellar. We lived outside the city, there was an order for everybody to dig entrenchments, because there were no bomb shelters. But the entrenchments were not deep enough, it did not save from shells. Once in winter 1942 I watched the air fight: it was a winter frosty day, there were two planes in the sky, they let out tracer bullets, and those bullets flew right over my head. It was interesting for me, I did not escape anywhere, and watched, I didn't understand that it was dangerous.

Once, the working day was over, I worked in the laboratory; it was too cold to go home, I decided to wait until the canteen opens to eat 120 grams of porridge and to have tea. But I was still a child... and decided to play a little. There was a weight room in the laboratory, we produced gunpowder, so there were tests of gunpowder all over; I found some foil and made a candlestick for 2 small candles, I took wax and threads and put this candlestick in the weight room. I forgot where I was. I took a piece of paper and went to the heated furnace, fired it and walked with this torch near the gunpowder. At this moment I faced the head of the quality department. «What are you doing?» he cried at me and extinguished my torch. He had no force to cry at me, he had a talk with me, and I understood that I could have done many troubles.

The radio supported us greatly. We felt such a big support, there were very good broadcasts, including musical ones, it distracted from all the bad. When you hear something in your childhood, you remember it during your whole life. Once I was at home alone, and there was a broadcast about a Finnish composer Sibelius, it was so exciting, I have remembered it for my whole life, this will leave together with me. And the people were much kinder at that time, than now, much more.

People tuned up to the victory, despite hunger, deprivations, ruin. There was order in the city. Everything was very strict, the city escaped epidemics. Even children like me worked 2 turns, when it was necessary, not to speak about the rest. Everybody waited for the breakthrough of the siege. We did not have desperate thoughts, thought there was everything, but there were much more examples of selflessness. For example, when we studied at evening school we were given 100 grams of fondant, there were two boys in our class, they did not starve, so they gave this fondant to the teacher of Russian language and literature. There was care and support of each other.

One more example: men couldn't stand and work at a mechanical-repair factory, they did not have force for that. They clamped their jerseys in vices to hold them and worked. They encouraged each other. They encouraged us too, gave us soya milk, casein duranda. In April, 1942, the situation improved.

I was engaged in public work from the first day at work and up to the last one. First, once a week I brought book from the library to different departments for people to read more. In the end of the war there was a congress of librarians in Moscow, my photo was sent there, though I did not go. I was always engaged in some activity. My photo was always at the Board of Honor. I worked all my life at one place and then retired.

«Ленинград отстоим!».

Екатерина Вишниккина, лицей №95, 9 класс

Память сердца

Паспорт я еще не получила, а медаль уже была

МАТВЕЕВА Наталия Александровна

В 1941 году я окончила 6 класс, и 22 июня мы с родителями должны были уехать в г. Ржев в отпуск. Уехать не успели — началась война. Отца призвали в народное ополчение, ему было 44 года. Мы получали за него зарплату от завода.

До гибели отца в январе 1942 года (извещение о пропаже без вести) мы ездили к нему на свидания в Гатчину, а позже — на пр. Обуховской обороны. В последний раз виделись с отцом в октябре. Он рассказывал, что от дивизии осталось около 250 человек. Тяжелые условия были, а он с плохим зрением, с большим сердцем. Медальон-смертичек он не захотел взять с собой, так что его не нашли и не опознали. Погиб он на Невском пятачке.

Письма отца мы с дочерью отдали в Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда в 2004 году. Очень хорошие письма он писал, и стиль был такой старинный, особенный: «Дорогие мои женушка и доченька».

После гибели отца мне пришлось устроиться на работу — нужно было выживать. С трудоустройством помогли соседи.

С 6 мая 1942 года по 1 июня 1943 года я работала счетоводом в счетной конторе районного жилищного управления № 14 Приморского района на набережной реки Карповки. На работу ходила пешком, от Тучкова моста это было около часа. Бывало, идешь, а над тобой — свист снарядов. Я все думала: увижу ли снаряд летящий?

Мама тоже устроилась — в госпиталь в здании Академии им. Можайского. Мы с мамой работали в разных концах города и

встречались обычно по вечерам возле дома. Один раз во флигель попала бомба. Я иду с работы — а мамы у дома нет. Я пыталась искать ее. Руины дома были огорожены красной лентой, мне кричали: «Куда вы, там трупы!». Но тут мама пришла с работы — она просто задержалась. Я почувствовала такой страх, так жутко было потерять друг друга!

После этого мы решили работать вместе. Я тоже устроилась в мамин госпиталь, к патологоанатомам:

она в прозекторской работала, я — в лаборатории санитаркой. Возглавлял лабораторию Михаил Константинович Даль. Голод ощущался все время. У нас был шкаф формалиновый, туда сунешь нос, надышишься — и кушать не так хочется после этого.

Когда я поступила в госпиталь, 5 ноября 1943 года мне сообщили, чтобы я пришла за медалью «За оборону Ленинграда». Так что паспорта у меня тогда еще не было, а медаль уже была.

Позже госпиталь перевели на Смоленку, но я туда не поехала, а уволилась и пошла доучиваться. В 1944 году окончила неполную среднюю школу № 50 (семь классов).

За водой ходили к Ждановке.

Вспоминаю, как стояла в очереди в булочной, мне уже на стеклянный прилавок положили две порции хлеба, а маленький мальчишка схватил с прилавка — и сразу в рот. Сделать уже было ничего невозможно. Я плакала.

Родственники еще до голодовки приглашали нас к себе, подкармливали. Соседи (семья инженера оборонной промышленности) брали нас с собой в пригородные поля (наверное,

в районе п. Стрельна) — там капусту сняли, а капустный лист остался. Мать поехала с наволочкой, но этого было мало, поэтому на следующий день ездили вдвоем, взяв наматрасник. Много привезли, сделали хряпу — квашеную капусту. На Петроградке на Дерябкином рынке меняли на дуранду, другие продукты.

Когда были налеты, мы сначала прятались в газоубежище, потом не выходили из квартиры — сил уже не было. Стояли в коридоре внутри подъезда — прятались от осколков, так как от бомбы бы не спасло. А еще стояли в подворотне (дом был буквой «п»), смотрели на налеты.

В 1942-1943 году мать почти умирала от голода. Пришли к нам как-то тетя Шура с двоюродной сестрой, принесли каши с землей. Сами-то не стали есть, а моя мама съела все, и тем спаслась, наверное.

Еще была у нас знакомая, она работала в столовой — чистила котлы. А очистки приносила в литровой банке из-под американской тушенки. Также она предупреждала нас, что на помойку должны сейчас выбросить мерзлую картошку или кости — мы шли подбирать.

Дома было холодно и голодно. Мы сожгли все книги, мебель, а весь антиквариат выменяли на еду — зато выжили. А ценные вещи дома имелись, поскольку дед мой — из купцов, у него были собственные доки на Петровском острове.

После окончания блокады мы ходили к Тучкову мосту и Петропавловке смотреть салюты — такие сильные, красивые. Салюты были по случаю взятия городов, снятия блокады, Победы. Мы уши закрывали и рот открывали, чтобы не оглохнуть. Такое было ликование вокруг!

Школьная фотография. 1940–1941 гг.

Den Pass bekam ich noch nicht, aber die Medaille gab es schon

MATWEJEW Natalija Alexandrowna

Im Jahre 1941 absolvierte ich die 6. Klasse, am 22. Juni sollten meine Eltern und ich in die Stadt Rschew in Urlaub fahren. Aber es klappte nicht, der Krieg begann. Der Vater kam ins Volksaufgebot, er war 44 Jahre alt. Wir bekamen auf dem Werk sein Gehalt.

Bis zum Tod des Vaters im Januar 1942 (uns teilte man mit, dass es vermisst wurde) besuchten wir ihn in Gatschina, dann auf dem Prospekt Obuchowskoj Oborony. Das letzte Mal trafen wir uns im Oktober. Er erzählte, dass in der Division etwa 250 Soldaten geblieben sind. Die Bedingungen waren sehr schwer, er aber hatte schwache Seekraft und schwaches Herz. Das Erkennungsmedaillon wollte er nicht tragen, darum wurde seine Leiche nicht gefunden und nicht identifiziert. Er fiel auf dem Newski Pjatatschok.

Die Briefe des Vaters übergaben wir, ich und meine Tochter, ins Memorialmuseum der Verteidigung und Blockade Leningrads im Jahre 2004. Er schrieb schöne Briefe in einem besonderen alten Stil: «Meine liebsten Ehegattin und Töchterchen».

Nach dem Tod des Vaters war ich gezwungen arbeiten zu gehen, um am Leben zu bleiben. Die Nachbarn halfen einen Arbeitsplatz finden. Vom 6. Mai 1942 bis 1. Juni 1943 war ich als Rechnungsführerin in der Rechenzentrale des Bezirkswohnungsamtes N14 Primorskij Bezirkes am Karpowka-Fluss-Kai tätig. Bis zur Arbeitsstelle ging ich zu Fuß, von der Tutschkow-Brücke nahm das etwa eine Stunde in Anspruch. Es kam manchmal vor, dass unterwegs über meinem Kopf Geschosse sausten. Ich überlegte mir, ob ich das sausende Geschoss bemerken könne.

Mutti arbeitete im Hospital im Gebäude der Akademie namens Moshajskij. Wir arbeiteten in verschiedenen Stadtteilen, gewöhnlich trafen wir uns abends vor unserem Haus. Einmal traf Bombe den Seitenbau. Ich kam nach der Arbeit, Mutti war nicht da. Ich suchte sie überall. Die Ruinen waren mit einem roten Band abgegrenzt, man schrie mir zu: «Wohin? Dort sind Leichnamen!» aber da kam die Mutter von der Arbeit, sie verspätete sich ein bisschen. Ich bekam Angst, es wäre schrecklich einander zu verlieren! Wir beschlossen zusammen zu arbeiten. Und ich kam ins Muttis Hospital zu Pathologen, sie arbeitete im Prosektorraum, ich im Labor als Sanitäterin. Michail Konstantinowitsch Dal leitete das Labor. Man war ständig hungrig. Wir hatten einen Formalinschrank, man steckte dorthin die Nase, atmete ein und hatte keinen Hunger mehr.

Als ich im Hospital arbeitete, am 5. November 1943, gab man mir die Medaille «Für die Verteidigung Leningrads». So bekam ich noch keinen Pass, aber die Medaille gab es schon.

Später zog das Hospital nach Smolenka um, aber ich kündigte und ging weiter lernen. Im Jahre 1944 absolvierte ich die 7. Klasse in der allgemeinbildenden Schule N50.

Wasser holten wir in Shdanowka. Ich erinnere mich daran, wie ich in der Schlange im Brotladen stand, man legte für mich auf die Glastheke zwei Portionen Brot, aber ein kleiner Junge packte sie und steckte in den Mund. Es war unmöglich etwas dagegen zu machen. Ich weinte.

Noch vor dem großen Hunger luden uns Verwandte ein, gaben was zu Essen. Nachbarn (Familie eines Ingenieurs der Verteidigungsindustrie) nahmen uns auf die Felder (wohl unweit von der Siedlung Strelna), dort hatte man Kohl geerntet, aber die Kohlblätter blieben liegen). Mutti fuhr mit einem Kissenbezug, aber das war zu wenig, darum fuhren wir am nächsten Tag zu zweit und nahmen einen Matratzenbezug mit. Wir brachten nach Hause viele Blätter und legten sie ein. Auf der Petrograder Seite, auf dem Derjabkinskij Markt tauschten wir sie gegen Duranda und andere Lebensmittel.

Während der Luftangriffe versteckten wir uns zuerst im Gasschutzraum, dann verließen das Haus nicht mehr, da wir keine Kräfte hatten. Standen im Treppenhaus, versteckten uns vor Splintern, weil gegen die Bombe das nicht helfen würde. Manchmal standen wir im Torbogen (das Haus hatte die Form des Buchstaben «п») und beobachteten die Flugzeuge.

In den Jahren 1942-1943 wäre die Mutter beinahe vor Hunger gestorben. Tante Schura und die Kusine kamen zu uns und brachten Brei mit der Erde. Sie aßen ihn nicht, aber Mutti aß alles und so wurde gerettet.

Noch hatten wir eine Bekannte, die in der Kantine arbeitete: putzte die Kessel. Aber die Essensreste aus den Kesseln brachte sie in einer Büchse, wo früher amerikanisches Fleisch gewesen war. Außerdem sagte sie in Voraus, dass man in den Müllkasten bald durchgefrorene Kartoffeln oder Knochen wirft, wir sammelten alles.

Zu Hause war es sehr kalt und hungrig. Wir verbrannten alle Bücher, Antiquitäten tauschten wir gegen Lebensmittel und so blieben am Leben. Antiquitäten hatten wir, weil mein Großvater Kaufmann war, hatte eigene Docke auf der Petrovskij Insel.

Nach der Blockade gingen wir zu Tutschkow Brücke und Peter-Pauls-Festung Feuerwerke beobachten, die so groß und schön waren. Es gab Feuerwerke anlässlich der Einnahme der Städte, der Aufhebung der Blockade, des Sieges. Wir machten die Ohren zu und den Mund auf, um nicht taub zu werden. Überall war solcher Jubel!

MATVEEVA Natalia Alexandrovna

In 1941 I finished the 6th form, on June 22nd my parents and I must have gone to Rzhev on vacation. But we didn't have time to leave, the war started. Father was called up, he was 44. We got his salary from the plant instead of him.

Before his death in January, 1942 we went to visit him to Gatchina, later to Obuchovskaya Oborona prospect. Last time we saw our father in Oktober. He told us that only 250 people remained alive out of the division. The conditions were very hard, he had poor eyes and ill heart. He was killed at Nevsky Bridge-head.

We handed father's letters to The State Memorial Museum of Defense of Leningrad in 2004. He wrote very good letters, he had a very interesting ancient writing style.

After my father's death I had to get a job — we had to survive. My neighbors helped me to get a job. From May 6th, 1942 up to June 1st, 1943 I worked as a book-keeper in the book-keeping office at Karpovka embankment. I went to work on foot; it took me about half an hour to get there. Sometimes shells whispered over my head when I walked to work.

Mother also got a job in the hospital in the building of Mojaisky Academy. My mother and I worked in different ends of the city, we met each other usually in the evening near our house. Once a bomb hit the wing of our house. I returned from work, but there was no mother near the house. I tried to look for her. Ruins of the house were fenced with a red ribbon, somebody was crying: «Where are you going? There are corpses there!» At that moment my mother returned from work. I was so afraid to lose her. After that we decided to work together. I went to work to my mother's hospital as a nurse at the laboratory. The laboratory was headed by Michail Konstantinovich Dal. I was hungry all the time. We had a formalin case, when I smelt inside it I had no hunger any more.

When I started to work at the hospital on November 5th, 1943 I was told to come and take the medal «For Defense of Leningrad». I had no passport at that time but I had a medal.

Later the hospital was transferred to Smolenka river, but I did not go there I went to finish my school. In 1944 I graduated from the secondary school No 50.

We went to the Zhdanovka river for water. I remember how I was in the queue for bread. They put two portions of bread on the counter, but a little boy picked them up and put into his mouth. I could do nothing. I cried.

Relatives invited us and gave us some food. Neighbors (the family of a military engineer) took us to the suburb fields with them. They picked up cabbage there, but there remained cabbage leaves. Mother took a pillowcase with her, but it was not enough, next day we went there with a bed pad. We brought a lot of cabbage leaves with us and prepared sauerkraut. At Deryabkin market we changed it to duranda and other food.

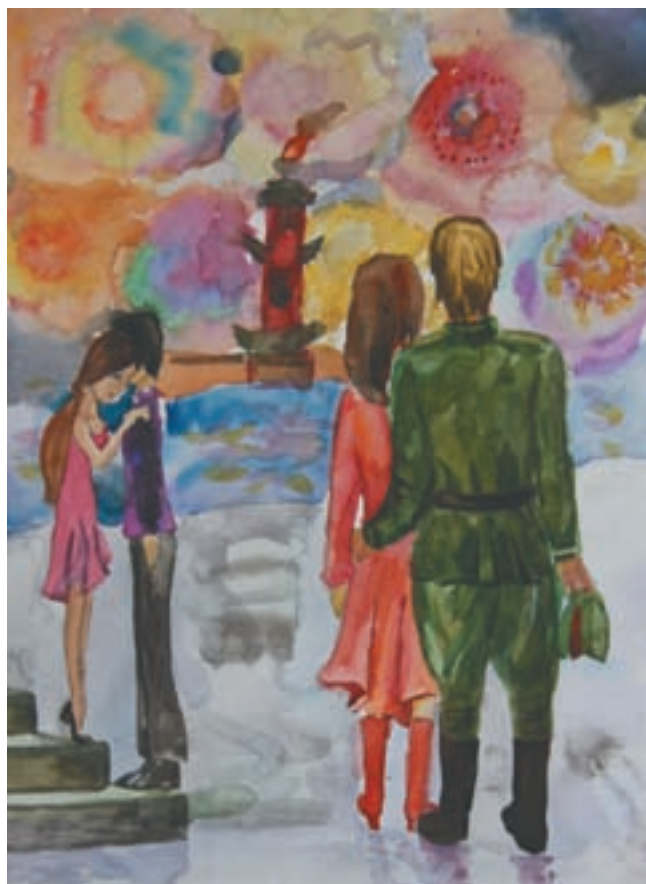
During air raids we first hid in the bomb shelter, then we did not leave our flat, we had no strength for that. We hid in the stair well of our house.

In 1942-1943 my mother nearly died of hunger. Aunt Shura with my cousin came to us one day, brought us porridge with soil. They did not eat it themselves, my mother ate it, it saved her.

We had an acquaintance who worked in the canteen — cleaned pots. She brought us cleanups in a one liter can. She also told us when they threw away frozen potato and bones, we went and picked it up.

It was cold at home, and we were always hungry. We burnt all the furniture and books, we changed all the antique things for food. We had some precious things at home, because my grandfather was a merchant, he had his own docks at Petrovsky island.

After the end of the siege we went to Tuchkov Bridge and to Peter and Paul's Fortress to watch fireworks. They were so beautiful. The fireworks were dedicated to the end of the siege and the Victory. We opened our mouths and closed our ears not to get deaf. It was such exaltation all around!

«Победа!». Елизавета Чумак, лицей №144, 6 класс

От большой семьи осталось трое

ПОЗДНЯКОВА Наталия Евгеньевна

Я родилась 1 апреля 1936 года в г. Ленинграде. В начале войны у нас была большая семья: папа, мама, три сына и три дочери. Папа был сердечник, и на войну его не взяли. Умер он в ночь с 31 декабря на 1 января 1942 года, затем друг за другом умерли сестра Марина и брат Владик, затем маленький Вовочка.

К весне 1942 года нас осталось трое: мама, я и сестра Соня. Мы с мамой очень болели, ходили по стеночке, так как не было сил, а потом совсем слегли. Помогала соседка — тетя Нина Витошина, ходила нам за пайкой хлеба по карточкам. С сестрой Соней ходили собирали траву весной, варили похлебку.

Соседка тетя Нина уговорила маму эвакуироваться: «Ты всех похоронила своих, по-

хоронишь и этих, если не увезешь!»

В конце августа 1942 года нас эвакуировали, с собой мы взяли только кое-какие документы и вещи, так как маму и меня транспортировали на носилках. Даже альбом с фотографиями не сумели взять, не говоря уже о более ценных вещах. Вот так нас и отправили в Сибирь, в Тюменскую область.

Вернулись мы в Ленинград летом 1945 года, но поскольку наш дом был деревянный, его разобрали на дрова, всю мебель тоже сожгли.

Мы жили у родственников по очереди — то у одних, то у других, пока мама не устроилась дворником и нам дали служебную жилплощадь.

Von einer großen Familie sind nur drei Menschen am Leben geblieben

POSDNJAKOWA Natalija Ewgenjewna

Ich wurde am 1. April 1936 in Leningrad geboren. Als der Krieg begann, waren wir eine große Familie: Vater, Mutter, drei Söhne und drei Kinder. Der Vater war herzkrank, darum hat man ihn zum Heer nicht einberufen. Er starb in der Nacht am 31. Dezember — 1. Januar 1942, dann starben der Reihe nach meine Schwester Marina und mein Bruder Wladik, dann der kleine Wowa.

Im Frühling 1942 sind wir zu dritt am Leben geblieben: Mutter, meine Schwester Sonja und ich. Mutti und ich, wir waren sehr krank, hielten uns beim Gehen an der Wand fest, weil wir keine Kräfte hatten, dann wurden bettlägerig. Uns half die Nachbarin, Tante Nina Witoschina. Ging mit unseren Lebensmittelkarten Brot holen, sammelte mit Sonja Kräuter, kochte Wassersuppe.

Die Nachbarin Tante Nina überredete die Mutter zum Evakuieren: «Du hast alle beerdigt, wirst bald auch diese beerdigen, wenn du sie nicht wegbringst!»

Ende August wurden wir evakuiert, mit hatten wir nur Dokumente und einige Sachen, weil man Mutti und mich auf Krankentragen trug. Wir konnten sogar das Fotoalbum nicht nehmen, über wertvolle Dinge ganz zu schweigen. So schickte man uns nach Sibirien, ins Tjumener Gebiet.

Nach Leningrad kehrten wir im Sommer 1945, da unser Haus hölzern gewesen war, hatte man es als Brennholz gebraucht, mit Möbelstücken hatte man auch geheizt. Wir wohnten bei Verwandten der Reihe nach, zuerst bei einen, dann bei anderen, danach begann Mutti als Hausmeisterin zu arbeiten, so bekamen wir ein Zimmer.

Only Three Members of the Big Family Survived

POZDNYAKOVA Natalia Evgenievna

I was born on April 1st, 1936. At the beginning of the war we had big family: father, mother, three sons and three daughters. My father had poor heart and he was not taken to the war. He died at night on the 1st, of January 1942, later my sister Marina, brother Vladik, little Vovochka died one after another.

By spring 1942 only three of us were alive: mother, me, and my sister Sonya. My mother and I were very weak and held on the wall as we walked but later we could not walk at all, we fell ill. Our neighbor Nina Vito-shina went to take our bread rations. In spring our neighbor and my sister Sonya went to pick up grass and made broth.

Our neighbor persuaded my mother to evacuate the family: «You have buried almost all your family, you'll burry the rest if you don't evacuate them!»

In the end of August, 1942 we were evacuated, we took only documents and clothes with us, my mother was carried with a litter. We could not even take a photo album, not speaking about precious things. Thus we were evacuated to Siberia to Tyumen region.

We were back to Leningrad in summer 1945. Our house was made from wood, it was taken to pieces for firewood, all the furniture was burnt down too. We stayed at our relatives until my mother got a job as a yard-keeper and we got a service lodging.

«Салют над городом». Екатерина Кремлева, ДДТ Калининского района, 8 лет

Память сердца

Мое опаленное детство

САМСОНОВА Тамара Васильевна

До войны наша семья из пяти человек (папа, мама, братья Валентин, Иван и я, Тамара) проживала в поселке Привальни Городокского района Витебской области.

В первую мобилизацию нашего отца на фронт не взяли по инвалидности. А во вторую он не успел доехать до военкомата — в город Городок вошли немцы, через месяц после начала войны. Люди не думали, что фашисты будут такими жестокими, но они с первых дней стали убивать, вешать.

В июне 1942 года отец ушел в партизаны, и нам пришлось покинуть свой дом. Помню, когда мы уходили в партизанскую зону, то видели, проходя по дороге, что многие деревни сожжены, а у дорог стояли только русские печи с трубами. Помню, как лежали мы на озере на льду. Был бой между партизанами и немцами, а над нашими головами свистели красные пули и падали совсем рядом, из красных превращаясь в серые, попадая в воду. Помню, как мы кричали от испуга: «Ой, мамочка, я боюсь!». А мама все повторяла: «Только не поднимайте головы!»

В апреле 1943 года нам пришлось прятаться от карателей в лесу. Они шли по лесу цепями с собаками, выгоняли всех из леса и убивали. А мы спрятались под большой упавшей елью, каратели нас не заметили. В лесу еще лежал снег. Дедушка, находившийся с нами, ушел в поселок, но вскоре вернулся, сказав, что фашисты больше никого не убивают, можно идти в поселок.

В поселке Селезни мы переночевали. А утром каратели выгнали всех из домов:

«Шнель, шнель!» — кричали. Потом подожгли дома и построили нас в колонну. Помню, когда загорелись дома, я от страха уткнулась в мамин подол: «Ой, мамочка, мне страшно!». Мы еще тогда не знали, что в марте 1943 года в нашем поселке каратели забрали отцовских братьев с дочерьми: Андрея с 14-летней Ниной, Прокопия с 17-летней Анной и 19-летней Марией и еще несколько семей. Загнали всех в сарай, закрыли и сожгли всех живыми. Якобы за связь с партизанами.

Сейчас на том месте мемориал, местные власти ухаживают за ним.

Построили нас каратели и повели за сорок километров, до Витебска. Идти было очень тяжело из-за грязной дороги. Мне было пять лет. Мама часто брала меня на руки. В Витебске нас поместили в лагерь для военнопленных советских солдат. До войны это была войсковая часть, так называемый 5-й полк. Помню, на площади стояли виселицы, а на них — повешенные мужчины.

В Витебске мы пробыли недолго. В мае нашу семью (четыре человека) и еще многих загнали в товарные вагоны и отправили в Польшу. Трое суток не открывали двери вагонов. Люди там и оправлялись. А я в дороге заболела корью. Все просила: «Мама, пить!». Наконец, поезд остановился, и мама принесла мне в жестяной баночке водички. Вскоре нас привезли в польский город Люблин. До концлагеря в Майданеке было три километра. Нас гнали до него и кричали матерям: «Бросайте своих детей, они вам больше не понадобятся!» Били, чтобы быстрее шли.

Привели в лагерь, приказали разуться и раздеться догола, прогнали через душевую, облив холодной водой, вывели в другие двери и выдали лагерную одежду. Мне удалось выздороветь, но все, кто заболел после меня, умерли.

В лагере был распорядок строгий. В 3 часа ночи нас выгоняли на плац (аппель), поили горячей водой, делали переключку и до 6 часов утра мы просто стояли на плацу в любую погоду, в одних платьях и колодках на босу ногу. Потом матерей угоняли на работу, дети оставались на улице до обеда. Затем обедали. Помню, суп какой-то зеленый и кусочек маленького хлеба. С 19 до 21 часа снова выгоняли на плац, делали переключку. А потом загоняли в нетопленные бараки. В воскресенье нас не кормили вообще: «Сегодня вы все остаетесь без обеда и без хлеба, так как вчера громко разговаривали!» Спрашивали, зачем такое издевательство? Что ж, «карный лагерь», «лагерь смерти».

Весь концлагерь был обнесен колючей проволокой в несколько рядов и по ней пущен ток. А еще каждое поле внутри тоже в один ряд ограждено колючей проволокой, а промежутки между полями посыпали песком, чтобы никто не мог пройти. Вокруг лагеря — вышки, на них — часовые.

Часто слышу: из лагеря убежали. Только из нашего концлагеря вряд ли кто убежал. Однажды выставили нас всех на плацу. Там лежали одиннадцать человек с распоротыми животами. «Так будет с каждым из вас, кто попытается убежать!» — объявили нам.

Кто-то сочинил песню:

В три часа ночи нас поднимают,
Пьем поллитру горячей воды.
Авзёрки нас бьют и ругают,
А потом на работу спешим.
Жуткий холод рыдать заставляет,
Ведь на нас — только платья одни.
Но сознание напоминает,
Что сейчас весь мир в страшном огне.
Что сейчас плачут братья и сестры,
Плачет мать и родимый отец,

Что бои на войне очень жесткие,
Нашим мукам приходит конец.
Больше мужества, русские девы!
Будьте русскими всюду, везде!
Еще две небольшие потуги,
Прилетит дорогой соловей!
Он откроет ворота, решетки,
Снимет платья в полоску с плечей,
Успокоит сердечные раны,
Вытрет слезы с печальных очей.

Очень многие умерли от холода, голода и болезней. Меня мучил страшный кашель, до рвоты. Мама смотрит на меня жалостливо, а я ей: «Мамочка, ты не думай, я не помру, у меня просто коклюш». Потом мы все переболели тифом.

В ноябре 1943 года всех детей шести лет и старше куда-то увезли, увезли и моих старших братьев. А всех маленьких перевели в польский барак. Там нам выдали чулочки. Полякам было немного лучше — они могли получать письма и посылки. Мама рассказывала, как они говорили: «Вы, русские, — красная банда большевиков! Мы вас ненавидим, мы вас позабываем!» Но было и другое. Когда у меня появились болячки на ногах, помню, мама пришла ко мне перед сном и спрашивает, почему я чулочки не снимаю, а я ответила, что ножка болит. А когда и на руках появились болячки, мама сказала старшей польке, а дети рассказали, что когда проверяли, я под кровать пряталась — боялась, что сожгут в крематории. Эта польская женщина вылечила меня. Ложилась я в деревянное корыто, наполненное теплой водой с травкой — и через две недели все прошло, лишь белые пятна остались. Маме она сказала, что это от простуды. Плохих народов нет!

Пришла однажды ко мне мама и сказала, что ее отправляют в Германию. Я дала ей буханку хлеба, выданную полячкой. После, при нашей встрече в 1954 году, мама рассказала, когда мы с ней расставались, что будто я и не плакала, но по моим щекам катились крупные слезы. Мама мне наказывала, чтобы я запомни-

ла, где и когда родилась, а я ей: «Ничего, мамочка, может, когда-нибудь мы и встретимся!» «Встретимся, встретимся!» — повторяла она, а сама думала, что не сегодня-завтра и она, и я помрем. Разве можно пережить такое?!

А потом их построили и повели, а нам закрыли двери и окна, чтобы мы не смотрели.

В марте 1944 года угнали маму и других женщин в немецкий концлагерь «Равенсбрюк». За две недели до их отправки все еврейское население отправили в газовые камеры, а трупы сожгли в крематории.

В «Майданеке» было много заключенных разных национальностей. Поляки отдельно, евреи отдельно, а русские, украинцы, белорусы — вместе. За десять месяцев в «Майданеке» из семнадцати тысяч русских, украинок и белорусок осталось восемьсот женщин — остальные все умерли и сгорели в крематории. Из шестидесяти тысяч мужчин осталось семь или десять человек. Над мужчинами издевались, жестоко избивали. А детей вообще не считали. Ежедневно умирало по двадцать пять-сорок человек. Пеплом сгоревших людей удобряли землю и выращивали на ней овощи: картофель, морковь, брюкву и др. Потом этими овощами кормили нас...

Вскоре и нас куда-то увезли. Говорили: в Германию, но мне кажется, это был польский город Лодзь. Там я встретила своих братьев. Осенью 1944 года Валентина отправили на работу в Германию, ему было тринадцать лет.

В этом лагере нас кормили лучше. Редко, но водили на прогулку. И в баню водили.

Помню, на прогулке — огромное поле красных маков, а еще на опушке леса стояла маленькая сосенка, она цвела, концы веточек были оранжевого цвета! Как сейчас помню, мальчишки ежика поймали. Такое чудо!

Распорядок дня был строгий. Рано утром — подъем, затем — зарядка, завтрак, а потом до

обеда маршировали: налево, направо, кругом, шагом марш, ложись, вставай — все на немецком языке. И так ежедневно.

За всяческую провинность наказывали: били розгами, ставили на колени на лавку, посыпанную солью или песком. Помню, как мальчиков связали, положили и избивали кнутом, а нас заставляли смотреть.

В начале апреля 1945 года к городу подошли русские войска. Мы покинули лагерь. Началась бомбежка, стреляли, мы бежали по мостовой, пригнувшись, пули свистели над головами, но никого не задело. Где-то заночевали в подвале.

А утром по дороге шли наши танки. Мы выбежали на улицу, ворота распахнулись и во двор вошли наши танкисты! Столько ликования! Какой-то мальчишка крикнул: «Гитлер капут!» Настало наше долгожданное освобождение. Нас накормили, выдали одежду, обувь. Собрали нас всех в актовом зале лагеря, и, помню, запели песню: «Вставай, страна огромная». Моего брата девяти лет определили в госпиталь, в лагере у него заболели глаза — трахома, а меня отправили в г. Петровск Саратовской области в детский дом.

В детдоме я много болела, головные боли, рвота. Болезненно реагировала на всякую несправедливость. Когда обижалась, глаза застилало белой пеленой, а мне всего лишь семь-девять лет было. Потом все прошло. Часто снилось: гонится немецкий танк за мной, а я не могу бежать...

В детдоме мне выдали свидетельство о рождении, где все данные записали неправильно и дату дня рождения увеличили на два года. В 1952 году меня, как 16-летнюю, отправили на учебу в ФЗО. Потом работала в совхозе полтора года. А в апреле 1954 года меня разыскала мама через Красный крест и всесоюзный розыск. Так мы и встретились через десять лет. Братья вернулись домой раньше меня.

Meine versengte Kindheit

SAMSSONOWA Tamara Wassiljewna

Vor dem Krieg wohnte unsere Familie aus fünf Personen (ich — Tamara, mein Vater, meine Mutter, meine Brüder Valentin und Iwan) in der Siedlung Privalni, Gorodotzkij Bezirk, Vitebsker Gebiet.

Bei der ersten Mobilmachung wurde unser Vater nicht einberufen, weil er Invalide war. Bei der zweiten konnte er ins Kriegskommissariat nicht mehr kommen: in einem Monat nach dem Kriegsbeginn eroberten Deutsche die Stadt Gorodok. Man hatte nicht geglaubt, dass Faschisten sich so grausam benehmen würden, aber vom ersten Tag an haben sie Menschen getötet und aufgehängt.

Im Juni 1942 ging der Vater zu Partisanen und wir sollten unser Haus verlassen. Ich weiß noch: als wir in die Partisanenzone gingen, sahen wir, dass viele Dörfer verbrannt waren, an den Straßen standen nur Öfen mit Schornsteinen. Ich weiß noch, wie wir auf dem See im Eis lagen. Es begann das Gefecht zwischen Partisanen und Deutschen, über unsere Köpfe weg piffen rote Kugeln, die neben uns herunterfielen, aus roten im Wasser grau werdend. Ich weiß noch, wie wir vor Angst schrien: «Mütterchen, mir ist es bange!» — Und die Mutter wiederholte: «Keinesfalls hebt eure Köpfe hoch!»

Im April 1943 sollten wir uns vor deutschen Bestrafern im Wald verstecken. Sie durchstreiften den Wald mit Hunden, trieben alle aus dem Wald hinaus und töteten. Wir versteckten uns unter einer großen gefallenen Tanne, Bestrafer bemerkten uns nicht. Im Wald legte noch der Schnee. Ein Opa, der mit uns war, ging in die Siedlung, aber kehrte bald zurück und teilte mit, dass Faschisten niemanden mehr morden, man könne in die Siedlung gehen.

Wir übernachteten in der Siedlung Selesni. Und am Morgen jagten uns Bestrafer aus den Häusern: «Schnell, schnell!» — riefen sie. Und dann steckten sie die Häuser in Brand und stellten uns in die Kolonne auf. Ich weiß noch: als die Häuser brannten, drückte ich das Gesicht in Mutters Saum und sagte, dass ich Angst habe. Damals wussten wir noch nicht, dass in März 1943 in unserer Heimsiedlung Bestrafer einige Familien, darunter unsere Onkel väterlicher Seite mit den Töchtern: Andrej mit Nina, 14 Jahre, und Prokopij mit Anna, 17, und Marija, 19, in eine Scheune zusammentrieben, die Tür verschlossen und die Menschen verbrannten. Angeblich wegen der Kontakte mit Partisanen. Jetzt befindet sich dort eine Gedenkstätte, die Einwohner sorgen dafür.

Bestrafer stellten uns auf und trieben 40 Km nach Vitebsk. Das Gehen fiel wegen schmutziger Straße schwer. Ich war fünf Jahre alt. Oft nahm mich die Mutter in den Arm. Wir wurden in das Vitebsker Lager für gefangengenommene sowjetische Soldaten interniert. Vor dem Krieg war das eine militärische Dienststelle, das so genannte 5. Regiment. Ich weiß noch: auf dem Platz standen Galgen mit aufgehängten Männern.

In Vitebsk blieben wir nicht lange. Im Mai wurden unsere Familie (vier Personen) und viele andere Menschen in den Güterzügen nach Polen geschickt. Drei Tage machte man die Türen nicht auf. Wir entleerten uns drinnen. Unterwegs erkrankte ich an Masern. Und bat: «Mutti, trinken!» Endlich blieb der Zug stehen und die Mutter brachte mir Wasser in einer Blechdose. Bald brachte man uns in die polnische Stadt Lublin. Sie war drei Kilometer vom KZ Maidanek entfernt. Man trieb uns dorthin und schrie unterwegs Müttern zu: «Lasst eure Kinder, die braucht ihr nicht mehr!» Sie schlugen uns, damit wir schneller liefen.

Man brachte uns ins KZ, befahl uns auszuziehen und trieb so, nackt und barfuss, in den Duscheraum, wo wir mit kaltem Wasser begossen wurden, dann führte man uns durch eine andere Tür aus und gab die Lagerbekleidung. Ich blieb nach der Krankheit am Leben, aber alle, die später erkrankten, starben.

Im KZ war strenge Ordnung. Um 3 Uhr in der Nacht trieb man uns auf den Appellplatz, wo wir heißes Wasser trinken konnten, dann wurden wir aufgerufen und standen draußen bis 6 Uhr bei jedem Wetter, wir hatten nur Kleider an, an den nackten Füßen Holzschuhe. Dann trieb man unsere Mütter auf Arbeit, Kinder blieben draußen bis Mittagessen. Dann wurde gegessen. Ich erinnere mich an irgendwelche grüne Suppe und ein kleines Stückchen Brot. Von 19 bis 21 Uhr waren wir wieder auf dem Platz zum Appell. Und dann wieder in den unbeheizten Baracken. Sonntags gab es gar kein Mittagessen und gar kein Brot: » Heute bekommt ihr kein Mittagessen und kein Brot, weil gestern ihr zu laut gesprochen habt!« Die Frage ist, wozu solche Misshandlung? Das war ein «Lager des Todes».

Um das KZ waren einige Reihen Stacheldraht mit Strom. Um jedes Feld war auch eine Reihe Stacheldraht, zwischen den Feldern war Sand, damit niemand dort gehen konnte. Um das Lager waren Wachtürme mit Wächtern.

Oft höre ich, dass man aus KZs flüchtete. Aber aus unserem KZ konnte man kaum flüchten. Einmal wurden wir auf dem Appellplatz gesammelt. Dort lagen elf Menschen mit aufgeschlitzten Bäuchen. «So was geschieht mit jedem von euch, der versucht zu flüchten», — hat man uns gesagt.

Ein Lied wurde geschrieben:

Um drei Uhr sollen wir aufstehen,

wir trinken Wasser, das Wasser ist heiß,

Wir sollen dann schnell arbeiten gehen,

Verprügelt und hungrig, das alles ich weiß.

Jetzt weinen die Brüder und unsere Schwestern,

Die Mutter weint jetzt und der Vater das macht,

Die Kämpfe sind schwer im Osten und Westen,

Ist Qual bald zu Ende, doch schwer ist die Schlacht.

Sei mutig, russische Frau!
Sei Russin du überall!
Noch einige Male der Morgen graut,
Und kommt nach Haus' die Nachtigall!

Und Er macht alle Türen schnell auf,
Nimmt das Kleid von den Schultern dir ab,
Wischt die Tränen von brennender Haut,
Alles, alles Geträumte bald klappt.

Sehr viele starben vor Kälte und Hunger, viele starben an Krankheiten. Mich quälte ein so schrecklicher Husten, dass ich erbrach. Mutter guckte mich mitleidig an, und ich sagte: «Mutti, mach dir keine Sorgen, ich sterbe nicht, das ist ein ganz gewöhnlicher Keuchhusten!» Dann erkrankten wir alle an Typhus.

Im November 1943 wurden alle Kinder über sechs Jahre weggefahren, unter ihnen meine Brüder. Und die kleinen schickte man in die polnische Baracke. Dort gab man uns Strümpfchen. Polen hatten es besser, sie durften Briefe und Pakete bekommen. Mutter erzählte, dass sie sagten: «Ihr Russen sind eine rote bolschewistische Bande. Wir hassen euch und werden euch töten!» aber es gab auch anderes. Ich weiß noch, ich bekam Beinschrunden, Mutti besuchte mich vor dem Schlafen und fragte, warum ich Strümpfchen nicht ausziehe, ich antwortete, dass das Bein mir weh tat. Dann erschienen Schrunden auch an den Armen. Mutti erzählte darüber der ältesten Polin, und die Kinder sagten, bei Kontrolle verstecke ich mich unter dem Bett, damit man mich im Krematorium nicht verbrenne. Diese polnische Frau hat mich geheilt. Sie legte mich in einen Holztrog gefüllt mit warmem Wasser und Kräutern, in zwei Wochen gab es keine Schrunden mehr, es blieben nur weiße Flecken. Meiner Mutti sagte sie, das sei wegen der Erkältung. Es gibt keine schlechten Völker!

Einmal kam Mutti und sagte, dass man sie nach Deutschland interniere. Ich gab ihr ein Brot, das mir die Polin gegeben hatte. Dann, als wir uns im Jahre 1954 trafen, erzählte Mutti, dass beim Verabschieden ich nicht geweint habe, aber auf meinen Wangen waren Tränen. Mutti ließ mich im Gedächtnis behalten, wann und wo ich geboren war, ich wiederholte: «Macht nichts, Mütterchen, vielleicht treffen wir uns wieder!» — «Wir treffen uns, wir treffen uns!», wiederholte sie, dabei dachte sie, dass bald wir beide sterben. Ist es möglich, so was auszuhalten?

Und dann stellte man sie auf und führte weg, man machte unsere Türen und Fenster zu, damit wir nicht zusahen.

Im März 1944 wurden Mutti und andere Frauen ins deutsche Konzentrationslager «Ravensbrück» geschickt. Zwei Wochen davor wurden alle Juden vergast, Leichen verbrannte man im Krematorium.

Im «Maidanek» waren viele Häftlinge verschiedener Nationalitäten. Polen abgesondert, Juden abgesondert, Rus-

sen, Ukrainer und Weißrussen zusammen. Nach zehn Monaten in «Maidanek» blieben von siebzehntausend Russinnen, Ukrainerinnen und Weißrussinnen nur achthundert Frauen am Leben, andere starben oder wurden verbrannt. Von sechzigtausend Männern blieben am Leben sieben oder zehn. Männer wurden misshandelt, grausam verprügelt. Die Kinder hat man nicht gezählt. Täglich starben fünfundzwanzig bis vierzig. Mit der Asche der Verbrannten düngte man die Erde und dort baute Gemüse an: Kartoffeln, Mohrrüben, Rüben und anderes. Mit diesem Gemüse fütterte man uns...

Bald führte man auch uns weg. Man sagte, nach Deutschland, aber ich glaube, das war die polnische Stadt Lodz. Dort traf ich meine Brüder. Im Herbst 1944 schickte man Valentin nach Deutschland arbeiten, er war 13 Jahre alt.

In diesem KZ war das Essen besser. Manchmal, aber sehr selten, erlaubte man einen Ausgang. Und das Bad. Ich weiß noch: dort gab es ein riesengroßes Feld mit roten Mohnblumen, und am Waldrande stand ein kleines Kieferbäumchen, es blühte, die Spitzen der Zweige waren orange! Ich weiß noch, wie Jungs einen Igel gefangen haben! So ein Wunder!

Die Ordnung war streng. Früh am Morgen aufstehen, dann Morgengymnastik, Frühstück, danach wurde bis Mittagessen marschiert: links, rechts, kehren, im Gleichschritt marsch, sich legen, aufstehen; befohlen wurde in deutscher Sprache. Und so war es jeden Tag.

Für jedes Verschulden bekam man eine Strafe: man gab Ruten, ließ auf einer Bank, die mit Salz und Sand bestreut war, auf den Knien stehen. Ich weiß noch, wie man Jungen band, auf die Erde legte und peitschte, uns ließ man zusehen.

Anfang April 1945 näherten sich der Stadt russische Truppen. Wir verließen das Lager. Das Bombardieren begann, es wurde geschossen, wir liefen uns heruntergebogen durch die Straßen, Kugeln pfliffen über unseren Köpfen, aber niemand wurde verwundet. Wir übernachteten in irgendwelchem Keller. Und am Morgen waren unsere Panzer da. Wir liefen aus dem Keller heraus, das Tor ging auf, und in den Hof kamen unsere Panzersoldaten! Heller Jubel! Ein Junge schrie: «Hitler kaputt!» Endlich kam die langersehnte Befreiung. Man gab uns Essen, Kleidung, Schuhe. Man sammelte uns in der Aula des Lagers, ich weiß noch, man sang das Lied «Steh' auf, großes Land!» Mein neunjähriger Bruder wurde ins Hospital geschickt, im KZ taten ihm die Augen weh, er hatte Trachom. Mich schickte man ins Kinderheim in die Stadt Petrowsk, Saratower Gebiet

Im Kinderheim war ich oft krank: häufige Kopfschmerzen, Erbrechen. Auf jede Beleidigung reagierte ich krankhaft. Wenn ich beleidigt wurde, erschien vor den Augen weißer Schleier, ich war ja erst sieben oder acht Jahre. Dann war das alles vorbei. Oft hatte ich einen Alptraum, mich hole ein deutscher Panzer ein, und ich könne nicht laufen ...

Im Kinderheim bekam ich eine Lebensbescheinigung, wo alle Angaben falsch waren, so wurde ich zwei Jahre älter. 1952 schickte man mich als 16-jährige in die Berufsschule. Dann arbeitete ich anderthalb Jahre im Sowchos.

Im April 1954 fand mich mit Hilfe des Roten Kreuzes und der Unionsfahndung meine Mutter. So traf ich mich mit der Mutter in zehn Jahren. Brüder kehrten nach Hause früher.

My Burnt Childhood

SAMSONOVA Tamara Vasilievna

Before the war our family, father, mum, brothers Valentine, Ivan and me — Tamara lived in the settlement of Privalna in the Vitebsk region.

During the first mobilization our father wasn't taken to the front because of physical inability. During the second one he had no time to get to the military enlistment office, when the Germans entered the city in a month after the beginning of the war. People did not expect that the fascist would be so cruel, they started to kill and hang in the very first day.

In June, 1942 my father left to the partisan squadron, so we had to leave our house. When we went to the partisan area, we saw that many villages were burnt down, only Russian furnaces with chimneys stood along the road. I remember that we lay on the ice of the lake. There was a fight between the partisans and the Germans, red bullets whistled over our heads, when bullets dropped into water they turned grey. I remember that we were very afraid and cried: «Oh, mummy, I am afraid!» — and mum repeated: «Only don't lift your heads!»

In April, 1943 we had to hide from chasteners in the wood. They went through the wood in chains and with dogs, expelled all from the wood and killed. We hid under a big fallen fir-tree, chasteners did not notice us. There was still snow in the forest. An old man, who was with us, went to the settlement, soon he returned, said that fascists did not kill anyone anymore and that we could go to the settlement.

We spent the night in Selezni settlement. In the morning chasteners expelled all from their houses: «Shnel, shnel!» — they cried. Then they set houses on fire and trooped us in one column. I remember, when the houses started burning I was so afraid and cried: «Oh, mummy, I'm so afraid!» We did not know at that time that in March, 1943 chasteners took away our father's brothers with daughters: Andrey with 14-year-old Nina and Procopy with 17-year-old Anna and 19-year-old Maria and some more families. They took them into a shed, closed it and burnt them alive for communication with partisans. Now there is a memorial at that place, local authorities look after it.

Chasteners lined us and forced to go on foot 40 kilometers to Vitebsk. It was very hard to walk because of the muddy road. I was five. Mother often took m in her arms. In

Vitebsk we were placed in a camp for Soviet soldiers, who were prisoners of war. Before the war it was a military base, the so-called 5th regiment. I remember there were gallows on the square, hung up men were on them.

We did not stay long in Vitebsk. In May our family (four people) and many other people were put into commodity cars and sent to Poland. They did not open doors of cars for three days. I fell ill with measles during our way. I was asking: «Mother, I want to drink!» Finally, the train stopped, mother brought me water in a tin jar. Soon they brought us to the Polish city of Lublin. It was three kilometers from a concentration camp in Majdanek.

We were shepherded there, they shouted to mothers: «Throw your children away, you won't need them any more!» They beat us, for us to go faster.

They brought us to the camp, ordered us to take off our clothes, took us to the shower with cold water, gave us camp clothes. I recovered from the illness, but those who fell ill after me died.

There was a strict schedule in the camp. At three o'clock in the morning they took us to the drill ground, there was a roll call, up to 6 o'clock we just stood on the drill ground in any weather in dresses and boots barefoot. Then mothers were taken to work, children stayed at the drill ground up to the lunch time. Then we had lunch. I remember, we had some green soup and a little piece of bread. From 7 to 9 we were taken to the drill ground again, there was a roll call. Then we were taken to the barracks which were not heated. On Sunday they did not feed us at all: «Today you remain without dinner and without bread, because yesterday you talked loudly!» We asked why they were so cruel to us. Well, it was a «death camp».

The whole concentration camp was surrounded with a barbed wire in several rows; there was electric current in the wire. And there were towers with sentries around the camp.

I often hear: they escaped from a camp. One could hardly escape from our camp. Once we were lined up on the drill ground. There lied eleven people with unstitched stomachs. «This will be with everyone of you who will try to escape!» — they declared to us.

A lot of people died of cold, hunger and illnesses. I was tormented by terrible cough, up to vomiting. Mother looked

at me compassionately, and I said to her: «Mummy, don't think that I'll die, I just have whooping cough». Then we all had typhus.

In November, 1943 all children, who were six years and older, were taken somewhere, my brothers were carried away too. All the small children were taken to the Polish barrack. There we were given stockings.

Poles lived a little better — they could receive letters and parcels. Mom told me how they spoke: «You Russians are a red gang of Bolsheviks! We hate you, we'll kill you!» But it wasn't always so. Once I had sores on my feet, my mother came to me before sleep and asked why I did not take off stockings, I answered that my foot hurt. When the sores appeared on my hands, my mother told a Pole about that. This Polish woman cured me. I lay down into the wooden trough filled with warm water with some grass. And in two weeks the sores were gone, only white stains remained. She said to my mother that this was because of cold. There are no bad peoples.

Once my mother came to me and said that she would be sent to Germany. I gave her a loaf of bread, which the Pole gave me. Later, when we met in 1954, my mother told me that I did not cry when we parted, but big tears rolled down my face.

Mum told me to remember where and when I was born. I answered to her: «May be we'll meet sometime!» «We'll meet, we'll meet!» she repeated, but she thought at that time that we would both die soon. It was impossible to go through this!

Then they were all lined up and taken somewhere. Our doors and window were shut for us not to watch it.

In March, 1944 mother and other women were taken to a German concentration camp «Ravensbrück». Two weeks before their departure all the Jewish population was sent to gas chambers, their corpses were burned in a crematorium.

In «Maidanek» there were many prisoners of different nationalities. Poles lived separately, Jews lived separately, Russians, Ukrainians and Byelorussian live together. For ten months only 800 Russian, Ukrainian and Byelorussian women remained in «Maidanek» out of 17 000. The rest died and were burnt in a crematorium. 7 or 10 men remained out of 60 000. They scoffed at men, cruelly beat them. They did not calculate children at all. 25 — 40 people died a day. They fertilized the earth with the ash of the burned down people and grew up vegetables on it: potato, carrots, swede, etc. Then they fed us with these vegetables ...

Soon they also took us somewhere. They said that we were taken to Germany, but I think that it was a Polish city Lodz. There I met my brothers. In the Autumn of 1944 Valentin was sent to work to Germany, he was thirteen years old.

They fed us better in this camp. Seldom they took us for a walk. They took us to bath too. I remember that during the walk I saw a huge field of red poppies, there was a small pine tree on the wood edge, it blossomed, the ends of branches were orange. Boys caught a hedgehog during the walk! It was such a miracle!

The day schedule was strict. They woke us up early in the morning, then we did gymnastics, then we had breakfast and then marched until the lunchtime: to the left, to the right, around, forward march, lie down, rise — everything in German. The same thing was every day.

They punished us for every fault, they beat us with birches, forced to kneel on a bench strewn with salt or sand. I remember that boys were tied up, put on the floor and beaten with a whip, we were forced to look at it.

In the beginning of April, 1945 Russian troops approached the city. We left the camp. Bombardment began, we were running along a road, bullets were whistling over our heads, but they did not hurt anyone. We spent night somewhere in a cellar. In the morning our tanks went along the road. We ran out, the doors opened and our tankmen entered into a court yard. It was such a triumph! One boy cried: «Hitler caput!» We were finally rescued. We were fed, given clothes and shoes. We were all gathered in the assembly hall of the camp, I remember we started singing a song: «Rise, the huge country». My brother was sent to a hospital, he had a trachoma, I was sent to Petrovsk in Saratov region, to the orphan's house.

In the orphan's house I was frequently ill, often had headaches, vomiting. I reacted painfully to any insult. When I offended my eyes were dimmed with white veil, I was just seven years old. Later everything was gone. I often had a dream: a German tank was pursuing me, and I could not run...

In the orphan's house they gave me a birth certificate, they put down everything incorrectly there, they increased my birthday for two years. In 1952 they sent me to study to FZO as if I were 16 years old. Then I worked at the collective farm for a year and a half. In April, 1954 my mother found me through the Red Cross and All-Soviet-Union search. This way I met my mother in ten years. My brothers returned home earlier.

СОБОЛЕВ Николай Георгиевич

Я родился 8 декабря 1929 года в Ленинграде, когда началась война, мне было 11 лет. В нашей семье — пятеро детей, я — самый старший. Самая маленькая сестренка, которой было несколько месяцев, умерла еще в первый месяц войны. Мы жили по адресу: Кондратьевский пр., дом 75, квартира 3. Еще перед войной брата и сестру увезли на лето к родственникам, где они находились всю войну, а я, как самый старший, остался в городе с младшей сестрой. В начале войны меня вывезли со школой за город. Куда вывезли — не знаю, помню только, что ехали на поезде. Но уже скоро мама приехала и забрала меня назад.

Осенью 1941 года к нам во двор пришли солдаты и начали строить ДЗОТ с ходом сообщения и блиндажом. Во время воздушной тревоги мы всем домом прятались именно там. Дом, в котором мы жили, был деревянный двухэтажный, он стоял на том месте, где сейчас проходит высоковольтная линия, рядом росли три лиственницы (к сожалению, сейчас сохранилось только одно дерево). Солдаты, которые строили ДЗОТ, иногда отдавали нам свои талоны на питание и тогда мы с другими ребятами ходили обедать в столовую неподалеку.

В сентябре начались занятия в школе, а когда стало совсем тяжело, они прекратились сами собой. До войны я успел окончить три класса. Школа, в которую я ходил, находилась на пересечении Бестужевской улицы и Кондратьевского проспекта — в том же здании, где сейчас размещается милиция.

Когда началась блокада и пошли морозы, возникли проблемы не только с едой, но и с водой. Водопровод не работал, и нам приходилось собирать и растапливать снег.

Один раз около нашего дома остановилась машина со звукоуловителем. Ее было очень удобно спрятать, так как наш дом был в форме буквы «Г», и машину не было видно с улицы. Она простояла всего один или два дня, а потом уехала. Немцы очень охотились за этими машинами из-за того, что они могли заранее предупредить о приближающемся самолете, и именно поэто-

му такие машины никогда долго не оставались на одном месте. Прошло буквально несколько часов, и прилетел вражеский самолет — он вычислил, где стояла машина, и прилетел бомбить ее. Была ночь и все спали. Мы проснулись от страшного грохота. Выскочив, мы даже не смогли найти ступеньки лестницы — вокруг ничего не было видно из-за штукатурки, осыпавшейся со стен дома. Все стекла в окнах по-выбивало взрывной волной. Чудом бомба не попала в наш дом, она упала через дорогу, напротив него. От взрыва образовалась огромная воронка, в которой начала скапливаться вода, жители всех окрестных домов приходили и брали там воду. Благодаря воронке, проблемы с водой были решены.

Другая проблема была с едой. Ее так просто нельзя было решить — в осажденном городе продуктов практически не было. Я и моя сестра выжили благодаря тому, что наш отец (погиб в 1942 году), работавший до войны на

вагоностроительном заводе, подрабатывал столляр, и в нашем доме был небольшой запас костного клея. Мы варили его с разными приправами, остужали, а потом ели. Тогда, в голодные блокадные дни, эта еда казалась нам безумно вкусной. Но, тем не менее, это не спасло нашу маму. Она работала на Государственном оптико-механическом заводе (ГОМЗ) им. ОГПУ, и хоть и была на казарменном положении, приходила к нам каждый день, пробираясь по снегу через весь город, приносила часть своего пайка. Так продолжалось всю зиму. В самом начале весны 1942 года ее не стало. Соседи сразу же отправили сестру в детский дом, а я оставался дома один, пока не закончились мамины хлебные карточки. Потом соседи отправили меня в детский дом, а маму положили на саночки и куда-то отвезли. До сих пор я не знаю, на каком кладбище, Богословском или Пискаревском, она была похоронена.

Еще одно страшное воспоминание о том дне, когда нас с сестрой перевозили по Ладож-

скому озеру на Большую землю. Была поздняя весна, лед еле держался, колеса нашего автобуса, в котором не было ни дверей, ни стекол в окнах, полностью скрывались под водой. Было очень страшно! Машина, которая ехала перед нами, ушла под лед, — никто не спасся. Вокруг нас стоял грохот от взрывающихся авиабомб — нас постоянно обстреливали. Чудо, что мы выжили в тот день!

Когда нас перевезли на Большую землю и посадили в вагоны поезда, нам всем дали по большому куску булки с толстым слоем масла. Вот это было пиршество! Но воспитатели постоянно ходили и повторяли, чтобы мы не ели слишком быстро.

После эвакуации нас с детским домом отвезли в Краснодарский край. Часть пути эшелон сопровождали наши самолеты. Внутри вагоны были очень комфортные, такие же, как в поездах дальнего следования.

В середине лета мы снова оказались под немцами. Снова стало не хватать еды. Помню такой случай. Шли мы как-то с приятелем по улице, вдруг смотрим — на окне дома, в котором жили немцы, снаружи стоят банки с заготовками. Мы схватили одну — и бежать. Убежали, раскрыли банку, а там мед. Тогда мы и не думали, что нас убить могут за такое, даже потом назад вернулись, но все банки уже убрали.

Иногда мы ходили по станицам просили милостыню. Нам не разрешали это делать, поэтому мы собирались и уходили из детского дома потихоньку, чтобы никто из воспитателей не узнал. Вначале мы неправильно просили милостыню, мы просто спрашивали: «Нет ли у вас кусочка хлеба?» — и нам никто ничего не давал, потому что у самих практически ничего не было. Потом один дедушка сказал нам, что надо говорить: «Подайте ради Христа кусочек хлеба!» — и тогда нам никто не откажет. Так и вышло. Так как была зима, а у каждого обычно было только что-то одно из зимней одежды, то приходилось остальное брать у других. У меня было пальто. Ботинки, шапку и прочее приходилось просить у других ребят, а взамен

С сестрой. 1941 г.

отдавать несколько кусочков хлеба за каждую вещь. Если замечали, что принес хлеб, то его тут же отбирали, поэтому хлеб приходилось прятать. Я прятал так: под матрас клал пальто полой к стенке, в полё был спрятан хлеб. Сверху укладывал матрас и постельное: ничего не видно, но легко достать.

Каждый вечер всем детским домом мы сидели за длинный стол, на котором было рассыпано сорное зерно. Мы его перебирали, и из той крупы, которой оказывалось больше, нам варили кашу. Даже не знаю, откуда брали это зерно, но предполагаю, что этим зерном немцы кормили своих лошадей, и каким-то образом детский дом доставал немного.

В начале 1944 года моя бабушка, которая жила в Рыбинске, нашла меня и прислала в детский дом вызов. В городе меня устроили по знакомству на работу, так как у меня не было документов и мне было всего 14 лет. Я работал электриком на комбикормовом заводе. Поскольку еще шла война, и людей не хватало, то мне приходилось трудиться по

десять часов в день. Потом я работал токарем на крупнейшем в городе авиационном заводе. С этого завода не увольняли, и поэтому, как только мне пришла повестка, я сразу же ушел в армию, где выучился на водителя. После армии я вернулся в Ленинград, женился, сменил несколько мест работы. На последнем месте — Авторемонтном заводе, который находился на Московском проспекте, я проработал чуть более сорока лет. Несмотря на возраст (в декабре 2010 года мне исполнился 81 год), я работаю в охране ООО «Солярис».

Сейчас я живу в Санкт-Петербурге. У меня есть дочка, внучка и правнучка. Также в Петербурге живет одна из моих сестер. Брат, который, как и я, жил и работал в Ленинграде, уже умер. Моя самая младшая сестра сейчас живет в Ростове-на-Дону, так как ее забрали из детского дома и удочерили. В 2008 году я вместе с семьей, на основании похоронки, пришедшей с фронта, нашел место захоронения моего отца на братском кладбище города Волхова, где проходил Волховский фронт.

С женой и младшей сестрой Люсей

Zuerst haben wir falsch gebettelt

SOBOLEW Nikolaj Georgiewitsch

Ich wurde am 8. Dezember 1929 in Leningrad geboren; als der Krieg begann, war ich elf Jahre alt. In unserer Familie waren fünf Kinder, ich war der älteste. Die kleinste Schwester, die einige Monate alt war, starb im ersten Kriegsmonat. Unsere Adresse war Kondratjewskij Prospekt 75 — 3. Noch vor dem Krieg wurden ein Bruder und eine Schwester zu den Verwandten für die Sommerferien gebracht, dort verbrachten sie die ganze Kriegszeit, aber ich, der älteste, blieb in der Stadt, um auf die Schwester aufzupassen. Am Anfang des Krieges wurde unsere Schule aufs Land evakuiert. Ich weiß nicht mehr, wohin, weiß nur, dass wir mit dem Zug fuhren. Aber bald kam die Mutter, um mich abzuholen.

Im Herbst 1941 erschienen in unserem Hof Soldaten, die einen Feldbunker mit einem Verbindungsgang und einem Unterstand bauten. Während des Luftalarmes versteckten sich dort alle Einwohner unseres Hauses. Das Haus, in dem wir wohnten, war aus Holz und hatte zwei Stockwerke, er stand sich an der Stelle, wo jetzt Hochvoltleitung ist, daneben wuchsen drei Lärchen (leider ist jetzt nur ein Baum geblieben). Manchmal gaben uns die Soldaten, die den Bunker bauten, ihre Lebensmittelkarten, dann gingen ich und andere Kinder in eine sich unweit befindende Kantine.

Im September begann die Schule, aber als es besonders schwierig wurde, machte man mit dem Unterricht Schluss. Vor dem Krieg beendete ich die 3. Klasse. Die Schule, die ich besuchte, befand sich an der Kreuzung der Bestushewskaja Strasse und des Kondratjewskij Prospektes in dem Gebäude, wo jetzt die Miliz sich befindet.

Als die Blockade anfang und der Frost kam, entstanden Probleme nicht nur mit dem Essen, sondern auch mit dem Wasser. Die Wasserleitung funktionierte nicht, wir waren gezwungen Schnee zu sammeln und zu schmelzen.

Einmal blieb neben unserem Haus ein LKW mit dem Horchgerät stehen. Es war sehr bequem ihn dort zu verstecken, weil unser Haus in der Г-Form gebaut wurde, darum war der LKW nicht zu sehen. Er stand einen oder zwei Tage und dann fuhr weg. Deutsche jagten auf solche LKWs, die im Voraus über das sich nähernde Flugzeug benachrichtigen konnten, darum blieben sie nie lange auf einer Stelle. Einige Stunden vergingen, und da erschien ein feindliches Flugzeug, sie haben errechnet, wo der LKW stand, und kamen ihn bombardieren. Es war Nacht, und alle schliefen. Wir erwachten wegen schrecklichen Donnerns. Als wir aus der Wohnung gerannt kamen, konnten wir sogar die Stufen nicht finden, nichts war zu sehen wegen des Putzes, der von den Wänden abgesprungen war. Alle Fensterscheiben waren durch Explosionswelle eingeschlagen. Durch ein Wunder traf die Bombe unser Haus nicht und fiel auf die Straße ihm gegenüber. Ein Trichter entstand, in dem sich Wasser staute, Einwohner aller

Nebenhäuser nahmen dort Wasser. Dank dem Trichter war das Wasserproblem gelöst.

Ein anderes Problem war mit dem Essen verbunden. So einfach war es nicht zu lösen, in der eingekesselten Stadt gab es fast keine Lebensmittel. Ich und meine Schwester blieben am Leben dank dem Vater (er fiel 1942), der vor dem Krieg auf dem Waggonbauwerk tätig war und zusätzliche Arbeit als Tischler nahm, deswegen gab es bei uns zu Hause einen kleinen Vorrat an Knochenleim. Wir kochten ihn wie Sülze mit verschiedenen Gewürzen, kühlten ab und dann aßen. Damals, an den hungrigen Blockadetagen, schien uns dieses Essen besonders lecker zu sein. Aber das half unserer Mutter nicht. Sie arbeitete auf dem Optisch-Mechanischen Betrieb namens OGPU und, obwohl sie kasernenpflichtig war, kam zu uns jeden Tag, sich den Weg durch den Schnee bahnend, um uns Teil ihrer Ration zu bringen. Das dauerte den ganzen Winter. Anfang Frühling 1942 ging sie aus der Welt. Nachbarn schickten meine Schwester in das Kinderheim, und ich blieb zu Hause allein, bis Mutters Brotkarten zu Ende kamen. Dann schickten die Nachbarn mich ins Kinderheim auch, Mutti legten sie auf die Schlitten und fuhren irgendwohin weg. Bis jetzt weiß ich nicht, auf welchem Friedhof, Bogoslawskoje oder Piskarjowskoje, sie begraben ist.

Ich habe noch eine schreckliche Erinnerung. An den Tag, als ich und meine Schwester durch den Ladogasee auf die «Große Erde» gefahren wurden. Es war im späten Frühling, das Eis war zu dünn, Räder unseres Busses, der weder Türen noch Fensterscheiben hatte, standen unter Wasser. Wir hatten Angst. Der LKW vor uns ging unters Wasser, niemand wurde gerettet. Um uns herum donnerten explodierende Fliegerbomben — wir waren ständig unter Feuer. Es ist Wunder, dass wir am Leben geblieben sind.

Wir kamen auf der Großen Erde an, stiegen in den Zug ein und bekamen jeder ein großes Stück Weißbrot mit einer dicken Butterschicht. Das war ein richtiges Festmahl! Aber Betreuer wiederholten immer wieder, dass wir nicht durften zu schnell essen.

Unser Kinderheim wurde ins Krasnodarer Gebiet evakuiert. Einen Teil unserer Reise wurde der Zug von unseren Flugzeugen begleitet. Die Waggons waren komfortabel, so wie in Fernverkehrszügen.

Mitte Sommer kamen Deutsche. Wieder reichte das Essen nicht zu. Ich erinnere mich an so ein Erlebnis. Wir, ich und mein Kumpel, bummelten durch die Straße und bemerkten, dass auf dem Fensterbrett im Haus, wo Deutsche lebten, Gläser mit Eingemachtem standen. Wir griffen eines und rannten weg. Dann öffneten wir das Glas, drin war Honig. Uns fiel nicht ein, dass man uns ermorden konnte, wir kehrten sogar zurück. Aber die Gläser hatte man schon weggeräumt.

Manchmal gingen wir durch Siedlungen und bettelten. Man erlaubte uns das nicht, darum verließen wir das Kinderheim heimlich, damit unsere Erzieher es nicht bemerkten. Zuerst haben wir falsch gebettelt, wir fragten einfach: «Haben Sie vielleicht ein Stückchen Brot?» Und niemand gab uns etwas, weil sie selbst eigentlich nichts hatten. Und da erklärte uns ein Opa, das zu sagen war: «Geben Sie im Namen Christi ein Stückchen Brot!» und in diesem Fall sollte uns niemand wegzagen. So geschah es auch. Der Winter kam, aber jeder von uns hatte nur ein warmes Kleidungsstück, darum mussten wir andere Sachen ausleihen. Ich hatte einen Mantel, ausgeliehen wurden Schuhe, eine Mütze und das übrige. Für jedes Kleidungsstück gaben wir ein paar Stückchen Brot. Wenn Erzieher das Brot bemerkten, nahmen sie es sofort weg, darum versteckten wir unsere Beute. Ich versteckte es folgenderweise: legte den Mantel unter die Matratze, in den Mantel versteckte das Brot. Darauf war die Matratze und auf der Matratze war das Bettzeug. Schwer zu bemerken aber leicht zu holen.

Jeden Tag setzten sich alle Kinder an den langen Tisch, auf dem vermischtes Korn lag. Wir lasen es, und aus der Sorte, die überwog, kochte man uns Brei. Weiß nicht, woher dieses Korn man bekam, vermute aber, dass damit Deutsche ihre Pferde fütterten, irgendwie trieb das Kinderheim einen Teil davon auf.

Anfang 1944 fand mich meine Oma, die in Rybinsk wohnte, sie nahm mich zu sich. In der Stadt bekam ich eine Arbeitstelle, das war nur über Beziehungen möglich, weil ich 14 Jahre alt war und keine Dokumente hatte. Ich wurde Elektriker auf dem Mischfutterbetrieb. Da es während des Krieges war und an Menschen mangelte, dauerte mein Arbeitstag 10 Stunden lang. Dann arbeitete ich als Dreher auf dem größten in der Stadt Flugzeugwerk. Hier entließ man niemanden, darum, als der Einberufungsbefehl kam, ging ich sofort in die Armee, wo den Beruf des Fahrers erwarb. Nach der Armee kehrte ich nach Leningrad, heiratete. Ich wechselte einige Arbeitsstellen. Auf dem Kraftfahrzeugreparaturwerk — das war meine letzte Arbeitstelle — blieb ich mehr als 40 Jahre. Ungeachtet meines Alters (im Dezember 2010 wurde ich 81 Jahre alt) arbeite ich als Wächter in der GmbH «Solaris».

Jetzt wohne ich in Sankt Petersburg, habe eine Tochter, eine Enkelin und eine Urenkelin. In Sankt Petersburg wohnt auch eine meiner Schwestern. Der Bruder, der, wie auch ich, in Leningrad wohnte, ist schon gestorben. Meine kleinste Schwester lebt in Rostow-am-Don, weil sie adoptiert wurde und ihre neuen Eltern sie aus dem Kinderheim genommen hatten. 2008 fanden wir mit Hilfe des Sterbebildes das Grab meines Vaters auf dem Massengrab in Wolchow, wo Wolchower Front war.

First We Were Begging Wrongly

SOBOLEV Nikolay Georgievich

I was born on December 8th, 1929 in Leningrad, I was 11 years old when the war started. There were five children in our family, I was the oldest. The youngest sister, who was several months old, died in the first month of the war. We lived at Kondratievsky prospect house No 75, flat No 3. Before the war my brother and sister were taken to our relatives for summer, I stayed in the city with my younger sister. In the beginning of the war we were taken to the suburb of Leningrad with our school. I don't know where they took us, but I remember that we went by train. But soon my mother came and took me back.

In autumn of 1941 soldiers came to our yard and started to build an earth-and-timber-emplacement. During air raids we were hiding there. We lived in two-storied house, it was on the place where there is a electricity line now. Nearby there were three larches (it is a pity that now there remained only one tree). The soldiers who built the earth-and-timber-emplacement gave us our food cards and we went with other children to the canteen nearby.

In September classes at school began, but when it became really hard they stopped by themselves. Before the war

I finished three forms. The school where I went was at the crossroads of Bestuzhevskaya street and Kondratievsky prospect, in the building where the militia is now.

When the siege stopped and frosts were over, there were problems not only with food, but with water too. The water pipe did not work and we had to gather snow and melt it.

Once a car with a sound locator stopped near our house. It was very easy to hide it because our house was built in the «U» shape, and the car was not seen from the street. It was there for only one or two days and then it was gone. The Germans hunted for these cars, because they could warn in advance about approaching planes. That is why it never remained at one place for a long time. Several hours passed, and the enemy plane arrived — it figured out, where the car was, and came to bomb it. It was night and all slept. We woke up from a terrible roar. We jumped and couldn't even find ladder steps, we could not see anything around us, because of the plaster that showered from the walls of the house. All the glasses in the house were destroyed by a blast wave. By miracle the bomb did not hit our house, it fell across the road,

opposite to it. A huge funnel appeared because of the explosion, water started to accumulate there, the inhabitants of all neighbor houses came and took there water. Thanks to the funnel, problems with water were solved.

There was another problem with food. It could not be solved so easily. There was practically no food in the besieged city. My sister and I survived thanks to our father (died in 1942), who worked before that war as a carpenter at the carriage building plant, so we had some carpenter's glue at home. We cooked it as a jelly, with different seasonings, cooled, and then ate it. At that time, in hungry siege days, this meal seemed to us very tasty. But, nevertheless, it had not rescued our mum. She worked at the state optic-mechanical factory. Though she was on barracks position, she came to us every day, making the way through the snow, through the whole city, and brought us a part of her ration. She did so during the whole winter. She died in the very beginning of spring, 1942. Neighbors sent my sister to an orphan's house, I stayed at home alone, while mother's bread cards were over. Then neighbors sent me to an orphan's house, put my mother on sledges and took her somewhere. Even now I don't know in what cemetery, Piskovskoe or Bogoslovskoe she is buried.

I have one more terrible memory about the day, when my sister and I were taken over the Ladoga Lake to the Big Land.

It was late spring, the ice was not firm, the wheels of our bus, which had neither doors, nor windows, were completely under water. It was very terrible. The car, which was in front of us, sank under ice, nobody escaped. There was a roar of exploding bombs around us, we were constantly bombarded, It was a miracle that we survived that day.

When we were taken to the Big Land and put into carriages, we were given a big slice of bread with a thick layer of butter. This was a real feast! But tutors constantly repeated us not to eat too quickly.

After the evacuation we were brought to the Krasnodar Region, together with the orphan's house. Part of the way the echelon was accompanied by our planes. The carriages were very comfortable inside, the same as the carriages in long distance trains.

In the middle of summer we again turned out to be on the occupied territory. We did not have enough food again. I remember one occasion: my friend and I were walking along the street; suddenly we saw jugs on the window of the house,

where the Germans lived. We took one jug and ran away, we opened it, and there was honey there. At that time we did not think that they could kill us for this. We even returned, but they took away all the jugs.

Sometimes we went to different villages to beg. We were not allowed to do this, that is why we left the orphan's house in secret for none of the tutors to get to know about this. First we were begging wrongly, we just asked: «Do you have a piece of bread?» Then one old man told us what we had to say: «Give for the sake of the Christ a piece of bread!» After that no one refused us. It was winter, I did not have all the winter clothes. I had only a coat, I had to ask other children for hat and boot, I had to give several pieces of bread to them in return. If they noticed that you brought bread they took it away from you at once. That is why I had to hide it. I hid bread under the mattress, no one could see it, but I could easily take it out.

Every evening all the children of the orphan's house sat down at a long table and, on which there was weed grain. We selected it. After that they prepared for us porridge from this grain. I don't know where they got this grain, but I assume that the Germans fed their horses with this grain and somehow the orphan's house got a little.

In the beginning of 1944 my grandmother, who lived in Rybinsk, found me in the orphan's house. In Rybinsk I got a job of an electrician at the feed-stuff plant. At that time I was just 14 years old and I had no documents. There was a lack of people because of the war. I had to work 10 hours a day. Then I worked as a turner at the largest in the city aircraft. The y could not dismiss you from this plant. That is why I went to the army, where I studied to be a driver. After the army I returned to Leningrad and got married. I changed several jobs. I worked for more than forty years at the Aurorepair plant, which is at Moskovsky Prospekt. Despite of my age (I'll be 81 in December, 2010) I work as a guard in «Solaris» company.

Now I live in St.-Petersburg. I have daughter, the grand daughter and the great-granddaughter. One of my sisters also lives in St. Petersburg. The brother, who also lived and worked in Leningrad, already died. My younger sister now lives in Rostov-on-Don, because she was adopted and taken away from the orphan's house. In 2008 my family and I found the place of my father's burial, at the brother cemetery of the town of Volkhov, where the Volkhov front was.

СУХОМЛИНОВ Борис Валентинович

Я родился 17 июня 1938 года в Ленинграде, рядом с Сенной площадью, Демидов переулок, д. 16, кв. 22. Сейчас это — переулок Гривцова, дом 22. Как и большинство простых горожан, мы жили в коммуналке. Правда, жили в ней только родственники. По сути, это была одна большая семья. Дед Федор Игнатьевич Кашин работал на заводе «Степан Разин» в минеральном цехе слесарем по ремонту. Его жена — Анна Павловна была домохозяйкой. А дальше — их дети и внуки. Старшая дочь Надежда с мужем Павлом Александровичем Рябовым и детьми — 12, 11 и 10 лет: Павликом, Валентиной и Анной.

Вторая дочь — Клавдия (моя мама) — 1913 года рождения с моим отцом Валентином Сергеевичем Сухомлиновым, инженером, выпускником Политеха, мною и моим братом Толей (старше меня на три года). Здесь же жила еще одна дочь — Людмила (1916 года рождения) с сыном Колей, старше меня на два года. Итак, в одной квартире — двенадцать человек. Жили, как и все, небогато, но весело.

Перед самой войной нашей семье Сухомлиновых выделили отдельную квартирку в этом же доме — № 11. Мне было к началу войны три года. Но в памяти сохранилось посещение мебельного магазина, что находился на углу Садовой и Большой Подъяческой. Мама со мной и Толей подбирала мебель для нового жилья.

Это посещение осталось у меня в памяти, как призрак мира и благополучия. От мирной, довоенной жизни остались в памяти прогулки

с родителями по Юсуповскому саду, по городу. Вот на выцветшем фото мы всей семьей у «Медного всадника», вот у колоннады Исакия...

На углу нашего переулочка, у канала Грибоедова, находилась небольшая булочная. Там пекли замечательные булки, пышные, горячие, «с пылу, с жару». Это было так вкусно! Мама давала нам с Толей мелочь и мы, зажав ее в кулаке, шли за свежеспеченной вкуснятиной. Мне они запомнились, как «булочки посорок». Так я себе их и представлял. И лишь через много лет, став постарше, спросил у мамы:

«А почему эти булочки назывались «посорок»? Она, смеясь, объяснила: «Булочки эти стоили по сорок копеек». Отправляя нас, мама давала по 40 копеек каждому. Вот так был раскрыт для меня секрет названия булочек «посорок».

С первых же дней войны отец ушел на фронт и через три месяца «пропал без вести». Сохранилась фотография бравого капитана-артиллериста, присланная отцом с фронта. Судьба его сложилась сурово. Попав в окружение в Прибалтике, он оказался в немецком плену. В апреле 1944 года был освобожден и, как многие его сверстники, разделил судьбу советских военнопленных — десять лет лагерей. Восемь лет он провел в Норильске, в марте 1952 года был досрочно освобожден, и мы с ним встретились.

Самые суровые дни и ночи нам пришлось пережить здесь, в центре блокады. Мама, как и многие оставшиеся в городе ленинградцы, ходила на ночные дежурства. Помню, как она

брала меня с собой. Были сирены воздушной тревоги, гремели громкоговорители на улицах, в небе гудели самолеты, металась по ночному небу прожектора ПВО, светились зарницы взрывов и пожаров. Бомбы, казалось, падали прямо за нашим домом!

Некоторые фрагменты пережитого и сегодня стоят передо мной. Вот солдаты со скрутками-шинелями за спиной, в касках несут на плечах огромные зеленые «пузыри» — дирижабли заграждения ПВО. Они только-только умещались по ширине в нашем переулке. Их несли от площади Сталина (так тогда называлась Сенная) в сторону Невы.

С первых же дней войны у нас во дворе на переходе в соседний двор, там, где раньше была прачечная, в подвале было организовано бомбоубежище.

При первых налетах фашистской авиации все бежали туда. Помню первое посещение этого подвала. Народу — весь двор: женщины, дети, старики... Дети беззаботно носятся между установленными на цементный пол свежизготовленными деревянными скамейками. Кто постарше — кучкуются в сторонке. Взрослые занимаются, кто чем. Кто-то принес книгу и читает, кто-то вяжет. Никто не спешит выходить. На входе стоит дежурный с повязкой: до отбоя тревоги выходить не разрешалось. Через несколько месяцев в бомбоубежище было холодно, темно и почти никого. Кто-то эвакуировался, кто-то ушел на фронт, кто-то умер от голода. Сюда уже не приходили, сюда плелись. А когда не стало сил ни ходить, ни бояться обстрелов, бомбежек, самой смерти, никто уже не ходил в бомбоубежище: Все сидели, забившись по своим «углам», закутавшись во все мыслимые и немыслимые тряпки, теперь уже понимающая: от судьбы не уйдешь.

Для многих это было время не жизни, а выживания.

Рябовы всей семьей с заводом, где работал Павел Александрович, были эвакуированы в Новосибирск, где сразу же влились в работу на Чкаловском авиазаводе. Дед умер. Людмила

Валентин Сергеевич Сухомлинов

ушла на фронт, ее фото в гимнастерке, при погонах и медали хранится у нас. Из двенадцати человек нас осталось четверо: баба Анна, мама, Толя и я.

Многие хлебные магазины были закрыты, а в тех, что работали, хлеб выдавали по карточкам. Очереди были такие, что не всегда удавалось «отовариться». В начале марта 1942 года мама ходила за хлебом за Фонтанку, к Техноложке. Хлеба не досталось. Очередная тревога, налет... Еле таща ноги (от голода многие ленинградцы не ходили, а двигались, как тени). дошла до Обуховского моста. Рядом разорвалась бомба. Маму, контуженную, но живую, подобрали и отвезли в госпиталь. Часа через четыре, придя в себя, она со слезами уговорила медиков отпустить ее домой: там остались ее мать и двое детей.

Я еще как-то держался, а Толя умирал, и баба Анна согревала его своим телом, опухшим

от голода. Мы долго не спали. Тревоги шли одна за другой. Вой сирены доставал до печенок. Казалось, это завывает гадюка-смерть. Ее с белым черепом, в белом саване, с белой блестящей косою я видел, глядя на черные в темноте стены и занавешенные окна... Чтобы было не так страшно, я просил зажечь коптилку. Мы ее ставили под стол, чтобы отблески света не попали на окна, и «смерть с косою» уходила. В промерзшей комнате становилось как будто бы теплей.

Лежа в темной квартире, прижавшись поближе друг к другу, чтобы согреться, мы с братом угадывали по звуку немецкие самолеты. Они гудели тихо, глухо и прерывисто: «У... у... у...». Звуки наших самолетов были громкие и беспрерывные. Лишь повзрослев, я понял, в чем дело: фашисты старались летать как можно выше, чтобы их не зацепили аэростаты и зенитки. Когда самолет летит на большой высоте (любой, даже сверхзвуковой), ветер и слои воздуха относят его звук, и вместо ровного до земли доходят звуки мотора разной высоты: то сильнее, то слабее. А мы воспринимали это как особенности именно немецких самолетов.

Мама пришла уже поздно ночью. Она долго шла, ее часто останавливали патрули. Кое-как отговорившись от них, она доплелась до дому. На душе у всех потеплело, но радоваться уже не было сил...

Нас записали в длинную очередь на эвакуацию. Казалось, все движется к печальному концу: к смертям, к замерзшим трупам во дворах, к саночкам и гробикам все уже привыкли.

Вечером 13 марта к нам постучала женщина-комендант: срочно собирайтесь, в час ночи с Финляндского вокзала отходит поезд на эвакуацию. Очередь неожиданно продвинулась. Многим прихода ее не суждено было дожидаться...

Откуда у всех нас нашлись силы быстро собраться? Мама закутала нас во что только было можно, посадила с братом на саночки. С бабой Анной, взяв еще какой-то узел, они двинулись пешком к поезду. Дойти пешком — никто в это

не верил. Силы покидали женщин. Они плакали от досады: опоздают, не успеют — и конец всем. Кое-как мы все же успели на уже отходящий поезд. Кто-то нам, кажется, помог...

Дорога Жизни, которую предстояло преодолеть, в то время была и Дорогой смерти. Для многих. Лед уже начал таять, машины шли по ступицу в воде. Немецкие самолеты не давали покоя, нещадно атакуя автомашины с беженцами. Бабуля с Толей и другими людьми угнездилась в открытом кузове, а меня с мамой (она еще долго не могла оправиться от контузии) посадили рядом с шофером в кабину. Дверцы кабины были сняты. Не одна машина на этой страшной переправе ушла под лед...

Через пару дней для нас война, казалось, закончилась. Тихое небо, ни обстрелов, ни налетов... Паровозик пыхтит и гудит, увозя нас все дальше и дальше от смертельной блокадной петли.

В конце марта мы добрались до города Бобров Воронежской области. Здесь жили дед по отцу Сергей Макарыч и баба Шура. У них был большой усадебный дом и сад-огород.

4 апреля баба Анна умерла. Мама ее, умирающую, опухшую от голода, вывезла из Ленинграда только затем, чтобы похоронить «по-людски»: в гробу, предав земле. Ведь в Ленинграде в ту страшную зиму, если и хоронили, то в братские могилы или сжигали в печах крематория.

У деда было два мешка жмыха (в Боброве, недалеко от нас, находился маслобойный заводик). Лакомство несусветное! Выдаваемое только поштучно и только лично дедом.

Наступило лето. Июнь! Мы ходим купаться на речку Битюг. Солнце, зеленая трава, тихая чистая вода... Мама хорошо плавала. Переплыла на другую сторону. И вдруг, прямо над нами, метрах в тридцати над землей — самолет со свастикой! Это — разведчик. Так низко, что видно пилота: фашист, расплываясь в улыбке, пальнул очередь из пулемета и скрылся.

Небо сразу потемнело, угасло солнце, притихла вода в реке, тревожно и тоскливо зашу-

Дети нашего двора (март 1941 г.) видно, что двор наш был многодетным. На фото — мирная счастливая жизнь, радостные открытые лица мальчишек и девочек. В самом центре, в вязаной кофте и шапочке — я, за мной, в шапке со звездой, брат Толя, еще выше — сестры-кузины Валя (в белой пуховой шапочке) и Анна с пестрым шарфиком. В самом верхнем ряду (второй слева) — всеми нами уважаемый и любимый брат Палька (Павел) в кожаной шапке с опущенными ушам, с чубчиком на лбу

мели кусты и трава... Мама быстро переплыла на наш берег, схватила нас и побежала домой. Где-то вдалеке стали бухать падающие бомбы. Они очень быстро приближались. Дома мама забилась в комнату, обняла нас. Все долго сидели молча. Стало ясно: война идет и сюда. Что она несет, мы уже знали.

Рядом с домом, в саду дед наскоро соорудил землянку — укрытие. Ее копали все, кто мог. Спешили: фашисты могли налететь в любой момент. Это была траншея метра два глубиной, метра четыре длиной, перекрытая шпалами (дед до пенсии работал паровозным машинистом). На обоих концах траншеи — по выходу. Ступеньки были лишь с одной сторо-

ны, другую заложили, как аварийный выход, оставив сверху, на уровне земли, смотровую щель. Сверху наше убежище засыпали горкой земли и, как могли, замаскировали.

Фронт двигался быстро. Вскоре налеты стали ежедневными и частыми. Били по железной дороге, порушили маслобойный заводик. Бомбили все, что давало людям возможность жить. Не щадили и одноэтажные жилые улицы городка.

Подставив какие-то ящики и узлы, мы с братом дотягивались до «дозорной» щели и смотрели, как немецкие самолеты звеньями спокойно пролетали над городом. Мы уже знали: раз не над нами, значит, нечего бояться. Заходя

на цель, фашисты сбрасывали бомбы. Маленькими «спичечками» они отрывались вниз, рассеиваясь по пути, и начинали выть. Бомбили совсем недалеко, на наших глазах. Вой приближался и вскоре переходил в ужас. Мы затыкали уши, прятали головы, скатываясь вниз. Вой пронесился над нами и раздавался страшный грохот. Казалось, бомбы падали прямо у нас за спиной. Как это получалось, мы никак не могли сообразить: бросают перед нами, мы видим, как они летят к земле, а падают у нас за спиной? Повзрослев, мы поняли: это всего лишь «проказы» звуковой волны. С наката на головы сыпалась земля. Все кругом тряслось и стонало. Наше убежище было очень ненадежно!..

Вскоре бои под Бобровом несколько поутихли: фашисты двинулись мимо, на Сталинград...

Мальчишки повзрослей ходили пешком на места боев и приносили оттуда оружие, амуницию, что-то еще. Вот как близко от нас проходила линия фронта!

Папа, мама, Толя и Боря до войны

В августе этого же, 1942 года мать, собрав меня и Толю, почти ничего не имея с собой, эвакуировалась в Новосибирск. Отъезд наш был тоже непросто! Железнодорожная станция Бобров разбита. Паровозик с открытыми платформами встречал беженцев далеко за городом, где еще как-то уцелели рельсы. Ночью, до рассвета мы «укатили», видно, не так уж и далеко. Фашисты и здесь старались «отличиться». Они гонялись за составчиком с беженцами. Паровозик страшно суетился, отцеплял платформы с людьми, а сам, будучи хорошей мишенью, убегал вперед, уводя свою беду подальше от людей. Мы скатывались, кто мог, с платформ в кювет. Спрятаться было некуда: кругом ровная степь. Все смотрели, как на наших глазах паровоз томчался на всех парах вперед, то резко тормозил, сдавая назад. Фашист пронесился над ним, как коршун над полевым зайцем. Но тут подлетали наши «ястребки», начинался воздушный бой. Горели, с грохотом падая, и те, и другие. Отогнав вражью стаю, красно-звездный самолет пролетал рядом на бреющем полете, помахивая крыльями. Летчик, подбадривая нас улыбкой, махал перчаткой. Ремонтная бригада (она была в составе нашего же поезда), быстро заменяла разбитые рельсы, осторожно подгоняла наш паровозик, и мы опять спешили на восток, подальше от линии фронта...

Ночь прошла в тревожном сне. Утро встретило нас звонкой тишиной. Чистое небо! Мелькают поля и перелески, оставаясь позади. Слышно только, как гроыхает наш состав, как мерно и мирно стучат колеса на стыках, как усердно пыхтит наш спаситель-паровозик. Едем час, два, три — ни взрывов, ни налетов, ни канонады... Убежали! Уцелели! Ушли!

На транссибирской магистрали кипит своя жизнь. На запад сурово спешат эшелоны с новой техникой, войсками. На восток везут на переплавку разбитую фашистскую технику с ненавистными черными крестами, переправляют санитарные поезда, едут беженцы. На станциях подолгу стоим, пропуская тех, кто едет навстречу. Где-то за Уралом, на полустанке, наш

состав остановился рядом с армейским эшелоном. Солдаты радуются за нас — живы! Узнав, что мы из Ленинграда, солдат виновато от того, что не может дать большего, дает мне кусочек сахара. Мы уже стали забывать, как он выглядит. Я не ем: мне надо поделиться с мамой и братом. Солдат вновь начинает шарить в своем вещмешке. Подходит старшина. По медалям и выпцветшей гимнастерке видно — фронтовик. Делает строгое замечание солдату. Тот пытается возразить, но опускает глаза, завязывая свой мешок. Старшина кладет на мое худенькое плечо свою большую тяжелую ладонь и повзрослому объясняет мне, что едут солдаты на фронт, что через пару дней им вступать в бой с фашистами. Солдат должен быть сыт. Тогда он защитит нас. Я тоже виновато опускаю глаза. Под ложечкой сосет: мы сидим на голодном пайке. Но я все понимаю. Я уже большой. Мне — уже четыре! Пятый!..

В Новосибирске мы снова оказались в одной коммуналке с Рябовыми. Радости не было предела, хотя и мама, и Толя, и я были до неприличия худыми. Меня еще долгое время сверстники будут иногда называть доходягой, а я буду лезть на обидчиков в драку.

Вскоре мама устроилась секретарем учебной части в эвакуированный из Рославля железнодорожный техникум. Ей дали комнату в общежитии, тумбочку, табуретки, стол, кровати и даже постельные принадлежности. Своего у нас ничего не было. Так мы оказались на Первомайке — в Первомайском районе Новосибирска.

Это место на карте нашей страны стало моей второй родиной. Здесь мы с Толей окончили школу, потом этот самый техникум. Толя, получив диплом «с отличием», поступил в ЛИИЖТ. Жил и учился рядом со своим родным двором, что в Демидовом переулке. Я после окончания техникума служил в Советской Армии. Вернувшись, окончил Новосибирский инженерно-строительный институт.

Новосибирск очень далеко от Ленинграда. Очень далеко от войны. Но и здесь в ночное

время требовали затемнения — зашторивания окон темными занавесками. Жили очень скромно. Как-то я потерял в начале очередного месяца карточки на хлеб, а ведь это было основой нашего питания. И опять пришлось вспомнить, что такое голод. Еще в Ленинграде мама приучила нас беречь кусок хлеба, не есть все сразу. По кусочкам, по маленьким, но делить на завтрак, на обед, на ужин, на завтра и даже послезавтра. Чувство голода не покидало меня и все последующие годы. И только в армии, где было пусть и скромное, но регулярное питание, я стал, кажется, наедаться.

Мама отвела меня в детский сад. Букву «Р» я научился произносить лишь лет в пять. Как я сиял, удивившись и обрадовавшись одновременно, когда назвал воспитательницу не «Дмитлиевной», а «Дмитриевной». Поначалу я даже не заметил этого. Потом, остановившись, попробовал произнести еще раз «Дмитриевна», но получилось опять «Дмитлиевна». Как же так, досадовал я! Ведь было же правильно: «Дмитриевна». Попробовал еще, еще и еще. Радостный, я до вечера только и твердил: «Людмила Дмитриевна!»

Несмотря на малый возраст и картавую детскую речь, у меня была впечатлительная память, и я был, видимо, неплохим рассказчиком. В общежитии техникума молодые женщины, узнав, что мы из Ленинграда, видя таких худюющих, старались нас, мальчишек, как-то обогреть и подкормить. Усадив меня на табуреточку, устраивались вокруг. Я рассказывал об ужасах блокады, обо всем, что мы выстрадали. Все плакали. Приходила мама, слушала и тоже плакала. Все пережитое вставало перед нами так, как будто это было вчера. Я тоже плакал. Такие посиделки происходили несколько дней подряд. Тяжело было вспоминать. Мама отвела нас в свою комнату и сказала: «Мальчишки, давайте не будем больше вспоминать о войне, о блокаде. Все осталось, к счастью, в прошлом. Теперь нас ждет другая, мирная жизнь. Не надо травить свою душу и души других. Наша армия разобьет фашистов, закончится война. Старай-

тесь помогать друг другу, помогать мне. Выучитесь, станете хорошими, добрыми людьми. Будем жить без голода, одетыми и обутыми». Так, мало-помалу, мы стали забывать пережитое, никогда и нигде не вспоминая больше об ужасах ленинградской блокады.

Я рос веселым, отчаянным и озорным. Кончилась война, люди начинали жить лучше. Соседским девчонкам родители купили большую разноцветную заводную юлу. У девчонок не получалось ее завести. Я взял юлу и стал с силой нажимать на набалдашник заводного штока. Юла закрутилась и завывала. Звук ее так был похож на вой сирены блокадной тревоги, что я онемел. У меня округлились глаза, и ужас проснулся во мне. Больше всего я боялся, что это увидят девчонки: ведь я был смелый и не слюняй! К счастью, они были заняты другим, смотрели на юлу, а не на меня. Я быстро взял себя в руки, так что никто не заметил моего замешательства. Тем не менее, юлу я больше не заводил. Оставив соседок, долго не мог успокоиться. Пробка сосуда памяти приоткрылась и «Джин» начал выходить из него: ничто не забыто!..

В настоящее время Борис Валентинович увлекается изготовлением миниатюрных книг, проводит выставки. Одна из его книг — «Блокада» — размером 2,8 x 3,8 см.

Ich lasse den Dschinn aus der Flasche frei (Erinnerungen aus der Blockadenkindheit).

SUCHOMLINOW Boris Walentinowitsch

Ich wurde am 17. Juni 1938 in Leningrad neben dem Sennaja Platz, in der Demidow Gasse 16, die Wohnung Nr 22 geboren. Jetzt ist es Griwtzowa Gasse, 22. Wie auch die meisten einfachen Stadtbürger, teilten wir die Wohnung mit anderen Familien. Aber das waren nur Verwandte. Eigentlich war das eine große Familie. Der Großvater Fjodor Ignatjewitsch Kaschin arbeitete auf dem Werk «Stepan Rasin» in der Mineralabteilung als Reparaturschlosser. Seine Frau Anna Pawlowna war Hausfrau. Und außerdem gab es ihre Kin-

der und Enkel. Die älteste Tochter Nadeshda mit dem Mann Pawel Alexandrowitsch Rjabow und ihren Kindern: Pawlik (12), Walentina (11) und Anna (10).

Die zweite Tochter hieß Klawdija (das war meine Mutter), geboren im Jahre 1913, sie wohnte mit meinem Vater Suchomlinow Walentin Sergejewitsch, Ingenieur, der Polytechnische Hochschule absolvierte, mit mir und meinem Bruder Tolja (drei Jahre älter als ich). Hier wohnte noch eine Tochter, Ljudmila (geboren im Jahre 1916) mit ihrem Sohn

Kolja, der zwei Jahre älter als ich war. Also in einer Wohnung wohnten zwölf Menschen. Man lebte wie alle: nicht reich, aber lustig.

Auf dem Foto der Kinder unseres Hofes (März 1941) ist es zu bemerken, dass unser Hof kinderreich war. Ich sehe mir dieses Foto an: friedliches glückliches Leben, fröhliche, offene Gesichter der Jungen und Mädchen. Im Zentrum, in der gestrickten Jacke und Mütze stehe ich, hinter mir in der Mütze mit dem Stern ist mein Bruder Tolja, noch höher sind zwei Kusinen, Walja (in der weißen Strickmütze) und Anna mit einem bunten Schal. Oben (der zweite links) ist der von uns allen angesehene und geliebte Vetter Pawel in einer Ledermitze mit den heruntergelassenen Ohren und mit einem Schopf an der Stirn.

Gerade vor dem Krieg bekam unsere Familie Suchomlinow eine separate Wohnung in demselben Haus, Wohnung Nr 11. Am Anfang des Krieges war ich drei Jahre alt. Aber ich kann mich an den Besuch eines Möbelgeschäftes erinnern, das an der Ecke der Sadowaja Straße und der Bolschaja Podjatscheskaja Straße sich befand. Mutti, Tolja und ich wählten Möbel für das neue Zuhause.

Dieser Besuch blieb in meinem Gedächtnis wie ein Trugbild des Friedens und des Wohlstandes. Von dem friedlichen Leben vor dem Krieg blieben im Gedächtnis Spaziergänge mit den Eltern im Jussupowskij Garten, Bummeln durch die Stadt. Hier auf dem verblassten Foto ist unsere Familie neben dem Ehernen Reiter, da sind wir an den Säulen der Isaak-Kathedrale ...

An der Ecke unserer Gasse neben dem Gribojedowa Kanal befand sich eine kleine Bäckerei. Dort backte man leckere Brötchen, weiße, heiße, gerade aus dem Ofen. Wie sie schmeckten! Mutter gab mir und Tolja Kleingeld, und wir gingen mit den Münzen in der Faust frischgebackene Leckerbisse holen. Ich kenne sie als «Brötchen fürvierzig» So stellte ich sie mir vor. Und in vielen Jahren, als ich älter wurde, fragte ich die Mutter: «Warum hießen diese Brötchen «fürvierzig»? Sie erklärte lachend: «Diese Brötchen kosteten vierzig Kopeken». Wenn die Mutter uns in die Bäckerei schickte, gab sie jedem von uns 40 Kopeken. So klärte ich das Geheimnis des Brötchennamens «fürvierzig» auf.

Seit den ersten Kriegestagen war der Vater an der Front und wurde in drei Monaten «vermisst». Es gibt ein Foto des schneidigen Kapitäns der Artillerie, das der Vater uns von der Front geschickt hat. Sein Schicksal war hart. Am Baltikum geriet er in den Kessel und wurde von Deutschen gefangen genommen. Im April 1944 wurde er befreit und, wie viele seiner Altersgenossen, teilte das Schicksal der sowjetischen Kriegsgefangenen: 10 Jahre Lager. Acht Jahre verbrachte er in Norilsk, im März 1952 war er vorfristig entkerkert und wir trafen uns.

Die grausamsten Tage und Nächte erlebten wir hier, im Zentrum der Blockade. Die Mutter, wir auch viele andere in der Stadt gebliebenen Leningrader, hatte Nachtdienst. Ich erinnere mich daran, wie sie mich mitnahm. Die Luftalarmsirene heulte, Lautsprecher schrien auf den Straßen, im Himmel surrten Flugzeuge, Scheinwerfer der Luftabwehr liefen hin und her im Nachthimmel, Wetterleuchten der Explosionen und Brände blitzten. Bomben schienen hinter unser Haus zu fallen!

Einige Fetzen des Erlebten stehen auch heute vor mir. Die Soldaten mit zusammengedrehten Soldatenmänteln am Rücken und in den Stahlhelmen tragen auf den Schultern riesengroße grüne «Blasen», das sind Luftschiffe der Luftabwehrsperrung. Sie waren zu breit für unsere Gasse. Man trug sie von Stalina-Platz (so hieß damals Sennaja Platz) zur Newa.

Seit den ersten Kriegstagen wurde in unserem Hof am Übergang in den Nachbarhof, dort, wo früher die Wäscherei gewesen war, der Luftschutzraum organisiert.

Bei den ersten Angriffen der faschistischen Luftwaffe liefen alle dorthin. Ich erinnere mich an den ersten Besuch dieses Kellers. Das Volk vom ganzen Hof: Frauen, Alte, Kinder ... die Kinder laufen sorglos zwischen den auf den Zementfußboden gestellten neuangefertigten Holzbänken. Die älteren Kinder haben sich seitab versammelt. Die Erwachsenen haben verschiedene Beschäftigungen. Man liest mitgebrachte Bücher, strickt. Niemand beeilt sich zum Ausgang. An der Tür steht der Diensthabe mit der Armbinde, bis Entwarnung darf man nicht rausgehen. In einigen Monaten war es im Luftschutzraum kalt, dunkel und dort gab es fast keine Menschen. Einige sind evakuiert worden, einige an die Front gegangen, einige vor Hunger gestorben. Man kam nicht mehr hierher, man schleppte sich. Und wenn man keine Kräfte mehr hatte sich fortzubewegen und Angst vor Beschießen, Bombardieren, sogar vor dem Tod zu haben, kam niemand in den Luftschutzraum. Alle saßen in ihren «Ecken», sich in alle möglichen und unmöglichen Lappen und Tücher eingewickelt und verstehend, dem Schicksal könne man nicht entgehen.

Für viele war das nicht die Zeit des Lebens, sondern die Zeit des Überlebens.

Die ganze Familie Rjabow wurde mit dem Werk, auf dem Pawel Alexandrowitsch tätig war, nach Nowosibirsk evakuiert, wo sie sofort begannen auf dem Tschkalowskij Flugzeugwerk zu arbeiten. Der Großvater starb. Ljudmila ging an die Front, wir haben ihr Foto in der Feldbluse mit Schulterstücken und einer Medaille. Aus zwölf Personen sind wir zu viert geblieben: Oma Anna, Mutti, Tolja und ich.

Viele Brotgeschäfte wurden geschlossen, in denen, die arbeiteten, gab man Brot nur auf Lebensmittelkarten. Die Menschenschlangen waren so lang, dass es nicht immer gelang «sich mit Waren zu versorgen». Anfang März 1942 ging

Mutti auf den Fontanka-Kai zum Technologischen Institut Brot holen. Das Brot reichte nicht zu. Der Alarm, Luftangriff... Mit Mühe und Not (viele Leningrader konnten vor Hunger nicht gehen, sondern bewegten sich wie Schatten) kam sie zur Obuchowskij Brücke. Daneben explodierte eine Bombe. Man fand die Mutter (sie bekam eine Quetschung, aber blieb am Leben) und brachte ins Hospital. Etwa in vier Stunden, als sie zu sich kam, überredete sie weinend die Ärzte sie nach Hause gehen zu lassen, wo ihre Mutter und zwei Kinder auf sie warteten.

Ich war noch ein bisschen stärker, aber Tolja konnte jede Minute sterben, Oma Anja erwärmte ihn mit ihrem vor Hunger geschwellenen Körper. Wir schliefen lange nicht. Alarme gab es einer nach dem anderen. Das Heulen der Sirene drang in das Innere ein. Es schien, dass der Tod in der Gestalt einer Otter heulte. Ich sah ihn mit einem weißen Schädel im weißen Leichentuch und mit der weißen glänzenden Sense, wenn ich an die im Dunkeln schwarzen Wände und verhängte Fenster guckte... Um mich nicht so zu fürchten, bat ich die Funsel anzuzünden. Wir stellten sie unter den Tisch, damit der Widerschein die Fenster nicht beleuchtete, und «der Tod mit der Sense» ging weg. Es war so, als ob das durchgefrorene Zimmer wärmer würde.

In der dunklen Wohnung sich an einander drückend, um sich zu erwärmen, errieten ich und mein Bruder deutsche Flugzeuge dem Ton nach. Sie surrten leise, gedämpft und «schrittweise»: «U... u... u...» Unsere Flugzeuge surrten lauter und ununterbrochen. Erst als ich erwachsen wurde, verstand ich, womit das verbunden war: Faschisten flogen gewöhnlich möglichst hoch, um an Sperrballons und Flaks nicht zu stoßen. Wenn ein Flugzeug hoch fliegt (ein beliebiges, sogar ein Überschallflugzeug), treiben der Wind und Luftschichten sein Surren weg, darum kommen zur Erde Laute verschiedener Höhe, mal stärker, mal schwächer. Aber wir nahmen es wie Besonderheit der deutschen Flugzeuge wahr.

Die Mutter kam spät in der Nacht. Sie ging langsam, wurde oft von der Straßenstreife angehalten. Sie sprach mit ihnen, versuchte etwas zu erklären, dann erreichte mit Ach und Krach das Zuhause. Es fiel uns allen ein Stein vom Herzen, aber wir hatten keine Kräfte uns zu freuen ...

Wir wurden auf eine lange Warteliste eingetragen, um evakuiert zu werden. Alles schien sich dem traurigen Ende zu nähern. An den Tod, die gefrorenen Leichen in den Höfen, Schlitten und Säрге hatten sich schon alle gewohnt.

Am Abend 13. März klopfte an unsere Tür die Hauswallerin: packt schnell Sachen ein, um 1 Uhr in der Nacht fährt der Evakuationszug von Finljandskij Bahnhof ab. Die Schlange ist unerwartet kürzer geworden. Mehrere warteten schon nicht mehr ...

Woher hatten wir Kräfte, um uns auf die Fahrt vorzubereiten? Mutti wickelte uns, mich und meinen Bruder, in alles Mögliche ein, setzte uns auf den Schlitten. Sie beide (Mutti und Oma Anja), gingen zum Zug zu Fuß, dabei hatten sie noch einen Sack in der Hand. Solchen Weg zurückzulegen, daran glaubte niemand. Die Kräfte verließen die Frauen. Die weinten aus Ärger: sie verspäten sich, verpassen den Zug und... und es bedeutet das Ende für alle. Irgendwie stiegen wir in den schon abfahrenden Zug ein. Man half uns wohl unterwegs...

«Der Lebensweg», den man zurückzulegen hatte, war damals auch «der Todesweg». Für viele. Das Eis begann schon zu tauen, die LKWs fuhren im Wasser. Deutsche Flugzeuge ließen nicht in Ruhe, indem sie schonungslos die LKWs mit Flüchtlingen angriffen. Oma mit Tolja und anderen Menschen saß im offenen Wagenkasten, aber mich und die Mutter (sie konnte sich noch nicht nach der Quetschung erholen) setzte man neben den Fahrer ins Fahrerhaus. Die Türen waren abmontiert. Mehrere LKWs kamen auf dieser schrecklichen Überfahrt unters Eis ...

In ein paar Tagen schien der Krieg für uns zu Ende zu sein. Ruhiger Himmel, weder Beschießen noch Angriffe ... Die Dampflokomotive bringt uns immer weiter von der tödlichen Blockadeschlinge, indem sie faucht und dröhnt.

Ende März erreichten wir die Stadt Bobrow im Woroneshskaja Gebiet. Hier wohnte der Großvater väterlicher Seite Sergej Makarytsch und Oma Schura. Sie hatten ein großes Haus und einen Gemüsegarten.

Am 4. April starb Oma Anna. Mutti fuhr sie, die sterbende, vor Hunger geschwellene, aus Leningrad nur dazu aus, um sie «auf menschliche Art und Weise» im Sarg zu beerdigen. In Leningrad beerdigte man in jenem schrecklichen Winter (wenn man überhaupt beerdigte) in Massengräbern oder verbrannte in den Öfen des Krematoriums.

Opa hatte zwei Säcke Abpreßling (in Bobrow, unweit von uns, befand sich eine kleine Ölmüllerei). Er schmeckte wunderbar! Und wurde stückweise nur von Opa persönlich ausgegeben.

Der Sommer kam. Juni! Wir baden im Fluss Bitjug. Die Sonne, grünes Gras, stilles reines Wasser ... Mutti schwamm gut. Schwamm an das andere Ufer. Und da ist gerade über unseren Köpfen, etwa dreißig Meter über der Erde ein Flugzeug mit dem Hakenkreuz! Das ist Aufklärer. So niedrig, dass der Flieger zu sehen ist: der lächelnde Faschist gab aus dem Maschinengewehr eine Schussgarbe und verschwand.

Der Himmel verdunkelte sich, die Sonne schien nicht mehr, das Wasser im Fluss blieb stehen, ruhevoll und bang rauschten das Gebüsch und das Gras... Die Mutter schwamm schnell an unser Ufer, packte uns und lief nach Hause. Irgendwo weit entfernt donnerten fallende Bomben. Sie näherten

sich schnell. Zu Hause drückte sich die Mutter in eine Ecke, umarmte uns. Lange saßen wir schweigend. Es wurde klar: der Krieg kommt auch hierher. Was er mitbringt, wussten wir schon.

Neben dem Haus im Garten fertigte der Opa schnell eine Erdhütte an, die als Unterschlupf dienen sollte. Alle halfen. Man beeilte sich: Faschisten konnten zu jedem Moment kommen. Das war ein Graben zwei Meter tief, etwa vier Meter lang, mit Klotzschwellen gedeckt (bis die Rente arbeitete Opa als Lokführer). An beiden Seiten des Grabens befanden sich Ausgänge. Stufen gab es nur an einer Seite, die andere war gedeckt und als Notausgang gedacht, oben auf dem Erdeniveau blieb nur ein Sehschlitz. Ober überschüttete man unseren Unterschlupf mit der Erde und vertarnte, wie man auch konnte.

Die Front bewegte sich schnell. Bald waren schon Luftangriffe täglich und oft. Man bombardierte die Eisenbahn, zerstörte die Ölmüllerei. Man bombardierte alles, was den Menschen die Möglichkeit gab zu leben. Sie schonten auch die einstöckigen Wohnstraßen des Städtchens nicht.

Ich und mein Bruder, wir stellten verschiedene Kisten und Säcke, langten bis Sehschlitz und guckten zu, wie deutsche Flugzeuge in der Kette ruhig über der Stadt flogen. Wir wussten schon: wenn sie nicht über uns waren, brauchten wir uns nicht zu fürchten. Beim Anfliegen warfen sie sofort die Bomben. Die sprangen wie kleine «Streichhölzer» nach unten ab, stoben unterwegs auseinander und begannen zu heulen. Man bombardierte unweit, wir konnten alles beobachten. Das Heulen näherte sich und verwandelte sich in den Schrecken. Wir machten die Ohren zu, versteckten die Köpfe, rollten nach unten. Das Heulen schwamm über uns und es donnerte schrecklich. Bomben schienen gerade hinter unsere Rücken zu fallen. Wie das geschah, konnten wir nicht begreifen: man warf die vor uns, wir sahen, wie sie zur Erde flogen und trotzdem fielen sie hinter uns? Als wir erwachsen wurden, verstanden wir, das sei nur «Streich» der Schallwellen. Von der Deckung auf die Köpfe fiel die Erde. Alles um uns bebte und stöhnte. Unser Unterschlupf war zu unsicher!

Bald waren die Kämpfe um Bobrow schwächer: Faschisten gingen nach Stalingrad...

Die älteren Jungen besuchten zu Fuß die Kampforte und brachten nach Hause Waffen, Munition und etwas noch. So nah zu uns war die Kampflinie.

Im August 1942 nahm Mutti mich und Tolja und fuhr nach Novosibirsk, indem sie fast nichts mithatte. Unsere Abfahrt war auch nicht einfach! Die Eisenbahnstation Bobrow wurde zerstört. Die kleine Dampflokomotive mit offenen Plattformen wartete auf Fahrgäste weit von der Stadt, dort sind noch Gleise übrig geblieben. In der Nacht, bevor es dämmerte, fuhren wir weg; ich glaube, eine große Strecke legten wir nicht zurück. Faschisten wollten auch hier «sich auszeich-

nen». Sie jagten den kleinen Zug mit Flüchtlingen. Der Zug hastete, kuppelte Plattformen mit Menschen ab und fuhr vorwärts, das Unglück von den Menschen wegbringend, weil er eine gute Zielscheibe war. Wir rollten, wer konnte, von den Plattformen in den Seitengraben. Es gab keine Möglichkeit sich zu verstecken, weil überall glatte Steppe war. Alle sahen zu, wir die Lokomotive mal vorwärts raste, mal heftig bremste und rückwärts sich bewegte. Der Faschist flog über ihn, wir ein Geier über einem Feldhasen. Aber da erschienen unsere Jäger und der Luftkampf begann. Unsere und Faschisten brannten und fielen mit Donner runter. Nachdem es die feindliche Meute abgejagt hatte, flog das Flugzeug mit roten Sternen tief neben uns und schwang mit den Flügeln. Der Flieger munterte uns mit dem Lächeln auf, winkte mit dem Handschuh. Die Reparaturbrigade (sie gehörte zur Mannschaft unseres Zuges auch) ersetzte schnell die zerstörten Gleise, schob vorsichtig unsere Lokomotive und wir beeilten uns wieder nach Osten, möglichst weit von der Kampflinie...

Die Nacht verbrachten wir im unruhigen Schlaf. Der Morgen empfing uns mit der klingenden Stille. Klarer Himmel! Felder und kleine Waldstücke flogen vorbei und blieben zurück. Man hörte nur, wie unser Zug ratterte, wie gleichmäßig und friedlich die Räder auf den Fugen polterten, wie fleißig unser Retter, der Zug, fauchte. Wir fahren eine Stunde, zwei Stunden, drei: keine Explosionen, keine Angriffe, keine Kanonade ... Wir sind geflüchtet! Am Leben geblieben! Entflohen! ...

Auf der Transsibirischen Eisenbahn ist ihr eigenes reges Leben. Nach Westen eilen Züge mit neuer Technik, mit Soldaten. Nach Osten fährt man für die Wiedereinschmelzung kaputte faschistische Technik mit den verhassten schwarzen Kreuzen, Sanitätszüge, Flüchtlinge. Auf den Stationen stehen wir lange, indem wir diejenigen, die uns entgegenfahren, durchlassen. Irgendwo hinter dem Uralgebirge auf einem Haltepunkt bleibt unser Zug neben dem Truppentransport stehen. Soldaten freuen sich, weil wir am Leben geblieben sind! Als sie erfuhren, dass wir aus Leningrad sind, gibt mir ein Soldat ein Stückchen Zucker, der Mann sieht schuldbewusst aus, weil er nichts mehr geben kann. Wir haben schon vergessen, was der Zucker ist. Ich esse ihn nicht, weil ich Zucker mit Mutter und dem Bruder teilen muss. Der Soldat kramt wieder in seinem Sack. Da kommt ein Starschina. An den Medaillen und der verblichenen Feldbluse ist es sofort zu sehen, dass er Frontkämpfer ist. Er erteilt einen strengen Verweis dem Soldaten. Der versucht zu widersprechen, aber schlägt den Blick zu Boden, seinen Sack bindend. Der Starschina legt seine große schwere Hand auf meine dünne Schulter und erklärt mir auf erwachsene Art und Weise, dass die Soldaten an die Front fahren, dass in ein paar Tagen sie gegen Faschisten kämpfen. Der Soldat soll satt sein. Dann schützt er uns. Ich schlage auch den Blick schuldbewusst

zur Erde. Ich habe Schmerzen in der Herzgrube. Wir sind immer hungrig. Aber ich verstehe alles. Ich bin schon groß. Ich bin schon vier Jahre alt. Bald werde ich fünf...

In Nowosibirsk sind wir wieder in einer Wohnung mit Rjabows. Die Freude war riesengroß, obwohl sowohl Mutter, als auch ich und Tolja unanständig mager sind. Sehr lange werden noch meine Altersgenossen mich Hänfling nennen, und ich werde mich mit den Beleidigern schlagen.

Bald fand die Mutter die Stelle der Sekretärin der Lehrabteilung in dem aus Roslawl evakuierten Eisenbahntechnikum. Sie bekam ein Zimmer im Wohnheim, eine Anrichte, einen Tisch, Betten und sogar die Bettwäsche. Eigene Sachen hatten wir nicht. So gerieten wir auf Perwomajka, in den Perwomajskij Bezirk Nowosibirsk. Dieser Punkt auf der Landkarte unseres Landes ist zu meiner zweiten Heimat geworden. Hier absolvierten wir die Schule und dann dieses Technikum. Tolja bekam das Diplom «mit Auszeichnung» und ließ sich in die Leningrader Hochschule für Eisenbahningenieure immatrikulieren. Er wohnte und studierte neben seinem Heimathof in der Demidowskij Gasse. Ich diente nach dem Technikum in der Sowjetarmee, dann absolvierte die Nowosibirsker Hochschule für Bauingenieure.

Nowosibirsk befindet sich sehr weit von Leningrad. Sehr weit von dem Krieg. Aber hier verlangte man auch Verdunkelung, also Fenster sollte man auch mit dunklen Vorhängen verhängen. Wir wohnten sehr bescheiden. Einmal verlor ich am Anfang des Monats die Lebensmittelkarten für Brot, das unsere wesentlichste Nahrung war. Und wieder sollten wir uns daran erinnern, was Hunger bedeutet. Noch in Leningrad gewöhnte uns die Mutter Brot zu sparen, alles auf einmal nicht aufzuessen. Es in kleine Stückchen für Frühstück, Mittagessen und Abendbrot, für morgen und sogar für übermorgen zu teilen. Das Hungergefühl verließ mich in den Folgejahren auch nicht. Und erst in der Armee, wo das Essen bescheiden, aber regelmäßig war, wurde ich allmählich satt.

Die Mutter brachte mich in den Kindergarten. Erst etwa mit fünf Jahren lernte ich den Buchstaben «R» aussprechen. Ich, erstaunt und froh gleichzeitig, strahlte, als die Kindererzieherin nicht «Dmitlijewna», sondern «Dmitrijewna» nannte. Zuerst bemerkte ich das sogar nicht. Dann blieb stehen und versuchte noch mal «Dmitrijewna» auszusprechen, aber sagte wieder «Dmitlijewna». Wieso, ärgerte ich mich. Ich konnte doch richtig sagen: «Dmitrijewna». Ich versuchte noch mal

und noch mal. Und freute mich so, dass den ganzen Abend «Ljudmila Dmitrijewna!» wiederholte.

Obwohl ich klein und mit unsauberer Kindersprache war, hatte ich emotionales Gedächtnis und war wohl kein schlechter Erzähler. Im Technikumswohnheim machten junge Frauen, nachdem die erfahren hatten, dass wir aus Leningrad gekommen waren, und als sie sahen, wie mager wir waren, alles Mögliche, um uns zu erwärmen und zu ernähren. Sie setzten mich auf einen Hocker und machten sich um mich zurecht. Ich erzählte über die Blockadeschrecken, darüber, was wir erlebt hatten. Alle weinten. Die Mutter kam, hörte zu und weinte auch. Alles Erlebte stand vor uns so klar, als ob es gestern gewesen wäre. Ich weinte auch. Solche Abende wiederholten sich einige Tage. Es fiel schwer, sich zu erinnern. Mutti brachte uns in unser Zimmer und sagte: «Jungs, wollen wir uns nicht mehr an den Krieg, an die Blockade erinnern. Alles ist zum Glück in der Vergangenheit geblieben. Jetzt erwartet uns das andere, friedliche Leben. Es lohnt sich nicht, sich selbst und die anderen zu quälen. Unsere Armee zerschmettert Faschisten und der Krieg kommt zu Ende. Helft einander, helft mir. Ihr werdet lernen und werdet gutherzige Menschen. Wir werden ohne Hunger leben, indem wir vom Kopf bis Fuß eingekleidet sind». Auf solche Weise begannen wir allmählich das Erlebte zu vergessen, indem wir uns nie und niemals mehr an die Schrecken der Leningrader Blockade erinnerten.

Ich war heiter, verwegen und ausgelassen. Der Krieg kam zu Ende, man lebte besser. Den Nachbarnmädchen kauften die Eltern einen Brummkreisel. Die Mädchen konnten ihn nicht aufziehen. Ich nahm den Brummkreisel und begann heftig auf den Knauf zu drücken. Der Brummkreisel drehte sich und heulte. Sein Laut war der Blockadesirene so ähnlich, dass ich stumm wurde. Die Augen wurden rund, die Schrecken erwachten in mir. Ich hatte Angst, dass die Mädchen meinen Zustand bemerken, ich war doch tapfer, war kein Schwächling! Glücklicherweise hatten sie eine andere Beschäftigung: guckten nicht mich, sondern den Brummkreisel an. Ich riss die Knochen zusammen, damit niemand meine Verlegenheit bemerkte. Trotzdem zog ich den Brummkreisel nie mehr auf. Ich verließ die Nachbarinnen und konnte mich lange nicht beruhigen. Der Pfropfen des Gefäßes meines Gedächtnisses öffnete sich etwas und Dschinn kam daraus heraus: nichts ist vergessen! ...

I let the Genie out of the Bottle (Recollections of my «besieged» childhood)

SUKHOMLINOV Boris Valentinovich

I was born on 17 June 1938 in Leningrad near Sennaya Square, in Demidov Lane, 16 — 22. Nowadays it is Grivtsov Lane, 22. Like most of the common citizens we lived in a communal apartment. But only our relatives lived there. In fact we were one big family. My granddad Fyodor Ignatyevich Kashin worked as a repairman in the mineral hall at the factory called «Stepan Razyn». His wife Anna Pavlovna was a housewife. Their children and grandkids lived there as well: the eldest daughter Nadezhda and her husband Pavel Aleksandrovich Ryabov together with their children — Pavel, Valentina and Anna under the age of 12, 11 and 10.

There also lived the younger daughter Klavdia (who is my mother) — born in 1913 — and my father Sukhomlinov Valentin Sergeyeovich. He was a graduate of the Polytechnical Institute and worked as an engineer. They had two children — me and my brother Tolya (who was 3 years older than me). Another daughter Ludmila (born in 1916) and her son Kolya (2 years older than me) lived together with us. Well, all together we were 12 persons, who lived in one flat. Like most of the people we lived not very rich but happily.

According to the picture, where the children of our yard are depicted (the picture was made in March 1941) you can guess, that all the families were large. Now I am looking at the photo and I can see an absolutely peaceful and happy life, and all happy faces of boys and girls. Look, I am standing in the very centre of the picture, wearing a jumper and a wooly hat. My brother Tolya, wearing a hat with a star-badge, is behind me, then there are two cousins: Valya in a white downy hat and Anna with a colorful scarf on her neck. Our highly respected and beloved brother Pavel is on the top of the picture, he is the second from the left. He has a forelock and is wearing a leather hat with dropped earlaps.

So, right before the war the Sukhomlinovs were given a separate small apartment under the number 11 in the same house. I was only three years old at that time, but I still have very distinct memories about the visit of the furniture store, which was situated at the corner of Sadovaya and B.Podyacheskaya Streets. Me, my mom and Tolya were shopping around, looking for furniture for our new dwelling.

This episode was left in my memory like a shadow of peace and happiness. The walks with parents around Yusupovsky Garden and across the city are everything that was left in my memory since the time of our peaceful pre-war life. Here is a faded picture, where you can see my family standing at the Bronze Horseman, and another picture shows us at the colonnade of St. Isaac's.

There was a tiny bakery at the corner of our lane near Griboyedov Canal. Daintith, fluffy, piping hot buns were baked there! They were so delicious! Our mother gave me and Tolya small change and we, holding it in our fists, rushed to buy hot and hot tasty treatment. I remembered these buns as «buns forfourty». I imagined them in a special way like this. Only many years later, when I got a bit older, I asked my mom: «But why were these buns called like this — «forfourty?» She explained me laughing, «These buns cost 40 kopecks», and when she sent us to the bakery she gave us 40 kopecks each. So, this was the mystery of the name of the buns, which was let on for me since then.

Our father went up the line ever since the very beginning of the war and three months later he «went missing». A picture of a turned out extremely hard. He was captured by the Germans in the Baltics and fell prisoner. Then he was delivered from captivity in April 1944 and like most of his contemporaries suffered the same fate with Soviet prisoners of war — he was sent to the enclosure for 10 years. He had to stay for 8 years in Norilsk, then he got early release in March, 1952 and I met him.

During the hardest time — days and nights — we had to stay here, in the centre of a siege. Our mother, like most of the citizens, who had stayed here, went for night watchings. I remember that she took me along with her. Sirens were hooting, loud-speakers were screaming loudly in the streets, planes were buzzing in the sky, air defence search-lights were crossing the night sky, lightnings of explosion and bombing were shining everywhere. Bombs seemed to be dropped just behind our house!

Some episodes of all this have been still in my memory. Here are the soldiers. They are bringing their twisted uniform — jackets over their backs and huge green «blubs» in the helmets on their shoulders — that is block airships. They hardly fit the size of our Lane. They were brought from Stalin square (Sennaya square earlier) in the direction of Neva.

Since the first days of the war bombproof shelter was organized in the cellar of our yard, in the passage to the next yard, where there had been a laundry some years ago.

When first attacks of the Nazis air forces happened, everybody was running over there. I remember the first time I came to this place. There were a lot of people. Women, children, elderly men and women from our yard were here. Children were carelessly running among new wooden benches, fixed on the cement floor. Older children were crowding together apart. Adults were busy as well. Somebody had taken a book and was reading, someone was knitting. Nobody in-

tended to leave the cellar. There was a guard with an arm band. Nobody was allowed to come out before an all clear. Some months later, it was very cold and dark in the shelter and there were not many people left. Somebody evacuated, some people went to the front — line, somebody died from famine. People were not going to the cellar, they were dragging. And when there was no strength to go, to be afraid of attacks and bombings, to be afraid of death, nobody went to the shelter any more. Everyone stayed at his place, wrapping himself in all possible clothes and understanding now, that you can't escape from your fate.

For most of the people this time was not the time of life, it was the time of survival.

The Ryabov family and the factory, where Pavel Alexandrovich worked at, were evacuated to Novosibirsk, where they all started working at the Chkalov aircraft factory. The grandfather died. Ludmila went away to the front-line. We still keep the picture, where she is depicted wearing a soldier's blouse with shoulder-straps and a medal. So, in the result, only four of us were left: granny Anna, my mom, Tolya and me.

Many bakery shops were closed, and those, that worked, sold bread for coupons. The lines were so huge and long, that sometimes you didn't manage to get at least something. At the beginning of March, in 1942 our mother went to buy bread to Technologzhka, not far from Fontanka. There was no bread left. Then there was another alert, there was an attack. She could hardly move (because of the famine most of the citizens didn't walk but moved as if they were shadows or ghosts) but reached Obukhovskiy Bridge. A bomb exploded somewhere near. Our mother was contused but stayed alive. She was found and delivered to the hospital. Four hours later, when she came to her senses, she persuaded doctors to allow her to go: there were two children and her mother at home.

I still had some strengths, but Tolya was dying. Our granny Anna warmed him with her body, puffed from the famine. We hadn't slept for a long time. Alerts followed one another. The howl of the siren annoyed to death. It seemed to me, that it was the Death itself, that was crying. So that it were not so scary, I asked to burn a bitch lamp. We put it under the table, so that its blinks couldn't reach the window, and the death went away. It was getting warmer in that frozen room, at least it seemed so.

Lying, very close to warm each other in the dark flat, me and my brother were trying to define what kind of a German craft was flying by over our house. They were howling dully and interruptedly: «Uuuuhhh...uuuhhh ...uuuh». The sounds of Soviet aircrafts were loud and continuous. Only after I got older I understood everything: the Nazis were trying to fly as high as possible, not to be hit with air-balloons and anti-

aircraft guns. When an aircraft flies very high, wind and other layers of the air take its sounds away, so instead of continuous smooth sound we hear the sounds of different eminence — some of them are louder, some are softer. But as for us, we thought about it as peculiarities of German aircrafts.

Our mother came late at night. Her way took her much time, she was constantly stopped by patrol. Finally she managed to find excuses and came back home. She felt better, but she was not able to express her joy.

We were put in a long queue for to be evacuated. But there was a feeling that the tragic end was very close for us. We got used to all these deaths, to frozen corpses in the yards, to sledges and coffins.

One evening on 13 March a commandant knocked in our door. We had to pack our things because the train for evacuated people was departing from the Finland station at 01.00 o'clock. The queue suddenly got ahead. But many people were never to wait until their turn came.

I wonder, where did we find the strength to get ready so quickly? Our mother wrapped us in all possible clothes, put us together in a sledge. She and granny Anna went on foot to the train, bringing some fardel with them. Nobody believed that it was possible to go there on foot. There was no strength left. The women were crying in frustration. They were afraid to be late. They would be late and this would be the end of everything. Anyway we were in time for the train, which was going to depart. Somebody seemed to have helped us.

The so-called «Way of life», which had to be overcome, was like the «Way of death» for many people at the same time. Ice on the rivers was melting and cars were running half under the water. Nazis aircrafts didn't leave people alone, attacking cars full of refugees. Granny, Tolya and other people found some place in the open coach of the truck. Me and my mother (she couldn't recover after the contusion for a long time) were placed inside, near the driver. The doors of the cab had been removed. Not a single vehicle fell under the water during this waftage.

After two days we thought, that the war stopped for us. The sky was clean and calm, there were no attacks, there were no bombings... The engine was snorting and hooting, taking us far away from this fatal besieged trap.

At the end of March we got to Bobrov, a town in Voronezh region. Granddad (from father's side) Sergey Makarich and grandmother Shura lived here. They had a big farm-house and a garden.

Granny Anna died on 4 April. Mother carried her out from Leningrad, when granny was already dying and when she was puffed from famine, just to bury her in the accepted manner, in a grave, for if they buried somebody in Leningrad

during that scary winter, they buried everyone in mass graves or cremated them.

Grandfather had got two sacks of bagasse (there was a small creamery not far from us in Bobrov). It was such a tasty treat! It was given to us per piece and only by our grandfather personally.

Summer came. It was June! We went to swim in the Bitug river. The sun was shining, the grass was green, water was clean. Our mother was a good swimmer and she crossed the river. And suddenly we saw an aircraft with a fyfot which was about 30 metres above our heads. It was a spy! He was flying so close to the ground that we could see a pilot — he was a fascist. Smiling, he let off his gun and disappeared.

The sky blackened, the sun got dull, water in the river calmed down, bushes and grass were making some noise in an anxious and sad manner. Our mother came back to our bank of the river, caught us and ran away to our house. Falling bombs boomed somewhere far from here. They were quickly approaching. Being at home, our mother hid in the room and held us. We had been sitting mutely for a long time. It was clear: the war was coming here soon. And we all knew what it was going to bring together.

Grandfather hastily built a dug out, a kind of a shelter in the garden near the house. We all dug it, because we had to be in a hurry: fascists could attack any minute. So, it was a trench two metres high and four metres long, which was covered with railway sleepers (our grandfather was an engine driver). There were two exits from the both sides of the trench. There were steps from one side, another served as an emergency exit and contained a peephole at the ground level. Outside our shelter was covered with a heap of soil. So, we hid it in the way we could.

The front-line was moving rapidly. Attacks happened every day. They boomed the railway, ruined the creamery, they destroyed everything that gave people any chances to live.

By putting some boxes and bags to the peephole me and my brother reached it out and looked at the German aircrafts, which were easily flying by the city in long chains. We knew that if they flew by our houses there was no reason to worry about. When they were going to fire a target they threw bombs away. Like small «matches» they were flying down and started to howl. Attacks were not far from here, we could see everything. The howl was coming closer and closer and soon it was a real horror. We stopped our ears, hid our heads, rolling down. The howl passed by our heads and then there was awful noise. Bombs seemed to be detonated right behind our backs. We couldn't understand this. The bombs were thrown down in front of us and we saw that they were flying towards the ground but they all fell behind us. When we got older we understood this — it was sound wave that made all

this. The soil was falling down our heads. Everything around was moving and groaning. Our shelter was not very safe!

Soon fights near Bobrov subsided, the fascists went farther to Stalingrad... Older boys went to the fighting places and brought arms, equipment and many other things from there. So you can see how close the front — line was to us.

In August 1942 my mother, me and Tolya, with nothing to carry with us, were evacuated to Novosibirsk. Our departure was not easy! The railway station Bobrov was ruined. The engine was standing at the open platforms and was meeting refugees far from the city, where there were still metals left. At night until the dawn we ran away, but so far. Here the fascists were trying to show their best as well. They were hunting after the train with refugees. The engine was in a fuss, flat wagons full of people were being detached and the engine itself was running away, being a good target for the enemy and taking its grief far from the people. We were rolling down to the ditch. There was no place to hide in: there was a steppe everywhere around. We were looking at the train, which was rushing ahead but sometimes stopped and gave back away. The fascists were flying over the train like a vulture was trying to catch a hare. But suddenly our aircrafts appeared and an air fight began. All of them were on fire and now and then they fell down with a roar on the ground. Fighting off the enemies, our aircraft flew away. The pilot was waving us with his glove, trying to encourage us. A maintenance crew (which was on the train with us) replaced broken metals, drove our engine ahead step by step, and again we could go away to the East far from the front-line.

The night was sleepless and troublesome. The morning came and met us with silence. The sky was clear! Fields and groves appeared, changed one another and stayed behind. You could only hear the clatter of our train, the clatter of the wheels knocking and breath of the engine which happened to be our savior. There had been no attacks, explosions, cannonade for several hours already. It meant that we managed to run away, to escape, to survive!

The Transsiberian Railroad was working in full swing. Severe troop trains were rushing to west bringing new machines, soldiers. Trains moving to east were bringing broken fascist machines with hated swastika to be melt, wounded people and refugees. We were long staying at the stations to let oncoming trains pass. Somewhere beyond the Urals our train stopped near a troop train. Soldiers were happy to see us — for that we had stayed alive! When a soldier learnt that we were from Leningrad and that he could do nothing for us any more he gave me a lump of sugar. We almost forgot how sugar looked like. I was not eating: I had to share it with my mother and brother. The soldier was trying to look for something in his rucksack. A master sergeant came up to us.

According to his uniform jacket and numerous medals I guessed that he was a front-line soldier. He told him something. The soldier was trying to object, but then bound his rucksack. A master sergeant put his huge arm on my lean shoulder and explained me, as if I were an adult, that all the soldiers are going to the front-line and in a couple of days they will be fighting with the fascists. A soldier should not feel hunger and then he would be able to defend us. I was standing with my eyes bent on the ground. We felt gnawing hunger. But I understood everything. I was a grownup. I was four.

In Novosibirsk we met Ryabov family and lived in the communal apartment all together again. Our happiness was endless, though my mother, me and Tolya were very skinny. Sometimes my classmates called me a «percher» and I was always ready to get into a fight with offenders.

Soon our mother found a job of a secretary in the administrative unit of a railway technical college, which had been evacuated from Roslavel. She was given a room in a hostel, a bedside table, stools, a table, beds and even bed-clothes. We didn't have our personal things. Thus we turned out to be in Pervomaika, in Pervomaysky region of Novosibirsk. This place became my second home on the map of our country. We finished school and graduated from the technical college here. Tolya graduated with excellence and entered the Leningrad Institute of Railway Engineers. He lived and studied not far from the yard where he had spent his childhood, near Demidov Lane. I was in a Soviet army after I had graduated the college. When I returned to civilian life I graduated Novosibirsk Civil Engineering Institute.

Novosibirsk is too far from Leningrad. It is too far from the war. But anyway we were forced to close our windows with dark curtains at nighttime. Our life was very modest. Once at the beginning of the following month I lost coupons for bread, they were the basis of our nutrition. And we had to refresh our memory about what the famine was like. Living in Leningrad our mother taught us to keep a slice of bread, not to eat everything at once. It was better to eat less, but to leave bread for breakfast, for lunch, for dinner, for tomorrow and for the following day. I couldn't get rid of the sense of hunger during the following years of my life. And only serving in an army, where the food was plain but regular I felt what means to eat fill.

Mother took me to the kindergarten. I learnt how to pronounce the sound «R» when I was five. How happy I was and surprised when I realized that called the nurse's middle name

like Dmitrievna, but not Dmitlievna. At first I didn't notice this. Then I stopped and tried to pronounce it once more in a correct way, but I failed. That's not fare, I was so much upset! And finally I managed to say Dmitrievna. I tried again and again. I was really happy and pronounced the name Ludmila Dmitrievna until evening.

Despite my young age and my burry childish speech, I had very tenacious memory and I was quite a good storyteller. In the hostel of our technical college young ladies learnt that we were from Leningrad and were trying to warm us, boys, and gave us some food, seeing how skinny we were. So, they settled me down on the stool and surrounded me. I was retelling about the horribleness of the Siege, about everything, we suffered and got through. Everyone was crying. My mom often came, listened and cried as well. Everything, we had got through, arose in our minds, as if all these events had happened yesterday. And I was crying. These chats continued some days at a run. It was too hard to recollect all this. Our mother took us to her room once and told, «My dear boys, let's not speak about the war, about the Siege any longer. Let's put everything to rest. Another, new and happy life is ahead. Don't wring our heart-strings any more. Our Army will destroy the Nazis, the war will be stopped. Try to help each other, try to help me. You'll get the education; you will become kind-hearted and gentle people. There will be no famine; we'll have shoes and clothes». So, little by little we forgot about everything we had had to pass through. We didn't talk about the horrors of the Siege of Leningrad any longer.

I was a very cheerful, reckless and puckish boy. The war stopped, people were starting to improve their life. Some parents from the neighbourhood bought a big colourful mechanical humming top for their girls. They didn't manage to wind it up. I took a toy and started to press the knob of the starting stick. The humming top spun and howled. This sound reminded me the sound of sirens while the alert so much, that I was dumb with astonishment. Amazement rounded my eyes and suddenly I felt fear inside me. Most of all I didn't want girls to see this, because I was a brave boy but not a sniveler! Happily, they were busy looking at the humming top, but not at me. So I pulled myself together so quickly that nobody noticed my embarrassment. Nevertheless I never tried to wound a humming top since then. When I left the girls I couldn't calm down. I opened the bottle of my memory and «the genie» was ready to go out. Nothing is forgotten!

Мы ели жмых и столярный клей

ТОКАРЕВА Евдокия Ивановна

Когда началась война, мне было 15 лет. Я жила с родителями в Ленинграде на Большой Охте, училась в школе. Отец Иван Сидорович Токарев работал в организации «Гидротехпром», мама Ирина Алексеевна — на фабрике «Возрождение», а два брата — на заводе. В 1939 году старшего брата Николая призвали в Красную Армию, а младший брат Павел в июле 1941 года добровольно записался в народное ополчение. В этом же месяце я пошла работать в «Ленхимпром».

Во время воздушных тревог дежурили на крышах, гасили зажигательные бомбы. В августе 1941 года ввели карточки на продукты. Наступила зима, становилось все холоднее и голоднее. За водой ходили на Неву, искали дрова, чтобы протопить печку-буржуйку. Отец и мама были очень слабые: в городе перешли на минимальную норму выдачи хлеба — 250 граммов рабочим и 125 иждивенцам. Я с трудом ходила за хлебом, мы ели жмых и столярный клей. Отец слег в постель от слабости и в марте 1942 года умер. Похоронили его на Большеохтинском кладбище, отвезли на саночках.

В апреле пошли трамваи, открылись бани. На людей было страшно смотреть, это были ходячие скелеты. Стали понемногу увеличивать норму выдачи хлеба, но мы все равно были голодные и решили с мамой эвакуироваться. Ладожское озеро на катерах переплыли спокойно (был пасмурный день и немецкие самолеты не летали).

Вот и Большая земля! Поселок Кабона! Здесь в эвакупункте нас накормили горячим обедом, потом посадили в товарные вагоны, и эшелон отправился в дальний путь, через всю

страну в Алтайский край. Мы находились в пути почти целый месяц. На станциях, где имелись эвакупункты, нам давали горячие обеды, но так как мы все время хотели есть, мы стали на продукты менять вещи, которые смогли взять с собой. Привезли нас в деревню, в колхоз, но и там жилось голодно, весь урожай отдавали государству, а колхозникам надо было сдавать в налог еще мясо, молоко, шерсть.

В колхозе я помогала убирать урожай, а весной — сеять горох и подсолнухи. Трудно было удержаться, чтобы не съесть щепотку гороха, но бригадир наказывал за это. Я очень скучала по Ленинграду, и при первой возможности в декабре 1944 года мы с мамой вернулись домой, хотя еще шла война, и продукты выдавались по карточкам. Отменили карточки в декабре 1947 года.

Я пошла работать в стройтрест № 16. Проработала на восстановлении домов плотником четыре года. Жили в общежитии на Невском пр., 16, принадлежащем нашему тресту. Из-за травмы взяла расчет и в начале 1949 года устроилась крановщицей в литейный цех на горячий участок завода им. И. И. Лепсе, где проработала 22 года до пенсии. За хорошую работу моя фамилия была занесена на Доску почета. В цехе я встретила своего будущего мужа — фронтовика Павла Михайловича Бородулина, с которым мы прожили 57 счастливых лет.

В этой страшной войне я потеряла отца, старший брат погиб на фронте, младший пропал без вести. Сейчас у меня две прекрасных дочери, зять и два внука. Я надеюсь, что им никогда не придется узнать, что такое война и голод.

Wir haben den Abpreßling und den Tischlerleim gegessen

TOKAREWA Ewdokija Iwanowna

229

Als der Krieg begann, war ich 15 Jahre alt. Ich wohnte mit den Eltern in Leningrad auf Bolschaja Ochtsa, lernte in der Schule. Der Vater Tokarew Iwan Sidorowitsch arbeitete in der Organisation «Gidrotechprom», die Mutter Irina Alexejewna war auf der Fabrik «Wosroshdenije» («Wiedergeburt») tätig, zwei Brüder arbeiteten auf dem Werk. Im Jahre 1939 wurde der ältere Bruder Nikolai in die Rote Armee einberufen, der jüngere Bruder Pawel ging im Jahre 1941 freiwillig ins Volksaufgebot. In demselben Monat ging ich in «Lenchimprom» arbeiten.

Während der Luftangriffe passten wir auf den Dächern der Häuser auf, löschten die Flammenbomben. Seit dem August 1941 gab es Lebensmittelkarten. Der Winter kam, es wurde immer kälter und hungriger. Wasser holte man in der Newa, suchte nach Holz, um den Ofen zu heizen. Der Vater und die Mutter waren sehr schwach, weil die Brotration zu jener Zeit am kleinsten war: 250 g für Arbeiter und 125 g für Unterhaltsempfänger. Mir fiel es auch sehr schwer auszugehen, um Brot zu holen, wir haben den Abpreßling und den Tischlerleim gegessen. Der Vater blieb im Bett, weil er zu schwach wurde, und starb im März 1942. Wir beerdigten ihn

auf dem Bolscheochtinskoje Friedhof, fuhren ihn dorthin auf dem Schlitten.

Seit April verkehrten die Straßenbahnen, die Badeanstalten wurden geöffnet. Es war schrecklich, sich Menschen anzusehen, es waren wandelnde Gerippen. Allmählich vergrößerte man die Brotration, aber wir waren immer noch hungrig und haben mit der Mutter beschlossen, uns evakuieren zu lassen. Über den Ladogasee schwammen wir mit den Kuttern ruhig (der Tag war trübe, und deutsche Flugzeuge flogen nicht).

Da ist die Große Erde! Da ist die Siedlung Kabona! Hier im Evakuationszentrum gab man uns warmes Mittagessen, dann ließ in die Güterwagen einsteigen, und der Zug fuhr durch das ganze Land in die Altai-Region, indem er einen langen Weg zurücklegte. Unterwegs waren wir fast einen ganzen Monat lang. Auf den Stationen, wo es Evakuationszentren gab, bekamen wir warmes Mittagessen, aber da wir alle immer hungrig waren, tauschten wir gegen Lebensmittel die mitgenommenen Sachen. Man brachte uns in ein Dorf, in einen Kolchos, aber dort lebten wir auch sehr hungrig, die ganze Ernte gab man dem Staat ab, außerdem sollten Kolchosbauern auch Fleisch, Milch und Wolle abgeben.

Im Kolchos half ich ernten, im Frühling säten wir Erbsen und Sonnenblumen. Es fiel so schwer sich selbst zu bändigen und eine Handvoll Erbsen nicht aufzuessen, aber dafür bestrafte der Brigadier. Ich vermisste Leningrad und bei der ersten Gelegenheit kehrten wir, meine Mutter und ich, im Dezember 1944 nach Hause zurück, obwohl es noch Krieg war und Lebensmittelkarten immer noch existierten. Abgeschafft wurden die Lebensmittelkarten erst im Dezember 1947.

Ich kam in den Bautrust Nr 16 arbeiten, um die Stadt wiederaufzubauen. Ich arbeitete bei dem Wiederaufbau als Tischlerin vier Jahre lang. Wir wohnten im Wohnheim auf dem Newski Prospekt im Haus Nr 16, das unserem Trust gehörte. Wegen einer Verletzung gab ich diese Arbeit auf und kam Anfang des Jahres 1949 als Kranarbeiterin in die Gießabteilung des Werkes, das den Namen von I. I. Lepsse trägt, wo ich 22 Jahre lang bis die Rente arbeitete. Für die gute Arbeit war meine Familie auf die Ehrentafel gesetzt. In der Abteilung lernte ich meinen zukünftigen Mann kennen, den Frontkämpfer Borodulin Pawel Michailowitsch, mit dem wir 57 glückliche Jahre zusammen gelebt haben.

In diesem schrecklichen Krieg verlor ich den Vater, der ältere Bruder kam an der Front um, der jüngere Bruder wurde vermisst. Heute habe ich zwei wunderbare Töchter, einen Schwiegersohn und zwei Enkeln. Ich hoffe darauf, dass sie nie erleben, was der Krieg ist und was schrecklicher Hunger bedeutet.

Память сердца

We Ate Oilseed Residues and Carpenter's Glue

TOKAREVA Evdokia Evanovna

I was 15 years old when the war began. I lived with my parents in Leningrad at the Big Okhta, I went to school. My father Ivan Sidorovich Tokarev worked in the organization «Giprotechprom», my mother Irina Alekseevna — worked at the «Renaissance», my two brothers worked at a plant. In 1939 my big brother Nikolay was called to the Red Army and the younger brother Pavel volunteered for the front in July, 1941. This month I went to work to Lenhimprom.

During air-raids we were on duty on roofs of houses, extinguished incendiary bombs. In August, 1941 products ration cards were introduced. The winter came. It became colder and we were hungry. We went for water to the Neva, we searched for fire wood to heat potbelly stove. The father and mum were very weak, because the minimum ration of bread was introduced — 250 grams for workers and 125 grams for dependents. I could hardly go for bread, we ate an oilseed residues and carpenter's glue. Father fell in March, 1942 and died. We buried him at the Bolsheohtinsky cemetery, we took him there by sledges.

In April trams started going, baths opened. It was terrible to look at people, they looked like walking skeletons. The bread ration was gradually increased, but we were still hungry. My mother and I decided to evacuate. We crossed the Ladoga lake quietly, it was cloudy and German planes didn't fly.

We came to the Big Land, the settlement Kabona! There we were fed with a hot dinner, then we were put into commodity carriages, and the echelon went to the Altay region. It

took us almost a month to get there. At the stations we were given hot dinners. We were still constantly hungry and we changed the things we had with us for food. We were taken to a village, where the collective farm was, people were hungry there too. All crop was handed over to the state, and collective farmers had to hand over meat, milk and wool as a tax.

I helped to harvest in the collective farm, in Spring I sowed peas and sunflowers. It was difficult not to eat some peas when we were sowing it, but the foreman punished for it. I missed Leningrad very much. When we had the first chance, we went back to Leningrad in December, 1947, though it was still war at that time, and food was given by cards. Cards were abolished in December, 1947.

I went to work to the building enterprise № 16 to restore the city. I worked as a carpenter on restoration of houses for four years. We lived in a hostel at the Nevsky Prospect 16, belonging to our enterprise. Because of the trauma I left the enterprise and in the beginning of 1949 I started to work as a crane worker in the foundry shop at I.I.Lepse plant, where I had worked for 22 years, when I retired. For good work my surname was put on the Board of Honor. I met my future husband at the shop — the front-line soldier Borodulin Pavel Mihajlovicha with whom we have lived 57 happy years.

I lost my father in this terrible war, my elder brother was killed at the front line and my younger brother was lost. Now I have two wonderful daughters, son-in-law and two grandsons. I hope they will never know what the war and terrible hunger is.

Солдаты клялись отомстить за потерянную ножку

ХИЦУН Игорь Андреевич

До войны мы жили в Лигово. Мама работала электросварщицей на заводе имени Жданова, отец служил на Балтфлоте.

Когда началась война, мне не было еще трех лет. По словам мамы, никому в страшном сне не могло придеться, что враг дойдет до Ленинграда, Москвы и Волги. В связи с военным положением, рабочие не подлежали эвакуации — так мы остались в городе. Помню, мы отсиживались в какой-то землянке, была сильная стрельба, наверху свистели пули. Взрослые разъясняли, что пули, которые слышны, — не опасны, они уже пролетели... Нас увидел военный, стал ругать и прогонять из зоны боя. До рассвета шли по шоссе в сторону города (сейчас это проспект Жукова), видели сгоревшие машины и убитых солдат. Возле трамвайного парка начался сильный обстрел, и мы долго сидели в подвале кирпичного дома (он цел и сейчас). В дальнейшем при «отсидаках» в убежище я предусмотрительно имел целый карман оловянных солдатиков...

Сначала мы с мамой жили на ул. Шкапина в темной, холодной комнате с «буржуйкой» и заколоченным окном. К зиме перебрались к маминой сестре — она работала дворником и имела казенную площадь. Это была отдельная квартира (!) на первом этаже в доме у Нарвских ворот (сейчас там на брандмауэре рабочий с флагом). Наискосок, за дворцом культуры им. Горького, стояли зенитки, и при стрельбе был слышен громкий сухой треск. Когда подрос, то при налетах высовывался из подъезда посмо-

треть и однажды видел, как сбили самолет.

Как-то мама пообещала купить много хлеба, когда прогонят фашистов. И вот после отбоя воздушной тревоги я кричу: «Мама! Иди скорее в булочную — фашистов прогнали!»

Тетушка Шура отводила меня в очаг (так называли детсады) на ул. Тракторная. Однажды по пути домой на каких-то задворках мы собирали крапиву, лебеду, и наткнулись на труп, завернутый в простыню. Тетушка почему-то очень испугалась и мы долго бежали.

Зима пришла очень рано, а в мой день рождения объявили норму хлеба для иждивенцев — 125 граммов. В тот роковой день (начало июля 1942 года) дети были на прогулке, когда за мной пришла тетушка Шура, и вдруг начался обстрел. Стреляли из Стрельны или с Вороньей горы. Был сильный грохот разрывов и крики. Все побежали в здание, тетя Шура тащила меня за руку и сердилась, что я еле волокюсь, а я не мог ступить на левую ногу. Оказалось — ранение в ногу осколком снаряда. Потом помню долгую поездку в тряской санитарной машине до больницы им. Раухфуса. Дальше помню очень мало, мама говорила, что было несколько наркозов. Тяжело раненых детей спасали в первую очередь. У меня началась гангрена, и ногу ампутировали выше колена. Нужна была кровь, мама отдала, сколько могла, потом долго отлеживалась и еле добралась домой.

Скоро начал сознавать свое увечье и стал докучать врачам, когда же они сделают мне

новую ножку, как обещали? Сколько пробыл в больнице, не знаю, но в сентябре уже был опубликован мой снимок, сделанный военкором Николаем Хандогиным. Видимо, с этого снимка и были сделаны листовки (одна есть в Музее обороны). У Нарвских ворот был последний привал солдат перед окопами, у нас тоже квартировали солдаты, и однажды боец достает эту листовку и говорит: «Так это правда! А я думал, это агитка...» Действительно, печать плохая, и фото похоже на рисунок. Уходили они ночью, и мама говорила, что у моей кровати клялись отомстить — и отомстили! После войны мы еще долго ждали, что кто-нибудь из них зайдет, но так и не дождались...

С костылями в детсад уже не ходил, сидел дома один, все больше у окна. Шура, уходя, внушала, чтобы при объявлении тревоги я прятался за печку (в комнате была большая круглая печь). Я так и делал, а однажды я там уснул. Мама пришла с работы раньше Шуры — обыскала всю квартиру и чуть с ума не сошла. А надо сказать, что во дворе, по слухам, жили людоеды — у их двери иногда очень вкусно пахло. Из блокадных лакомств, кстати, конечно, помнится «дуранда» — зелено-серые плитки, их можно было долго слюнявить, сосать, грызть и это заглушало чувство голода.

«Новую» ногу — протез — мне сделали только в 1947 году, а до этого я гонял к восторгу прохожих на трехколесном велике вдоль дворца им. Горького — там был широкий тротуар. В день снятия блокады у Нарвских ворот был грохот орудий — счастливый грохот — грандиозный салют!

В школу пошел с опозданием на год. Фотографию, где я на костылях, порвал на мелкие клочки. Очень обижался, когда мамочки, показывая на меня, говорили: «Вот, мальчик не слушался — и попал под трамвай!».

Еще одна жертва гитлеровских мерзавцев. После очередного вражеского обстрела Ленинграда Шуря Хандогин стал калекой. Смерть бандитам!

Фото Н. Хандогина

CHIZUN Igor Andrejewitsch

Vor dem Krieg wohnten wir in Ligowo. Mutter arbeitete als Elektroschweißerin auf dem Shdanow-Werk, Vater diente bei der Baltischen Flotte.

Als der Krieg begann, war ich noch nicht drei Jahre alt. Mutti sagte, niemand konnte sich sogar im Alptraum vorstellen, dass der Feind zu Leningrad, Moskau und an die Wolga kommt. Wegen des Kriegszustandes durften Arbeiter nicht evakuiert werden, so blieben wir in der Stadt. Ich weiß noch, wir saßen in einer Erdhütte, man schoss herum, oben schwirrten Kugeln. Erwachsene erklärten, die schwirrenden Kugeln seien nicht gefährlich, sie seien schon vorbeigeflogen... Uns bemerkte ein Offizier, er schimpfte und jagte uns aus der Gefechtszone weg. Noch bis Tagesanbruch gingen wir die Chaussee entlang in der Stadtrichtung (jetzt ist es Shukow-Prospekt), sahen verbrannte LKWs und getötete Soldaten. Neben dem Straßenbahndepot begann das Beschießen und wir saßen lange im Keller eines Ziegelhauses (das Haus ist immer noch da). Später war ich mehr vorsorglich und hatte beim «Sitzen» in Luftschutzkellern eine Jackentasche voll Zinnsoldaten...

Zuerst wohnte ich mit der Mutter auf der Schkapina Straße in einem dunklen, kalten Zimmer mit einem Herd und einem zugeschlagenen Fenster. Im Winter zogen wir zur Schwester der Mutti um, sie arbeitete als Straßenwärterin und hatte eine staatliche Wohnung. Das war eine separate Wohnung (!) im Erdgeschoss eines Hauses neben dem Narwaer Tor (jetzt ist dort an der Brandmauer ein Arbeiter mit einer Fahne dargestellt). Schräg hinter dem Gorki-Kulturpalast standen Flakgeschütze und beim Schiessen hörte man lautes trockenes Geknatter. Als ich älter wurde, guckte ich beim Bombardieren aus der Haustür, um Flugzeuge zu sehen und einmal beobachtete, wie ein Flugzeug zum Absturz gebracht wurde.

Einmal versprach die Mutter viel Brot zu kaufen, wenn man Faschisten wegjagt. Und nach der Entwarnung schrie ich: «Mutti! Schnell in die Bäckerei — Faschisten sind weggejagt!»

Tante Schura brachte mich in eine Stätte (so hießen Kindergärten) auf die Traktornaja Straße. Einmal sammelten wir auf dem Rückweg Brennessel und Melde hinter den Häusern und stoßen an eine in ein Laken eingewickelte Leiche. Tante bekam Angst und wir rannten lange.

Der Winter kam sehr früh, und an meinem Geburtstag wurde Brotlimit für unterhaltsberechtigten Familienmitglieder erklärt — 125 Gramm. An jenem verhängnisvollen Tag (Anfang Juli 1942) hatten wir einen Spaziergang, als Tante Schura kam mich abholen, und da begann die Beschießung. Man schoss aus Strelna oder von dem Woronjja Berg. Man hörte starke Explosionen und Schreie. Alle liefen ins Gebäude, Schura zog mich an den Arm und wurde böse, weil ich

so langsam war, aber ich konnte auf das linke Bein nicht treten. Es stellte sich heraus, dass ein Granatsplitter das Bein traf. Ich erinnere mich an eine lange Fahrt im stuckernen Krankenwagen bis zum Rauchfuss-Krankenhaus. Dann gibt es keine deutlichen Erinnerungen, Mutter sagte, man habe mir einige Narkosen gegeben. Schwer verwundeten Kindern wurde als erste Hilfe geleistet. Gangrän begann, Bein wurde über dem Knie amputiert. Ich brauchte Blut, Mutter gab, wie viel sie konnte, lag lange und kam mit Mühe und Not nach Hause.

Bald verstand ich, was für eine Verstümmelung ich hatte, und bestürmte Ärzte mit den Fragen, wann sie, wie es versprochen wurde, mir ein neues Beinchen machen würden. Weiß nicht, wie lange ich im Krankenhaus blieb, aber im September war mein Foto vom Militärkorrespondenten Nikolaj Chandolin veröffentlicht. Von diesem Foto wurden wohl Flugblätter gemacht (einer befindet sich im Verteidigungsmuseum). Bei dem Narwaer Tor war der letzte Halt der Soldaten vor den Schützengräben, bei uns standen Soldaten im Quartier, ein Soldat holte das Flugblatt und sagte: «Das stimmt also! Ich dachte, das wäre Agitation!» Polygraphie war wirklich schlecht, das Foto ähnelte einer Zeichnung. Weg gingen sie in der Nacht, und Mutter erzählte, dass neben meinem Bett sie schworen sich zu rächen — und sie rächten sich! Nach dem Krieg warteten wir lange, dass jemand von ihnen uns besucht, aber das Warten war vergeblich...

Mit den Krücken ging ich in den Kindergarten nicht mehr, saß zu Hause allein, meistens vor dem Fenster. Schura, als sie wegging, überredete mich beim Alarm mich hinter den Herd zu verstecken (im Zimmer gab es einen großen runden Herd). So machte ich auch, einmal schlief ich dort ein, Mutter kam nach Hause früher als Schura und wäre beinahe verrückt geworden. Man sprach herum, in unserem Hof sollten Kannibalen leben — von ihrer Tür gab es immer angenehmen Geruch. Was Leckerbisse der Blockade angeht, so erinnere ich mich an «Dümmlinge» — grünlich-graue Tafeln, man konnte sie lange lutschen und knabbern, damit Hungergefühl nicht so stark war.

Das «neue» Bein — Prothese — bekam ich erst im Jahre 1947, bis da fuhr ich mit einem Dreirad den Gorki-Palast entlang (Passanten freuten sich), weil dort ein breiter Bürgersteig war. Am Tage der Aufhebung der Blockade hörte man bei dem Narwaer Tor Donner der Geschütze — glücklicher Donner — grandioses Feuerwerk!

In die Schule kam ich mit der jährlichen Verspätung. Das Foto, wo ich mit den Krücken stand, zerriss ich in kleine Fetzen. Und fühlte mich beleidigt, wenn Mütter auf mich zeigend sagten: » Guck dir den Jungen an, er war ungehorsam und geriet unter die Straßenbahn!«

Soldiers Swore to Revenge for a Lost Leg

HITSUN Igor Andreevich

Before the war we lived in Ligovo. Mother worked as an arc welder at Zhdanov plant, father served at the Baltic fleet.

I was under three years old when the war began. According to my mother's words no one could ever think that the enemy would reach Leningrad, Moscow and Volga. Due to the fact that defense emergency workers could not be evacuated — we stayed in the city. I remember we were sitting in some dugout, there was a heavy shooting, from above bullets were whistling. Grown ups explained that the bullets that we could hear were not dangerous, they had already flown by... A military saw us, he started to shout at us and turn away from the zone of shooting. Before the sunrise we went along the highway in the direction of the city (now it is Zhukova Prospect), we saw burnt down cars and killed soldiers. Near the tram park a heavy shooting started, we were sitting in a cellar of a brick house (this house still exists). Further on during «sittings» I foreseeingly had a full pocket of tin soldiers...

First my mother and I lived at Shkapina Street in a dark and cold room with a potbelly stove and nailed up window. In winter we moved to my mother's sister — she worked as a yard keeper and had state provided space. It was a separate apartment (!) on the first floor in the house near the Narva Gates (now there is a picture of a worker with a flag on the wall of this house). Behind the Gorky House of Culture anti-aircraft guns were located, when they were shooting I could hear loud dry crack. When I grew up, during air attacks, I peeped out of the window and watched aircrafts. Once I saw how they shot down an aircraft.

One day my mother promised me to buy a lot of bread when they expelled fascists. So after the ring off of air-raid warnig I cried: «Mama! Go to the bakery — they have expelled fascists!»

Aunt Shura took me to the fireplace (they called kindergartens so) on Traktornaya Street. Once on the way home we picked up nettle, fat-hen and found a corpse wrapped in a bed sheet. My aunt was afraid for some reason and we ran for a long time.

Winter came very early. On my birthday they declared a bread ration for dependents — 125 grams. On that fatal day (beginning of July, 1942) children went for a walk, when aunt Shura came to pick me up, suddenly shooting started. The shot from Strelna or from Voronya mountain. There was a very loud rumble and cries. All people ran to the building, Shura dragged my arm and was angry that I wasn't moving

fast, and I could not step on my left foot. It turned out that my leg was wounded with a shell fragment. Then I remember a long ride in a shaky emergency car to the Rauhfus Hospital. After that I remember very little, mother told me that I had several narcoses. They tried to save badly wounded children primarily. Gangrene started on my leg and they amputated the leg above the knee. Blood was necessary, my mother, gave me as much blood as she could, after that she rested for a long time and hardly reached home.

Soon I realized my mutilation and started to annoy doctors, asking when they would make me a new leg as they promised. I don't know how much time I spent in a hospital, but in September a picture of me was published by a military journalist Nikolay Handogin. After than they made leaflets with this picture (there is one leaflet in the museum of defense). Near Narva Gates there was a last rest of soldiers before the front. Some soldiers lodged in our flat, once a soldier took out this leaflet and said» This is true! And I thought it was just propaganda!» Really, print was very bad and photo looked like drawing. Soldiers left at night and mother said that they swore to revenge near my bed — and revenged! After the war we waited for a long time that some of them would return but no one returned.

I did not go to kindergarten with crutches, stayed at home, sat at the window. When Shura was going out, she told me to hide behind the stove in case of emergency (there was a large circle stove in the room). So I did, and once I fell asleep there. Mother came home earlier than Shura, searched the whole flat and nearly went mad. According to rumors, man-eaters lived in the yard — near their door it smelled very well sometimes. Among the siege delicacies I certainly remember «duranda» — green-grayish bars, one could nibble, suck, slobber them for a long time, this drowned the feeling of hunger.

«A new leg» — prosthesis — they made for me only in 1947, until that time I rode a three wheels bike, to the delight of passers-by near the House of Culture of Gorky, there is a wide sidewalk there. On the day when the siege was broken, there was a rumble of guns near the Narva Gates — a happy rumble — tremendous firework!

I went to school with a one year delay. I tore into pieces the photo on which I'm with crutches. I was offended very much when mothers pointed at me and said: «This boy did not obey and got under a tram!».

Остатки концлагерной каши

ШЕЛКУНОВА Александра Сергеевна

Я родилась в 1937 году в Ленинградской области, деревня Князево. Моя девичья фамилия Тихонова. Нас в семье было три дочери. Элеонора на девять лет старше меня, а Римме было 1,5 года, она умерла в концлагере от голода.

Когда началась война, мы были в деревне, расположенной на берегу Свири. Когда пришли финны, нас всех стали выгонять из домов на улицу, собаки лаяли на жителей деревни. Помню, как куры по деревне бегали, а финны их ловили и в мешки бросали. Папы с нами не

было, он воевал на фронте. Мама с нами, тремя девочками, попала в плен, финны маленьких детей посадили на телеги, а взрослые шли следом за ними пешком. Лесом нас вели и везли, были волки, и так — 60 километров пешком. Потом нас посадили на баржу. По Онежскому озеру не доехали до станции железной дороги, началась бомбежка, баржа пошла ко дну, хорошо, что она у берега близко была. Потом нас опять пешком погнали, до железной дороги добрались, а там нас всех затолкали в телячьи вагоны и повезли в Петрозаводск.

В Петрозаводске уже лагеря и бараки были готовы за колючей проволокой. Нас поселили в барак в лагере №6. Мама работала, всех узников по утрам уводили пешком в лес — пилить деревья, вечером мама возвращалась. И так каждый день. Мы с сестрой Леной ждали маму с работы, хотели есть, а есть было нечего.

Жили в комнате по четыре-пять семей.

Помню, как мои двоюродные братья Коля и Иван партизанили, они два раза убегали из лагеря, но оба раза их вылавливали, а потом на ледяной горе били по ногам — очень было больно на это смотреть. Нас выгоняли, как на смотрины, в мороз.

Я ходила к колючей проволоке просить еды. Помню, со слов мамы, как финны вечерами делали обход по комнатам и один финн обратил на меня внимание, а я лежала и плакала: «Хочу

есть!». Финн долго смотрел на меня и что-то сказал маме, она не поняла, и врач перевела ей, что у него такая же девочка осталась на родине. Финн сказал, чтобы я в определенное время пришла к проволоке. Там он меня встретил, увел в столовую, насыпал в баночку каши и обратно повел. И так я, раз в день, в назначенное время подходила со старшей сестрой к проволоке, он меня забирал и вел в столовую, давал с собой, что оставалось от обеда. Мама эту кашу делила всем по ложечке в комнате, где мы жили. Однажды я уронила банку с кашей — и она разбилась. Сколько было слез! Меня у окна уже ждали с этой кашей, а я пришла без нее... Рыдала! Очень жаль кашу было, хоть и давали остатки от обеда.

Страшно все это вспоминать, особенно после того, как потеряла сестру, умершую от голода.

Концлагерь №6 города Петрозаводска

Reste vom KZ-Brei

SCHELKUNOWA Alexandra Sergejewna

Schelkunowa Alexandra Sergejewna (geb. Tichonowa) wurde 1937 im Dorf Knjasewo, im Leningrader Gebiet, geboren.

In der Familie gab es drei Schwestern. Die älteste, Eleonora, war 9 Jahre älter als ich. Rimma war 1,5 Jahre alt und starb im KZ vor Hunger. Als der Krieg begann, waren wir im Dorf, es ist sehr schön und befindet sich am Ufer des Flusses Swir. Als Finnen ins Dorf kamen, jagten sie uns alle aus den Häusern auf die Straße, Hunde bellten die Dorfbewohner an. Ich erinnere mich daran, wie Hühner durch das Dorf liefen, Finnen fingen sie und warfen in Säcke. Vater war nicht mit uns, kämpfte an der Front. Mutti geriet mit uns, drei Mädchen, in die Gefangenschaft, Finnen setzten kleine Kinder auf die Pferdewagen, Erwachsene gingen hinter ihnen zu Fuß.

Wir schleppten uns lange durch den Wald, hinter den Bäumen bellten Wölfe, und so war es — 60 Km zu Fuß, dann wurden wir auf eine Lastkahn gebracht. In den Onegasee gelangten wir nicht, das Bombardieren begann, die Lastkahn versank, es ist gut, dass sie unweit vom Ufer sich befand. Dann trieb man uns wieder zu Fuß, wir kamen an die Eisenbahnstation, wo man uns in die Wagen für Kälber hineinstopfte und nach Petrosawodsk fuhr.

In Petrosawodsk waren schon Lager und Baracken hinter dem Stacheldraht fertig, uns siedelte man in die Baracke Nr 6 an. Mutter arbeitete, alle Gefangenen brachte man morgens zu Fuß in den Wald Bäume absägen, abends kehrte Mutti zurück. Und so war es jeden Tag. Ich und meine Schwester Lena warteten auf die Mutter, hatten Hunger, aber das Essen gab es

nicht. In einem Zimmer wohnten vier bis fünf Familien. Ich erinnere mich daran, wie meine Vettern Kolja und Iwan zwei Mal aus dem Lager flüchteten und zwei Mal hat man sie gefangen, dann schlug man sie auf einem Eisberg auf die Beine, es war schmerzhaft diese Schlagerei zu beobachten. Uns jagte man in die Kälte wie auf eine Vorstellung.

Ich ging zum Stacheldraht ums Essen bitten. Mutter erzählte, wie Finnen abends eine Begehung in Zimmern machten und ein Finne guckte mich an, ich lag weinend: «Hab' Hunger!» Der Finne sah mich lange an und sagte etwas der Mutter, sie verstand nichts, und die Ärztin übersetzte, dass er in seiner Heimat auch so ein Mädchen habe. Er ließ mich zu bestimmter Zeit zum Draht kommen. Er traf mich dort, brach-

te in den Speiseraum, schüttelte ins Glas Brei und brachte mich zurück. Und so kam ich mit der älteren Schwester jeden Tag zum Draht, er nahm mich in den Speiseraum mit und gab, was vom Mittagessen übriggeblieben war. Mutti teilte diesen Brei unter allen, die in unserem Zimmer wohnten. Jeder bekam einen Löffel davon. Einmal ließ ich das Glas fallen — und das Glas zerbrach, wie viele Tränen gab es! Vor dem Fenster wartete man schon auf mich mit diesem Brei, aber ich kam mit leeren Händen ... Ich weinte lange, es war so schade um den Brei, obwohl es nur Essensreste waren.

Es ist schwer sich daran zu erinnern, und besonders schwer ist es, die Schwester zu verlieren, die vor Hunger starb.

Scraps of Death Camp's Porridge

SHELKUNOVA Alexandra Sergeevna

Shelkunova Alexandra Sergeevna (maiden name Tichonova) was born in 1937 in Knyazevo village, Leningrad region. There were 2 sisters in the family. Elder sister Eleonora was 9 years older than me, Rimma was 1.5 years old, she died of starvation in the death camp.

When the war started, we were in the village, it is located on the bank of a very beautiful Svir river. When Finns came to our village, they started to turn us out of our homes, dogs barked at us. I remember chicken running along the village, Finns were catching them and throwing into sacks. Our father wasn't with us he was at the front. Mother and we, three girls, were taken captive. Finns put little children on carts and grown ups followed them on foot. We were forced to go 60 kilometers through the forest, after that we were put on a barge. Then bombing started, the barge sank, it was good, that it was near the bank. Then we again were forced to go on foot up to the railway. There we were put into carriages for cattle and taken to Petrozavodsk.

In Petrozavodsk the camps and barracks behind the barbed wire were ready already. We were put into the barrack No 6. Mother worked, in the morning all prisoners were taken to the forest to work — to cut trees, in the evening mother returned from work. Every day was the same. My sister and I waited for our mother from work, we wanted to eat, but there was nothing to eat. We lived four or five families in the room.

I remember how my cousins Kolya and Ivan escaped from the camp two times. After that they were caught and beaten with sticks on the icy mountain. It was very painful to watch it. We were taken out of our barracks to watch it, when it was very cold.

I went to the barbed wire to ask for food. I remember from my mother's words, how Finns were making a round in our rooms, one Finn looked at me, I was lying on the bed and crying: «I want to eat». A Finn was looking at me for a long time and said something to my mother, mother did not understand, but the doctor interpreted for her, that he also had such a little girl in his home country. He told me to come to the barbed wire at a certain time. There he met me and we went to a canteen, he put some porridge into a can and took me back. After that I went to the barbed wire at a certain time with my elder sister every day, from there he took me to the canteen and gave me what was left from lunch. Mother shared this porridge with everybody who lived in our room. Once I dropped the can with porridge and this can broke, we cried a lot! They were waiting for me at the window with this porridge and I came without it... I cried, I regretted about the porridge a lot, though these were scraps from lunch.

It is so awful to remember all this, especially to lose a sister from hunger.

Маленькие блокадные рассказы

ШЕЛУХИНА Наталья Виссарионовна

Большая радость

Магазин, в котором мы покупали по карточкам продукты, располагался в цокольном этаже трехэтажного дома, на углу наб. Обводного канала и Международного (теперь Московского) проспекта. Задача «прикрепить карточки» в хороший магазин была не из простых, а этот был один из лучших. Даже в послевоенные годы, пока не сломали дом. Правда, были и «литерные» магазины. Но туда рядовых ленинградцев и на порог не пускали. Да никто и не рвался: нельзя — так нельзя. В нашем магазине всегда был народ, очередь. А значит, был товар. Вероятно, не всегда, но мне это не запомнилось.

Особенно я любила ходить за хлебом с папой, потому что, если случался маленький довесок, я его получала и тут же съедала. Мама себе этого не позволяла. Она, доктор, прекрасно понимала, что ребенок будет жив, пока живы родители. За обедом хлеб резался на пять кусочков: по два папе с мамой и один мне. Однажды, после многодневных раздумий, я не удержалась и сказала: «Мама, ты отрезай мне тоненько-тоненько. Но тоже два кусочка». Но тоньше было невозможно...

Как-то стоим мы с папой в очереди за хлебом. Вдруг я замечаю, что мужчине перед нами отпустили масло, и этим же ножом отрезают нам хлеб. «Папа, папа, смотри — она нам масляным ножом хлеб режет!» — шепчу я и дергаю его за рукав. Чувство этой безмерной радости я сохранила до сих пор.

Дорогие петербуржцы, дай вам бог, много-много радостей и воспоминаний детства, но других — счастливых!

Не хлебом единым

Получить разрешение на эвакуацию было очень непросто. Мне было семь лет, а мама — доктор, военнообязанная. К весне 1942 года родители поняли, что психика моя не выдерживает постоянного напряжения страхом. Когда начался обстрел, я затыкала уши, орала: «А-а-а-а!!!» — и изо всей силы топала ногами, чтобы не слышать разрывов.

Наконец, в августе 1942 года разрешение на выезд удалось получить, и мы начали быстро собираться. Вещи упаковывались в большие тюки, на которых делалась надпись с местом назначения и фамилией. Взяли с собой одежду, обувь, мясорубку, простейшие слесарные инструменты, папину скрипку, несколько холстов картин, кое-какой антиквариат и куклу — для меня... Папа ничего, кажется, не забыл и ничего не взял лишнего. А еще он предусмотрительно отоварил по карточкам табак и чай, что впоследствии оказалось валютой.

Настал день отъезда. Дворник взялся довести наши вещи на своей громадной двухколесной тележке до Московского вокзала. И вот, когда мы уже были в дверях, входит незнакомая женщина и представляется: «Митяева. Председатель комиссии содействия» — и требует составить опись оставляемого имущества, так как в комнате будет проживать посторонний человек, который прописан временно, по нашей просьбе.

Папа — вне себя от возмущения. Мы волнуемся, что можем опоздать на поезд, что в любой момент может начаться обстрел. Ведь до Московского вокзала от нашего Обводного, 99, —

путь длинный. Представительница общественности непреклонна и прочно усаживается в кресло. Папа понял, что быстрее дать опись крупных вещей, нежели вступать в полемику. Два экземпляра составлены, один — ей, другой — нам. Путь свободен.

По возвращении, в 1945 году, мы оценили важность этого документа. Вот такими удивительными людьми были ленинградцы. Кто сейчас сможет понять, почему и зачем в то ужасное время, когда не была гарантирована жизнь даже в следующую минуту, люди думали о других и продолжали выполнять свои общественные обязанности?!

Блокадники! Вы — совсем другие люди! Живите долго! Рассказывайте о своей жизни детям, которые должны знать и помнить об этом во имя мира и человечности.

Бегство. Подарки судьбы

Июнь 1941 года. Чудесная погода. Санаторий Сальцы Псковской области. Мама — врач, а я — шестилетняя девочка — на свободном режиме. Война подошла к нам неожиданно, когда как-то вечером все на ночь стали располагаться в парке, под высокими соснами. Утром мы увидели, что половины нашего двухэтажного дома — нет. Его разрушила бомба. Впервые в жизнь вошло слово «бомбежка».

Но все еще было спокойно. Абсолютно без паники. Страха не было. Не пришел он и тогда, когда низко-низко пролетел немецкий самолет. Из него не стреляли. Очевидно, немцы еще не озверели. Но поезда уже не ходили и мы с мамой пошли на пристань пешком.

По реке Шелони мимо Сальцов курсировал маленький пароход к станции Дно. На берегу в нервном ожидании столпились люди. Наконец, парходик подошел, но трап не спускали. С борта здоровенный парень в тельняшке голосом, полным безразличия и равнодушия, объявил: «Будет уголь — тогда пойдем дальше».

Но, очевидно, в команде был еще кто-то, понимающий ситуацию. Трап подали, и все, крича и толкаясь, бросились вперед. Какая-то

минута-другая — и набитый до отказа парходик отчаливает. Каким-то счастливым образом мы оказались на палубе. Это был первый подарок судьбы в тот день.

Мы плыли по широкой, спокойной реке на последнем мирном парходике. Чудесный летний день, дивные лесистые берега и гладь воды создают картину мира и спокойствия.

Путь недолгий. Вот и причал. Только станция «Дно» — на возвышенности, и довольно далеко. Все побежали в горку, прямо по бездорожью. А в сторонке, на проселочной дороге, мама заметила телегу с лошадью, а в ней — мужичок. Мама быстро договаривается и мы, под свист хлыста, мчимся к станции. Несмотря на то, что путь наш был длиннее, мы обгоняем всех.

Вот и вокзал. Бежим к кассе. «Какой билет? Последний поезд отходит!» — кричит нам кассирша. Мы буквально вскакиваем в переполненный вагон, и поезд трогается. Мы едем. Мы успели! И это — второй подарок судьбы. Его подарил нам крестьянин с лошадью. Едва ли еще кто-нибудь из пассажиров нашего парходика успел.

Поезд мчится, но вдруг мы слышим гул самолетов. Нас бомбят! Поезд останавливается, все бросаются вон из вагонов в мелкоколесье за насыпью. Вагон опустел, а мама почему-то замешкалась. Но вот и мы уже в тамбуре. Рядом с нами два офицера. «Не выходите, сейчас тронемся», — говорит один. И действительно, так и случилось. Удивительно: это было самое начало войны, а офицеры уже приобрели опыт.

Это был третий подарок судьбы. Как оказались с нами рядом эти офицеры? И почему мама, всегда такая проворная и расторопная, вдруг замешкалась? Гудок — и поезд медленно трогается с места. Обезумевшие люди бросаются из кустов, пытаясь догнать еще не набравший скорость поезд. Но удалось это очень немногим. И эта картина запечатлелась в моей памяти на всю жизнь: поезд мчится, уже набрал ход, а люди все бегут, бегут, бегут... И вот нас от них отделяет уже целая жизнь.

В Ленинграде судьба преподнесла нам еще один подарок — на вокзале нас встречал папа. И начались блокадные будни...

Я — ленинградка!

Я помню блокадную первую зиму,
Хоть было тогда мне семь маленьких лет.
К стене прижимались мы при обстреле,
Надеясь, что дом наш не будет задет.

Ночью бомбежка, скорее в подвал!
Бежим, спотыкаясь в грохочущей тьме,
За дверью железной немного спокойней...
Звук бомбы летящей так памятен мне!

Утром — в садик ребенка,
Спешешь на работу — нельзя опоздать.
И как ленинградцы тогда выживали —
Просто сейчас невозможно понять.

Блокадные крошки черного хлеба,
Дуранда, жмыхи и столярный клей.
Но карточки нам регулярно давали,
И не было вещи ценней.

Страшно. Но ненависть выше страха.
Мне не хотелось из города уезжать.
Казалось, что даже простым присутствием
Можно патриотизм свой доказать.
В детской головке настойчиво зрела
И оформлялась такая мечта:
«Поймаю я Гитлера, стану героем,
И кончится проклятая война!».

Будем жить

В детстве всегда должно быть место сказке и фантазии. Некоторые сохраняют их всю жизнь и становятся духовно богаче, интереснее для окружающих. Для них мир уже не такой жестокий, потому что у сказки счастливый конец. Любимой историей, бесконечно

дополняемой, в нашей семье была сказка про Буратино. А началось все в блокадное время. Надо же было как-то скрашивать страшные будни...

Однажды вечером, рассказывая очередную историю из жизни нашего героя, папа вспоминает, что на закрытой с 1920-х годов красивой парадной широкой лестнице существует настоящая каморка папы Карло. Только без холста с нарисованным очагом. Когда-то она была швейцарской. Замок на нее повесили в те же 1920-е годы, и с тех пор ею никто не интересовался. Папа судорожно вспоминает, что там был стол, табуретки и верстак. Это же настоящий Клондайк в суровую, холодную блокадную зиму! Он тут же открывает дверь из прихожей на лестницу и с надеждой спускается вниз. Возвращается он воодушевленный: кроме того, о чем он помнил, там еще оказалось несколько досок. Трофейной табуреткой сразу была затоплена буржуйка.

Эта чугунная буржуйка уже спасала семью Шелухиных от холода в трудные революционные годы и давно лежала на чердаке. Очевидно, мечтая о своей следующей жизни. И дождалась. Теперь она была и печкой, и плитой. Только вот с дровами дело обстояло непросто.

Маленькие индивидуальные сараи возле дома или специально отгороженные секции в подвале люди предусмотрительные наполняли заранее купленными дровами. В мирное время это было системой, так как парового отопления в обычных жилых домах тогда еще не существовало. Но запасы таяли, и в ход шло все, что горит, вплоть до книг.

И вот в критический момент сказка напоминает о бывшей швейцарской — настоящем Поле Чудес. Походы к папе Карло повторялись по мере экономного расходования ее деревянной обстановки. Последней была разобрана и сожжена массивная дверь. Пришлось изыскивать новые материалы, способные гореть. А там и весна подошла. Буржуйка осталась уже только плитой.

Весна — это авитаминоз. Надо что-то придумать, чтобы продолжать выживать. На помощь моим родителям приходят знания и смекалка. Они где-то нарвали молодой еловой и сосновой хвоей, да пропустили ее через мясорубку. Сок разлили по бутылкам и стали пить, как лекарство. Этим соком мама выручала и многих своих знакомых из числа пациентов. Моя мама, Чернышова Мария Степановна, была очень хорошим, грамотным доктором, и больные ее очень ценили. Некоторые из них остались нашими друзьями и в послевоенные годы.

Особенно в тяжелое время важна взаимная поддержка и выручка. Меня все время приходилось куда-нибудь пристраивать на день. В детском саду я почему-то не прижилась и даже убегала. Как правило, мне находилось место у тех маминых знакомых, которые жили в кварталах менее обстреливаемых. Масляный заводик в Масляном переулке был одним из таких мест. Строения там невысокие, в основном, деревянные — они не были достойной мишенью. Одной из маминых пациенток оказалась девушка, живущая в общежитии на территории завода. И вот летом 1942 года меня туда отводили. Это было совсем недалеко, на другой стороне Обводного канала. Общежитие — одноэтажный деревянный домик. Жили там девушки из пригорода, успевшие убежать от немцев в город. Работа на заводе была сменная, и в общежитии всегда кто-нибудь был. Девушки были ко мне очень внимательны, развлекали, как умели. Иногда они приносили горстку семечек и меня ими угощали. Эта небольшая горстка в центре стола так памятна!

Во время обстрела девушки всегда заводили патефон и даже плясали, чтобы отвлечь меня, заглушая разрывы снарядов. И это у них хорошо получалось! Будем жить, цenia то, что даровано нам судьбой!

Вот так ленинградцы умудрялись помогать друг другу, скрашивать и разнообразить суровые будни. Главное, в любой ситуации оставаться людьми с совестью и честью. И вот сей-

час, через много-много лет есть о чем и о ком вспомнить добрым словом.

Судьба или случай?

Провидение или интуиция? Просчитанная вероятность или случайность? Что первично? Что следствие?

Существует легенда, что какой-то математик высчитал вероятность попадания снаряда или бомбы в единственного слона Ленинградского зоопарка. Величина, конечно, оказалась ничтожно мала, а снаряд-то и угодил прямо в слона.

Только судьба могла руководить мыслями маленькой Наташи и спровоцировать выдумку-экспромт.

Семилетнюю Наташу утром, до работы, мама отводила к знакомым в маленький деревянный домик, что был в том конце Киевской улицы, который упирался в пути Варшавской железной догори. Кругом был пустырь, и обстрелу это место не подвергалось. Вечером она забирала дочку, и они шли по Международному (теперь Московскому) проспекту, к себе домой на набережную Обводного канала, в дом 99 (теперь 123).

Как-то раз папа, который работал на фабрике на другом конце Киевской улицы, освободился раньше обычного и сам забрал Наташу. Конечно, об этом надо было сообщить маме. Мама работала в поликлинике №21, располагавшейся на третьем или четвертом этаже обычного многоэтажного дома на Смоленской улице. Папа остался во дворе, а Наташа отправилась в поликлинику. Она уже не раз бывала там, хорошо ориентировалась и быстро нашла мамин кабинет. Перед кабинетом сидели больные. «Здесь моя мама!» — важно произнесла девочка и вошла в кабинет с очередным больным.

Она сообщила маме, что уже идет с папой домой. У мамы нашлись две шоколадные конфетки, и обрадованная Наташа направилась к выходу. Лестница была широкая и красивая, а в окнах были цветные, с разводами стекла. Она спускалась медленно, разглядывая мозаику окон.

Подойдя к ожидавшему ее папе, неожиданно для себя сказала: «Папа, мама тебя зовет».

Наташа ничего не перепутала и осознавала, что выдумывает, но все равно повторяла: «Папа, мама тебя зовет». Папа сердился, но настойчивость девочки не иссякала. Под его ворчание они вместе стали подниматься по лестнице. Конечно, ее выдумка была раскрыта. Прилюдно Наташу папа ругать не стал, и они молча направились к выходу. Только открыли дверь на лестницу — раздался мощный взрыв, и цветные стекла посыпались. Скорей назад, под защиту стен! Ведь не было обычного предупреждения по репродукторам об обстреле или бомбежке!

Через некоторое время выяснилось, что на тротуар упал и разорвался шальной снаряд.

Именно там оказались бы Наташа с папой, если бы их не задержало неожиданно выдуманное требование ребенка. Этой неосознанной и необъяснимой настойчивости при четком осознании неправды Наташа с папой обязаны жизнью.

Наташа — уже давно Наталья Виссарионовна, и жизнь ей много раз показывала, что первична судьба, которая руководит случайностью.

Война в городе

Наступила осень, а с ней и темные ночи. Как обычно, взрослые ходили на работу, а дети — в школу. Изменения жизни воспринимались спокойно, как неизбежность. Информация для ленинградцев звучала из репродук-

Наташа Шелухина справа

торов — черных тарелок. Радиоприемники с началом войны были сданы под расписку на склад в Апраксином дворе. Чтобы подчеркнуть организованность и порядок в городе, замечу, что вернувшись в 1945 году из эвакуации, мы сразу же получили свой радиоприемник обратно в целости и сохранности.

Лексикон ленинградцев стал изобиловать неупотребляемыми ранее словами: обстрел, налет, бомбежка, зенитки, ракетчики...

С наступлением сумерек не должно было появляться ни единого лучика света, и поэтому окна плотно зашторивались. В жилых домах за этим следили работники жилконтор, а на заводах и фабриках — соответствующие службы. Ведь свет мог стать сигналом для бомбардировщиков.

Мой папа работал на фабрике «Стандарт», что на Киевской улице. Типичное заводское строение из красного кирпича и сейчас не изменило своего облика. Папа, как и все работники и служащие, по установленному графику дежурил на чердаке высокого здания фабрики. Задачей дежурных было быстро схватить щипцами пробившую крышу зажигательную бомбу и обезвредить ее в ящике с песком или ведре с водой, приготовленных заранее.

Однажды, придя с ночного дежурства, папа рассказал маме, что обратил внимание на луч света из окна расположенного неподалеку жилого дома. Подумав, что это случайная небрежность, он не придавал этому значения. А вот когда во время следующего дежурства он снова увидел яркий луч из того же окна, то обратил внимание на это старшего в группе. Но луч не пропал и в следующий раз. На папино замечание старший небрежно бросил: «Ладно, пошлем кого-нибудь».

Каково же было папино удивление, когда он через несколько дней снова увидел, что

злополучное окно было вообще не занавешено, а в комнате горит очень яркая синяя лампа. Правилами это допускалось, но уж слишком яркой была лампа! Пришлось высказать и возмущение, и удивление.

Через пару дней во дворе фабрики на папу падает доска с крыши подсобного строения, расположенного вдоль забора. Кто-то поспешил оказать ему помощь, а кто-то пытался выяснить, откуда и почему упала эта доска. Обнаружить никого и ничего не удалось. Папу с сотрясением мозга госпитализировали в больницу им. И. Г. Коняшина.

Родители долго обсуждали случайность падения доски и высказывания папы о замеченном им луче света. В итоге они пришли к выводу, что между этими событиями возможно есть связь.

С фабрики папе удалось сразу же уволиться, так как он не был военнообязанным, из-за инвалидности. Так что тайна злополучного окна для нас осталась нераскрытой.

Думаю, что папа своими назойливыми замечаниями вторгся в действия так называемой «пятой колонны», то есть завербованных пособников фашистов. Моя свекровь, Ушакова Клавдия Александровна, во время войны служила в пожарной охране и ночами с пистолетом в кармане обходила улицы указанного ей квартала. Однажды она издали увидела человека, запустившего ракету. Она бросилась за убегающим ракетчиком, стреляла несколько раз, но не догнала его.

Фронт был не только вокруг Ленинграда, но и внутри него. Плакаты, призывающие к бдительности, оказывались совсем не лишними. В моем послевоенном детстве одной из любимых стала книга «Зеленые цепочки». В ней рассказывалось о подростках, случайно оказавшихся на переднем краю борьбы с «пятой колонной».

Kleine Blockadeerzählungen

SCHELUCHINA Natalja Wissarionowna

Große Freude

Das Geschäft, in dem wir auf Karten Lebensmittel kauften, befand sich im Erdgeschoss eines dreistöckigen Hauses an der Kreuzung des Obwodny-Kanal-Kais und des Meshdunardny (heute Moskowskij) Prospektes. Die Aufgabe seine Karten in einem guten Geschäft «anzumelden» war gar nicht leicht, und dieses Geschäft war eines der besten. Sogar in den Nachkriegsjahren, bis man das Haus abriß. Es gab natürlich «Litergeschäfte». Aber dort wurden gewöhnliche Leningrader sogar auf die Schwelle nicht eingelassen. Niemand versuchte das auch, was man nicht dürfe, das dürfe man nicht. In unserem Geschäft waren immer viele Menschen, eine Menschenglange. Es gab also auch «Waren». Nicht immer wohl, aber so ist es in meinen Erinnerungen geblieben.

Besonders gern ging ich mit dem Vater Brot holen, weil, wenn es eine kleine Zugabe gab, ich sie bekam und sofort aufaß. Die Mutter erlaubte sich so was nicht. Sie, Ärztin, verstand zu gut, dass das Kind am Leben bleibt, solange seine Eltern am Leben bleiben. Beim Mittagessen wurde das Brot auf fünf Teile geschnitten: je zwei bekamen Mutter und Vater und einen bekam ich. Einmal konnte ich mich nicht beherrschen und bat nach mehrtägigem Nachdenken: «Mutti, schneide bitte für mich dünn ab. Aber auch zwei Stückchen». Aber es war unmöglich noch dünner abzuschneiden... Einmal standen wir, ich und Vati, in der Schlange, um Brot zu bekommen. Und da bemerkte ich, dass der Mann vor uns Butter holte, und mit demselben Messer wurde uns Brot abgeschnitten. «Vati, Vati, guck mal, sie schneidet uns Brot mit dem Buttermesser ab!» — flüsterte ich und zupfte ihn am Ärmel. Das Gefühl dieser grenzlosen Freude ist bis jetzt in meinem Gedächtnis geblieben.

Liebe Petersburger, Gott gebe, dass ihr viele Freuden und Kindererinnerungen habt, aber die von einer ganz anderen Art.

Nicht vom Brot allein

Es war gar nicht einfach eine Evakuationserlaubnis zu bekommen. Ich war sieben Jahre alt, Mutti war Ärztin, wehrpflichtig. Im Frühling 1942 verstanden die Eltern, dass meine Psyche die ständige Spannung wegen der Angst nicht aushält. Als das Beschießen begann, machte ich die Ohren zu und schrie: «A-a-a-a!!!», und stampfte mit den Füßen, um die Explosionen nicht zu hören.

Im August 1942 gelang es die Erlaubnis zu bekommen, und wir begannen schnell zu packen. Sachen wurden in große Ballen eingepackt, auf die man den Zielort und den Familiennamen schrieb. Wir nahmen Kleidung, den einfachen Fleischwolf, das einfachste Werkzeug, die Geige des Vaters, einige Gemälde, was von Antiquitäten und eine Puppe für mich ... Vati vergaß wohl nichts und nahm nichts Unnötiges mit. Und er kaufte vor-

sorglich auf Lebensmittelkarten Tabak und Tee, die später eine richtige Währung wurden.

Der Abfahrtstag kam. Der Hausmeister versprach unsere Sachen auf seinem riesengroßen zweirädrigen Karren auf den Moskauer Bahnhof zu bringen. Und als wir schon auf der Schwelle waren, kam eine unbekannte Frau und stellte sich vor: «Mitjaewa, Vorsitzende der Beistandskommission» und verlangte die Liste der gelassenen Sachen zusammenzustellen, weil im Zimmer ab jetzt ein fremder Mensch wohnt, der provisorisch laut unserer Bitte registriert wurde.

Der Vater war außer sich vor Empörung. Wir regten uns auf, weil wir uns zum Zug verspäten konnten, weil jede Minute Beschießen beginnen konnte. Zum Moskauer Bahnhof von unserem Obwodny Kanal, 99 war ein langer Weg. Die Vertreterin der Öffentlichkeit blieb aber unerschütterlich und setzte sich in den Sessel. Der Vater verstand, dass es weniger Zeit in Anspruch nehme, eine Liste der großen Sachen zusammenzustellen, als eine Polemik zu beginnen. Es wurden zwei Exemplare zusammengestellt, eins für sie und das zweite für uns. Der Weg war jetzt frei.

Nach der Rückkehr im Jahre 1945 verstanden wir, wie wichtig dieses Dokument war. Solche wundervollen Menschen waren Leningrader. Wer kann heute verstehen, warum und wozu in jener schrecklichen Zeit, als das Leben sogar für die nächste Minute nicht garantiert werden konnte, Menschen an andere dachten und ihre öffentlichen Aufgaben erfüllten.

Blockadebürger! Ihr seid ganz andere Menschen! Lebt lange! Erzählt über euer Leben den Kindern, die das wissen und sich daran erinnern sollen, um Frieden und Menschlichkeit willen.

Flucht. Schicksalsgeschenke.

Wunderbar ist das Wetter im Juni 1941. Sanatorium Salzy im Pskower Gebiet. Mutti ist Ärztin, ich bin ein sechsjähriges Mädchen mit der freien Lebensweise. Der Krieg näherte sich irgendwie unerwartet, als an einem Abend alle sich für die Übernachtung im großen Park unter hohen Kiefern sich zu recht machten. Am Morgen sahen wir, dass die Hälfte unseres zweistöckigen Hauses fehlte. Es wurde zerbombt. Zum ersten Mal kam in unser Leben das Wort «Bombardieren».

Aber alles war noch ruhig. Gar keine Panik. Es gab noch keine Angst. Sie erschien auch nicht, als ein deutsches Flugzeug sehr niedrig flog. Daraus wurde geschossen. Deutsche wurden damals wohl nicht rasend. Aber Züge fuhren schon nicht, und wir, ich und Mutti, gingen zur Anlegestelle zu Fuß.

Über den Fluss Schelon kursierte an Salzy vorbei ein kleines Dampfschiff zur Station Dno. Am Ufer versammelten sich Menschen in der nervösen Erwartung. Endlich kam das Dampfschiff, aber die Treppe legte man nicht. Vom Bord sagte ein

kräftiger Bursche in der Matrosenbluse mit der Stimme, die voll von Gleichgültigkeit war: «Wir gehen weiter, wenn wir Kohle haben».

Aber es gab in der Mannschaft sicher jemanden, der die Situation verstand. Die Treppe wurde gelegt, und alle liefen vorwärts, indem sie schrien und sich stießen. Noch eine oder zwei Minuten und da legt das überfüllte Schiff ab. Auf irgendwelche glückliche Art und Weise gelangen wir an Deck. Das war das erste Schicksalsgeschenk an diesem Tag.

Wir schwammen auf dem breiten stillen Fluss mit dem letzten friedlichen Dampfschiffchen. Ein wunderbarer Sommertag; wunderschöne, mit Wald bewachsene Ufer und der Wasserspiegel machen den Eindruck des Friedens und der Ruhe.

Der Weg ist nicht lang. Da ist die Anlegestelle. Aber die Station Dno befindet sich ziemlich weit, auf einer Erhöhung. Alle liefen bergauf ohne Wege und Straßen. Abseits auf der Landstraße bemerkte Mutti einen Pferdewagen, im Wagen war ein Männlein. Mutti spricht mit ihm und bald eilen wir zur Station, die Gerte bewegt sich. Obwohl unser Weg länger ist, überholen wir alle.

Da ist der Bahnhof. Wir rennen zur Kasse. «Welche Fahrkarte? Der letzte Zug fährt ab!» — ruft uns die Kassiererin. Wir springen buchstäblich in den überfüllten Wagen, und der Zug setzt sich in Bewegung. Wir fahren! Wir haben es geschafft! Und das ist das zweite Schicksalsgeschenk. Es machte uns der Bauer mit dem Pferd. Kaum stieg noch jemand von den Passagieren unseres Schiffchens ein.

Der Zug rast, plötzlich hören wir Flugzeuge surren. Bombardieren! Der Zug bleibt stehen, alle rennen aus den Wagen in das kleine Wäldchen hinter dem Eisenbahndamm. Der Wagen ist schon leer, aber die Mutti zögert. Da sind wir schon im Windfang. Neben uns sind zwei Offiziere. «Steigen Sie nicht aus, gleich setzt sich der Zug in Bewegung», — sagt uns einer von ihnen. So geschah es auch. Wunderbar: das war der Anfang des Krieges, aber Offiziere hatten schon Erfahrung.

Das war das dritte Schicksalsgeschenk. Warum blieben neben uns diese Offiziere stehen? Und warum zögerte meine immer so flinke und gewandte Mutter? Der Zug setzt sich langsam in Bewegung. Wahnsinnig gewordene Menschen rennen aus dem Gebüsch her, versuchen den Zug einzuholen, der noch keine hohe Geschwindigkeit erreicht hat. Aber das gelang nur wenigen von ihnen. Und dieses Bild ist in meinem Gedächtnis für das ganze Leben erhalten geblieben: der Zug rast, die Geschwindigkeit ist schon ziemlich hoch, aber die Menschen laufen immer noch, laufen, laufen ... Zwischen uns und ihnen ist es schon das ganze Leben.

In Leningrad machte uns das Schicksal noch ein Geschenk: vom Bahnhof holte uns der Vater ab. Und da fing der Blockadealltag an ...

Wir werden weiter leben

In der Kindheit soll es Platz für Märchen und Fantasie geben. Einige behalten sie für immer und werden reicher in ihrer Seele, interessanter für die anderen. Für sie ist diese Welt nicht mehr so grausam, weil das Märchen ein Happy End hat. Als Lieblingsgeschichte, zu der man immer etwas hinzufügte, galt in unserer Familie das Märchen über Buratino. Alles begann in der Blockadezeit. Man wollte doch irgendwie den schrecklichen Alltag verschönern...

An einem Abend, als der Vater die nächste Geschichte aus dem Leben unseres Helden erzählte, erinnerte er sich daran, dass auf der schönen, breiten Treppe im Treppenhaus, das seit den 20. Jahren geschlossen war, das richtige Stübchen von Vater Carlo sich befand. Nur ohne Leinen mit dem daran gemalten Herd. Früher war es für den Portier bestimmt. In den 20-er Jahren hatte man dort ein Schloss aufgehängt, seit dieser Zeit interessierte sich niemand dafür. Der Vater erinnert sich verkrampft daran, dass dort es einen Tisch, Hocker und eine Werkbank gegeben hat. Das sei doch ein richtiges Klondike in harten kalten Blockadewinter! Der Vater macht die Tür zwischen dem Flur und dem Treppenhaus auf und steigt hoffnungsvoll ab. Dann kehrt er begeistert zurück: außer dem, woran er sich erinnert hatte, gab es dort noch einige Bretter. Mit dem Beutehocker heizten wir sofort den Ofen. Dieser Eisenherd hatte schon die Familie Scheluchin vor Kälte in den schwierigen Jahren der Revolution gerettet und dann auf dem Dachboden gelegen. Er hatte wohl von den nächsten Leben geträumt. Und endlich kamen seine Träume in Erfüllung. Jetzt erwärmte er uns und galt gleichzeitig als Ofen und als Herd. Aber es fiel sehr schwer Holz zu holen. In den Kellern des Hauses gab es kleine individuelle Abteile, die die Menschen vorsorglich mit dem im Voraus gekauften Holz gefüllt hatten. In der Friedenszeit war das ein System, weil gewöhnlich in den Häusern damals noch keine Zentralheizung gab. Aber die Vorräte waren schon fast zu Ende, man verbrannte alles, was brennen konnte, sogar Bücher.

Und da hilft das Märchen in der kritischen Situation das richtige Wunderfeld finden, in dem sich eine gewöhnliche Stube für Portier versteckte. Die Visiten zu Vater Carlo wiederholten sich, seine Holzrüstung wurde sparsam verbraucht. Als letzte war die massive Tür verbrannt. Man sollte nach anderen brennbaren Materialien suchen. Und da kam der Frühling. Der Ofen verwandelte sich in einen Herd.

Der Frühling ist vor allem Avitaminose. Man muss sich etwas einfallen lassen, um am Leben zu bleiben. Meinen Eltern halfen Kenntnisse und Findigkeit. Sie hatten irgendwo junge Tannen- und Kiefernadeln gesammelt und im Fleischwolf gehackt. So bekamen sie den Saft, der in die Flaschen gegossen wurde, den tranken wir wie Arznei. Mit diesem Saft rettete meine Mutter viele Bekannte, die auch ihre Patienten waren. Mei-

ne Mutter, Tschernyschowa Maria Stepanowna, war eine gute sachkundige Ärztin, Kranke schätzten sie sehr hoch. Einige von ihnen blieben unsere Freunde auch in den Nachkriegsjahren.

Gegenseitige Unterstützung und Hilfe sind in der schwierigen Zeit besonders wichtig. Jemand musste immer auf mich aufpassen. Im Kindergarten konnte ich nicht bleiben, weiß nicht, warum, ich haute sogar ab. In der Regel bekam ich Platz bei den Bekannten der Mutter, die in Vierteln wohnten, die am wenigsten beschossen wurden. Einer von diesen Orten war Ölwerk in der Masljanoj Gasse. Dort standen niedrige, vor allem hölzerne Gebäude, die als keine gute Zielscheibe galten. Eine der Patientinnen der Mutter war ein junges Mädchen, das im Wohnheim auf dem Gelände des Werkes wohnte. Im Sommer 1942 brachte man mich oft dorthin. Das war gar nicht weit, am anderen Ufer des Obwodny Kanals. Das Wohnheim war ein einstöckiges Holzhäuschen. Dort wohnten Mädchen aus den Vororten Leningrads, die es geschafft hatten, von Deutschen in die Stadt wegzulaufen. Auf dem Werk arbeitete man schichtweise, darum blieb immer jemand im Wohnheim. Die Mädchen waren sehr aufmerksam zu mir, unterhielten mich, wie sie konnten. Manchmal brachten sie eine Handvoll Sonnenblumen und boten mir an. Diese kleine Prise im Zentrum des Tisches ist in meinem Gedächtnis geblieben!

Während des Beschießens machten die Mädchen immer das Koffergrammophon an und tanzten sogar, um mich abzulenken, damit Explosionen nicht zu hören waren. Und das machten sie sehr gut! Wir werden am Leben bleiben, indem wir das hoch schätzen, was das Schicksal uns geschenkt hat!

So schafften es Leningrader einander zu helfen, den harten Alltag schöner und leichter zu machen. Das Wichtigste ist, in jeder Situation Menschen mit Gewissen und Ehre zu bleiben. Heute, in vielen Jahren, gibt es vieles, woran und an wen man sich mit warmem Herzen erinnern kann.

Schicksal oder Zufall?

Vorsehung oder Intuition? Gut errechnete Wahrscheinlichkeit oder zufälliges Ereignis? Was ist die Ursache und was ist die Folge?

Es gibt so eine Legende, dass ein Mathematiker die Wahrscheinlichkeit errechnete, dass ein Geschoss oder eine Bombe den einzigen im Leningrader Zoo Elefanten trifft. Der Betrag war natürlich winzigklein, aber das Geschoss traf gerade diesen Elefanten.

Nur das Schicksal konnte die Gedanken der kleinen Natascha leiten und diesen improvisierten Einfall hervorrufen.

Am Morgen, vor der Arbeit brachte die Mutter die vierjährige Natascha zu den Bekannten in ein kleines hölzernes Häuschen am Ende der Kijewskaja Straße neben den Gleisen der Warschawskaja Eisenbahn. Um es herum war es verwahrlostes Grundstück, darum wurde es nicht beschos-

sen. Am Abend holte die Mutter ihre Tochter ab und sie gingen über den Meshdunarodny (heute Moskowskij) Prospekt zu sich, auf den Obwodny-Kanal-Kai ins Haus Nr99 (heute Nr 123).

Einmal nahm Natascha der Vater, der auf einer Fabrik am anderen Ende der Kijewskaja Straße arbeite und früher als gewöhnlich frei wurde. Darüber mussten sie Mutti informieren. Die Mutter arbeitete in der Polyklinik Nr21 im zweiten oder dritten Stock eines gewöhnlichen mehrstöckigen Hauses auf der Smolenskaja Straße. Der Vater blieb im Hof, und Natascha ging in die Polyklinik. Sie war dort schon mehrmals, fand sich gut zurecht und suchte das Sprechzimmer der Mutter nicht lange. Vor dem Sprechzimmer saßen Kranke. «Hier ist meine Mutti!» sagte das Mädchen mit der wichtigen Stimme und ging ins Zimmer mit einem Kranken.

Sie teilte der Mutter mit, dass sie mit dem Vater nach Hause gehe. Mutti hatte zwei Pralinen, und erfreute Natascha begab sich zum Ausgang. Die Treppe war breit und sehr schön, in den Fensterrahmen waren farbige Gläser mit verschwommenem Muster. Sie stieg langsam ab, indem sie das Fenstermosaik betrachtete. Als sie schon neben dem auf sie wartenden Vater war, sagte sie für sich selbst unerwartet: «Vati, Mutti lässt dich kommen».

Natascha hatte nichts verwechselt und verstand, dass sie fantasiert, aber wiederholte immer wieder: «Vati, Mutti lässt dich kommen». Der Vater ärgerte sich, aber das Mädchen blieb beharrlich. Sie stiegen die Treppe gemeinsam hoch, indem der Vater etwas Unzufriedenes brummte. Natürlich wurde es sofort klar, dass sie keine Wahrheit gesagt hatte. Aber da sie unter Menschen waren, schimpfte der Vater auf sie nicht und sie begaben sich schweigend zum Ausgang. Als sie die Tür vor der Treppe aufmachten, hörten sie starke Detonation, farbige Gläser fielen herab. Schnell zurück, die Wände können schützen! Es hatte ja kein gewöhnliches Alarmsignal über Luftangriff oder Bombardieren gegeben!

Bald stellte es sich heraus, dass auf den Bürgersteig ein zufälliges Geschoss fiel und explodierte. Gerade auf dieser Stelle würden Natascha und ihr Vater stehen, wenn das unerwartete, ausgedachte Verlangen des Kindes sie nicht angehalten hätte. Dank dieser unbegreiflichen und unerklärlichen Beharrlichkeit beim klaren Verstehen der Lüge sind Natascha und ihr Vater am Leben geblieben.

Natascha ist schon längst Natalja Wissarionowna, und das Leben hat ihr mehrmals gezeigt, dass ursprünglich das Schicksal ist, das den Zufall leitet.

Der Krieg in der Stadt

Der Herbst kam, und mit dem Herbst kamen auch dunkle Nächte. Wie gewöhnlich gingen Erwachsene auf Arbeit und die Kinder in die Schule. Veränderungen im Leben wurden ruhig als

Unvermeidlichkeit angenommen. Information bekamen Leningrader aus Lautsprechern, schwarzen Tellern. Am Anfang des Krieges wurden Radioempfänger auf das Lager im Aprakssin Hof gegen Quittung abgegeben. Um die Organisation und Ordnung in der Stadt zu betonen, will ich bemerken, dass im Jahre 1945, als wir nach der Evakuierung zurückkehrten, bekamen wir sofort unseren Radioempfänger heil und ganz zurück.

Der Wortschatz der Leningrader bereicherte sich durch die früher ungebräuchlichen Wörter: Beschießen, Luftangriff, Bombardieren, Flaks, Raketenschiesser ...

In der Dämmerung durfte kein einziger Lichtstrahl erscheinen, darum wurden Fenster dicht verhängt. In den Wohnhäusern passten darauf die Mitarbeiter der Munizipalorganisationen auf, auf den Werken und auf den Fabriken machten das entsprechende Dienste. Das Licht konnte ja als Signal für Bombenflugzeuge dienen.

Mein Vater arbeitete auf der Fabrik «Standart», die sich auf der Kijewskaja Straße befand. Das war ein gewöhnliches Betriebsgebäude aus rotem Ziegel, bis jetzt sieht es so aus. Vater, wir alle Arbeiter und Angestellte, hatten laut einem bestimmten Plan

Dienst auf dem Dach des hohen Fabrikgebäudes. Die Aufgabe der Diensthabenden war es, mit einer Zange die das Dach durchgeschlagene Flammenbombe zu greifen und sie in einer mit Sand gefüllten Kiste oder in einem Eimer mit Wasser, die im Voraus vorbereitet waren, zu löschen.

Einmal erzählte der Vater der Mutter, als er nach dem Nachtdienst nach Hause kam, dass er einen Lichtstrahl aus dem Fenster eines sich unweit befindenden Wohnhaus bemerkte. Er hielt es für zufällige Nachlässigkeit und schenkte dem Ereignis keine Aufmerksamkeit. Und als während des nächsten Dienstes er wieder einen hellen Strahl aus demselben Fenster sah, zeigte er ihm dem Gruppenältesten. Aber den Strahl gab es auch das nächste Mal. Auf Vatis Bemerkung sagte der Gruppenälteste nebenbei: «Meinetwegen, wir schicken jemanden hin».

Wie erstaunt war aber der Vater, als in einigen Tagen er wieder sah, dass das verhängnisvolle Fenster gar nicht verhängt war, und im Zimmer eine sehr helle blaue Lampe brannte. Die Regeln ließen so was zu, aber die Lampe war zu hell! Da war er gezwungen, seine Empörung und seine Verwunderung auszudrücken.

In ein paar Tagen fiel im Hof der Fabrik auf den Vater ein Brett vom Dach des Nebengebäudes, das den Zaun entlang sich befand. Einige eilten ihm zu helfen, andere versuchten zu erfahren, woher und warum dieses Brett gefallen war. Es gelang nichts und niemanden zu entdecken. Der Vater wurde mit der Gehirnerschütterung ins I. G. Konjaschina-Krankenhaus gebracht.

Die Eltern besprachen lange, ob das Brett zufällig gefallen wäre, nachdem der Vater den Lichtstrahl bemerkt hatte. Endlich kamen sie zum Ergebnis, dass diese Ereignisse verbunden wären.

Der Vater kündigte sofort, weil er nicht wehrpflichtig wegen Arbeitsunfähigkeit war. also das geheimnis des unglückseligen Fensters blieb für uns unaufgeklärt.

Ich glaube, dass der Vater mit seinen aufdringlichen Bemerkungen sich in die Tätigkeit der so genannten «Fünften Kolonne» (der angeworbenen Handlanger der Faschisten) einmischte. Meine Schwiegermutter, Uschakowa Klawdija Alexandrowna, diente während des Krieges in der Feuerwehr und bewachte nachts mit einer Pistole in der Tasche die Straßen des ihr zugeteilten Viertels. Einmal bemerkte sie von weitem einen Mann, der eine Rakete abschoss. Sie lief nach dem weglaufenden Mann, schoss einige Male, aber konnte ihn nicht fangen.

Die Front war nicht nur um Leningrad, sondern auch innerhalb der Stadt. Plakate, die zur Wachsamkeit riefen, waren gar nicht unnötig. In meiner Nachkriegs-kindheit war eines der Lieblingsbücher «Grüne Ketten». Im Buch handelte es sich um die Kinder, die zufälligerweise ins Zentrum des Kampfes gegen «Fünfte Kolonne» gerieten.

Short Blockade Stories

SHELUHINA Natalya Vissarionovna

Big Joy

The shop where we bought products by cards was located on the ground floor of a 3-storied building at the corner of Bypass Canal and International (now Moscow) Prospect. The goal to attach cards to a good shop was not an easy one and that shop was one of the best. The situation had stayed the same until the house was demolished. There were also «lettered» shops but average usual people were not allowed to enter it. And nobody was eager to do it, if it was not allowed. There were a lot of people, a queue in our shop. It meant that

there were products in the shop. Probably, it was not like that all the time but I remember it.

Especially I liked to go for bread with my father because if we got some make-weight then I ate it at once. Mum didn't let me do it. She was a doctor and understood that the child would live as long as parents were alive. At the table during lunch bread was cut into five pieces: two for father, two for mother and one for me. I was thinking about it for several days and once said, «Mum, cut two very thin pieces for me too, please». But it was impossible to cut thinner... once father and

me were standing in the queue for bread. Suddenly I noticed that a man in front of us got butter by card and with the same knife a woman cut our bread. «Daddy, look. She is cutting our bread with «butter» knife!» I whispered and pulled his sleeve. The feeling of this unbounded joy I have kept up to now.

Dear Leningraders, I wish you a lot of joy but different from mine.

Not only for Bread

It was difficult to get the permission for evacuation. I was seven but my mum was a doctor, liable for military service. By spring 1942 my parents understood that I couldn't bear anymore psychic tension and fear. When bombardments began I closed my ears and cried, «Aaaa!» and stamped feet with all my strength not to hear shell bursts.

At last in August 1942 we managed to get the permission for evacuation and we began to collect our things quickly. We put things into big packages on which we inscribed our surname and destination. We took clothes, shoes, meat chopper, bench tools, father's violin, several painting, some antiques and a doll for me... Father didn't forget anything and took nothing unnecessary. He farsightedly issued tobacco and tea against ration cards; later these products would turn out to be a currency.

The day of our departure came. The yard cleaner agreed to take our things in his big barrow truck up to Moscow railway station. When we were about to leave, a stranger entered and introduced herself: «Mityaeva. The chairman of the Commission for Assistance» and demanded to make up inventory for the things left at home because some outman was going to live in our room who was registered temporarily at our request.

Father couldn't keep in his indignation. We were worried that we could be late for the train and Germans could start to bomb the city.

And the way from our house No 99 on Obvodny Canal to Moscow Railway Station was not short. But the public representative was adamant and she sat heavily into the armchair. Father understood that it would be quicker to make up the inventory of big things than to argue with her. We wrote two copies: one for her and one for us, after it the way was open.

After the return in 1945 we could estimate the importance of this document. Leningraders were such amazing people who can tell now why and for what people thought about the others in that horrible time, when you were not guaranteed to be alive next minute. But these people continued to discharge their public duties.

Victims of the siege! You are different from us. Please, live longer! Tell children about your life, they should know and remember it in the name of peace and humanity.

Escape. Gifts of Fate

The weather was wonderful in June, 1941. We were at the sanatorium «Salzi» in Pskov region. My mum was a doctor and I was a free six year old girl. The war found us unexpectedly when one evening everyone began to settle for sleep under high pines in the park. In the morning we saw that there was no half of our two storied building any more. It was destroyed with a bomb. At that time the word bombing came into my use.

But it was still quiet, there was no panic, no fear. Fear didn't even come when German plane flew very low. It didn't bomb. Probably, at that time they hadn't yet become brutal. But the trains did not function already, and we went to pier on foot.

A small steamer sailed up the Sheloni River along Salzi to Dno station. People were crowding nervously on the bank. At last, steamer moored but they did not lower the ladder. A big fellow in a sailor's striped vest shouted in a voice full of indifference: «When we have coal, then we'll sail further».

But apparently, there was someone in the crew who understood the situation and the ladder was lowered down and everyone shouting and pushing each other rushed on board. In a minute or two the steamer full of people left. Luckily we occurred on the board. That was our first gift of fate on that day. We were sailing up a wide quiet river on the board of the last peaceful steamer. A wonderful summer day, beautiful forests on the banks and the surface of water painted the picture of peace and calm.

The way was not long and there was a pier already, but the station Dno was on the top of the hill and quite far away. All the people were running up the hill, but my mother noticed a cart with a horse moving along the country road. There was a man inside it. My mother arranged everything and we went rush with the whistle of a whip to the station. Though the way was long we were the first at the station.

When we got to the station we rushed to the booking office. The cashier shouted: «What places? The last train is leaving». We got into the crowded carriage and the train left. So we were on time. This was the second gift of fate. It was presented to us by the peasant with the horse. The other passengers of our steamer could hardly be on time for the train.

The train was moving quickly but suddenly, but suddenly we heard a rumbling of planes. Bombardment started. The train stopped and everyone quickly got out of it running to the forest. There was no one in the carriage, but my mum hesitated and we got back into the train. There were two officers near us. «Don't get out, we are leaving now», said one of them. And it was true, the train began moving. It was amazing, it was only the beginning of the war, but the officers were already experienced.

This was the third gift of fate. How could it happen that those officers were near us. And why did mum who was always so quick and prompt hesitate at this moment. There was a hooter and the train left. In panic people ran out of bushes, trying to leave the leaving train, but only few of them could do it. This picture imprinted in my head: the train was speeding and people were running, running, running...

And soon we were separated from them with the whole life.

In Leningrad the fate gave us one more present. Father met us at the train station. And blockade life began.

We Will Live

Every child should have a fairy tale and fantasies in their childhood. Some people can keep them all their life and become spiritually richer and more interesting for the others. The world is not so cruel for them, because the fairy tale always has a good end. Our favorite story in the family which we always try to continue was the fairy tale about Pinocchio. It began during the blockade. There should be some way to color our terrible days...

Once in the evening telling us the next story about life of our favorite hero father remembered that there was a true box-room of father Carlo closed in 1920s on a beautiful wide main staircase. But it was without canvas with a painted fireplace. Earlier it had been a doorman's room. The lock was put on it in 1920s and since then nobody was interested in it. My father also remembered that there was a table, stools and joiner's bench inside. It was true Klondike in severe cold blockade winter. He opened the door to the staircase and went downstairs hoping for the best. When he came back he was very excited; besides the things that he had remembered he also found some boards. The antique stool heated the potbelly stove. That cast iron potbelly stove had already saved Sheluhini family from cold in difficult time of revolution. And it was in the attic for a long time. Perhaps it was dreaming there about its further life. And waited until it became a stove and heater. But it was difficult to find firewood. There were small rooms in the cellar of the house where people put the firewood which they had prepared beforehand. In peaceful time it was usual because we did not have steam heating in our houses. But we ran out of it and burnt everything we could, even books.

And in this critical moment the fairy tale prompted to us about the true field of wonders, where the porter's lodge was hidden. We went to father Carlo as soon as we had already used his wooden furniture. The last thing which was taken was a heavy wooden door. After it we had to find other materials which could burn. And then spring came. Our potbelly stove did not function as a heater any more, it was used only for cooking.

Spring meant avitaminosis. We had to invent something new to stay alive. My parents' wit and knowledge helped us. They took new fir and pine needles and minced it in the meat chopper. We poured juice into the bottles and began to drink as medicine. With the help of this juice my mother also helped some of her patients. My mother, Maria Stepanovna Chernishova, was a good and competent doctor and her patients highly appreciated her. Some of her patients remained our friends in post war period.

Mutual support and assistance were vital in difficult time. Constantly my parents had to find a place for me to stay for a day. I did not like kindergarten and sometimes ran out of it. They usually left me with my mother's friends in the street where there was less bombing. Oil plant in oil lane was one of such places. Buildings were not high there, most of them were wooden, so they were not decent target for German planes. One of my mother's patients was a girl, a student, living in the hostel of the plant. And in summer, 1942 my parents usually took me there. It was not far, on the other side of Obvodny Canal. The hostel was a one storied wooden building. Girls from the suburbs who managed to run from Germans to the city lived there. They had shift work and there was someone in the hostel all the time. Girls looked after me and usually entertained me as they could. Sometimes they brought a handful of seeds and treated me with it. This heap in the center of the table was very memorable. During bombing they usually switched on gramophone and even danced to draw away my attention from shell bursts. And they succeeded in it. We will live appreciating what our fate gave to us.

In such a way Leningraders helped each other to brighten up stern years of the war. The main thing is to have conscience and honor. Now a lot of years have passed I have a lot to remember with great warmth.

Fate or Incident?

Providence or intuition calculated probability or accidental circumstance? What is initial and what is consequence?

There is a legend that one mathematician calculated the possibility of hitting an elephant in Leningrad zoo with a bomb. Of course, the calculated probability was trifling, but the bomb did hit the elephant.

Only fate could lead the thoughts of small Natasha and her brought to one idea...

In the morning four year-old Natasha was taken by her mother to the relatives living in a small wooden house that stood at the end of Kiev Street which was near Warsaw Railway. There was waste plot of land around that this place was not bombed. In the evening mother came after her daughter and they went along International (now Moscow) Prospect to

their house No99 (now 123) which was on the embankment of Obvodny Canal.

Once father who worked at the factory at the other end of Kiev Street finished work earlier than usual and took Natasha himself, but they should tell mother about it. Mother worked at outpatient clinic No21 which was on the third or fourth floor of a multi storied building on Smolenskaya Street. Father stayed outside and Natasha went into the clinic. She had been there several times and knew it quite well. She easily found mother's consulting room. People were sitting near the room. «Here is my mother!» said the girl seriously and entered with the next patient.

She told her mother that father and she were going home. Mother had two chocolate candies for her and joyful Natasha went to the exit. The staircase was wide and beautiful and there was colorful glass with free designs in the windows. She was slowly going downstairs looking at mosaics. She came up to her father and said unexpectedly: «Father, mum is calling for you».

Natasha understood that she had imagined it, but still repeated: «Dad, mum is calling for you». Father was a little angry with her but the girl was insisting. Grumbling he went with her upstairs. Of course, he got to know that she invented everything but he did not scold her in front of the people and went downstairs silently. But as soon as they opened the door to the staircase they heard an explosion and colorful pieces of glass began to fall down. They quickly went back. That time the loudspeaker had not announced about bombing or shelling.

Sometime later they got to know that some stray shell fell down and exploded. Exactly there would have been Natasha with her father if they had not been kept off with suddenly imagined wish of the child. Only thanks to this unconscious and unexplained persistence understanding that she had invented everything they stayed alive.

Natasha has already been Natalia Viassarionovna for a long time. And life many times showed to her that the fate leads incident.

The War in the City

Autumn with dark nights came. As usual adults went to work and children to school. Changes of life were perceived calmly as inevitability. All the information for Leningraders was announced through loudspeakers, black plates. At the beginning of the war radio sets were handed in to the stock in Apraxin Yard and we got the sign for it. To show the organization and order in the city I will notice that in 1945, when we came back from evacuation, we got our radio set back save and sound.

Lexicon of Leningraders was riddled with words which we hadn't used before: shelling, air raid, bombing, anti-aircraft gun, rocketeers... When it was getting dark there should not be any light in the windows and all the windows were curtained off tightly. In the houses commune workers looked after it, and some special services were responsible for it at plants and services because light could be the sign for bombing.

My father worked at the factory «Standard» which was located at Kiev Street. This typical factory red brick building has not changed even by now. Father, like other workers, had scheduled shifts on the roof of the high building of the factory. Their duty was to catch with tongs bombs that fell on the roof and then they put it into the box with sand or in the bucket with water prepared beforehand.

Once, having come back after night shift, father told mother that he had noticed a ray of light from the window of the building standing not far from the plant. He thought it was accidental carelessness and did not pay much attention to it. But during the next shift he saw light from the same window again. He told about it to the senior of the group. But the light did not disappear the next time too. Answering father's remark the senior worker carelessly said: «OK, we'll send someone there».

Father was very surprised when the next day he saw that the window was not curtained and the blue lamp was lighting brightly in the room. It was allowed but the lamp was too bright. He had to express his indignation and astonishment.

In a couple of days some board fell down on my father from the roof of a store room near the fence in the yard of the factory. Someone immediately helped him while the others tried to find out where and why that board had fallen down. Nothing and no one were found. After it my father with concussion was put into Konjashin Hospital.

My parents discussed this accidents with fallen board and noticed light in the window. At the end they came to the conclusion that there was some connection between these things. Father managed to resign from the plant as he was not liable for military service. So the secret of this window was not revealed.

I think that father with his remarks disturbed actions of the so called «fifth column» (allies of fascists). My mother-in-law, Ushakova Claudia Alexandrovna served in the fire security service. And at night she went around her block with the gun in her pocket. Once she saw a man who launched a rocket. She ran after him, shot several times, but did not catch him. The front was not only around Leningrad but also inside it. Posters calling for vigilance were not superfluous. In my post war childhood one of my favorite book was «Green Chains», it is about teenagers who turned out to be on the front line in struggle against «the fifth column».

ШУХМАН Фаина Давидовна

До войны наша семья жила в Северном переулке, д. 16. Там и застала война моих родителей и старшего брата. Отец — Шухман Давид Григорьевич, 1896 года рождения, участник двух войн — первой мировой и Великой Отечественной. Мама — Шухман Ида Исаевна, 1900 года рождения. Брат — Шухман Александр Давидович, 1921 года рождения.

Брат ушел добровольцем осенью 1941 года, а отец — вскоре после моего рождения, в декабре. Мама осталась совсем одна, так как родственников в Ленинграде не было. Нужно было работать, чтобы получать рабочую карточку. Мама устроилась швеей-надомницей, чтобы не отдавать меня в чужие руки. Шила для нужд фронта. Готовые изделия относила в Кирпичный переулок. Приходилось идти пешком с тяжелым мешком на спине. Я оставалась одна, и неизвестно было, дойдет ли мама до места работы и застанет ли дом целым, вернувшись домой. Бытовые трудности — как у всех: воду привозили с Невы на саночках. Жили мы на четвертом этаже, и весь путь до квартиры был устлан обледеневшими

трупами. Их убрали только весной.

Имя Ольги Берггольц впервые услышала от мамы, у нас радио не выключалось. Осенью 1942 года наша комната пострадала в результате обстрела. Мы в это время были в бомбоубежище. Какое-то время жили у знакомых, пока не подыскали другую комнату. Все это я знаю из рассказов мамы. Особенно запомнилась одна фраза, сказанная мамой, что пищу надо было принимать, как лекарство — по чуть-чуть. Если съешь все сразу — будешь голодать.

До сих пор не перестаю поражаться мужеству моей мамы. В нечеловеческих условиях проявились жизненная твердость, вера в победу, надежда на воссоединение семьи. И это произошло в 1946 году, когда возвратился брат, и мы познакомились. Был солнечный майский день, а потом мы смотрели «Щелкунчика» в Кировском театре. Были белые ночи, и мы долго-долго шли по Невскому проспекту.

Хорошо помню и 9 мая 1945 года. На улицах пели и танцевали. Было всеобщее ликование.

Essen soll man wie Arznei einnehmen — jedes Mal ein bisschen

SCHUCHMAN Faina Davidowna

Vor dem Krieg wohnten wir in der Sewernyj Gasse 16. Dort traf uns der Krieg, mich, meine Eltern und meinen älteren Bruder. Vater — Schuchman David Grigorjewitsch — geboren im Jahre 1896, nahm an zwei Kriegen teil, am I. Weltkrieg und am Großen Vaterländischen. Mutter — Schuchman Ida Issajewna — wurde im Jahre 1900 geboren. Bruder — Schuchman Alexander Davidowitsch, geboren 1921.

Der Bruder ging an die Front freiwillig im Herbst 1941, der Vater — im Dezember, bald nach meiner Geburt. Mutter blieb ganz allein, weil wir keine Verwandten in Leningrad hatten. Man sollte arbeiten, um die Lebensmittelkarte für Arbeitende zu bekommen. Mutter arbeitete zu Hause als Näherin, um mich in die fremden Hände nicht zu geben. Sie nähte für die Front. Die fertigen Sachen brachte sie in die

Kirpitschnyj Gasse. Sie ging zu Fuß mit einem großen Sack auf dem Rücken. Ich blieb allein, und es war nicht klar, ob die Mutter die Arbeitstelle erreicht und ob unser Haus nicht zerbombt ist, wenn sie zurückkommt. Alltagsschwierigkeiten hatten wir wie auch die anderen Leute, Wasser brachte man mit den Schlitten aus der Newa. Wir wohnten im 3. Stock. Auf dem Weg nach Hause gab es sehr viele Leichen, sie wurden nur im Frühling begraben.

Den Namen Olga Bergholz hörte ich zum ersten Mal von der Mutter, Radio schalteten wir nie aus. Im Herbst 1942 wurde unser Zimmer durch Beschießen beschädigt. Wir waren zu jener Zeit im Luftschutzkeller. Zuerst wohnten wir bei den Bekannten, dann fanden ein anderes Zimmer. Das alles weiß ich von der Mutter. Eingepägt habe ich mir ihre

We took food as medicine — bit by bit

SHUCHMAN Faina Davidovna

Before the war we lived on Severniy Lane 16. That was where the war found us: my parents and an elder brother. Father — Shuchman David Grigorievich, born in 1896, veteran of two wars: The First World War and The Great Patriotic War. Mother — Shuchman Ida Isaevna, born in 1900. Brother — Shuchman Alexandr Davidovich, born in 1921.

Brother volunteered for the front in 1941, and father volunteered soon after my birth in December. Mother was left just by herself, as there were no relatives in Leningrad. It was necessary to work to get a worker's ration. Mother started working as a sewer, she worked at home not to give me other to hands. She sewed for the needs of the front. She took ready made goods to Kirpichniy lane. She had to go on foot with a big sack on her back. I stayed at home alone, and no one knew whether mother would reach her work place and return back. We had the same household difficulties as everybody else: water had to be taken from the Neva River on sledges. We lived on the fourth floor and all the way upstairs was covered with frozen corpses. They took them out only in spring.

First I heard the name of Olga Bergolts from my mother, we did not switch off the radio at all. In autumn of 1942 our room was damaged as a result of bombing. At that time we were in a bomb shelter. For some time we lived at our acquaintances, while we found another room. I know all this from my mother's words. Especially I remember one mother's phrase, that food had to be taken as medicine bit by bit. If you eat everything at once — you will starve.

Until now I can't help wondering my mother's courage. In inhuman conditions she revealed firmness, belief in victory, hope to unite family. And this happened in 1946, when my brother returned and we met. It was a sunny May day,

Phrase, dass man Essen wie Arznei einnehmen soll — jedes Mal ein bisschen. Wenn du alles auf einmal aufisst, hungerst du dann.

Bis jetzt macht der Mut meiner Mutter einen großen Eindruck auf mich. Unter unmenschlichen Bedingungen zeigte sie Standhaftigkeit, Glauben an den Sieg, Hoffnung auf Familienzusammenführung. Und das geschah im Jahre 1946, als mein Bruder nach Hause kam und wir uns kennen lernten. Es war ein sonniger Tag im Mai, dann sahen wir uns «Nussknacker» im Kirow-Theater an. Es waren Weiße Nächte und wir gingen lange den Newski Prospekt entlang.

Sehr gut erinnere ich mich auch an den 9. Mai 1945. Auf den Straßen wurde gesungen und getanzt. Es war allgemeiner heller Jubel.

after that we watched «The Nutcracker» in Kirov Theatre. It was the time of white nights and we were walking along the Nevsky Prospect.

I remember well the 9th of May 1945. People sang and danced in the streets. It was the universal exultation.

«После бомбежки».

Светлана Каретина, ГОУ ЦО №633, 10 класс

Содержание

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Сергеева Вера Владимировна, глава муниципального округа Пискаревка; ветераны Великой Отечественной войны муниципального округа Пискаревка	4
Гранин Даниил Александрович, писатель, почетный гражданин г. Санкт-Петербурга, председатель правления Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева	5
Никонов Вячеслав Алексеевич, президент фондов «Политика», «Единство во имя России», исполнительный директор фонда «Русский мир», главный редактор журнала «Стратегия России»	6
Михалков Никита Сергеевич, актер, режиссер, общественный деятель, президент Российского фонда культуры	7
Кулаков Владимир Федорович, генерал-полковник, председатель Комиссии Совета Федерации по контролю за обеспечением деятельности Совета Федерации, член Комиссии Совета Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности	8
Книга «Память сердца» на Колыме. <i>В. С. Аскользин</i>	9
Великая Отечественная война. Как это началось. <i>Ю. И. Колосов</i>	11
Собаки на службе Красной Армии. <i>А. А. Самохвалова</i>	30
Кинология в годы Великой Отечественной войны. <i>М. О. Орлинская</i>	32
Полвека сохраняя память. <i>Е. С. Мякишева</i>	34
Блокадная хроника Тани Савичевой. <i>Л. Н. Маркова</i>	37
Взгляд в блокадное прошлое. <i>С. Г. Колосова</i>	48
Военная история моей семьи: опыт родословного поиска. <i>В. Слышова, Т. В. Слышова</i>	52
Каллистратовская гвардия. <i>Г. Ф. Романенко</i>	57
Капитонов Михаил Александрович. Увидеть и пережить: живая история блокады.	62
Kapitonow Michail Alexandrowitsch. Sehen und erleben: lebendige Geschichte der Blockade	64
Kapitonov Mihail Alexandrovich. To See and to Survive: Live Story of the Siege	65
Лакизо Василий Егорович. Военные раны	67
Lakiso Wassilij Egorowitsch. Wunden vom Krieg.	68
Lakizo Vasilij Egorovich. War Wounds	68

МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ — О ПОДВИГАХ ПРЕДКОВ

Батяйкина Вера Александровна. Воспоминание о фронтовой юности.	71
Batjajkina Wera Alexandrowna. Erinnerung an die Frontjugend	73
Batyaikina Vera Alexandrovna. Memories about Front Youth.	74
Виноградов Николай Иванович. Война глазами моего прадедушки	76
Winogradow Nikolaj Iwanowitsch. Der Krieg mit den Augen meines Urgroßvaters	84
Vinogradov Nilolay Ivanovich. War Through My Great-Grandfather's Eyes	90
Гедимин Всеволод Владимирович. Дружили с пленными немцами	95
Gedimin Wssewolod Wladimirowitsch. Wir waren befreundet mit den gefangenen Deutschen	98
Gedimin Vsevolod Vladimirovich. We were friends with captured Germans	100
Елисеев Александр Степанович. Мой прадед — защитник Сталинграда	102
Elissejew Alexander Stepanowitsch. Mein Urgroßvater — verteidigte Stalingrad	103
Eliseev Alexandr Stepanovich. My Great Grandfather — Defender of Stalingrad	103
Куликов Александр Андреевич. Мечта о княжеском имени	104
Kulikow Alexander Andrejewitsch. Traum von einem Fürstennamen	105
Kulikov Alexander Andreevich. Dream of a Princely Name	105

Лалетина Евстолия Дмитриевна. Случай на льду Финского залива 106
 Laletina Ewstolija Dmitrijewna. Ein Ereignis am Ufer des Finnischen Meerbusens 107
 Laletina Ewstolia Dmitrijevna. An Occasion on the Ice of the Gulf of Finland. 107
 Логинова Стефания Григорьевна. Бабушка Стефа. 108
 Loginowa Stefaniija Grigorjewna. Oma Stefa 109
 Loginowa Stefaniija Grigorjewna. Grandmother Stefa 109
 Ляховская Зинаида Ивановна. Рожденная «в рубашке» 110
 Ljachowskaja Sinaida Iwanowna. Ein Sonntagkind 112
 Lyakhovskaya Zinaida Ivanovna. Born With a Silver Spoon in Mouth. 113
 Яковлев Борис Иванович. Банная история 115
 Jakowlew Boris Iwanowitsch. Eine Badgeschichte 116
 Yakovlev Boris Ivanovich. Bath Story. 116

ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ

Александров Флегонт Андреевич. Фронт и тыл — едины! 119
 Alexandrow Flegont Andrejewitsch. Front und Hinterland sind einig! 120
 Alexandrov Flegont Andreevich. The Front and the Rear are uniform! 121
 Баталяхин Владимир Михайлович. Письма с фронта Любимые женщины моего отца 122
 Bataljachin Wladimir Michailowitsch. Die Frontbriefe. Geliebte Frauen meines Vaters 125
 Bataljahin Vladimir Mihajlovich. Letters From the Front. Beloved Women of My Father 126
 Белоусова Зинаида Лаврентьевна. Общность блокадных детдомовских судеб 129
 Beloussowa Sinaida Lawrentjewna. Gemeinsamkeit der Kinderheimschicksale der Blockadezeit 129
 Belousova Zinaida Lavrentyevna. Common Siege Orphan Home Fates 130
 Боброва София Евгеньевна. Мне было три с половиной года 131
 Bobrowa Sofia Ewgenjewna. Ich war dreieinhalb Jahre alt. 131
 Bobrova Sofia Evgenievna. I Was Three and a Half Years Old. 132
 Грушина Александра Васильевна. Если не ты, то кто?. 133
 Gruschina Alexandra Wassiljewna. Wer, wenn nicht du?. 134
 Grushina Alexandra Vasilevna. If Not You Than Who?. 135
 Ефремова Тамара Николаевна. Каково это — замерзать в темноте и ждать маму 137
 Efremowa Tamara Nikolajewna. Wie ist es, im Dunkeln zu frieren und auf Mutti zu warten 138
 Efremova Tamara Nikolaevna. How is It — to Freeze in Darkness and Wait for Mother 139
 Зеленкова Лидия Алексеевна. Мы — настоящие блокадники!. 141
 Selenkova Lidija Alexejewna. Wir sind richtige Blockedemenschen! 142
 Zelenkova Lidia Alexeevna. We Are the Real Victims of the Siege!. 143
 Зенкова Еликонида Федоровна. Война началась — кончилось детство 145
 Senkowa Elikonida Fjodorowna. Der Krieg begann, und die Kindheit war zu Ende 157
 Zenkova Elikonida Fyodorovna. Beginning of War Ended Childhood 166
 Каптельый Никифор Савостианович. Не думали, что выживем 174
 Kartelyj Nikifor Sawostianowitsch. Wir glaubten nicht, dass wir am Leben bleiben. 174
 Kartelyj Nikifor Savostianovich. We Didn't Think That We Would Survive 175
 Крылова Зоя Алексеевна. Русская женщина 176
 Krylowa Soja Alexejewna. Russische Frau 177
 Krylova Zoja Alekseevna. The Russian Woman 178
 Ласточкин Алексей Николаевич. Смерть смотрела в глаза. 179
 Lastotschkin Alexej Nikolajewitsch. Der Tod guckte uns an. 180

Lastochkin Alexey Nikolaevich. Death Looked Into Eyes	181
Майорский Сергей Петрович. Кошка на подоконнике	182
Majorskij Sergej Petrowitsch. Katze auf dem Fensterbrett.	183
Mayorsky Sergey Petrovich. A Cat on the Window Sill	183
Макарова Вера Федоровна. Мы были настроены на Победу	184
Makarowa Wera Fjodorowna. Wir waren auf den Sieg eingestellt	188
Makarova Vera Fedorovna. We Were Tuned to the Victory	191
Матвеева Наталия Александровна. Паспорт я еще не получила, а медаль уже была	194
Matwejew Natalija Alexandrowna. Den Pass bekam ich noch nicht, aber die Medaille gab es schon	196
Matveeva Natalia Alexandrovna. I Had No Passport Yet, but I Had a Medal Already	197
Позднякова Наталия Евгеньевна. От большой семьи осталось трое	198
Posdnjakowa Natalija Ewgenjewna. Von einer großen Familie sind nur drei Menschen am Leben geblieben	198
Pozdnyakova Natalia Evgenievna. Only Three Members of the Big Family Survived	199
Самсонова Тамара Васильевна. Мое опаленное детство.	200
Samssonowa Tamara Wassiljewna. Meine versengte Kindheit.	203
Samsonova Tamara Vasilievna. My Burnt Childhood.	205
Соболев Николай Георгиевич. Вначале мы неправильно просили милостыню	207
Sobolew Nikolaj Georgiewitsch. Zuerst haben wir falsch gebettelt	210
Sobolev Nikolay Georgievich. First We Were Begging Wrongly	211
Сухомлинов Борис Валентинович. Выпускаю джина из бутылки...	213
Suchomlinow Boris Walentinowitsch. Ich lasse den Dschinn aus der Flasche frei	219
Sukhomlinov Boris Valentinovich. I let the Genie out of the Bottle	224
Токарева Евдокия Ивановна. Мы ели жмых и столярный клей	228
Tokarewa Ewdokija Iwanowna. Wir haben den Abpreßling und den Tischlerleim gegessen.	229
Tokareva Evdokia Ivanovna. We Ate Oilseed Residues and Carpenter's Glue	230
Хицун Игорь Андреевич. Солдаты клялись отомстить за потерянную ножку	231
Chizun Igor Andrejewitsch. Soldaten schworen sich für das verlorene Beinchen zu rächen.	233
Hitsun Igor Andreevich. Soldiers Swore to Revenge for a Lost Leg	234
Шелкунова Александра Сергеевна. Остатки концлагерной каши.	235
Schelkunowa Alexandra Sergejewna. Reste vom KZ-Brei	236
Shelkunova Alexandra Sergeevna. Scraps of Death Camp's Porridge	237
Шелухина Наталья Виссарионовна. Маленькие блокадные рассказы	238
Scheluchina Natalja Wissarionowna. Kleine Blockadeerzählungen	244
Sheluhina Natalya Vissarionovna. Short Blockade Stories.	248
Шухман Фаина Давидовна. Пищу принимали как лекарство — по чуть-чуть	252
Schuchman Faina Davidowna. Essen soll man wie Arznei einnehmen — jedes Mal ein bisschen	252
Shuchman Faina Davidovna. We took food as medicine — bit by bit	253

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга Муниципальный округ Пискаревка

Инициатива издания
Муниципальный совет Муниципального образования МО Пискаревка

Автор концепции и руководитель проекта
В. В. Сергеева

Литературный редактор
Т. В. Слышова

Перевод на немецкий язык
Т. Г. Заславская

Перевод на английский язык
Г. Е. Кабанов

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
Е. С. Липатова

Корректор
Ж. А. Мозговая

Отпечатано в типографии «НИКА».
194044, Санкт-Петербург, Гельсингфорсская ул., д. 4/1.
Тел.: (812) 331-63-43, 294-56-02 • info@ipfnika.spb.ru • www.ipfnika.spb.ru
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg.
Бумага мелованная 170 г/м². Заказ № . Тираж 1000 экз.

Память сердца